

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

№ 1 (79)
2025

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 1813-6230

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-69774 от 18.05.2017
Журнал издается с 2004 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель, издатель:
Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина

Главный редактор

М. В. Рыбкина, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Заместитель главного редактора

Р. А. Ромашов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

О. В. Виноградов, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Члены редакционной коллегии

Н. В. Бугель, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

М. Ю. Павлик, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Павлов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

К. В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

С. А. Роганов, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Силина, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

О. Э. Старовойтова, доктор юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

И. С. Кокорин, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Н. А. Васильчикова, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Глушаченко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Егоров, доктор юридических наук, доцент (Витебск, Республика Беларусь)

А. С. Емельянов, доктор юридических наук, доцент (Москва, Россия)

В. П. Очередыко, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. Ф. Попондопуло, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

В. М. Сырых, доктор юридических наук, профессор (Москва, Россия)

Ю. Б. Шубников, доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

LENINGRAD LEGAL JOURNAL

ISSN 1813-6230

The certificate of the mass media
registration TM No ФЦ77-69774
of 18.05.2017
The journal is issued since 2004
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the List of reviewed
academic journals and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Founder, publisher:
Pushkin Leningrad State University

Chief editor

M. V. Rybkina, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Deputy Chief editor

R. A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

Executive editor

O. V. Vinogradov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Board

N. V. Bugel', Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

M. Yu. Pavlik, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. G. Pavlov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

K. V. Cherkasov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

E. V. Silina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

O. E. Starovoitova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

I. S. Kokorin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor (Saint Petersburg, Russia)

Editorial Council

N. A. Vasil'chikova, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

S. B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

A. V. Egorov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Vitebsk, Republic of Belarus)

A. S. Emelyanov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor (Moscow, Russia)

V. P. Ochered'ko, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. F. Popondopulo, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

V. M. Syrykh, Dr. Sci. (Law), Professor (Moscow, Russia)

Yu. B. Shubnikov, Dr. Sci. (Law), Professor (Saint Petersburg, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

С. В. Архипов Реалистическая феноменология права Н. Н. Алексеева	8
С. Б. Глушаченко, В. В. Демиденко История зарождения и развития мобилизационной подготовки в России	31
А. В. Евсеев Общественные отношения как объект правового регулирования	56
Р. Р. Ласынов Институт представительства в системе публичной власти России: опыт теоретико-исторического моделирования	78
Д. В. Ливенцев Награды Северной Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии	100
К. В. Петров Применяет ли право работодатель и ректор? К содержанию понятия «правоприменение»	113
Л. Ю. Свистунова, Т. Г. Ляшенко Правовое регулирование импортозамещения в отечественной экономике в условиях внешних санкций	140
И. И. Тахмазиди Право частной собственности в либеральных политико- правовых учениях Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина	157
В. В. Трофимов, В. А. Кюрджиев Система технико-юридического обеспечения правотворчества в современной России и структурная роль правотворческой политики в повышении ее действенности (к основам научной теории проблемы)	171
М. А. Туганбаев Юридический конфликт в публичном праве: теоретико-правовая и динамическая характеристика	198

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Д. И. Артемова, Н. В. Авдеев
Защита прав и свобод человека и гражданина:
проблемы использования доказательств 214
- Е. М. Андреева
К вопросу об идентичности целевого назначения земельного
участка и объектов недвижимости, расположенных на нем 230
- Д. И. Артемова, С. Н. Климов, В. С. Пенкина
Социальные проблемы субъектов Российской Федерации 244
- А. Ю. Глушаков
Дефектные юридические конструкции в нормотворческой
деятельности: влияние на генезис государства и поиск
методик выявления 261
- Р. А. Ромашов, А. Г. Самусевич
К вопросу о соотношении конституционного
правопонимания и конституционного правоприменения 284

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- О. Г. Лазаренкова
Некоторые актуальные вопросы формирования конкурсной
массы при банкротстве физического лица, являющегося
одновременно единственным участником общества
с ограниченной ответственностью 305
- Е. Г. Шадрина
Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного
гражданину незаконными действиями органов
предварительного следствия 320

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- А. М. Павлик
Ответственность за нарушение правил дорожного движения
в российском и зарубежном уголовном законодательстве:
сравнительно-правовой аспект 340
- С. А. Роганов, Т. Л. Роганова
Уголовно-процессуальные аспекты следственного осмотра 360
- Н. А. Шухалов
Место принципа справедливости и проблемы его
реализации в уголовном праве Российской Федерации 374

CONTENTS

THEORETICAL-HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Sergei V. Arkhipov Realistic Phenomenology of Law by N. N. Alekseev	8
Sergey B. Glushachenko, Vladimir V. Demidenko The History of the Origin and Development of Mobilization Training in Russia	31
Aleksei V. Evseev Public Relations as an Object of Legal Regulation	56
Radik R. Lasynov The Institute of Representation in the Russian Public Authority System: the Experience of Theoretical and Historical Modeling	78
Dmitry V. Liventsev Awards of Northern Europe in the State-legal Status of the Russian Ruling Dynasty	100
Konstantin V. Petrov Does the Employer and the Rector Apply the Law? The Content of the Concept of "Law Enforcement"	113
Lyudmila Yu. Svistunova, Taisia G. Lyashenko Legal Regulation of Import Substitution in the Domestic Economy in Conditions of External Sanctions	140
Ivan I. Tahmazidi The Right to Private Property in the Liberal Political and Legal Doctrines of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin	157
Vasilii V. Trofimov, Valery A. Kurdzhiev The System of Technical and Legal Support for Law-making in Modern Russia and the Structural Role of Law-making Policy in Increasing its Effectiveness (to the Basics of the Scientific Theory of the Problem)	171
Murat A. Tuganbaev Legal Conflict in Public Law: Theoretical-Legal and Dynamic Characteristics	198

PUBLIC LAW SCIENCES

Darya I. Artemova, Nikita V. Avdeev The Problems of Using Evidence in Criminal Proceedings: Boundaries of Admissibility	214
Elena M. Andreeva On the Issue of Identity of the Intended Use Targets of a Land Plot and Located on it Real Estate Objects	230
Daria I. Artemova, Sergey N. Klimov, Valeria S. Penkina Social Problems of the Subjects of the Russian Federation	244
Alexey Yu. Glushakov Defective Legal Structures in Rule-making: the Impact on the Genesis of the State and the Search for Detection Methods	261
Roman A. Romashov, Alexey G. Samusevich On the Question of the Relationship Between Constitutional Legal Understanding and Constitutional Law Enforcement	284

PRIVATE (CIVIL) LAW SCIENCES

Olga G. Lazarenkova Some Topical Issues of the Formation of the Bankruptcy Estate in the Bankruptcy of an Individual Who is at the Same Time the Sole Participant of a Limited Liability Company	305
Ekaterina G. Shadrina Some Issues of Compensation for Damage Caused to a Citizen by Illegal Actions of Preliminary Investigation Bodies	320

CRIMINAL LAW SCIENCES

Alexander M. Pavlik Responsibility for Traffic Violations in Russian and Foreign Criminal Legislation: A Comparative Legal Aspect	340
Sergey A. Roganov, Tatiana L. Roganova Criminal Procedural Aspects of Investigative Inspection	360
Nikita A. Shukhalov The Place of the Principle of Justice and the Challenges of its Implementation in the Criminal Law of the Russian Federation	374

Реалистическая феноменология права Н. Н. Алексеева

С. В. Архипов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность представленной статьи обусловлена необходимостью поиска новых направлений научного правопонимания, одно из которых – реалистическая феноменология права – намечен в трудах выдающегося русского правоведа XX в. Н. Н. Алексеева. В статье проводится анализ его взглядов на феноменологическую методологию права, определяются отличительные особенности подхода учёного к правовой реальности. С позиций феноменологической философии даётся целостное описание права как реальности полностью рационально не постигаемой. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в отечественном правоведении Н.Н. Алексеев выступает как основоположник отдельного направления правопонимания – реалистической феноменологии права, методология которой обосновывается в контексте постнеклассического правоведения.

Ключевые слова: феноменология права, феномен права, правовые ценности, субъект права, правообязанность.

Для цитирования: Архипов С. В. Реалистическая феноменология права Н. Н. Алексеева // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 8–30. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8. EDN: FSSMQN

Original article
UDC 340
EDN: FSSMQN
DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8

Realistic Phenomenology of Law by N. N. Alekseev

Sergei V. Arkhipov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The relevance of the presented article is due to the need to search for new directions of scientific legal understanding, one of which – the realistic phenomenology of law – is outlined in the works of the outstanding Russian jurist of the XX century N. N. Alekseev. The article analyzes N. N. Alekseev's views on the phenomenological methodology of law, identifies the distinctive features of the scientist's approach to legal reality. From the standpoint of phenomenological philosophy, a holistic description of law is given as a reality that is not fully rationally comprehended. The conducted research allows the author to conclude that N. N. Alekseev acts in Russian jurisprudence as the founder of a separate field of legal understanding – the realistic phenomenology of law, the methodology of which is justified in the context of post-non-classical jurisprudence.

Key words: phenomenology of law, phenomenon of law, legal values, subject of law, legal obligation.

For citation: Arkhipov, S. V. (2025) Realisticheskaya fenomenologiya prava N. N. Alekseeva [Realistic Phenomenology of Law by N. N. Alekseev]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 8–30. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_8. EDN: FSSMQN

Введение

Научное наследие выдающегося русского правоведа Н. Н. Алексеева (1879–1964 гг.) привлекает внимание оригинальностью методологического подхода к построению концепции права. Н. Н. Алексеев – один из немногих отечественных мыслителей, кто последовательно исследовал сущность права через феноменологическую философию. Фундаментальная работа ученого «Основы философии права» (Прага, 1924 г.) раскрывает особенность феноменологического правопонимания Н. Н. Алексеева, оригинальность которого, по-видимому, не в полной мере осознается современными исследователями.

Можно утверждать, что Н. Н. Алексеев наряду с немецким правоведом Адольфом Райнахом (1883–1917) заложил основы для самостоятельного направления научного правопонимания – реалистической феноменологии права, методологические основы которого вполне соотносимы с постнеклассическим правоведением. Актуальность исследования феноменологического подхода Н. Н. Алексеева обусловлена необходимостью определения сущности права с позиций современной феноменологической философии и новых постнеклассических подходов к праву.

Феноменологический метод

Становление Н. Н. Алексеева как ученого происходило в первое десятилетие XX в., когда феноменологическая философия только начинала свое формирование. Основоположник феноменологии немецкий философ Эдмунд Гуссерль, пытаясь преодолеть релятивизм позитивистского подхода, редуцировал всю реальность к индивидуальному сознанию, природа которого трансцендентальна относительно человека. Не человеку принадлежит сознание, а сознание (в терминологии Э. Гуссерля, «трансцендентальное Его») первично по отношению к человеку. В этом случае

все объекты окружающего мира являются феноменами сознания [6, с. 355–389]. К таким объектам также относятся телесность и психика человека (в терминологии Э. Гуссерля, «психофизическое Его»). Интенциональность сознания на реальный или мнимый предмет определяет особенность нашего восприятия. Иными словами, воспринимается не сам предмет, а интенциональный акт сознания. Совокупность интенциональных актов переживается как кажущаяся совокупность свойств предмета (цвет, звук, объем, твердость и т. д.). Эта целостная совокупность определяется Э. Гуссерлем как «феномен». Таким образом, по Э. Гуссерлю, первичная реальность истинного Я порождает феномены окружающего мира и феномен самого человека (вторичная феноменологическая реальность), в то время как объективная реальность предметов этого мира скрыта от восприятия [7, с. 13]. Можно сказать, что, поскольку человек не способен воспринимать / осознавать всю сложность бытия, наше сознание (трансцендентальное Его) «объясняет» предмет применительно к ограниченным познавательным возможностям субъекта. Такое «объяснение», по Э. Гуссерлю, не обман, а относительная истина о воспринимаемом предмете. Таким образом, феноменологическая философия отстаивает идею, что каждое истинное Я человека обладает знанием относительной истины всех явлений этого мира. Указанное обстоятельство позволяет осуществлять коммуникацию между субъектами. В противном случае субъективизм воспринимаемой реальности не позволял бы людям понимать друг друга. Осознание собственного Я позволяет признавать за явлением Другого существование иного трансцендентального сознания. Такое интуитивное взаимное признание порождает intersubъективную феноменологическую реальность.

По Э. Гуссерлю, психика человека искажает «чистые» феномены осознания относительной истины, поэтому

люди имеют разное представление об окружающем мире. Если бы все люди очистили своё сознание от наслоений психического (Э. Гуссерль называет этот метод «феноменологической редукцией» или «эпохе»), то обнаружилось бы тождество истины в сознании разных людей. Однако, поскольку большинство людей отождествляют себя с феноменом психофизического Его, т. е. с реакциями собственной психики и собственного тела, аподиктическое знание о реальности остается скрыто от их внешнего восприятия [6, с. 365].

Таковы основные начала философии Э. Гуссерля, ставшего основоположником так называемой *трансцендентальной феноменологии*. В 1908 г. Н. Н. Алексеев посещает Германию с целью подготовки к защите магистерской диссертации в Московском университете. Он стажировался в знаменитом Гейдельбергском университете, где в эти годы преподавал Э. Гуссерль и А. Райнах. Известно, что Н. Н. Алексеев присутствовал на лекциях Э. Гуссерля, что позволило русскому учёному в своих работах использовать феноменологический подход к осмыслению права и государства.

Однако А. Райнах не просто продолжил дело своего учителя – Гуссерля, но и творчески переосмыслил его идеи. Ранняя трагическая смерть учёного прервала разработку иного направления феноменологии, но сделанного Райнахом хватило, чтобы по праву считать его основоположником самостоятельного направления феноменологической философии – реалистической феноменологии, а в области права создателем (наряду с Алексеевым) нового направления правопонимания – реалистической феноменологии права.

В отличие от Гуссерля, представлявшего мир, в который погружён человек, как исключительно мир феноменов, а индивидуальное сознание (трансцендентальное Его)

выносившего в сферу трансцендентального, для А.Райнаха реальность – это сочетание феноменов индивидуального сознания и необъективированной невыражаемой реальности надиндивидуального. В своей концепции права Райнах исходит из допущения онтологической реальности всеобщего в праве. Всеобщее имеет эйдети-ческую природу, т. е. не является результатом логических операций. Всеобщность «не присуща ни положениям, ни суждению, ни познанию, "полагаемому"... положению дел» [17, с. 157]. Применительно к праву всеобщность определяется Райнахом как «априорные основания права». Эти основания права не имеют объективированного выражения, однако являются причиной формирования индивидуальным сознанием феноменов права. Своеобразным триггером формирования феномена является осуществление социального акта, связанного с юридической обязанностью – договор или обещание. Полное осознание такого социального акта приводит к возникновению феномена, связанного с тем или иным аспектом права. Таким образом, правовая реальность, по Райнаху, предстаёт в виде *априорного надиндивидуального беспредметного начала* и в виде сформированного в результате осознания опыта социального акта *феномена права*. Этого понимания основ права не могло быть у тех правоведов, которые использовали в своих размышлениях феноменологический подход Э. Гуссерля, для которого существующая реальность – феномены трансцендентального субъекта (сознания, находящегося за пределами чувственного мира и полностью определяющего феноменологическую реальность). Согласно позиции А. Райнаха, помимо феноменов сознания, в мире присутствует надиндивидуальная реальность. В этом проявляется своеобразие реалистической феноменологии права как самостоятельного направления правопонимания.

Как уже было сказано, Н. Н. Алексеев начинал формировать свою концепцию права в годы, когда феноменологическая философия делала свои первые шаги. По этой причине российский правовед, по-видимому, не вполне осознавал принципиальные различия между подходами сторонников трансцендентальной и реалистической феноменологии. В своей работе «Основы философии права» Алексеев описывает феноменологический подход сквозь призму взглядов Райнаха, многочисленные ссылки на которого имеются в тексте. При этом оригинальные взгляды Райнаха трактуются Алексеевым как общепризнанные, характерные для феноменологического подхода в целом. Создавая свою самобытную концепцию права Н. Н. Алексеев придерживался в целом подхода А. Райнаха, внося свой вклад в становление реалистической феноменологии права. «Феноменология как интуиция всеобщего, – пишет Н. Н. Алексеев, – как способ вчувствоваться и вмыслиться в идеи есть познавательный приём, открывающий перед нашим умственным взором ряд совершенно новых, почти что неизведанных отношений. Феноменология открывает перед нами новый мир духовных предметов...» [1, с. 38].

Иными словами, согласно Н. Н. Алексееву, феноменология как способ или метод познания описывает целостность (всеобщность) права, которая постигается только в сознании, а не через описание эмпирических фактов. Познание эмпирических отношений в области права требует других приёмов исследования. Для Н. Н. Алексеева феноменология – метод интуитивного познания всеобщего в праве через описание феноменологической реальности права. Однако такая реальность исторически изменчива, поэтому всеобщее в праве в разные эпохи будет описываться по-разному. В этом, по мнению Н. Н. Алексеева, отличие феноменологии от метафизиче-

ского подхода. «Отождествление метафизики с феноменологией обозначило бы отрицание самостоятельности временного, исторического, фактического бытия... самые загадочные явления этого мира неопределимы с точностью самоочевидных истин, не выразимы в априорных суждениях и могут быть схвачены только в смутном предчувствии...» [1, с. 40]. Подобный подход позволяет утверждать, что реальность всеобщности права выражается в форме исторической и культурной (в терминологии Алексева, временной) рациональности.

Всеобщность права в концепции Н. Н. Алексева

Всякое определение права, с точки зрения Н. Н. Алексева, порождает одномерное восприятие права. «Право есть норма», «право есть воля», «право есть интерес», «право есть свобода» и т. д. – все эти определения абсолютизируют только одну сторону права, тем самым, исключая все иные измерения права [1, с. 71]. Однако право не сводится лишь к формальному перечню различных аспектов права. Право представляет собой единство, сущность которого характеризуется многообразием элементов структуры. Единство структурных элементов порождает эмерджентное качество целого; качество, которое не может быть выражено в рациональной форме. Можно лишь указать на условие возникновения этого качества. «Нет ничего удивительного, – пишет Н. Н. Алексеев, – что феноменальная структура права предстанет перед нами, как некоторое многообразие, как единство нескольких измерений, подобное единству пространства, измерения которого представляются в конце концов некоторыми основными данностями, определяющими его структуру» [1, с. 71]. Всеобщее не может быть познано эмпирическим путём, но лишь через интуитивное прозрение. Это положение является основным для

реалистической феноменологии, в том числе и в области права. Как указывает феноменолог Д. фон Гильдебранд, «априорное познание означает ... познание положений дел, которые, 1) как таковые необходимо коренятся в необходимых единствах так-бытия и 2) могут быть либо принципиально с абсолютной достоверностью усмотрены нами... в созерцании... либо дедуктивно выведены из непосредственно усматриваемых необходимых положений дел» [8, с. 191–193]. На невозможность полной определенности права указывает В. В. Бибахин. «Право останется неправом, если формализует всё, не оставив места для неуловимых вещей, – пишет В. В. Бибахин, – всё вывести из тени на свет невозможно... В области неприемного – не скрываемого, а невидимого располагаются самые действенные вещи» [5, с. 100]. Позицию Н. Н. Алексеева можно трактовать следующим образом. Право предстаёт в виде следующей цепочки взаимосвязанных сторон бытия: 1) ценности, как «невидимые вещи» или идеальный объект бытия; 2) данности как ценности, индивидуализированные в сознании субъекта, 3) феномены права как объективное «объяснение» сознанием данности через социальные явления (в первую очередь, правомочия и правообязанности). Как подчеркивает Е. А. Фролова, данность в этом случае «имеет характер истинной достоверности и указывает на присутствие самого предмета в познавательном акте», а высказываемые суждения предстают не как субъективные мнения, а как объективные истины [23, с. 231].

Критикуя иные подходы к праву, Н. Н. Алексеев указывает, что естественно-правовой подход, абсолютизируя первичную реальность права в отрыве от эмпирических элементов структуры, создает нежизнеспособную умозрительную конструкцию, оторванную от реальной жизни. С другой стороны, позитивисты совершают ошибку

противоположного рода, абсолютизируя эмпирическую сторону права. Так, анализируя подход к праву О. Гирке, Алексеев указывает на противоречивость позитивизма при описании всеобщности права. «Основной ошибкой Гирке, – отмечает Алексеев, – нужно признать то, что структуру права он определяет на основании явлений положительного права, иными словами, эйдетическую проблему он пытается решить путём чисто фактического исследования» [1, с. 71].

Столь же ошибочным можно считать мнение Б. В. Назмудинова, пытающегося соотносить концепцию структуры права Алексеева с проблемными вопросами структуралистов [13, с. 99–100]. Сторонники структурализма в юриспруденции анализируют социальный контекст, определяющий смысл явлений. В этом случае исследуются исключительно социальные факты как эмпирическое обоснование структурного единства. Однако особенностью реалистической феноменологии Алексеева заключается в описании структуры права как внесоциальной реальности, не только не обусловленной социальным контекстом, но, напротив, выступающей первопричиной отдельных социально-правовых явлений.

Согласно Алексееву, структура права представлена следующими элементами: 1) субъект, осуществляющий акт признания ценностей; 2) обнаруживаемые в акте признания ценности; 3) основные определения, характеризующие правовое отношение ценностей между собой, а также к их носителям. Как справедливо указывает И. В. Борщ, ни один из этих элементов не является правовым в отрыве от целого – единства структуры права, которая есть "точка пересечения", их связь, образ этой связи, в силу которой они приобретают правовой характер» [4, с. 59].

По мнению А. В. Полякова, введением в свою концепцию понятия «структура права» «Н. Н. Алексеев, наряду с таки-

ми мыслителями как Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий, П. А. Сорокин, И. А. Ильин, С. Л. Франк и др. прокладывал дорогу т. н. интегральному правоведению, с которым Россия войдет в новое тысячелетие» [16, с. 236]. К этому можно добавить, что интегральное правоведение предполагает обоснование концепции в рамках постнеклассической методологии права. В этой связи концепцию права Алексева можно рассматривать как удачный пример сочетания постнеклассической методологии – реалистической феноменологии, а также постнеклассической интегративной теории права, представленной как иерархически сложная саморазвивающаяся система бытия права.

Право и нравственность, в представлении Алексева, есть результат интеграции ценностей, субъекта и отношений между ними. Различие между правовым и нравственным проводится ученым по степени глубины переживания ценностей. Наивысшая ступень переживания, эмоционально охватывающая и преобразующая природу субъекта – нравственное начало, внешне выражающееся в моральном обязательстве. «Обещание может владеть душою настолько, – пишет Алексеев, – что вытекающая из него верность слову становится как бы второй природой обещавшего, получает в нём максимальную адекватацию [1, с. 68]. В отличие от нравственности, право – более поверхностная ступень отношения к ценностям. Для Алексева правовое отношение выражается через понятие «признание». Как указывает Алексеев, «под признанием мы разумеем особое отношение к ценностям, сводящееся к установлению интеллектуального общения с ними» [1, с. 69]. Таким образом, признание порождает право как единое, объединяющее элементы правовой структуры: субъект, ценности и отношения между ними. Тем самым каждый из элементов структуры становится правовым в силу такого признания. Всё это

позволяет сделать вывод о том, что Алексеев определяет право как менее совершенное средство (способ) духовного объединения людей, чем нравственность. В этом видится традиция, заложенная русской религиозной философией (В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев). Так, В. С. Соловьев понимает право как «принудительное требование реализации нравственного минимума» [2], с. 448–450], т. е. существование права всего лишь обусловлено невозможностью достижения нравственного максимума. Для персоналиста и экзистенциалиста Н. А. Бердяева право выражается в господстве общества над личностью, где общественная мораль подменяет собой личную совесть, а творческие силы личности ограничиваются необходимостью подчинения государству [10, с. 48]. В этом смысле нравственность для Н. А. Бердяева стоит выше права как интеграционного начала.

Для Н. Н. Алексеева истинная нравственность – удел немногих, подобно тому, как немногие обладают талантом в сфере науки или искусства. Но каждый человек способен признавать ценность научных достижений или произведений искусства. В подобных актах признания Алексеев видит правовое начало [1, с. 70].

Ценность как элемент структуры права

Наиболее важным (глубоким) элементом правовой структуры Алексеев называет субъекта или носителя обнаруживаемых в праве ценностей [1, с. 78]. Но понимание субъекта невозможно без понимания ценностей. Самые распространённые подходы выражаются в трактовке ценности как переживания значимости какого-либо объекта; как цели, к которой устремлён индивид. В этом случае можно говорить об антропологичности ценности – её зависимости от воспринимающего субъекта. В отличие от названных подходов к пониманию ценности,

реалистическая феноменология Алексеева постулирует идею объективно существующей реальности, чье существование не зависит от воспринимающего субъекта. В этом положении Алексеев следует подходам феноменолога А. Райнаха, а также своего учителя, неокантианца П. И. Новгородцева, который связывал существование права с общественным идеалом, имеющем внесоциальную природу. Как пишет Новгородцев, «речь идёт в таком случае не о тех изменчивых исторических идеалах, которые различаются от времени и места, от национальных особенностей и партийных разделений, а о том всеобщем идеале, который всегда один и тот же, и стремление к которому составляет правду и смысл общественной жизни» [14, с. 55]. «Необходимо иметь уверенность, – подчёркивает Новгородцев, – что этот идеал есть не отвлечённая норма, предносящаяся человеческому уму, а живая сила, обладающая высшей реальностью, что человеческие дела могут приобщаться этой высшей правде и проникаться ею» [14, с. 60]. Схожим образом рассуждает А. Райнах, говоря об «априорных основаниях права» как «невидимой вещи» бытия. «Те образования, которые общепринято называть специфически правовыми, – пишет немецкий правовед, – обладают бытием так же, как числа, деревья или дома; что это бытие независимо от того, постигается ли оно людьми или нет, что оно, в частности, независимо от какого бы то ни было позитивного права» [17, с. 156]. Априорные основания права не принадлежат ни к физической, ни к психической природе человека, в то же время «отличаются и от идейных представлений своей темпоральностью» [17, с. 158].

Алексеев следует в восприятии ценностей трактовкам Новгородцева и Райнаха. «Ценности, – пишет Алексеев, – суть род "идеальных объектов", между которыми наблюдаются особые научно-познаваемые отношения и связи,

особый, независимый от опыта априорный порядок» [1, с. 96]. При таком подходе к ценностям невозможно согласиться с Е. А. Куликовым, который интерпретирует понимание ценностей Алексеевым как содержание эмоций и переживаний индивида [12, с. 270]. По Алексееву, ценности предшествуют психическому и социальному, выступая как эйдетическая реальность бытия. Д. Гильдебранд пишет о фундаментальном различии между онтологическими и качественными ценностями. Онтологические ценности имеют самостоятельную природу, определяют природу человека, в то же время как качественные ценности зависят от самого человека. Онтологические ценности, по мнению Гильдебранда, выражают сущность человека, в то время как качественные ценности выражают смысл его существования [9, с. 709–711]. Очевидно, что ценности, о которых говорит Алексеев, относятся именно к онтологическим. Русский правовед И. А. Ильин развивал схожие идеи, когда писал об объективно существующих началах в правосознании человека. «Глубокий недуг современного правосознания», по мнению Ильина, заключается в неверии человеком в объективное самопознание через собственный духовный опыт, что приводит к «бесплодному субъективизму и беспочвенному релятивизму» [11, с. 20–22]. Объективно существующие начала (в терминологии Ильина – «аксиомы правосознания») определялись ученым как «основные способы бытия, мотивирования и действия» [11, с. 47]. «В основе всякого решения о том, что «правильно», – пишет И. А. Ильин, – лежит необходимо некоторая, открыто или тайно признаваемая ценность...» [11, с. 53].

Таким образом, посредством осознания субъектом ценности права соединяют реальность нефеноменологическую (необъективированную) с реальностью феноменов права. Однако сама ценность существует независимо

от своего проявления в эмпирической реальности бытия [1, с. 106]. Поэтому, по Алексееву, ценности права трансцендентны сознанию субъекта до момента осуществления «признания» и имманентны ему после совершения акта «признания». Как пишет Алексеев, «истинное обоснование ценностей может дать только то метафизическое и религиозное мирозерцание, которое примирит между собой имманентизм и трансцендентализм» [1, с. 107].

М. И. Пантыкина обращает внимание, что исследование Н. Н. Алексеевым структуры права предполагает использование двух видов феноменологической редукции: эйдетической и трансцендентальной [15, с. 9–10]. Эйдетическая редукция понимается как полное абстрагирование от иных явлений жизненного мира, их удаление из поля нашего внутреннего сосредоточения – «ссылки на "другое" не дают никакой твёрдой уверенности, что мы приближаемся... к определению неизвестного» [1, с. 53]. Результатом осуществления эйдетической редукции является осознание индивидом сущности права (идеация права). О принципиальной возможности непосредственного усмотрения сущности заявлял А. Райнах [18, с. 358].

По мнению М. И. Пантыкиной, Алексеев дополняет эйдетическую редукцию иным подходом. «Переход от эйдетической редукции к трансцендентальной, – пишет М. И. Пантыкина, – ведёт к обнаружению первоисточников опыта...» [15]. Таким первоисточником является ценность, признаваемая субъектом права. Однако, в отличие от Э. Гуссерля, для Н. Н. Алексеева ценность как таковая трансцендентна, но не трансцендентальна. Поэтому редукцию, о которой пишет М. И. Пантыкина, не вполне корректно называть трансцендентальной.

Акт признания существования независимой от социальной и психической реальности ценности возможен только путём смещения естественной установки воспри-

ятия к установке феноменологической, т. е. переживания «жизненного мира» как вторичной реальности феноменов по отношению к первичной реальности ценностей. «Если мы назовём Я, погружённое в мир при естественной установке... заинтересованным в мире, – пишет Э. Гуссерль, – то изменённая и постоянно удерживаемая феноменологическая установка состоит в расщеплении Я, при котором над наивно заинтересованным Я утверждается феноменологическое, как незаинтересованный зритель» [6, с. 365]. Но это возможно не только в отношении чистого смысла конкретного предмета познания, а в отношении мира в целом. Как справедливо указывает А. В. Стомба, в этом случае объект феноменологического восприятия для Н. Н. Алексеева не только всеобщее в праве, но и мир в целом [22, с. 103].

Объективация ценностей в мире феноменов происходит через их носителей – материальных объектов, духовных явлениях и даже самого человека [1, с. 108–110]. В этом понимании феноменологической природы ценностей Алексеев следует идеям М. Шеллера, который различал сами ценности и их носителей – блага, вещи, личности, состояния вещей, – всё то, через что ценности становятся действительными [24, с. 381]. Как указывает Алексеев, «часто упускают из виду, что не личность, сама по себе, а определенные её свойства являются предметом правовой защиты и правового признания» [1, с. 111].

Двойственная природа субъекта права

В рамках такого подхода ценность выступает идеей (эйдосом) совершенства определённой степени, которая (степень совершенства) может быть достигнута в пределах феноменологической реальности [1, с. 100]. Соприкасаясь с ценностью, эмпирическое существование человека приобретает смысл высшего предназначения жизни,

«становится самоцелью, приобретает нравственно оправданную способность самоопределения – способность, освященную той ценностью, которая в нём приобрела своего носителя» [1, с. 100–101]. В этом значении субъект права (другой элемент структуры права) для Алексеева не человек, а феномены ценности права, возникающие в сознании индивида. При этом сам человек выступает носителем феноменов этих ценностей, а не их сутью [1, с. 84]. Другим аспектом субъекта права выступает его признание как деятеля. При этом субъект права становится таковым при условии воплощении в деятельности феноменов ценностей права [1, с. 84–85].

Необходимо напомнить, что феноменологический метод, применяемый Алексеевым, предполагает аподиктическую истинность феноменов права, возникающих в сознании индивида. Феномен права – не субъективное мнение о праве конкретного индивида, а сконструированный естественным образом на основе ценности (высшая реальность) феномен восприятия этой ценности. Такие феномены права в сознании людей являются относительной истиной о высшей (нефеноменологической) реальности бытия. Как указывает Алексеев, двойственность субъекта как носителя юридического осмысления и юридического деятеля можно пояснить через понятия права и обязанности. Индивид, по Алексееву, выступает одновременно и как носитель права, и как носитель обязанности. Это связано с тем, что в результате признания возникает субъект права как ценность, выражающий модус правомочия, а также субъект деятельности, выражающийся в модусе обязанности реализации правомочия (права) [1, с. 86]. Поэтому понятия «правомочия» и «правообязанности» выступают для Алексеева основными определениями правовых явлений (третий элемент структуры права).

Основные определения правовых явлений

Связь правомочия и обязанностей осуществляется в самом индивиде (между субъектом как ценностью и субъектом как деятелем), а не между физическими или юридическими лицами в рамках конкретных правоотношений. В этом принципиальное отличие концепции Алексеева от распространённого подхода к правовой природе взаимосвязи правомочия и обязанности. В силу этого подхода трудно согласиться с трактовкой концепции Н. Н. Алексеева, предлагаемой Б. В. Назмутдиновым. Пытаясь раскрыть содержание идеи Алексеева о взаимосвязи правомочия и обязанности, Назмутдинов приходит к выводам, полностью противоречащим взглядам русского правоведа. «Если лицо обладает каким-либо ценным имуществом... он является управомоченным, – пишет Назмутдинов, – тогда как другой признаёт за ним это свойство и не посягает на него, становясь лицом обязанным» [13, с. 107]. Не во взаимодействии с Другим рождается связь правомочия и обязанности, а в различных аспектах единого субъекта права.

При этом, как указывает Алексеев, субъект как деятель может обладать внутренним, органическим сочетанием прав (правомочий) и обязанностей. Такое сочетание Алексеев называет *правообязанностью* [2, с. 158]. Для русского правоведа это наиболее желательный тип правоотношений, основанный на одновременном признании у субъекта и правомочия, и обязанности. В качестве примера учёный приводит понятие компетенции государственного органа или должностного лица. Так, *право* должностного лица на арест подозреваемого сочетается с необходимостью исполнения *служебной обязанности* [2, с. 158–159]. Очевидно, что в этом рассуждении Алексеева имплицитно содержится отказ от четкой дифференциации прав и обязанностей по отраслям права. Только

в этом случае право должностного лица в рамках административных отношений может быть дополнено трудовой обязанностью. Позицию Алексеева можно понимать следующим образом: такая дифференциация отраслей права разрушает единство субъекта как ценности и субъекта как деятеля, поскольку отрыв обязанности от права (правомочия) означает одновременно разрыв с ценностью как элементом структуры права. С другой стороны, по мысли Алексеева, распространение правоотношений на основе правообязанности создаёт условия для гармоничного развития государства. «В таком государстве, – пишет Н. Н. Алексеев, – поистине свобода была бы идеально соединена с повиновением... не рабским, но свободным... как свобода органической принадлежности к целому» [2, с. 160]. Таким образом, реалистическая феноменология права русского правоведа выступает обоснованием самобытной концепции государства.

Заключение

Судьба правовых идей Н. Н. Алексеева парадоксальна. С одной стороны, очевидное признание оригинальной концепции права и связанной с ней теорией гарантийного государства [3, с. 33–40]; признание заслуг учёного в становлении евразийского движения [19, с. 52]. С другой – столь же очевидное игнорирование феноменологического аспекта этих идей, связи концепции с феноменологической методологией, а через неё с постнеклассическим правоведением, представленным интегративными теориями права. Как справедливо замечает А. В. Скоробогатов, «лишь в последние годы методологический вклад Н. Н. Алексеева в становление интегративного правопонимания был признан отечественной юриспруденцией» [20, с. 67]. Как представляется, самобытность концепции права Н. Н. Алексеева необходимо

анализировать в неразрывной связи с осмыслением оригинальной методологии учёного. Только через призму феноменологического подхода к праву возможно увидеть новое направление идеалистической философии права, кардинально отличающегося от социологического и позитивистского правопонимания.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы:

- объяснение Н. Н. Алексеевым всеобщности права (права как единого) предполагает сосуществование двух правовых реальностей: 1) независимая от сознания и социальных взаимодействий эйдетическая реальность ценностей и 2) реальность феноменов сознания индивида относительно эйдетических ценностей;

- субъект права предстаёт органическим единством субъекта как ценности и субъекта деятельности;

- механизм правогенеза напрямую связан с интеллектуальным признанием ценности, что порождает структуру права как взаимодействие ценностей и субъекта права между собой через осмысление прав (правомочий) и обязанностей;

- предложенная Н. Н. Алексеевым концепция права основывается на основных положениях реалистической феноменологии, отличительной особенностью которой является признание онтологического единства феноменологической и эйдетической реальности.

Указанные положения позволяют интерпретировать правовые взгляды Н. Н. Алексеева как концепцию реалистической феноменологии права – одного из направлений феноменологического типа правопонимания.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Юридический институт, 1998. – 216 с.

2. Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 2000. – С. 155–168.
3. Баган В. В. Теория православного государства в философии права Николая Николаевича Алексеева // Богословско-исторический сборник. – 2023. – № 3 (30). – С. 26–44.
4. Борщ И. В. Николай Алексеев как философ права. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 168 с. EDN: SYLGSR
5. Бибихин В. В. Введение в философию права. – М.: Институт философии РАН, 2005. – 345 с. EDN: QXGCQV
6. Гуссерль Э. Избранное. – Минск: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с.
7. Гуссерль Э. Феноменология // ЛОГОС. – 1991. – № 1. – С. 12–21.
8. Гильдебранд Д. Смысл философского вопрошания и познания // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 176–199.
9. Гильдебранд Д. Способы участия в ценностях // Антология реалистической феноменологии. – М.: Институт философии, теологии и истории, 2006. – С. 708–739.
10. Жуков В. Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. – М.: Оригинал-макет, 2017. – 352 с. EDN: TEVRDP
11. Ильин И. А. О сущности правосознания. – М.: Парогъ, 1993. – 235 с.
12. Куликов Е. А. Евразийская философия права Н. Н. Алексеева: учение о ценностях // Социальная компетентность. – 2021. – № 3. – С. 267–277. EDN: ZGVZAW
13. Назмутдинов Б. В. «Правовая структура» Н. Н. Алексеева в контексте идей об особой структуре «Евразии» // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2015. – № 1 (318). – С. 98–111. EDN: UNEANJ
14. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. – М.: Пресса, 1991. – 640 с.
15. Патыкина М. И. А. Райнах и Н. Н. Алексеев: два проекта феноменологии права // Вестник Гуманитарного института ТГУ. – 2010. – № 1 (7). – С. 7–13. EDN: PELSCJ
16. Поляков А. В. Разочарованный странник (Н. Н. Алексеев и идея государства) // Коммуникативное правопонимание. Избранные труды. – СПб.: Алеф-Пресс, 2014. – С. 234–246. EDN: UXPFNS
17. Райнах А. Собрание сочинений / пер. с нем. В. А. Куренного. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 488 с.
18. Райнах А. О феноменологии. Доклад читанный в Марбурге в январе 1914 г. // Логос 1991–2005. Избранное: в 2-х т. Т. 1. – М.: Территория будущего, 2006. – С. 355–378.
19. Романова Е. В. Идеи парламентаризма основоположников евразийства // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2009. – № 4. – С. 51–53. EDN: TVPKGD
20. Скоробогатов А. В. Аксиологический аспект философии права Н. Н. Алексеева // Вестник Ивановского государственного университета. – 2023. – № 1. – С. 62–69. EDN: HDQTYR
21. Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1988. – 892 с.
22. Стомба А. В. Темпоральная онтология права. – СПб.: Алеф-Пресс, 2017. – 355 с.
23. Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. – М.: Проспект, 2017. – 304 с. EDN: PLDFEA
24. Чухина Л. А. Человек и его ценностный мир в феноменологической философии Макса Шелера // Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис, 1994. – С. 379–398.

References

1. Alekseev, N. N. (1998) *Osnovy filosofii prava* [Fundamentals of the philosophy of law]. St. Petersburg: Law Institute. (In Russian).
2. Alekseev, N. N. (2000) Obyazannost' i pravo [Duty and right]. *Alekseev N. N. Russkij narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow: Agraf. Pp. 155–168. (In Russian).
3. Bagan, V. V. (2023) Teoriya pravoslavnogo gosudarstva v filosofii prava Nikolaya Nikolaevicha Alekseeva [The theory of the Orthodox state in the philosophy of law of Nikolai Nikolaevich Alekseev]. *Bogoslovsko-istoricheskij sbornik – Theological and historical collection*. No. 3 (30). Pp. 26–44.
4. Borshch, I. V. (2015) *Nikolaj Alekseev kak filosof prava* [Nikolai Alekseev as a philosopher of law]. Moscow: Yurlitinform. (In Russian). EDN: SYLCSR
5. Bibihin, V. V. (2005) *Vvedenie v filosofiyu prava* [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow: Institute of Philosophy RAS. (In Russian). EDN: QXGCQV
6. Gusserl', E. (2000) *Izbrannoe* [Selected]. Minsk: Harvest, Moscow AST. (In Russian).
7. Gusserl', E. (1991) Fenomenologiya [Phenomenology]. *LOGOS*. No. 1. Pp. 12–21. (In Russian).
8. Gil'debrand, D. (2006) Smysl filosofskogo voprosaniya i poznaniya [The meaning of philosophical questioning and knowledge]. *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* [Anthology of realistic phenomenology]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. Pp. 176–199. (In Russian).
9. Gil'debrand, D. (2006) Sposoby uchastiya v cennostyakh [Ways of participation in values]. *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* [Anthology of realistic phenomenology]. Moscow: Institute of Philosophy, Theology and History. (In Russian). Pp. 708–739.
10. Zhukov, V. N. (2017) *Russkaya filosofiya prava: ot racionalizma k misticizmu* [Russian philosophy of law: from rationalism to mysticism]. Moscow: Original-layout. (In Russian). EDN: TEVRDP
11. Il'in, I. A. (1993) *O sushchnosti pravosoznaniya* [On the essence of legal consciousness]. Moscow: Rarog. (In Russian).
12. Kulikov, E. A (2021) Evrazijskaya filosofiya prava N. N. Alekseeva: uchenie o cennostyakh [Eurasian philosophy of law of N. N. Alekseev: the doctrine of values]. *Social'naya kompetentnost' – Social competence*. No. 3. Pp. 267–277. (In Russian). EDN: ZGVZAW
13. Nazmutdinov, B. V. (2015) «Pravovaya struktura» N. N. Alekseeva v kontekste idej ob osoboj strukture «Evrazii» [“Legal structure” of N. N. Alekseev in the context of ideas about the special structure of “Eurasia”]. *Izvestiya vysshih uchebnykh zavedenij. Pravovedenie. – News of higher educational institutions. Jurisprudence*. No. 1 (318). Pp. 98–111. (In Russian). EDN: UNEANJ
14. Novgorodcev, P. I. (1991) *Ob obshchestvennom ideale* [On the Social Idea]. Moscow: Press. (In Russian).
15. Pantykina, M. I. (2010) A. Rajnah i N. N. Alekseev: dva proekta fenomenologii prava [A. Reinakh and N. N. Alekseev: two projects of phenomenology of law]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta TGU – Bulletin of the Humanitarian Institute of TSU*. No. 1 (7). Pp. 7–13. (In Russian). EDN: PELSCJ
16. Polyakov, A. V. (2014) Razocharovannyj strannik (N. N. Alekseev i ideya gosudarstva) [Disappointed wanderer (N. N. Alekseev and the idea of the state)]. *Polyakov A. V. Kommunikativnoe pravoponimanie. Izbrannye trudy* [Polyakov A. V. Communicative legal understanding. Selected works]. St. Petersburg: Aleph-Press. Pp. 234–246. (In Russian). EDN: UXPFNS

17. Rajnah, A. (2001) *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. Moscow: House of Intellectual Books. (In Russian).
18. Rajnah, A. (2005) O fenomenologii. Doklad chitannyj v Marburge v yanvare 1914 [On phenomenology. A report read in Marburg in January 1914]. *Logos 1991–2005. Izbrannoe v 2-h t. T.1.* [Logos 1991–2005. Selected in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow: Territory of the Future. Pp. 355–378. (In Russian).
19. Romanova, E. V. (2009) Idei parlamentarizma osnovopolozhnikov evrazijstva [Ideas parliamentarism of the founders of Eurasianism]. *Altajskij vestnik gosudarstvennoj i municipal'noj sluzhby – Altai Bulletin of the State and Municipal Service*. No. 4. Pp. 51–53. (In Russian). EDN: TVPKGD
20. Skorobogatov, A. V. (2023) Aksiologicheskij aspekt filosofii prava N. N. Alekseeva [Axiological aspect of the philosophy of law of N. N. Alekseev]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Ivanovo State University*. No. 1. Pp. 62–69. (In Russian). EDN: HDQTYP
21. Solov'ev, V. S. (1988) *Sobranie sochinenij v 2-h t. T.1.* [Collected Works in 2 volumes. T. 1.]. Moscow: Mysl. (In Russian).
22. Stovba, A. V. (2017) *Temporal'naya ontologiya prava* [Temporal ontology of law]. St. Petersburg: Alef-Press. (In Russian).
23. Frolova, E. A. (2017) *Metodologiya i filosofiya prava: ot Dekarta do russkih neokantiancev* [Methodology and philosophy of law: from Descartes to Russian neo-Kantians]. Moscow: Prospect. (In Russian). EDN: PLDFEA
24. CHuhina, L. A. (1994) CHelovek i ego cennostnyj mir v fenomenologicheskoj filosofii Maksa SHelera [Man and his value world in the phenomenological philosophy of Max Scheler]. *SHeLER M. Izbrannye proizvedeniya* [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnosis. (In Russian).

Об авторе

Архипов Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

About the author

Sergei V. Arkhipov, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-3337-0505, e-mail: forest109@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.01.2025
Принята к публикации: 29.01.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 18 January 2025
Accepted: 29 January 2025
Published: 31 March 2025

История зарождения и развития мобилизационной подготовки в России

С. Б. Глушаченко, В. В. Демиденко

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В научной работе рассматривается история зарождения и развития мобилизационной подготовки в нашей стране на протяжении различных исторических эпох. Проведен анализ правового регулирования мобилизационной подготовки в России, начиная с древних времен и до настоящего времени. Исследованы исторические особенности накопления людских мобилизационных резервов для нужд армии и предприятий оборонной промышленности. Изучена специфика эволюции экономики в особых условиях военного времени. Проведена оценка эффективности мобилизационного развертывания вооруженных сил в ходе крупномасштабных войн. Предложена принципиально новая концепция адаптации мобилизационной подготовки к факторам экономического и политического воздействия.

Ключевые слова: дружина, реформирование, война, военный конфликт, мобилизация, мобилизационная подготовка, рекрутская повинность, ратники, вооруженные силы, боевые действия, общество.

Для цитирования: Глушаченко С. Б., Демиденко В. В. История зарождения и развития мобилизационной подготовки в России // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 31–55. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_31. EDN: GOZQON

The History of the Origin and Development of Mobilization Training in Russia

Sergey B. Glushachenko, Vladimir V. Demidenko

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation

The scientific work is devoted to the study of the origin and development of mobilization training in our country during various historical eras. The analysis of the legal regulation of mobilization training in Russia from ancient times to the present is carried out. The historical features of the accumulation of human mobilization reserves for the needs of the army and defense industry enterprises are investigated. The specifics of the evolution of the economy in special conditions of wartime are studied. The effectiveness of the mobilization deployment of the armed forces during large-scale wars has been assessed. A fundamentally new concept of adaptation of mobilization training to the factors of economic and political impact is proposed.

Key words: squad, reform, war, military conflict, mobilization, mobilization training, conscription, warriors, armed forces, military operations, society.

For citation: Glushachenko, S. B., Demidenko, V. V. (2025) Istoriya zarozhdeniya i razvitiya mobilizatsionnoy podgotovki v Rossii [The History of the Origin and Development of Mobilization training in Russia]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 31–55. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_31. EDN: GOZQON

Введение

В сохранившихся древних рукописных текстах содержится немало упоминаний о том, что еще с древних времен население нашей страны систематически подвергалось внешним военным угрозам со стороны соседних государств. Для противостояния агрессивной политики недружественных соседей требовалось содержать хорошо подготовленную и обученную армию. Наличие подобной армии в составе Русского государства того далекого периода времени представлялось попросту невозможным, ввиду отсутствия системы военной подготовки и обеспечивающих ее отраслей промышленности и экономики. Военная мощь княжеского правления основывалась исключительно на потенциале небольшого регулярного войска и возможности вовлечения в него дополнительных резервов из среды городского и сельского населения [1, с. 28].

Из дошедших до наших дней летописей, вобравших в себя всю историю зарождения и развития нашей страны, можно узнать о процессе комплектования князьями своей дружины ремесленниками и крестьянами. В случае возникновения военной угрозы дружина могла быстро трансформироваться в большое и мощное войско. Следует отметить, что какие-либо законодательные акты, закреплявшие собой обязательство граждан по вступлению в ряды созываемых войск и регламентирующие порядок их формирования, в тот далекий период времени попросту отсутствовали [2, с. 178–201]. Военные возможности княжеского правления основывались на фундаментально глубоком понимании населением важности участия в борьбе с нависшей угрозой над территориальной целостностью и суверенитетом родины.

В работах В. В. Седова неоднократно обращается внимание, на то, что уже в IX–XI вв. в системе Древнерусского государства надежно укореняется институт военной служ-

бы. Социальный статус и авторитет граждан, состоящих на службе у государя, становятся незыблемыми и стабильно возрастают, а процесс комплектования княжеского войска приобретает принципиально новое значение для мирного населения [3, с. 218–223]. Задействованная в решении различных государственных вопросов княжеская дружина являлась единственным регулярным военным формированием, на основе которого в период непосредственной военной угрозы разворачивалось княжеское войско.

А. Е. Пресняков в своем произведении «Княжеское право в Древней Руси: очерки по X–XII вв.» указывает на то, что простой сельский крестьянин и ремесленный рабочий не всегда понимали суть и важность призыва на военную службу. Хотя большинство из них относились к этому не просто с присущим тому времени благоговением и покорностью, но и с глубоким осознанием важности своей миссии по защите родины. Воспитание населения в духе того далекого времени закладывало в умы людей готовность при первой необходимости беззаветно пожертвовать всем в борьбе с врагом. В решающий момент натиска неприятеля люди понимали безысходность сложившейся обстановки и отдавали все свои силы и средства на благо общего дела, а если того требовала ситуация, то и собственную жизнь [4, с. 251–325].

Актуальность исследования мобилизационной подготовки в свете крупномасштабных войн предыдущих столетий с участием России

С развитием государственной системы управления и становления правовых общественных институтов, появляется принципиально новая система создания воинских контингентов, которая заметно укрепила и в дальнейшем вывела на принципиально новый уровень обороноспособность нашей страны.

В период царствования Ивана IV Грозного (1549–1560 гг.) проводится военная реформа, основополагающей целью которой являлось создание постоянной национальной армии. Так, А. О. Курбатов отмечает, что с учреждением централизованного военного ведомства в 1550 г. устанавливается четкая иерархия военного управления, создается учет военнообязанных, появляется организованная структура призыва и распределения граждан по воинским подразделениям, а также издаются первые законодательные акты, определявшие порядок обеспечения и содержания воинов. Созданные механизмы правового регулирования призыва граждан на военную службу заняли свои ниши во всех ветвях государственной власти и явились прародителями мобилизационной подготовки [5, с. 236–295]. Уже впоследствии именно благодаря возросшему военному потенциалу царского войска Иван IV Грозный не раз добьётся военных успехов над своими оппонентами и впишет золотыми буквами в вехи истории славные победы русского воинства. В ходе его правления армия стала мощным инструментом усиления политического влияния на мировой арене. При исчерпании всех мирных дипломатических аргументов для решения возникавших проблем русские войска неоднократно добивались побед над Казанским ханством (1552 г.), Астраханским ханством (1556 г.), Крымским ханством (1572 г.), а также в весьма ненеоднозначных и противоречивых этапах Ливонской войны (1558–1583 гг.).

На закате XVII в. и вплоть до первой половины XVIII в. на фоне стремительного развития Российского государства и массового подъема народных настроений, подвешенном наступившей эпохи всеобъемлющего прогресса, Петр I с 1698 г. вновь начинает реформирование армии. Теперь комплектование регулярных национальных войск производится на основе рекрутского набора, представ-

лявшего собой воинскую повинность всех классов и сословий. Призыв рекрутов носил общественный характер и по своей сути кардинально отличался от мобилизационных мероприятий, закрепленных в нормативных актах Разрядного приказа Ивана Грозного. Идея внедряемого принципа комплектования войск состояла в том, что власти устанавливали требуемое количество рекрутов, а общество само решало, кто из его состава подлежит призыву. Отсутствие институтов гражданского общества и незрелая система правового регулирования государственного управления, вдобавок к укоренившейся политической пассивности населения максимально негативно сказались на проводимых реформах. Кроме того, при комплектовании армии рекрутами не учитывалось наличие свободных людских резервов, что приводило к отсутствию объективной информации у военного руководства [6, с. 9–28].

Относительно мирный период сосуществования России с соседними странами и стремительное развитие промышленности в течение всего XVIII в. не предусматривали интенсивного наращивания войск и содержания для них дополнительных резервов. Появившиеся новые и активно развивающиеся отрасли промышленности, наряду с постоянно растущим аграрным сектором экономики вобрали в себя большое количество населения страны. В конечном итоге затянувшееся благоденствие и непродолжительные локальные военные конфликты трансформировали мобилизационную систему, сократив людские и материальные резервы для нужд армии до норм, установленных планами военного министерства.

Но ветер истории неумолимо и последовательно расставляет все по своим местам, и уже в 1812 г. Отечественная война показала неэффективность Петровских реформ. В ходе затяжной и кровопролитной войны российские войска потерпели множество неудач, и в опре-

деленные моменты армия стояла на грани катастрофы. Лишь самоотверженные подвиги простых людей смогли обеспечить несокрушимость Российского государства и добиться победы над врагом.

6 июля 1812 г. Александр I издает Манифест о создании народного ополчения и учреждает специальные статьи расходов из государственной казны на содержание и оснащение ратников, которые как раз и являлись предшественниками военнослужащих регулярных войск [7, с. 129–186]. Многочисленные факторы, оказывавшие влияние на ведение боевых действий, в совокупности с ограниченностью военного потенциала армии в очередной раз доказали необходимость существования системы мобилизационной подготовки в структуре государства, которая в нужный момент способна обеспечить переход всех сфер общественной жизни и экономики на военный уклад.

На основе полученного опыта Отечественной войны 1812 г., под руководством главы военного министерства, генерал-фельдмаршала Д. А. Милютина проводится очередное реформирование вооруженных сил. На этот раз инновация военной системы предусматривала замену рекрутской повинности на всесословную воинскую обязанность, создание подготовленных людских резервов на случай войны и переоснащение армии на новые виды, и образцы вооружения. Для законодательного закрепления вновь взятого курса издается и вводится в действие «Положение о полевом управлении войсками в военное время», которое представляло собой свод правил, регламентирующих повседневную жизнедеятельность войск и порядок их функционирования. Совершенствуется система боевой подготовки, внедряется новая концепция военного развития, которая официально закрепила принцип соразмерности численности армии военного и мирного времени. В документах военного министер-

ства и губернских управлений появляются термины «мобилизация» и «мобилизационная готовность». В земских соборах и губерниях создается система учета мобилизационных людских ресурсов местного населения, отдельно ведется учет населения, ранее пребывавшего на военной службе [8, с. 166–175].

Взросший авторитет России дополнительно укрепило вхождение в ее состав регионов Северного Кавказа. Малочисленные горские народы оказались в положении порабощения или полного истребления со стороны Османской империи. Лишь добровольное их воссоединение с большим и сильным соседним государством обеспечило им надежную протекцию и сохранение национального суверенитета. Это обстоятельство явилось настоящей геополитической победой России в Северо-Кавказском регионе и Закавказье и заметно увеличило сферы ее влияния на всем Средиземноморском побережье.

Итоги войны 1812 г. заложили начало накопления военнообязанных людских резервов, но длительный срок военной службы, составлявший в тот период 25 лет, негативно сказался на создании мобилизационных ресурсов. Объемы подготовленных солдат не соответствовали реальным потребностям, что вместе с накопившимися проблемами обеспечения нужд воюющей армии сыграло решающую роль в поражении России в Крымской войне 1853–1856 гг. [9, с. 316–367].

Первым официальным документом, регламентирующим порядок проведения мобилизации в России, принято считать «Наставление по мобилизации», разработанное и изданное в 1855 г. Данный документ содержал в себе алгоритм действий каждой отдельно взятой воинской части, требования к ее снабжению и обеспечению имуществом и вооружением, а также работе создаваемых при них сборных пунктов военнообязанных [10, с. 21–29].

В 1865 г. в организационно-штатной структуре Генерального штаба создается новое управление, объединившее в себе функции регулирования деятельности войск, порядок их формирования и развертывания на военный период. Опираясь на опыт предыдущих лет, в преддверии русско-турецкой войны 1877–1878 гг., мобилизационная подготовка приобретает новый смысл [1, с. 139–165].

Фундаментальные государственные и политические изменения, происходившие в дореволюционной России конца XIX в., являлись наиболее продуктивным для развития и становления мобилизационной системы. В 1871 г. разработано «Расписание о призыве и назначении на службу отпускных нижних чинов и о назначении их в войска», которое просуществовало вплоть до 1917 г. и 1 января 1874 г. издается и принимается к руководству Устав о всеобщей воинской повинности, положивший начало накоплению людских мобилизационных ресурсов. В 1875 г. Комитетом для подготовки данных к мобилизации войск разработан Общий план мобилизационного развертывания каждого региона Российской империи, предусматривавший задействование стратегически важных промышленных предприятий в интересах вооруженных сил [12, с. 4–6].

17 февраля 1913 г. публикуется Положение о подготовительном периоде к войне, официально закрепившее в себе понятие мобилизации и являющееся, по сути, инструкцией по организации и переводу войск на военное время, путем их пополнения нижними чинами, призванными из запаса, и лошадьми, реквизируемыми у населения. Мобилизационная подготовка все глубже интегрируется с повседневным бытом и рутинной жизнью населения, что находит свое отражение в литературных произведениях и народном фольклоре.

В 1914 г. публикуется и вступает в силу Положение о военно-автомобильной повинности, определявшее по-

рядок реквизирования у местного населения транспорта для нужд армии и предоставления взамен него компенсационных выплат [13, с. 153–176].

Отношение населения к военной службе, в том числе и к мобилизации, являлось весьма неоднозначным и сильно разнилось во всех социальных слоях населения. Каждый человек в силу специфики своего характера, познаний и возраста по-разному относился к воинской обязанности и не всегда положительно воспринимал перспективу продолжительной разлуки с домом и родными. Ранее бывалые и опытные солдаты, в отличие от новобранцев, отчетливее понимали отсутствие перспектив возвращения к прежней жизни, в случае их призыва по мобилизации. Но государственная политика не позволяла вольнодумия, что и обеспечило надежное функционирование внедряемой системы мобилизационной подготовки [14, с. 149–164].

XIX в. ознаменовал собой новую эпоху, ассоциируемую с развитием промышленности и экономики во всем мире. Конструирование и применение новой техники, а также внедрение передовых научных решений и технологий в производство не просто изменило способы ведения войны, а заложило новый этап военного противостояния. Освоение появившихся технологий производства оказало огромное влияние на всю мировую политику. Стремительное развитие химической отрасли и налаживание производства биологического оружия позволили Германии применить боевые отравляющие вещества на полях Первой мировой войны. Знаменитый американский писатель Чарльз Гордон Бут в своем бессмертном романе «Генерал умер на рассвете» высказал мысль о том, что именно военная мобилизация является важным капиталотформирующим фактором развития экономики. Внедрение научных технологий в армейские

разработки расширяет спектр их применения и ускоряет темпы промышленного производства, что продолжается с выпуском каждого нового образца вооружения.

Очевидно, что ведение войны требует задействования не только людских резервов, но и отраслей промышленно-экономического сектора. Анализируя опыт войн предыдущих столетий, целесообразно предусмотреть в системе мобилизационной подготовки наличие правовых основ, определяющих порядок создания и применения вспомогательных трудовых резервов для нужд предприятий промышленности, работающих в интересах военного ведомства. История наглядно показала нам, что на практике именно данный аспект вызывает значительные сложности при переориентировании государственных резервов на потребности воюющих войск.

Накануне I Мировой войны преобладающая часть населения Российской империи проживала в деревнях и занималась сельским хозяйством. Уклад жизни крестьян представлял собой соблюдение традиций и правил, установившихся на протяжении многих веков и сформировавших систему общественных взглядов и взаимоотношений с присущими ей специфическими ценностями. В начале XX в. начинается процесс социального деформирования общественного сознания людей, который заключался в ослаблении влияния общественного мнения деревенских общин на принимаемые крестьянами решения. Большое количество людей в надежде на лучшую жизнь переселилось в городскую среду. Это ярко характеризует накопившуюся усталость общества от гнета крепостной повинности прежних веков и недовольство неограниченной властью помещиков и господ. Оказавшись оторванными от привычной среды проживания, люди постепенно привыкали к новой жизни. В городе перед ними открывались широкие

окна новых возможностей и свобод, что сказывалось на восприятии окружающего мира и переосмыслении, казалось бы, ранее незыблемых ценностей. Некогда до фанатичности религиозные крестьяне, убежденные в необходимости посещения воскресного богослужения в деревенской церкви, постепенно понимали относительность своих суждений. Крестьяне перепрофилировались в рабочих и предпочитали в свободное время посещать ярмарки и иные общественные мероприятия, либо же браться за дополнительный труд, дававший возможность улучшить свой быт.

Работа на предприятиях промышленности, в отличие от крестьянского образа жизни, заключавшегося лишь в повседневном монотонном сельскохозяйственном труде, и сама специфика городской жизни требовали от людей повышенного интеллектуального развития. В рабочих коллективах заводов начинали появляться различные профсоюзы и общества, объединявшие людей по интересам и общим целям, прогрессировала тенденция получения образования. В такой непростой социальной среде, в сложных условиях политической обстановки внутри Российской империи начинается I Мировая война.

Как и все масштабные войны, I Мировая возникла не спонтанно, и если бы 28 июня 1914 г. в городе Сараево не произошло убийство наследника Австро-Венгерского престола сербским гимназистом Гаврилой Принципом, то все равно обязательно нашелся бы иной повод для начала крупномасштабного военного конфликта, уже давно назревавшего в самом центре Европы. Но именно данное событие спровоцировало призыв в регулярную армию Сербии резервистов и их переброску через границу с соседней страной, на противоположный берег реки Дунай. Не заставили себя ожидать и ответные меры Австро-Венгрии, принятые того же 28 июля 1914 г. и за-

ключавшиеся в проведении мобилизации и последующем официальном объявлении войны Сербии [15, с. 284].

Незадолго до событий I Мировой войны Россия и Франция в 1892 г. заключили тайный договор, в рамках «Военной конвенции от 5(17) августа 1892 г.», в связи с чем страны обязались мобилизовать свои армии, если хотя бы одна из стран – участниц военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии и Италии проведут мобилизацию своих войск [16, с. 20]. После событий на Балканском полуострове закономерно последовала мобилизация российской армии, что дало импульс для начала мобилизационного развертывания и вступления в войну Германии. Лишь Италия на первоначальном этапе войны сумела сохранить нейтралитет [17, с. 258–301].

Но, как и все крупные войны, I Мировая война не являлась исключением в отношении невозможности ее проведения по заранее намеченному плану. События подобного масштаба попросту невозможно срежиссировать и осуществить по заранее намеченному сценарию. Именно I Мировая послужила триггером, запустившим необратимые процессы фатальных изменений в политическом и социальном устройстве большинства стран Европы и всего мира. В конечном итоге ни одно из государств не смогло предусмотреть столь затяжной характер войны, который попросту исчерпал все имевшиеся резервы.

Человеческий потенциал в Российской империи был весьма велик, и проведение мобилизации позволило успешно вести полномасштабную войну. Люди воспринимали происходящие события с патриотизмом и позитивом, хотя порой и высказывали недовольство. Каждый солдат отчетливо осознавал важность своего вклада в общее дело достижения далеко мерцавшей на горизонте победы, а также в выполнение священного долга по защите братского народа и интересов самой России.

Глубоко убежденные в своем высоком призвании русские солдаты самоотверженно жертвовали своим здоровьем и жизнями. В агонии сражений солдаты нередко без раздумий шли на смерть стройными рядами, а одной фразы «За веру! Царя и отечество!» хватало для их воодушевления на совершение все новых и новых подвигов.

Но продолжительные военные неудачи, скудное обеспечение, а порой и вообще его отсутствие, в сочетании с нарушением логистических цепочек снабжения воюющей армии боеприпасами и вооружением способствовали увеличению недовольств среди солдат. Количество патристично настроенных граждан быстро уменьшалось под воздействием естественных факторов ведения войны, а ее продолжение требовало все новых и новых ресурсов, что приводило к недовольству среди населения. Одновременно с этим необходимость увеличения объемов производства сталкивалась с проблемой нехватки работников предприятий промышленности и сельского хозяйства [18, с. 89–95].

XIX в. с произошедшими в нем войнами, экономическими и политическими событиями зародил и укоренил в системе государственного управления всех передовых военных держав мобилизационную подготовку как основу для перехода армии и отраслей промышленно-экономического сектора на структуру военного времени. Но ни одна из военных держав так и не смогла построить надежную и хорошо отлаженную систему промышленно-экономических отношений, способных обеспечить все потребности и нужды воюющих войск.

Революция 1917 г. практически полностью разрушила систему мобилизационной подготовки в нашей стране. В период с 1917 по 1926 гг. уцелевшая мобилизационная структура использовалась лишь для восстановления разрушенной экономики и наиболее пострадавших от революции отраслей промышленности и сельского хозяйства.

С установлением новой власти и нормализацией работы государственного аппарата начинают возрождаться ведомственные учреждения, отвечавшие за подготовку армии и промышленности к войне. Согласно директивы Всероссийской коммунистической партии большевиков, принятой на XV съезде, проходившем со второго по девятнадцатое декабря 1927 г., устанавливается введение пятилетнего плана развития всех сфер и отраслей промышленно-экономического комплекса. Первая пятилетка началась с 1 октября 1928 и продолжалась до завершения 1932 г. В течение этого срока активно создаются новые предприятия для выпуска оборонной продукции, возрождается ведение учета и накопления мобилизационных людских резервов. Подведение достигнутых итогов проделанной работы, уточнение планов и задач на новый пятилетний срок надежно закрепились и укоренились в командно-административной системе государственного управления СССР и нашли свое отражение в современной системе управления страной [19, с. 135–142].

Система мобилизационной подготовки СССР 1926–1940 гг. ставила перед собой задачи и цели, заключающиеся в повышении эффективности работы финансово-экономической системы и наращивании технологического потенциала вооруженных сил. Так, Н. А. Вознесенский в своей работе, по сути представляющей подведение итогов деятельности на посту председателя Госплана СССР, отмечал, что даже в условиях военного времени именно рыночный характер экономических и торговых взаимоотношений являлся определяющим, несмотря на то что военная экономика советского периода заключалась в командно-распорядительной структуре трудовых ресурсов и фондов материальных средств [20, с. 124–163].

11 сентября 1926 г. Межведомственной мобилизационной комиссией СССР разработано Положение о подго-

товительном периоде к войне, по которому проведение мобилизации зависело от угроз государственной безопасности и предусматривало два режима. Первый режим предполагал скрытное проведение мобилизационных мероприятий с началом осложнения международных отношений до наступления военного конфликта. Второй же режим заключался в эвакуации населения и промышленных резервов из приграничных районов при непосредственном начале военного столкновения или открытого объявления войны [19, с. 135–142].

1 сентября 1939 г. Президиумом Верховного Совета СССР утверждается закон «О всеобщей воинской обязанности», с изданием которого устанавливается порядок призыва лиц, находящихся в запасе, в случае мобилизации или объявления военного положения. Политические и экономические процессы начала XX в. явно свидетельствовали о грядущем крупномасштабном военном конфликте, который попросту не мог обойти стороной СССР. Осознавая неизбежность участия в предстоящей войне, руководство страны резко ускоряет темпы наращивания оборонно-промышленного производства. Наряду с этим дипломаты всеми силами оттягивают неминуемое начало войны. Во многом именно благодаря их грамотным действиям удается достичь определенных договорённостей, за счет чего появляется дополнительное время для наращивания военного потенциала.

20 июня 1940 г. НКО СССР издается приказ № 0130 «О введении в действие Наставления по мобилизационной работе войсковых частей, управлений и учреждений Красной Армии». Но ни одно значимое мероприятие, проводимое в масштабе государства, невозможно скрыть в течение длительного периода времени, ввиду чего разведки иностранных спецслужб все чаще отмечают в своих докладах возросшую военную активность

и молниеносное наращивание военного потенциала СССР. Осознавая достигнутый паритет и последующее превосходство вооруженных сил Советского Союза над войсками Германии, на тот момент уже захватившей большую часть высокоразвитой в промышленном отношении Европы и нарастившей за счет этого свое военное производство, фашистское руководство решается на отчаянный шаг нападения на СССР.

22 июня 1941 г. в полной неожиданности для большинства руководства Советского Союза начинается Великая Отечественная война 1941–1945 гг.. Хорошая работа немецкой разведки и точно нанесенные удары по ключевым объектам инфраструктуры не позволили реализовать план мобилизационного развертывания советских войск. Несмотря на это, немцам все же не удалось полностью нейтрализовать действия вооруженных сил СССР. Военное командование смогло успешно адаптироваться к происшедшим событиям. Отлаженная система учета мобилизационных ресурсов своевременно произвела оповещение заранее подготовленного количества военнообязанных граждан, которые незамедлительно прибыли на сборные пункты и пополнили ряды формируемых воинских частей.

На начальном этапе войны руководству страны с трудом удавалось изыскать необходимые резервы для формирования мобилизуемых воинских частей, не хватало ни вооружения, ни имущества. В этих сложных условиях, хорошо проявила себя командно-административная система государственного управления. Воинские части и соединения формировались в приоритетном порядке их отправки на фронт, а слаженная работа министерств и ведомств позволила эффективно и своевременно перераспределить резервы, полученные от предприятий и граждан для обеспечения маршевых подразделений. Уже в первые дни войны мобилизационные ресурсы

предназначались не только для формирования новых воинских частей, но и для восполнения потерь личного состава и поврежденной техники. Внедряемая система комплектования войск и реализация особого плана формирования резервных и маршевых подразделений позволили своевременно укрепить наиболее ответственные участки фронта и не допустить продвижения врага.

Великая Отечественная война знаменательна еще и тем, что более ни в одном известном современной исторической науке военном конфликте не участвовало столь же большое количество добровольцев и партизан. С самых первых дней войны в состав советских войск хлынул огромный поток добровольцев. Этот факт ярко свидетельствует об отношении людей к проводимой мобилизации. Призыв большого количества населения в состав регулярных войск и вступление граждан оккупированных территорий в ряды партизанских отрядов привели к резкому уменьшению численности работников предприятий, что вызывало явную угрозу срыва выполнения установленного производственного плана. Лишь благодаря хорошо отлаженной системе государственного управления удалось скорректировать и своевременно перераспределить людские резервы.

Начавшаяся Великая Отечественная война воспринималась людьми, как благородная борьба за родину, требующая участия каждого. Ровно так же, как и в прошлую, первую мировую войну, патриотический лозунг, изменившийся в духе времени, уже звучал: «За родину! За Сталина!» и находил отклик в сердце каждого солдата, придавая сил в нелегкой борьбе. При начале крупномасштабной войны важно уделить особое внимание настроениям и мотивации людей. Только устойчиво развивающееся гражданское общество способно справиться с любыми трудностями. Эти простые истины одинаково

применимы ко всем странам и народам. Весьма наглядным и очень ярким примером этому служит победа Кубы над Соединенными Штатами Америки в борьбе за независимость от капиталистического влияния.

21 апреля 1961 г. наспех сформированные и плохо обученные воинские подразделения кубинцев смогли нанести решающее поражение одному из самых подготовленных в мире спецподразделений вооруженных сил США в бухте Кочинос. Сплоченные в едином порыве независимости и отстаивания своего государственного суверенитета, кубинцы понимали необходимость самопожертвования ради общего блага страны. Впоследствии, пытаясь оправдать позорное поражение Соединённых Штатов, общепризнанный политический гений Джон Фицджеральд Кеннеди скажет: «У победы тысяча отцов, а поражение всегда сирота». В этих словах тридцать пятого президента США выражается глубокий смысл сложившегося общественного и политического кризиса Соединенных Штатов Америки, который с годами лишь продолжает приобретать новые формы.

Заключение

В заключительной части следует отметить, что вся история исследования вооруженных конфликтов свидетельствует о том, что ни одна армия не сможет добиться успеха без поддержки всей страны и всего народа. Лишь единая идеология, основанная на соответствующей системе ценностей, способна сплотить в себе все общество и его руководителей на пути к достижению поставленной цели.

Апогеем милитаристской подготовки перед началом войны является проведение мобилизации. Все крупные военные конфликты прошлых лет планировались и начинались по однообразной типовой модели. Первоначально проводилась мобилизация и лишь после ее заверше-

ния начиналась война. Подобные взгляды нашли свое отражение и в современном законодательстве Российской Федерации, предусматривающем проведение мобилизации до начала введения военного положения¹.

В реалиях современной геополитики в государственной системе управления нашей страны важно предусмотреть такую модель мобилизационного развертывания, которая будет способствовать проведению мобилизации вооруженных сил, исходя из территориальной принадлежности формируемых воинских частей и расположения воинских контингентов внутри административно-территориальных границ субъектов Российской Федерации. Своевременное и качественное выполнение всех спланированных мобилизационных мероприятий возможно лишь при условии интеграции соответствующих положений федерального законодательства в региональные нормативно-правовые акты, а также тщательной подготовки предстоящих действий. Подобная концепция позволит сократить время развертывания воинских континентов до начала их применения и обеспечит сбалансированность их потребностей к реальным объемам незадействованных резервов.

Руководство Советского Союза смогло апробировать и внедрить в свою работу самые эффективные способы комплектования войск, которые соединили в себе одно-временное формирование новых воинских континентов за счет поступающих мобилизационных ресурсов с восполнением потерь действующей армии. Опыт мобилизации 1941–1945 гг. показал необходимость модернизации системы воинского учета, без чего попросту невозможно накопить требуемое количество людских резервов по наиболее востребованным воинским специальностям

¹ О военном положении: федер. конституционный закон от 30.01.2002 (ред. 02.11.2023) // СЗ РФ. 04.02.2002. № 5. Ст. 375. 2023. С. 15.

и рационально провести призыв граждан, имеющих дефицитные специальности для обеспечения функционирования предприятий оборонно-промышленного комплекса. С момента прошедших событий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и вплоть до настоящего времени ни в одной другой стране мира, кроме СССР, не проводилось ничего подобного мобилизации трудовых резервов. Создание необходимого количества рабочих и их применение в интересах обороны государства позволило в годы войны не только нарастить военное производство, но и способствовало развитию экономики страны в тяжелых условиях военного времени.

Не стоит забывать и про жертву, положенную на алтарь победы партизанскими и добровольческими подразделениями, созданными на начальном этапе ведения боевых действий. Практика применения подобных подразделений и в настоящее время учитывается при планировании гражданской обороны и действий территориальных войск¹. Советское государство сумело сочетать собственный опыт проведения мобилизации, полученный в ряде локальных военных конфликтов с наследственными практиками военных наработок монархических правителей, что послужило надежной основой для победы над фашистской Германией.

Опыт Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. по праву считается наиболее значимым в истории современных войн и всего человечества. Именно ее итоги заложили существующую архитектуру современного мироустройства и правовые основы ведения войны. Вся современная стратегия боевых действий и подготовка к их ведению построены на базисах самой масштабной и кровопролитной из всех известных в истории войн. Но как и сама жизнь, военная наука не стоит на месте

¹ О гражданской обороне: федер. закон от 12.12.1998 (ред. 08.08.2024) // СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 799.

и развивается с каждым днем, а вместе с ней совершенствуется и мобилизационная подготовка. Активно эволюционируют формы и методы ведения войны, которые в свою очередь ориентируются на внедрение новых технологий в военную промышленность. Сейчас нельзя представить себе успешной ни одну наступательную или оборонительную военную операцию без использования средств разведки или систем спутникового наблюдения. Современные образцы вооружения становятся все более и более наукоемкими и высокотехнологичными и продолжают развиваться с каждым днем.

Происходящие события современности внесли коррективы в сам принцип мобилизационной подготовки, как и в предыдущие столетия, многие ее аспекты, проверенные наукой и временем, лишь реинкарнируют и получают новую жизнь с учетом их адаптации к современным реалиям. В условиях нового противостояния политических интересов ведущих мировых держав важно предусмотреть такую правовую концепцию мобилизационной подготовки, которая позволит максимально скрытно и в минимально короткие сроки создать стратегический резерв для успешного ведения войны и укрепить тактически важные позиции воюющих войск.

Список литературы

1. Горский А. А. Дружина и генезис феодализма на Руси // Вопросы истории. – 1984. – № 9. – С. 17–28. EDN: UNJFUD
2. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 1. – М.: Голос, 1993. – С. 178–201.
3. Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – С. 218–238.
4. Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь – М.: Наука, 1993. – С. 251–325.
5. Курбатов О. А. «Конность, людность и оружность» русской конницы в эпоху Ливонской войны 1558–1583 гг. // История военного дела: исследования и источники. – 2013. – Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. Вып. II. – С. 236–295.
6. Гусев И. Е. Регулярная армия Петра I. – М.: АСТ, 2020. – С. 9–28.

7. Пажитнев В. В. Русская армия 1812 г. Устройство и боевые действия. – М.: Самиздат, 2019. – С. 129–186.
8. Захарова Л. Г. Воспоминания Д. А. Милютина. – М.: Российский фонд культуры студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова «Российский архив», 2000. – С. 166–175.
9. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. – М.: Кучково поле, 2011. – С. 316–367.
10. Свечин А. А. Эволюция военного искусства. С древнейших времен до наших. Т. 2. – М.: Госиздат, 1928. – С. 21–29.
11. Безугольный А. Ю., Ковалевский Н. Ф., Ковалев В. Е. История военной окружной системы в России 1862–1918 гг. – М.: Центрполиграф, 2012. – С. 139–165.
12. Кузнецов С. В. Влияние реформ Милютина Д. А. на военную историю России конца XIX – начала XX в. // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 5 (42). – С. 4–6.
13. Агеев А. М. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 1. – М.: Наука, 1975. – С. 153–176.
14. Лалаев М. С. Исторический очерк военно-учебных заведений, подведомственных Главному их управлению: от основания в России военных школ до исхода первого двадцати пятилетия благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1700–1880 гг. Т. 2. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1892. – С. 149–164.
15. История первой мировой войны 1914–1918 гг. Т. 1. / под ред. И. И. Ростунова – М.: Наука, 1975. – С. 284.
16. Проект военной конвенции от 5/17 августа 1892 г. Документы по заключению франко-русского союза (1891–1893 гг.) // Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1952. – С. 129.
17. Емец В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. Взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. – М.: Наука, 1977. – С. 258–301.
18. Павлов А. Ю. Русско-французское военно-стратегическое взаимодействие в период первой мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского Государственного университета. – 2012. – № 3 (6). – С. 89–95. EDN: QICGYD
19. Пахомов В. В. Историко-правовые аспекты становления мобилизации и мобилизационной подготовки в России // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. – 2018. – № 4 (4). – С. 135–142. EDN: YPQCQN
20. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны – М.: ОГИЗ, 1948. – С. 124–163.

References

1. Gorskij, A. A. (1984) *Druzhina i genezis feodalizma na Rusi* [The Squad and the genesis of feudalism in Russia]. Moscow: Voprosy istorii. Pp. 17–28. (In Russian).
2. Solov'ev, S. M. (1993) *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. T.1* [The history of Russia since ancient times. Vol. 1]. Moscow: Golos. Pp. 178–201. (In Russian).
3. Sedov, V. V. (1982) *Vostochnye slavyane v VI–XIII vv.* [The Eastern Slavs in the VI–XIII centuries]. Moscow: Nauka. Pp. 218–238. (In Russian).
4. Presnyakov, A. E. (1993) *Knyazhnoe pravo v drevnej Rusi. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaya Rus'* [Princely law in ancient Russia. Lectures on Russian history. Kievan Rus]. Moscow: Nauka. Pp. 251–325. (In Russian).
5. Kurbatov, O. A. (2013) «*Konnost', lyudnost' i oruzhnost'*» *russkoj konnicy v epohu Livonskoj vojny 1558–1583 gg.* ["Horsemanship, crowds and weapons" of the Russian

cavalry in the era of the Livonian War of 1558–1583]. Moscow: Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Pp. 236–295. (In Russian).

6. Gusev, I. E. (2020) *Regulyarnaya armiya Petra I* [Peter the Great's Regular Army]. Moscow: AST. Pp. 9–28. (In Russian).

7. Pazhitnev, V. V. (2019) *Russkaya armiya 1812 goda. Ustrojstvo i boevye dejstviya*. [The Russian Army of 1812. Device and combat operations]. Moscow: Samizdat. Pp. 129–186. (In Russian).

8. Zaharova, L. G. (2000) *Vospominaniya D. A. Milyutina* [Memoirs of D. A. Milyutin]. Moscow: Rossijskij fond kul'tury studiya "TRITE" Nikity Mihalkova "Rossijskij arhiv". Pp. 166–175. (In Russian).

9. Buturlin, D. P. (2011) *Istoriya nashestviya imperatora Napoleona na Rossiju v 1812 godu* [The story of Emperor Napoleon's invasion of Russia in 1812]. Moscow: Kuchkovo pole. Pp. 316–367. (In Russian).

10. Svechin, A. A. (1928) *Evoljuciya voennogo iskusstva. S drevnejshih vremen do nashih. T.2*. [The evolution of the art of war. From ancient times to the present. Vol. 2]. Moscow: Gosizdat. Pp. 21–29. (In Russian).

11. Bezugol'nyj, A. Yu., Kovalevskij, N. F., Kovalev, V. E. (2012) *Istoriya voenno-okružnoj sistemy v Rossii. 1862–1918 godov* [The history of the military district system in Russia. 1862–1918]. Moscow: Centrpoligraf. Pp. 139–165. (In Russian).

12. Kuznecov, S. V. (2013) *Vliyanie reform Milyutina D. A. na voennuyu istoriju Rossii konca XIX – nachala XX veka* [The influence of Milyutin's reforms on the military history of Russia in the late 19th and early 20th centuries]. Moscow: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. Pp. 4–6. (In Russian).

13. Ageev, A. M. (1975) *Istoriya pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. T.1* [History of the First World War 1914–1918 Vol. 1]. Moscow: Nauka. Pp. 153–176. (In Russian).

14. Lalaev, M. S. (1892) *Istoricheskij ocherk voenno-uchebnyh zavedenij, podvedomstvennyh Glavnomu ih upravleniyu: Ot osnovaniya v Rossii voennyh shkol do iskhoda pervogo dvadcati pyatiletiya blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha. 1700–1880 gg. T.2*. [A historical sketch of military educational institutions subordinate to their Main Directorate: From the foundation of military schools in Russia to the outcome of the first twenty-fifth anniversary of the prosperous reign of Emperor Alexander Nikolaevich. 1700–1880. Vol. 2]. St. Petersburg: Tip. M.Stasyulevicha. Pp. 149–164. (In Russian).

15. Rostunova, I. I. *Istoriya pervoj mirovoj vojny 1914–1918 gg. T.1* [History of the First World War 1914–1918 Vol. 1]. Moscow: Nauka. P. 284. (In Russian).

16. Lamadorf, V. N. (1893) *Proekt voennoj konvencii ot 5/17 avgusta 1892 g. Dokumenty po zaklyucheniyu franko-russkogo soyuza (1891–1893 gg.)* [Draft military convention of August 5/17, 1892. Documents on the conclusion of the Franco-Russian alliance (1891–1893)]. *Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami* (1856–1917). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. P. 129. (In Russian).

17. Emec, V. A. (1977) *Ocherki vneshnej politiki Rossii v period pervoj mirovoj vojny. Vzaimootnosheniya Rossii s soyuznikami po voprosam vedeniya vojny* [Essays on Russia's Foreign Policy during the First World War. Russia's relations with its allies on issues of warfare]. Moscow: Nauka. Pp. 258–301. (In Russian).

18. Pavlov, A. Yu. (2012) *Russko-francuzskoe voenno-strategicheskoe vzaimodejstvie v period pervoj mirovoj vojny* [Russian-French military-strategic cooperation during the First World War]. St. Petersburg: Vestnik Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo universiteta. Pp. 89–95. (In Russian).

19. Pahomov, V. V. (2018) *Istoriko-pravovye aspekty stanovleniya mobilizacii i mobilizacionnoj podgotovki v Rossii* [Historical and legal aspects of the formation of mobilization and mobilization training in Russia]. Kemerovo: Teoriya i praktika nauchnyh issledovanij: psihologiya, pedagogika, ekonomika i upravlenie. Pp. 135–142. (In Russian).

20. Voznesenskij, N. A. (1948) *Voennaya ekonomika SSSR v period Otechestvennoj vojny* [The military economy of the USSR during the Patriotic War]. Moscow: OGIZ. Pp. 124–163. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Глушаченко Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Демиденко Владимир Владимирович, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

About the authors

Sergey B. Glushachenko, Dr. Sci. (Law), Professor, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9499-0081, e-mail: professor_p@list.ru

Vladimir V. Demidenko, Postgraduate student, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-3712-2209, e-mail: demidenkva@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.12.2024
Принята к публикации: 18.12.2024
Опубликована: 31.03.2025

Received: 03 December 2024
Accepted: 18 December 2024
Published: 31 March 2025

Общественные отношения как объект правового регулирования

А. В. Евсеев

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье предпринята попытка пересмотра традиционной для советского правоведения точки зрения, согласно которой объектом правового урегулирования и, следовательно, объектом юридической науки являются исключительно общественные отношения. Отмечается, что подобное понимание общественных отношений как единственного объекта права не охватывает такие известные современной социологии и политологии явления, как общественные состояния, общественное поведение, общественные организации и институты. Утверждается, что нормативно-правовое воздействие на них не сводится к конструкции «правоотношение», известной со времен Древнего Рима. Кроме того, показано, что использование понятия «общественное отношение» во многих случаях носит умозрительный характер, что сопоставимо со средневековыми «химерами».

Ключевые слова: право, общественные отношения, объект правового регулирования, теория права, философия права.

Для цитирования: Евсеев А. В. Общественные отношения как объект правового регулирования // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 56–77. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_56. EDN: KHSDHE

Public Relations as an Object of Legal Regulation

Aleksei V. Evseev

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article attempts to revise the traditional point of view for Soviet jurisprudence, according to which the object of legal regulation and, consequently, the object of legal science are social relations. It is noted that such an understanding of social relations as the only object of law does not cover such phenomena known to modern sociology and political science as social states, public behavior, public organizations and institutions. It is argued that the regulatory and legal impact on them is not reduced to the construction of "legal relationship" known since the times of Ancient Rome. In addition, it is shown that the use of the concept of "social attitude" in many cases is speculative, which is comparable to medieval "chimeras".

Key words: law, public relations, object of legal regulation, theory of law, philosophy of law.

For citation: Evseev, A. V. (2025) Obshchestvennye otnosheniya kak ob'ekt pravovogo regulirovaniya [Public relations as an object of Legal regulation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*, No. 1 (79). Pp. 56–77. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_56. EDN: KHSDHE

Введение

Одно из самых распространенных выражений, используемых на протяжении всей истории юриспруденции, это словосочетание «общественные отношения». О них упоминается ещё в древнейших письменных памятниках, да и в современных отечественных публикациях этот рефрен нередко встречается на страницах законов и научных публикаций по правовым вопросам.

Заметим, что далеко не каждое слово в юридическом языке получает своё логическое осмысление (в виде определения, содержательных признаков, объема, классификаций) и терминологическое закрепление. Эта ремарка уместна в отношении многих основополагающих правовых слов-понятий, таких как «свобода», «справедливость» или «интерес». Общий смысл таких слов многими юристами-практиками и даже правоведами-учеными воспринимается зачастую интуитивно или же посредством частных примеров¹, т. е. без должной рациональной рефлексии. Сказанное в полной мере относится и к столь часто употребляемому словосочетанию «общественные отношения».

В отечественной социологии под общественными отношениями обычно понимают «отношения между различными человеческими коллективами, социальными группами, классами и внутри их» [13, с. 117]. Одновременно выделяют также личные (межличностные) отношения – отношения между людьми, основанные на их индивидуальных интересах, взаимных симпатиях, совместном проживании и т. п. Абверсией общественных и личных отношений выступает индивидуальное отношение, т. е. внутреннее отношение человека к явлениям внешнего мира или к самому себе (рефлексия). В теоретическом

¹ Так, в гражданском праве до сих пор широко используется выражение «злоупотребление правом», которое иллюстрируется конкретными составами таких деяний, как «шикана», «обход закона», «ограничение конкуренции», «доминирующее положение на рынке» [См.: ст. 10 ГК РФ]. Общего определения понятия «злоупотребление правом» ни в законодательстве, ни в серьезной научной литературе нет.

плане общественное отношение чаще всего рассматривается как родовое понятие, обобщающее такие виды общественных отношений, как экономические, политические, идеологические и т. д.

Понятие «общественные отношения» в контексте современного права

Как же применяется определяемое таким образом дефиниция «общественные отношения» в современной юриспруденции?

Прежде всего отметим, что термин «общественные отношения» традиционно используется для обозначения предмета правового урегулирования и объекта юридической науки. Например, предмет административного права определяется теперь как «совокупность общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти» [8, с. 40].

Аналогично, объектом юридической науки выступают «общественные отношения, связанные с такими важнейшими социальными институтами, как право и государство»¹.

Особое понимание общественных отношений даётся в концепции правоотношений, применяемой, в частности, в области гражданского, трудового, семейного, административного права и т. д. Традиционно правоотношения определяются как общественные отношения, урегулированные нормами объективного права [14, с. 51]. Некоторые авторы вводят ещё один существенный признак, полагая, что правоотношения непосредственно урегулированы комплексом взаимных субъективных прав и юридических обязанностей, присущих участникам этих отношений [1]. При этом считается, что любое правоотношение включает в себя две составляющие: юридический и материальный состав. Если юридический состав

¹ Рассказов Л. П. Основы юридической науки: учебное пособие. М.: А-Проджект, 2017. С. 34.

любого правоотношения формально регламентирован законом в виде особой правовой конструкции с такими её элементами, как «юридический факт – объект – субъект – субъективные права и обязанности – норма права», то материальный состав обычно не определяется, а лишь подразумевается; в лучшем случае используется некий абстрактный (родовой) признак, указывающий на реальность общественных отношений, урегулированный вышеуказанной конструкцией. Например, семейные правоотношения предполагают наличие материального состава, но зачастую определяемого весьма расплывчато – посредством понятия «семья» («живут как семья») или весьма точно («совместное проживание», «общее хозяйство», «общие финансы»); отсутствие же материального состава в семейных правоотношениях обычно характеризуют понятиями «отсутствие желания создать семью» и/или «фиктивный брак». При этом такой признак, как «интимные отношения» между мужчиной и женщиной, по-видимому, не может служить доказательством наличия между ними реальных семейных отношений – хотя бы в силу их права на тайну личной жизни. Более того, общеизвестно классическое определение понятия семьи: это союз мужчины и женщины, что далеко не тождественно правоотношениям между ними¹.

Аналогичным образом используется понятие «общественные отношения» и в административном праве, при этом изначально властные отношения в контексте теории и правоотношений трактуются уже как некие «вертикальные» правоотношения, посредством которых реализуются управленческие и иные властные полномочия государственных и муниципальных органов.

¹ В. Г. Ф. Гегель, иллюстрируя свою знаменитую триаду в «Науке логики», даёт, по сути, диалектическое понимание семьи: тезис – Мужчина, антитезис – Женщина, синтез – Семья (более сущностное понятие, объединяющее первоначальные понятия «мужчина» и «женщина» как свои подчинённые моменты).

Когда же идёт речь об административных правонарушениях, то обычно в ходе их выявления и расследования правоохранительные органы применяют к реальному событию и его последствиям (следам) особую правовую конструкцию – состав административного правонарушения, предусмотренный той или иной статьёй Особенной части КоАП РФ¹; такой состав всегда включает в себя определённые элементы, такие как «объект – объективная сторона – субъект – субъективная сторона». Парадоксально, но в большинстве статей (составов) действующего КоАП РФ объект административного правонарушения как предмет посягательства явно не указан; например, ст. 16.22 КоАП РФ вообще не содержит признаков объекта данного вида административных правонарушений²; нет упоминаний об административных отношениях как объекте правонарушений ни в одной статье гл. 16 КоАП РФ (Нарушения таможенных правил). Но если нет объекта посягательства, то нет и административного правонарушения, поскольку «отсутствие состава административного правонарушения является основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении»³. Такого рода пробел в административном праве восполняют правоведы и судьи, которые по-прежнему полагают, что «объектом административного правонарушения являются регулируемые и охраняемые административным правом общественные отношения»⁴. При этом подразумевается, что объектом

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. 26.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102074277> (дата обращения: 06.02.2025).

² Ст. 16.22. Нарушение сроков уплаты таможенных платежей: «Нарушение сроков уплаты таможенных пошлин, налогов, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пятисот до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц – от пяти тысяч до десяти тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до трехсот тысяч рублей» [Там же].

³ Ст. 24.5 КоАП РФ [Там же].

⁴ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. № 2 (2023), утв. Президиумом ВС РФ 19.07.2023 // СПС КонсультантПлюс; Шестало С. С. Административное правонарушение: понятие, признаки, состав (статья) // СПС КонсультантПлюс.

административного правонарушения могут быть самые разные общественные отношения: общественные отношения вообще (вся совокупность общественных отношений или любые общественные отношения), однородные общественные отношения (например, некие отношения, связанные с общественной безопасностью), видовые общественные отношения (например, некие отношения, связанные с безопасностью на транспорте) или вполне конкретные общественные отношения¹.

Другая картина складывается в области гражданского права, где юридический состав практически всегда дополняется известным материальным составом, в котором присутствует конкретный объект посягательства (скажем, вещь, определённая, как правило, с точностью до марки, ассортимента, количества и даже упаковки). При этом необходимости применять к такому вещному объекту какие-либо дополнительные характеристики (типа «конкретные общественные отношения») обычно не возникает².

Таким образом, в рамках теории правоотношений и соответствующего законодательства современное правосознание зачастую пользуется юридически неопределённым понятием «общественные отношения», которое имеет долгую историю, терминологически привлекательно и в то же время не вполне соотносимо с юридической практикой³.

О понимании общественных отношений как объекта права

Ситуация, связанная с пониманием общественных отношений в области права, становится ещё более сложной

¹ Например, возникновение общественно опасной ситуации на дороге из-за превышения скорости на 12 км/час транспортным средством марки BMW с государственным номером K00798X3 на участке 10 Московского проспекта (в сторону Пулково) 2 октября 2024 года в 21:55.

² Конечно, в некоторых особых случаях уместно говорить о конкретных общественных отношениях, например, при создании кем-либо препятствий для правомерного пользования этой вещью её собственником или третьими лицами (негативный иск).

³ Выше уже отмечалось, что понятие «общественные отношения» вполне оправдывает себя в рамках гражданского (цивильного) права и гражданских (имущественных) правоотношений.

и запутанной, когда термин «общественные отношения» начинает рассматриваться как универсальная категория для обозначения предмета правового урегулирования и объекта юридической науки. С таким глобалистским тезисом трудно согласиться. Тем более, что против этого тезиса могут быть предъявлены и контраргументы.

Во-первых, понятие «общественные отношения» имеет весьма солидное философское обоснование, прежде всего в учении К. Маркса (1818–1883), где они суть особая социальная реальность, с которой вынуждены иметь дело люди со дня рождения и в которой, в отличие от природы, нет «ни грана вещества». Далее – общественные отношения предстают у него в виде или материальных (экономических), или идеологических (сознательно построенных) отношений. Да и сама сущность человека проявляется, по Марксу, в его общественных отношениях («в своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6, с. 1–4]). При этом материальные отношения первичны по отношению к праву¹, науке, религии и т. д. Однако с выходом в свет в 1905 г. книги М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма» [3] большинство философов признало ошибочным экономический редукционизм в учении К. Маркса, особенно с учётом всёвозрастающей роли культуры, науки и права в развитии общества в XX в.² Учитывая, что марксизм на протяжении почти семидесяти лет был весьма влиятельной официальной идеологией в России, можно сделать предположение, что усилиями большевиков многие идиомы этой идеологии, в том числе марксистские концепты об общественных отношениях, были привнесены

¹ «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [7, с. 19].

² Парадоксально, что именно К. Маркс ещё в XIX в. заметил на полях своих трудов, что наука станет непосредственной производительной силой общества. Данный тезис, несомненно, вступил в противоречие с исходными принципами его экономического материализма.

в новое (социалистическое) правосознание и нашли своё продолжение в теории советского права и, соответственно, в советском законодательстве. Со временем они стали общепризнанным нарративом у советских юристов, поскольку создавали видимость некой материальной реальности, лежащей в основе правового регулирования и в то же время отличной от реальной юридической практики; таковыми нарративами были: «общественная собственность», «публичность права»¹, «социалистическая законность», «народный суд» и т. д.

Во-вторых, вряд ли на основе умозрительного знания (в данном случае – натурфилософского по своему смыслу понятия «общественные отношения») могут приниматься важные решения, касающиеся установления юридических фактов (мнимые сделки, фиктивный брак, семейная жизнь без регистрации брака и т. д.) или даваться правовые оценки в отношении лиц, совершивших правонарушения (судебные решения, административные постановления и т. п.). А ведь в результате использования такого рода понятий в законодательстве складывается сомнительная юрисдикционная практика, когда правоприменительные решения (особенно часто в области администрирования) выносятся лишь на основе наличия формальных признаков (при этом не учитываются негативные последствия оцениваемых деяний) и без исследования всей совокупности материальных признаков (прежде всего негативных последствий рассматриваемых противоправных деяний)². Например, водитель транспортного средства (далее – ТС), плавно сбавляя

¹ В отличие известного ещё с древних времён права частной собственности советские правоведы и политэкономисты постулировали некие общественные отношения в отношении материальных ценностей, являющиеся собственно предметом публичного права собственности (В. И. Ленин: «Мы ничего частного не признаем, для нас все в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное»).

² Нечто подобное было характерно для средневековой инквизиции, которая вела розыск еретической скверны, то есть различных видов отступлений от догм религиозной веры, выраженных в Священном писании.

скорость перед предупреждающим или запрещающим сигналом светофора, пересек стоп-линию и остановился, формально нарушив тем самым п. 6.13 Правил дорожного движения¹. Если данный факт был замечен инспектором Госавтоинспекции (или был установлен средствами видеофиксации), то составляется протокол об административном правонарушении со ссылкой на ст. 12.14 КоАП РФ. Однако формальный характер такого правоприменительного решения не учитывает одного материального факта, важного с точки зрения права: резкое торможение могло привести к аварии с участием тех, кто двигался за этим ТС. Учитывая это обстоятельство оптимальным решением с точки зрения права было бы проведение профилактической беседы, устное предупреждение водителя ТС либо освобождение его от административной ответственности, согласно ст. 2.9 КоАП РФ.

Получается, что понятие «общественные отношения» в подобной практике служит лишь некой декларацией и/или теоретической рамкой, а не реальным объектом, доступным для документирования и юридического анализа, который проводит исследователь, дознаватель, следователь или эксперт.

В-третьих, наибольшие трудности использования дефиниции «общественные отношения» в области правоприменения, по-видимому, связаны с доказательностью наличия состава правонарушения и, прежде всего, его априори подразумеваемого объекта – «общественных отношений». Если признать, что объектом посягательства являются некие общественные отношения, то возникают вполне резонные вопросы: какой ущерб или вред они понесли (причём, в качественном и количественном измерении)?

¹ О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 06.12.2024) // СПС КонсультантПлюс.

кем и с помощью каких инструментов и методов этот вред или ущерб был установлен и измерен? восполним ли или невосполним данный ущерб (вред)? какова денежная стоимость вреда или ущерба, причинённого правонарушителем этим общественным отношениям? Заметим, что даже сторонники данного нарратива в последнее время вынуждены признавать, что наряду с общественными отношениями существуют и другие социальные реалии, такие как личность, права и свободы, собственность, общественная безопасность [15], которые могут выступать в качестве объектов административных правонарушений.

В-четвертых, говоря об объектах правонарушений, далеко не всегда следует обращаться к понятию «общественные отношения» – имеются вполне апробированные в юриспруденции способы заполнения таких своеобразных пробелов в праве. Например, если не указан объект административного правонарушения (т. е. в статье КоАП РФ отсутствуют признаки предмета посягательства), это не значит, что конкретный вид административного правонарушения не направлен на какой-либо социально значимый предмет – скорее всего, предполагается, что он не сводится к неким наблюдаемым явлениям и их конкретным признакам (вещь, денежные средства и т. п.), а характеризуется более абстрактными признаками, такими как общественное спокойствие, морально-психологическое здоровье людей, экономический интерес страны, экологическая безопасность, безопасность дорожного движения и т. п. Кроме того, при отсутствии в той или иной статье КоАП РФ абстрактных или конкретных признаков объекта правонарушения он в некоторых случаях может быть логически выведен из содержательного контекста статьи или представлен на основе известных аналогий или теоретических толкований, которые присутствуют в научных комментариях

к этой статье или упоминаются в соответствующих судебных решениях¹. Так, обращаясь вновь к ст. 16.22 КоАП РФ (о нарушении сроков уплаты таможенных платежей), можно легко установить, что данный вид административных правонарушений нацелен на вполне определенный объект – это недополученный государством доход в размере неуплаченных вовремя и в полном размере таможенных пошлин, налогов и иных платежей, подлежащих уплате в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза².

В-пятых, рассматривать общественные отношения в качестве объекта правового урегулирования и/или объекта состава правонарушения не совсем логично, поскольку практически любое общественное отношение включает в себя свой внутренний объект, аналогично тому, как правоотношение всегда имеет свой предмет (родовой или видовой). Поэтому имеет смысл мысленно двигаться дальше и путём логического анализа выделить в предполагаемом общественном отношении именно его специфический объект, в связи с которым и существуют данные общественные отношения и на который может быть направлено противоправное деяние. Например, кража (тайное хищение) – это не общественное отношение и, тем более, не правоотношение, а «деяние лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие

¹ Большинство специалистов в области административного права в качестве объекта административного правонарушения называют некие общественные отношения, сложившиеся в практике взаимодействия таможенных органов и лиц, пересекающих таможенную границу страны; данные отношения, по их мнению, урегулированы нормами таможенного и административного права и могут быть нарушены субъектами, совершающими административные правонарушения. Обычно такие общественные отношения сторонники данного подхода называют «сложившийся порядок пересечения таможенной границы». Недостатком такого теоретического подхода, на наш взгляд, является то, что сами по себе общественные отношения между органами Федеральной таможенной службы России и участниками внешнеэкономической деятельности всегда урегулированы правом и поэтому являются правоотношениями, которые, в свою очередь, предполагают свой объект. Именно такой объект и должен быть найден и определён с точностью до признаков, указанных в рассматриваемом составе административного правонарушения, в качестве объекта (иногда – средства правонарушения). Заметим также, что в гл. 16 КоАП РФ объект в виде «общественных отношений» ни разу не упоминается, что автоматически переводит данную точку зрения из сугубо юридической плоскости в теоретико-идеологическую область.

² Современное название Таможенного союза – Евразийский экономический союз.

собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них»¹. В таком понимании объектом такого правонарушения, предусмотренного п. 3 ст. 158 УК РФ², является именно имущество собственника или иного владельца этого имущества.

Конечно, из всего сказанного вовсе не следует, что понятие «общественные отношения» должно быть отвергнуто или признано бесполезным в области права. Ведь концепция правоотношений, как отмечалось выше, уже на протяжении более двух тысячелетий вполне успешно работает в области гражданского (имущественного) права, да и в административном праве некоторые составы правонарушений могут включать в себя признаки конкретных правонарушений.

С учётом этих замечаний напрашивается вполне конструктивный вывод: надо признать, что использование понятия «общественные отношения» как объекта правового урегулирования (и научного изучения) весьма неоднозначно и в некоторой степени проблематично как в теоретическом плане³, так и в юридической практике. Тем более, данное понятие не может служить единственным понятием, указывающим на объект правонарушений.

Иные объекты правового воздействия и юридической науки

Указанная выше проблематичность в значительной степени снижается, если признать очевидное, а именно: общественные отношения не являются единственным

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 06.01.2025).

³ По-видимому, утверждать, что государство – это общественные отношения, может только человек, который ещё не расстался со стереотипами советского правоведения.

объектом правового урегулирования и научного изучения их юриспруденцией.

В научной литературе последнего времени не раз предлагалось рассматривать в качестве объекта правового урегулирования такие понятия (и соответствующие им предметные явления), как: общественные состояния, общественные деяния (поступки), общественные отношения, общественные организации (институты)¹. Хотелось бы отметить, что перечисленные социальные реалии нередуцируемы (не сводятся) к общественными отношениям и по сути являются самостоятельными сущностными явлениями, хотя и соприкасающимися с общественными отношениями. Рассмотрим их подробнее.

1. Общественные состояния были давно известны на Руси. Ещё в начале XVIII в. благодаря Петровским реформам утвердились такие общественные состояния («сословия»), как дворянство, духовенство, крестьянство (крепостные и казенные крестьяне); позже, при Екатерине II к этим сословиям добавились новые сословия: купечество, вольное казачество, мещане (сельские и городские обыватели). Каждое из сословий характеризовалось определённым родом занятий, местом проживания, владением и наследованием своего имущества, титулами (званиями). По сути, это были социальные признаки сословия, указывающее на его положение (место) в тогдашнем обществе. На основе своей сословной принадлежности каждый подданный в Российской империи наделялся особым набором прав и обязанностей, а также видами юридической ответственности². В современном российском праве существует и широко применяется аналог понятия «обще-

¹ См., например: Теория государства и права: учебное пособие / А. В. Гнево и др.; Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2017. С. 73–74.

² Например, по тогдашнему закону, телесные наказания не применялись к представителям дворянского сословия и к духовным лицам.

ственное состояние» – «правовой статус» как комплексное определение, характеризующее юридические свойства субъекта права в зависимости от его положения в обществе и/или государстве. Важно подчеркнуть, что правовой статус такого субъекта устанавливается, как правило, конституциями и/или законами посредством особых правовых норм (норм-дефиниций). При этом правовой статус определяется как стабильное правовое состояние субъекта, которым он обладает, как правило, до вступления в те или иные правоотношения¹. Яркий пример правового статуса – общая гражданско-правовая правоспособность физического или юридического лица².

2. На первый взгляд, весьма дискуссионным выглядит идея выделить общественные деяния в качестве самостоятельного объекта правового урегулирования – кажется, что любая человеческая деятельность не может происходить вне общественных отношений и, следовательно, она всегда должна быть урегулирована правами и обязанностями, соотнесёнными с другими субъектами права³. Тем не менее в общественной жизни порой возникают ситуации, когда человек вольно или невольно (или просто случайно) выпадает из сложившихся общественных ситуаций, например, когда он уединяется, молится Богу, сосредоточен на индивидуальном творчестве, совершает космический полёт и т. д. Если же вернуться в более привычный контекст, обнаружим весьма известный, но, к сожалению, редко встречающийся в жизни феномен под названием «свобода». Под свободой в современной юриспруденции понимается правовая возможность

¹ А. Ю. Якимов, как и многие другие теоретики права, определяет правовой статус как стабильное правовое состояние субъекта, а правовое положение — как изменчивую совокупность прав и обязанностей, обусловленную вступлением субъекта в те или иные правоотношения [15, с. 7–8].

² См.: гл. 3–4 ГК РФ.

³ В этом пункте следует четко различать философский (марксистский) дискурс об общественной сущности человека («человек – социальное животное») и собственно юридический ракурс рассмотрения обсуждаемых явлений общественной жизни.

и способность лица самостоятельно конструировать и воплощать модель собственного поведения или делать свой субъективный выбор между вариантами (моделями) возможного поведения, которые предоставляет закон¹. В первом случае реализация свободы может происходить как моральный поступок, акт самоутверждения, творческое озарение, воинский подвиг и т. п. Во втором, более распространенном случае, мы имеем дело со свободой выбора товара, учебного заведения, места работы, спутника жизни, – словом, свободного, внутренне мотивированного решения, нацеленного на вступление в те или иные общественные отношения. Характерно, что вышеперечисленные и иные формы и виды реализации свободы зачастую происходят безотносительно к каким-либо общественным отношениям². Основным принцип при реализации свободы (свобод) – «разрешено всё, что не запрещено законом». Конечно, при этом не должны нарушаться права и свободы других лиц³.

3. Весьма отличаются по своему содержанию и, следовательно, по формам правового урегулирования такие явления, как общественные организации и институты. Проблема несводимости организаций к общественным отношениям была известна ещё древнеримским юристам, которые выделяли – наряду с физическими ли-

¹ Теория государства и права: учеб. пособие / А. В. Гнево и др. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2017. С. 111.

² Безотносительность к общественным отношениям в данном случае означает автономность поведения человека, не включенного в данный момент в конкретные общественные отношения, хотя последние могут быть в зоне его внимания и влиять на него и его деятельность. По поводу автономности поэтического творчества высказывался ещё А. С. Пушкин в своём знаменитом стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом»: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

³ Широко распространено изречение, приписываемое И. Канту (чаще – М. Бакунину): «Свобода каждого заканчивается там, где начинается свобода другого человека». Но гораздо больше смысла в противоположном тезисе, навеянном «Этикой» Б. Спинозы: «Свобода каждого заканчивается там, где начинается несвобода другого человека». Спиноза полагал, что «человек, руководимый разумом, чтобы жить свободнее, желает соблюдать общие права гражданского общества» [10, с. 285], то есть, оставаясь свободным, он не стремится нарушать свободу других людей. Что касается И. Канта, то он, в отличие от Б. Спинозы, связывает свободу не только с разумом, но и с волей и таким её проявлением, как мужество, необходимым для того, чтобы пользоваться разумом и быть свободным: «Имей мужество использовать свой собственный разум».

цами – некие социальные организации (известные как «союзы», «коллегии», «корпорации»¹), но в юридическом плане они во многом уподобляли такие организации физическим лицам и наделяли их теми же юридическими свойствами – право- и дееспособностью физических лиц. Конечно, такие организации в Древнем Риме имели и некоторые юридические особенности (по сравнению с физическими лицами), например, выход или смерть отдельных членов организации не влекли их прекращения, а для получения завещательного имущества необходимо было получить особое разрешение [5, с. 113]. Развитие такого подхода завершилось в XIX в. созданием своеобразной концепции – конструкции юридического лица [9].

Существенными признаками юридического лица как общественной организации на сегодня признаются [4, с. 79–87]:

- объединенный капитал (концентрация имущества и денежных средств учредителей и других лиц) в собственности и управлении такого лица;
- обособление этого капитала от основателей юридического лица и, следовательно, его способность нести имущественную ответственность за свои действия (при минимизации ответственности учредителей за его действия);
- наличие организационно-управленческой структуры (что нехарактерно для физических лиц);
- способность приобретать права и нести обязанности, реализовывать их от имени юридического лица;
- государственная регистрация;
- реквизиты (имя/название и т. д.);
- адрес (юридический/физический);

¹ См.: Виды и перечень таких организаций, существовавших в Древнем Риме, представлены в статье [11].

■ фиктивные элементы (воля юридического лица, вина юридического лица¹).

Общей проблемой для юридических лиц является противоречие между интересами юридического лица, с одной стороны, и интересами физических лиц – его сотрудниками и учредителями.

С точки зрения системного подхода² общественные организации – это не просто «социальные формы существования человека» (К. Маркс) или «определенные формы общественных отношений» (А. В. Венедиктов)³. Важнейшим признаком общественных организаций является такая их особенность, как взаимозаменяемость персонального состава: будучи созданной конкретными людьми, любая организация включает в себя работников, руководителей, специалистов и других сотрудников – но все они могут выйти из своей общественной организации, а на их место придут другие, при этом общественная организация продолжает существовать и действовать, причем в прежнем или ином устойчивом режиме. Данная особенность организаций выступает их общей закономерностью, а именно: внутри любой общественной организации складывается стабильная организационно-управленческая структура («внутренняя форма»).

¹ См.: ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ («Юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению»).

² История и методология юридической науки: учебное пособие / А. В. Евсеев, А. О. Лядов, Л. И. Жжилева. СПб.: Изд-во СПбГУТИЭ, 2019. С. 29–30.

³ Советская доктрина исходила от фикции юридического лица, рассматривая ее как человеческий субстрат в его общественных отношениях, при этом деятельность юридического лица является базовым критерием его правосубъектности, что нашло свое воплощение в «теории коллектива» А. В. Венедиктова ««Раскрывая сущность юридического лица как определённой правовой формы общественных отношений мы обязаны показать за ними живых людей, из которых этот коллектив состоит и формой отношений которых такое юридическое лицо является...». По мнению этого учёного, за каждым из государственных органов стоит весь советский народ, а также коллектив рабочих и служащих, которых возглавляет его руководитель. Если народ не создает субстрата юридического лица, то коллектив и есть собственно юридическое лицо. Своё дальнейшее развитие идеи Венедиктова А. В. нашли в «теории директора» Толстого Ю. К., главным тезисом которого является представление о директоре как носителе юридической личности предприятия» [цит. по: 4 с. 82].

4. Рассматривая понятие «общественные институты»¹, обычно подразумевают под этим словом такие общественные организации, которые имеют ряд особенностей и характеризуются следующими признаками:

- созданы по определённым формальным правилам²;
- их содержательные части (элементы) взаимозаменяемы, т. е. могут быть заменены на новые однородные элементы;
- единство и устойчивость общественного института обусловлены наличием в нём определенной структуры (организационно-управленческой формы; внутренней системы надличностных связей и отношений);
- функционирование любого общественного института создаёт определённые внешние эффекты (результаты, последствия), которые должны быть востребованы государством, обществом, личностью;
- предполагается государственная регистрация;
- в составе некоторых общественных институтов возможно создание внутренних организаций (подсистем).

Общеизвестны примеры общественных институтов: семья, школа, церковь, здравоохранение, банки, государство и др.

Заключение

Таким образом, мы видим, что список объектов правового урегулирования не сводится только к общественным отношениям и включает в себя целый ряд других общественных явлений, которые охватываются соответствующими социологическими категориями и подпадают под действие правовых понятий, норм и принципов.

¹ Парадоксально, что это понятие-термин зародилось в древнеримской юриспруденции («институции», «институты») и обозначало некоторые разделы тогдашнего частного права.

² Многие общественные организации, в отличие от общественных институтов, созданы не по формальным правилам, предписанным властью, а на основе общих интересов, договоренностей, планов самих участников этих организаций (например: древнеримская секта, клуб коллекционеров, «черная касса» и т. д.).

Что касается дальнейшего преодоления вышеупомянутой проблематичности известного концепта «общественные отношения», возникающей при использовании его в области права и в юридической науке, то, по-видимому, следует более внимательно проанализировать саму природу общественных отношений, причём не в их статике, а с диалектических позиций. Конечно, потребуется обратиться в первую очередь к современным философским, социологическим и политологическим публикациям, в которых общественные отношения рассматривались бы не с натурфилософских или философических¹ позиций, а с учётом эмпирических («полевых» и статистических) исследований и достижений теоретической мысли. Осмысление этого конкретно-научного материала в юриспруденции позволило бы не только расширить её концептуальный аппарат, но и открыть новые стороны и аспекты общественной жизни, подлежащие правовому урегулированию.

Список литературы

1. Бондарев А. С. Два типа правоотношений в обществе: их единство и различия // Вестник Пермского государственного университета. Юридические науки. – 2011. – Вып. 1. – С. 7–18.
2. Бутов С. В., Лысенков С. Г. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика (Челябинск). – 2022. – № 4 (35). – С. 6–11.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. – М.: Изд-во АСТ, 2021. – 352 с.
4. Коструба А. В. Теория юридического лица: интегративный подход // Проблемы гражданского права и процесса: сб. науч. статей. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2020. – С. 79–87.
5. Ляшенко Д. А., Ускова Ю. В. «Юридические лица» в Древнем Риме как основа формирования понятия юридических лиц в современном гражданском законодательстве РФ // Эпомен (Краснодар). – 2018. – № 12. – С. 110–115.
6. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 3. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. – С. 1–4.

¹ Под философическим знанием в данном случае понимаются философские теории прикладного характера, которые в своих выводах претендуют на статус научно-теоретического знания. Такого рода поползновения характерны и для философии права; примером может служить судьба марксистского концепта «общественные отношения», которое было перенесено в советское правоведение и приобрело в нём гипертрофированное значение в качестве общетеоретического правового понятия, а также судьба философического концепта «естественные права человека», возникшего под сильным воздействием философии (Эпикур, Дж. Локк и др.).

7. Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Т. 19. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во политической литературы, 1961. – С. 9–32.
8. Россинский Б. В. Современное понимание предмета административного права // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 3.1. – С. 38–43.
9. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 2. – М.: Статут, 2012. – 573 с.
10. Спиноза Б. Этика. – Минск: Харвест. – М.: АСТ, 2001. – 336 с.
11. Субботин Ю. В., Крицкая С. Ю. История формирования понятия «юридическое лицо» в Древнем Риме // Юридические науки. – 2022. – № 6. – С. 17–22.
12. Фиалковская И. Д. Состав административного правонарушения: первичные и вторичные признаки. // Законность и правопорядок (Н. Новгород). – 2018. – Вып. 3 (19). – № 83. – С. 29–33.
13. Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 591 с.
14. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 350 с.
15. Якимов А. Ю. Статус субъекта права // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 5–10.

References

1. Bondarev, A. S. (2011) Dva vida pravootnosheniy v obshestve: ih edinstvo i razlichiya [Two types of legal relations in society: their unity and differences]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Perm State University. Legal sciences*. No. 1. Pp. 7–18. (In Russian).
2. Butov, S. V., Lysenkov, S. G. (2022) O sootnoshenii ponyatiy «pravovoiy status» i «pravovoe polozhenie» kak samostoyatelnykh juridicheskikh kategoriy [On the relationship between the concepts of "legal status" and "legal place" as independent legal categories]. *Zakon i porядok: istoria, teoria, praktika – Law and order: history, theory, practice*. No. 4 (35). Pp. 6–11. (In Russian).
3. Weber, M. (2021) *Protestantskaya etika i duh kapitalizma* [Protestant ethics and the spirit of Capitalism]. Moscow: AST Publishing House (In Russian).
4. Kostruba, A. V. (2020) Teoriya juridicheskogo licza: integrativnyi podhod [Theory of a legal entity: an integrative approach]. *Problemy grazhdanskogo prava i processa: sbornik nauchnykh ststyei* [Problems of civil law and process: collection of scientific papers]. Grodno: GrSU named after Ya. Kupala. Vol. 5. Pp. 79–87. (In Russian).
5. Lyashenko, D. A., Uskova, Yu. V. (2018) Uridicheskie licza v Drevnem Rime kak osnova formirovaniya ponyatiya uridicheskogo licza v sovremennom grazhdanskom prave RF ["Legal entities" in Ancient Rome as the basis for the formation of the concept of legal entities in modern civil legislation of the Russian Federation]. *Epomen*. No. 12. Pp. 110–115. (In Russian).
6. Marx, K. (1955) Tezisy o Feyerbahe [Theses on Feuerbach]. *Marks, K., Engels, F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 3* [Marx, K., Engels, F. Engels, F. Essays: in 50 vols. 2nd ed. Vol. 3]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Pp. 1–4. (In Russian).
7. Marx, K. (1961) Kritika Gotskoy programmy [Criticism of the Gotha program]. *Marks, K., Engels, F. Sochineniya: v 50 t. 2-e izd. T. 19* [Marx, K., Engels, F. Essays: in 50 vol. 2nd ed. Vol. 19]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. Pp. 9–32. (In Russian).
8. Rossinsky, B. V. (2021) Sovremennoe ponimanie predmeta administrativnogo prava [Modern understanding of the subject of administrative law]. *Pravovaya politika i pravovaiya zgizn – Legal policy and legal life*. No. 3.1. Pp. 38–43. (In Russian).

9. Savigny, F. (2012) *Sistema sovremennogo rimskogo prava: v 8 t. T. 2* [The system of modern Roman law: in 8 vols. Vol. 2]. Moscow: Statute.
10. Spinoza, B. (2001) *Etika* [Ethics]. Minsk: Harvest, Moscow: ACT (In Russian).
11. Subbotin, Yu. V., Kritskaya, S. Y. (2022) Istotiya formirovaniya ponyatiya "uridicheskoe liczo" v Drevnem Pime [The history of the formation of the concept of "legal entity" in Ancient Rome (article)]. *Uridicheskie nauki – Legal Sciences*. No. 6. Pp. 17–22. (In Russian).
12. Fialkovskaya, I. D. (2018) Sostav administrativnogo pravonarusheniya: pervichnye b vtorichnye priznaki [The composition of an administrative offense: primary and secondary signs]. *Zakonnost i poryadok – Law and order*. Vol. 3 (19). No. 83. Pp. 29–33. (In Russian).
13. *Filosofskaya enciklopediya: v 5 t. T.4 (1964)* [Philosophical encyclopedia: in 5 vols. Vol. 4]. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian).
14. Khalfina, R. O. (1974) *Obshee uchenie o pravootnoshenii* [The general doctrine of legal relations]. Moscow: Yuridicheskaya literature. (In Russian).
15. Yakimov, A. Y. (2003) Status subjekta prava [The status of the subject of law]. *Gosudarstvo i pravo – The State and law*. No. 4. Pp. 5–10. (In Russian).

Об авторе

Евсеев Алексей Викторович, кандидат философских наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

About the author

Aleksei V. Evseev, Cand. Sci. (Philos.), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-3274-2370, e-mail: avespb@gmail.com

Поступила в редакцию: 25.11.2024
Принята к публикации: 18.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 25 November 2024
Accepted: 18 February 2025
Published: 31 March 2025

Институт представительства в системе публичной власти России: опыт теоретико-исторического моделирования

Р. Р. Ласынов

Мурманский арктический университет,
г. Мурманск, Российская Федерация

В статье осуществляется общетеоретический анализ института представительства. Формулируется его дефиниция, выделяются характерные признаки, показываются особенности понимания, структурирования и функционирования представительства в базовых отраслях нормативной системы российского права. Проводится ретроспективный анализ становления и развития института представительства в истории российской государственно-правовой системы, с акцентированием внимания на основаниях формирования представительных структур в условиях монархической и советской России. Определяется социально-правовая основа формирования и функционирования института представительства в Российской Федерации на современном этапе ее представительства. Выделяются электоральные группы, в совокупности образующие единый народ Российской Федерации и показываются особенности представления их интересов на государственном уровне.

Ключевые слова: институт представительства, представитель, представляемый, государство, народ, советы, партия, конституция, федерация, глава государства.

Для цитирования: Ласынов Р. Р. Институт представительства в системе публичной власти России: опыт теоретико-исторического моделирования // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 78–99. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_78. EDN: LKFCMZ

The Institute of Representation in the Russian Public Authority System: the Experience of Theoretical and Historical Modeling

Radik R. Lasynov

Murmansk Arctic University,
Murmansk, Russian Federation

The article provides a general theoretical analysis of the institution of representation. Its definition is formulated, its characteristic features are highlighted, and the peculiarities of understanding, structuring, and functioning of representation in the basic branches of the regulatory system of Russian law are shown. A retrospective analysis of the formation and development of the institution of representation in the history of the Russian state and legal system is conducted, with an emphasis on the foundations of the formation of representative structures in the conditions of monarchical and Soviet Russia. The socio-legal basis for the formation and functioning of the institution of representation in the Russian Federation at the present stage of its representation is determined. The electoral groups that collectively form the united people of the Russian Federation are identified and the peculiarities of representing their interests at the state level are shown.

Key words: institution of representation, representative, represented, state, people, councils, party, constitution, federation, head of state.

For citation: Lasynov, R. R. (2025) Institut predstavitel'stva v sisteme publichnoj vlasti Rossii: opyt teoretiko-istoricheskogo modelirovaniya [Institute of the State in the Russian public administration system: the experience of theoretical and historical modeling]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 78–99. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_78. EDN: LKFCMZ

Введение

Проблематика, связанная с рассмотрением вопросов института представительства, представляет собой особый феномен и имеет важное значение как для науки о праве, так и для юридической практики.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с межсубъектной коммуникацией представителя и представляемого, целью которых является реализация и защита законных интересов последнего.

Предмет рассмотрения в комплексе составляют понятия и принципы, характеризующие институт представительства, закономерности его возникновения и развития в условиях исторического генезиса российской государственно-правовой системы, а также виды представительства на различных этапах отечественного полито- и правогенеза.

Целью выполненной работы является теоретико-исторический анализ института представительства, с акцентированием внимания на его понимании и классификации в исторической ретроспективе. Также к целевым установкам следует отнести анализ государственно-правовой основы становления и деятельности института представительства в государственно-правовой системе России на современном этапе ее развития, что позволяет выделить и охарактеризовать особенности представления интересов электоральных групп, образующих в совокупности единство российского народа на общегосударственном уровне [7, с. 127].

Достижение поставленных целей предполагает решение следующих задач:

- изучение понятий и принципов, характеризующих институт представительства;
- рассмотрение особенностей понимания представительства в общей теории и отраслях права;

- выделение исторических этапов развития и трансформации российской государственно-правовой системы;
- рассмотрение особенностей получения и осуществления представительских полномочий на различных этапах отечественного полито- и правогенеза.

В качестве источников в совокупности, образовавших идейную базу выполненной работы, были задействованы работы научно-теоретического характера, законодательные акты различных временных периодов, а также эмпирические материалы.

Общетеоретические аспекты института представительства

Образование и функционирование института представительства является необходимым фактором, направленным на передачу определённых действий лицам, либо одному лицу, которые в силу реализации своих функций могут представлять интересы других лиц.

В ходе исторического развития институт представительства стал широко применяться в различных сферах деятельности представляемых лиц.

Исходя из сказанного следует сформулировать следующую дефиницию: представительство – это совершение уполномоченным лицом (представителем) юридических действий от имени и в интересах представляемого.

Рассмотрим общие признаки института представительства как обличенного в форму юридической коммуникации взаимодействия представителя и представляемого. К числу таких признаков относятся:

- коммуникация (взаимодействие) двух лиц – представителя и представляемого. Участниками представительских отношений могут быть только люди. При этом в качестве представляемого может выступать как индивид, так и коллективное образование (государство, партия,

национальная группа, коммерческая структура и т. п.). В качестве представителя всегда выступает персонифицированное физическое лицо. В том случае, если речь идет об органе представительства, данный орган формируется из конкретных субъектов-представителей;

- в качестве представляемого лица может выступать как правосубъектное (правоспособное и дееспособное) лицо, так и лицо, обладающее частичной дееспособностью, либо признанное недееспособным. В свою очередь, представителем может выступать исключительно правосубъектное лицо, наделенное общей либо специальной дееспособностью;

- субъект, осуществляющий представительские функции, действует исключительно в законных интересах представляемого лица и не должен использовать свои полномочия для извлечения личной либо иной, не связанной с интересами представляемого выгоды [3, с. 6–12]. Данная дефиниция предусмотрена ч. 3 ст. 182 ГК РФ, в которой установлена невозможность совершения юридических действий представителем отношении себя лично. В противном случае такие действия будут оспоримыми в силу закона, при этом отсутствие согласия со стороны представляемого станет одним из условий для оспаривания [12, с. 324].

Функциями представительства являются содействие представляемому в возможности приобретения, изменения, либо прекращения прав или обязанностей путем проведения целенаправленных юридических действий, заключающихся в защите интересов, создании условий в целях реализации прав и доказывания фактов, которые определяются волей представляемого, либо в силу закона.

Представительство является связующим звеном трех обособленных субъектов: представляемого, чьи законные интересы осуществляются либо устанавливаются; представителя, который выступает в интересах представ-

ляемого; лица, в отношении которого устанавливаются интересы представляемого [8, с. 49].

В отраслевой конструкции представительство подразделяется следующим образом: представительство в гражданском праве и процессе, представительство в административном праве и процессе, представительство в уголовном праве и процессе, представительство конституционном (государственном) праве и процессе.

Более подробно в дальнейшем нами будут рассмотрены особенности представительства в сфере конституционного (государственного) права и процесса, и будем говорить об объекте и субъекте от имени которых осуществляется институт представительства.

Представительство осуществляется по договору и по закону. В ряде источников отмечается, что в основу договорного представительства положено доверие представляемого к представителю. Договорное представительство предполагает доверие представляемого и выражается в представлении представителем интересов представляемого. К примеру, в уголовном процессе защитник может представлять интересы подозреваемого либо обвиняемого за материальное вознаграждение со стороны представляемого. Отметим, что в данном контексте представитель, защищающий интересы по договору, пользуется доверием представляемого. Вместе с тем, в случае отсутствия доверия представляемого к данному представителю, законодательством Российской Федерации предусмотрено предоставление государственного представителя (защитника). При этом вопрос доверия либо отсутствие такового является персонифицированным критерием представляемого. В вопросах, касающихся представительства по договору (доверенности), руководитель юридического лица в зависимости от своего юридического статуса может обладать представительски-

ми функциями, либо ими может не обладать. Также в уголовном процессе представитель может представлять интересы пострадавшего.

Представительство по закону, являясь объективным представительством, при этом не предполагающим доверие представляемого в отношении представителя, следует из приобретения представительства в виде получения определенной должности. В данном контексте примером может послужить получение должности Президентом Российской Федерации как представителя по закону всего российского народа. Другим примером может послужить наличие представительства по закону у родителей в отношении детей, которое может быть представлено в виде представительства по наследству, поскольку в гражданско-правовых отношениях родители не только и не столько выполняют определенные юридические действия, сколько отстаивают интересы детей в различных отношениях. Представительство по договору, как и представительство по закону, является способом получения определенных полномочий в отношении представляемых, заключающихся в формировании условий по облегчению положения представляемого. При осуществлении договорного представительства представляемый и представитель находятся в персонафицированном положении, основанном на доверии. При осуществлении представительства по закону принцип доверия является критерием неактуальным.

Таким образом, представительство является важным аспектом в осуществлении прав и обязанностей населения и обеспечивает эффективность в реализации защиты их прав и законных интересов. Безусловно, данный институт обеспечивает гибкость, удобство и возможность для граждан по совершению юридических действий на значительном расстоянии, что облегчает

процесс для участвующих в представительстве как юридических, так и физических лиц.

Зарождение и развитие института представительства в условиях монархической России

В контексте истоков генезиса Российского государства представительство уходит в далекое прошлое. В частности, первоначально осуществлявший свою деятельность по принципу «первый среди равных» предводитель войска, князь, являлся представителем интересов дружины, которая в свою очередь могла повлиять на поведение князя. К примеру, термин «дружина», происходящий от слова «друг», прямо указывает на понятие «побратимство», которое направлено на дружелюбие, верность, сообщество равных. По мнению В. В. Колесова, друг, тот же близкий, но не по крови и не по свойству, их объединяет то, что они соратники, которые всегда вместе [11, с. 41].

В дальнейшем институт представительства приобретает характер представительства государства, при этом представительство может быть от имени государственного органа, от различных групп населения, в совокупности образующих государство.

Переход к централизованной модели государственного устройства обуславливает формирование института монархического представительства, в котором власть монарха носит династический характер, передаётся по наследству и осуществляется от имени Бога. Применительно к Русскому государству следует выделить сословно-представительный орган представительства – Земский собор, созданный по воле царя Ивана IV и осуществлявший функции, связанные как с законотворческой деятельностью (принятие Соборного уложения 1649 г.), так и выборами главы государства. К примеру, в 1584 г. Земским собором был избран на царство сын Ивана IV – Федор, в 1598 г.

Земским собором на царство был избран Борис Годунов, в 1606 г. – Василий Шуйский, а в 1613 г. после пресечения монархической династии Рюриковичей, на царский престол был избран Михаил Романов [5, с. 138]. При этом, если царственный титул переходил к несовершеннолетним представителям династии, то фактическое управление государством от их имени осуществляли представители. В частности, при Иване IV управление Русью с 1533 г. по 1538 г. осуществляла его мать – Елена Глинская.

Петр I, провозглашенный царем в возрасте десяти лет, в 1682 г. стал фактическим правителем «всёя Руси» лишь в 1689 г., а до этого Российским государством правила Софья Алексеевна – старшая сестра Петра I.

Обращает на себя внимание структура Земского собора, который состоял из «Освященного собора» русской церкви с митрополитом, позднее с патриархом во главе, и представлял интересы священнослужителей; боярской думы (светской аристократии), представлявший интересы бояр; «земских (черных) людей», состоявших из различных групп населения, представленных из различных местностей государства [2, с. 11], которые представляли интересы горожан, стрельцов и землевладельцев.

Представляется возможным провести некоторое сравнение структур английского и русского представительства и убедиться в некоторых их сходствах. История английского парламентаризма берет свое начало еще с XIII в. Исследователи в области парламентаризма полагают, что в течение продолжительного периода времени английский парламентаризм был образцом и основой государственного развития для многих стран. Некоторые концепции и установки, принятые в осуществлении деятельности английского парламента, стали основой парламентаризма других стран, в том числе российского парламентаризма. Концепция деятельности английского

парламента лежит в основе российского представительства рассматриваемого периода [4, с. 1046].

Так, структура английского парламента того периода имела аналогичную структуру что и Земские соборы. Английский парламент включал в себя палату лордов – в которую входили светские лорды, духовные лорды, судейский лорд (представители аристократии), и палату общин, которая включала в себя представителей городов (магистратов), военачальников – рыцарей и сквайров – земледельцев. И Земский собор, и Английский парламент являлись представительными органами, выполнявшими не только функции совещательного характера, но и принимавшие решения по вопросам государственного значения.

Однако в отличие от Британского парламента, который не только сохранился, но и вошел в систему разделения властей Британского государства, Земский собор достаточно быстро утратил свое политическое значение и в период правления Петром I прекратил свое существование.

Следующий исторический этап формирования представительных органов в истории Российского государства связан с формированием и деятельностью законосовещательного органа – Государственной думы в 1906 г. (май-июль 1906 г.). Основным нормативным правовым актом создания и формирования Государственной думы был Манифест от 6 августа 1905 г., и учредивший Государственную думу Манифест от 17 октября 1905 г. В отличие от Земского собора, который формировался исключительно из элитарных сословий, для Государственной думы характерна попытка представить ее в качестве общенародного органа.

На период формирования Государственной думы население России было представлено следующими сословными группами и имело в своей структуре: дворян – 1,5 %; городского населения – 15 %, которые подразделялись на крупную торгово-промышленную буржуазию и про-

стых горожан-разночинцев; промышленный пролетариат – 17 %; крестьян – 82 %.

Формирование Государственной думы 1906 г. обуславливалось сословно-представительным характером, предполагающим вхождение в свой состав представителей сословий, в том числе представителей, имеющих определенную собственность. В период проведения избирательной кампании в Государственную думу выделялись четыре избирательных курии, в которые входили представители поместного дворянства, горожан, промышленного пролетариата и представители крестьянства.

Избирательная кампания проходила в период с 26 марта по 20 апреля 1906 г. по принципу многоступенчатости, при котором депутаты избирались выборщиками, назначенными от избирателей по двухступенному принципу. Для промышленного пролетариата и крестьянства были установлены трех- и четырехступенный принцип выборов.

Несмотря на то что дворяне представляли лишь 1,5 % слоев населения Российской империи, именно им были предоставлены основные преимущества в избирательном процессе. В социальной структуре, привилегированным классом, от которого осуществлялось представительство, были дворяне. Для избирательной курии поместного дворянства ценз составлял один выборщик на 2 тыс чел, что имело наиболее высокую норму представительства, в то время как для крестьян, представлявших самое многочисленное социальное сословие, предусматривался один выборщик на 30 тыс человек.

В результате в Первую Государственную думу от общего количества представителей было избрано: 10 % (46 депутатов) представителей поместного дворянства; представителей горожан – 24 % (114 депутатов); представителей промышленного пролетариата – 4 % (17 депутатов); представителей крестьянства – 23,2 % (111 депутатов). Таким об-

разом, от избирательных курий было всего избрано 288 депутатов, что составило 61,2 % от всех избранных депутатов в Первую Государственную думу 1906 г.

Наряду с избирательными куриями, с учетом многонационального состава Российской империи, при формировании Государственной думы использовался и национальный критерий, для которого устанавливалась избирательная квота. В частности, в ст. 1 Высочайшего утвержденного Положения о выборах в Государственную думу от 6 августа 1905 г. определено, что выборы в Государственную думу проводятся по губерниям, областям и крупным городам: Санкт-Петербургу, Москве, а также по 26 наиболее крупным городам, в том числе по городам Баку, Риге, Тифлису, Варшаве. В примечании ст. 1 Положения установлено, что выборы от губерний царства Польского, Тургайской и Уральской областей, от Сибирских губерний и областей, от Туркестанского и Степного генерал-губернаторств, Кавказского наместничества и выборы от кочевых иногородцев проводятся на основании особых правил. Количество членов Государственной думы от губерний, областей и городов, а также православного населения Люблинской и Сидлецкой губерний, от казачьих войск и от кочевых иногородцев Астраханской и Ставропольской губерний установлено в приложенном к ст. 2 Положения расписанием [10, ст. 1, 2]. В Манифесте императора от 6 августа 1905 г. указывается на особый порядок участия в Государственной думе выборных от Великого княжества Финляндского по вопросам об общих для империи и сего края узаконений [9, ст. 26656]. Отметим, что в Государственной думе от национальных слоев было представлено 14 % представителей, которые отстаивали свои национальные интересы.

Таким образом, формирование Государственной думы происходило по двум направлениям. Наряду с сословно-

имущественным представительством формирование осуществлялось по национальному критерию, при котором в том числе использовались особый порядок и особые правила проведения выборов.

Дальнейшее развитие представительных органов было прервано Октябрьским переворотом 1917 г., который в свою очередь означал переход России на качественно иной, исторический путь развития.

Развитие института представительства в условиях советского периода

В первоначальном виде высшим органом государственной власти в РСФСР был периодически созываемый Всероссийский съезд Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Властные полномочия на местах исполняли постоянно действующие Советы депутатов трудящихся.

Конституция РСФСР 1918 г. открывается с декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, и выделяются два основных класса – победивший класс трудящихся (рабочие, крестьяне, солдаты и матросы), формой выражения власти которых стали Советы депутатов разных уровней, а высшим органом власти – Съезды Советов, и проигравший класс – класс бывших эксплуататоров.

В ст. 7 гл. 4 Конституции РСФСР 1918 г. закреплено положение о том, что классу бывших эксплуататоров нет места ни в одном из органов власти. Кроме этого, в Конституции РСФСР 1918 г. были определены социальные группы, проживающие на нетрудовые доходы, которые лишались избирательных прав. В ст. 64 гл. 13 Конституции устанавливаются права избирать и быть избранными в Советы депутатов определённым категориям граждан, вместе с тем ст. 65 Конституции определяет перечень лиц, среди которых: использующие наёмный труд, живущие на нетру-

довые доходы, частные торговцы и другие лица, которые не могут участвовать в выборах, быть избранными в Советы депутатов и осуществлять представительские функции.

Таким образом, представительство в условиях начального периода советской власти носило избирательный характер и осуществлялось только в отношении представителей победившего класса. Конституция 1918 г. определяла социальную общность «лишенцев», которые не могли выступать в качестве электоральных групп и формировать собственное представительство.

С принятием Конституции 1936 г. система советского представительства претерпела существенные изменения. Статьей 30 был утвержден высший орган государственной власти – Верховный Совет Союза ССР, формируемый путем проведения выборов по избирательным округам, привязанным к советским республикам. Совет Союза формировался по принципу общенародного представительства, а Совет Национальностей – по национальному принципу. От каждой союзной республики избиралось по 32 депутата, от автономных республик – по 11 депутатов, от автономных областей – по 5 депутатов, от национальных округов – по 1 депутату.

Наряду с общенародным представительством в советских органах государственной власти, представительские функции осуществлялись партийными и профсоюзными организациями, формируемыми как по территориальному, так и по производственному принципам. Профсоюзные организации формировались на всех производственных объектах, где был профессиональный коллектив, включая образовательные учреждения, школы, детские сады. Всюду, где на производствах было более трех коммунистов, формировались первичные партийные ячейки.

При этом следует подчеркнуть, что в эпоху Союза ССР главой государства официально являлся представитель на-

рода – Председатель Совета Народных Комиссаров, Председатель Верховного Совета СССР, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, однако фактическим главой государства являлся партийный лидер, лидер КПСС.

Таким образом, в советский период свою деятельность осуществляли, являвшиеся государственными органами, четыре представительных органа. Это, прежде всего многоуровневые Советы, во главе которых находился Совет Союза, а также национальное представительство, представленное на союзном уровне Советом национальностей. Следующим представительным органом являлось профессиональное представительство, представленное на высшем уровне Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС), а на первичном – профессиональными организациями на производственных объектах. Также представительские функции осуществлялись «руководящей и направляющей силой советского общества» – КПСС, представленной на высшем уровне постоянно действующим Политбюро ЦК КПСС и периодическим всесоюзным партийным Съездом, а на первичном уровне партийными ячейками и организациями, создаваемыми на всех производственных объектах, где имелось как минимум три члена партии. Решения партии являлись определяющими для страны, поскольку стратегическое планирование осуществлялось партийными программами и решениями партийных съездов.

Формирование и функционирование института представительства в Российской Федерации на современном этапе

На современном этапе система представительных органов в своем развитии претерпела значительные изменения и качественным образом отличается от си-

стемы представительных органов как советского, так и имперского периода.

В современной России в качестве органа общенародного представительства, в связи с тем, что его избрание осуществляется гражданами всей страны, по единому общефедеральному избирательному округу на шестилетний срок выступает Президент Российской Федерации.

Следующим видом представительства в современных условиях является представительный орган – Федеральное собрание РФ, который является высшим законодательным органом, состоящим из двух палат, формируемых по принципам регионального, партийного и опосредованного представительства.

Государственная дума формируется по двойственному регионально-партийному принципу. Избрание половины депутатов Думы осуществляется от одномандатных избирательных округов, формируемых на базе субъектов Федерации. Соответственно, избранные депутаты-одномандатники представляют интересы жителей соответствующих регионов, образующих территориальный избирательный округ.

Избрание второй половины депутатов Государственной думы осуществляется по принципу партийного представительства, в котором избранные депутаты отстаивают прежде всего интересы своих партий, партийного электората, голосующего за представителей партии, выдвинувших свои кандидатуры на выборах, с наличием своих программ, посредством декларации которых они конкурируют с другими партиями в борьбе за власть.

Отличительной особенностью партийного представительства современной России от партийного представительства Советского Союза является то, что в Советском Союзе партийное представительство осуществлялось от имени одной партии, выступавшей в качестве руководя-

щей и направляющей силы советского общества. Поэтому применительно к советской системе представительства дефиниция «партия власти» является корректным понятием.

В современных условиях ни одна из партий, несмотря на численность партийных фракций, не может претендовать на статус «партии власти», поскольку реальными властными функциями в сфере государственного управления не обладает.

Совет Федерации представляет собой орган опосредованного представительства. Сенаторы от субъектов Федерации фактически представляют не народ субъекта, а высшее должностное лицо и депутатов региональных законодательных собраний. Что же касается сенаторов представляющих в Совете Федерации интересы Российской Федерации, то по факту приобретения своих полномочий, они представляют главу государства – Президента РФ.

Проводя сравнительный анализ институтов представительства, имевших место в царской и советской России, с современными аналогами, следует отметить, что в настоящее время, несмотря на закрепленную в ст. 68 Конституции Российской Федерации характеристику российской нации как «многонационального союза равноправных народов», на общегосударственном уровне отсутствует орган национального представительства.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что с учетом закрепления на конституционном уровне такого феномена, как многонациональный союз народов, по нашему мнению, представляется необходимым в перспективе предусмотреть возможность формирования национального представительства на общегосударственном уровне, к примеру по образцу представительства Российской империи, Верховного Совета Союза ССР. В связи с тем, что сенаторы, по сути, не представляют народ субъекта, а представляют тех, кто их назначил – возможны два пути

развития представительства. Прежде всего это представительство субъектов, во-вторых – это представительство национальностей, которые будут представлять не главу субъекта Федерации и главу регионального парламента, а будут представлять народ субъекта Федерации.

Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации (на общефедеральном уровне), представительство делится на общенародное – Президент РФ, региональное – Государственная дума, формируемая по двойственному народно-партийному принципу, а также на опосредованное – Совет Федерации.

Заключение

Представительство как специализированная форма юридической деятельности, связано с правовыми последствиями поступков, совершаемых представителем в интересах представляемого. В рамках представительства, выраженного в форме правовых межсубъектных коммуникаций, происходит замещение представителем функционального облика представляемого, которое выступает источником для рассмотрения представительства в виде известных в правовом поле юридических фикций [1, с. 11].

В рамках генезиса российской государственности очевидно изменение характера института представительства и формы получения представительских полномочий.

Исторически первым органом сословного представительства для России на государственном уровне стал Земский собор, активно функционировавший с XVI в. и до конца XVII в. [6, с. 168]. Спустя два столетия органом сословно-имущественного и национального представительства стала Государственная дума, первый состав которой был сформирован в 1906 г.

После Революции 1917 г. начинается новый этап в истории института российского представительства. На смену

сословной системе социального структурирования приходит классовая система. При этом на первоначальном этапе становления советской власти выделялись и закреплялись на конституционном уровне два враждебных класса – победивший «трудовой народ», представленный рабочими, крестьянами, солдатами и матросами и проигравший в политической борьбе «класс эксплуататоров», представители которого не допускались ни в один из органов советской власти. Кроме того, не обладали правом на представительство в советских государственных органах «нетрудовые элементы», сформировавшие группу «лишенцев».

Признание окончательной и бесповоротной победы социализма, получившее юридическое закрепление в Конституции СССР 1936 г., обусловило формирование системы общенародного представительства, сформированной как по территориальному (Совет Союза), так и по национальному (Совет Национальностей) принципы. Кроме этого, имели место относительно самостоятельные системы партийного и профессионального представительства, основанного как на территориальном, так и на производственном принципах.

В современной России в качестве органа общенародного представительства выступает Президент Российской Федерации, выдвижение кандидатуры которого осуществляется путем самовыдвижения, а избрание происходит путем свободных демократических выборов по общефедеральному округу, при условии участия в них не менее двух кандидатов.

Представительство в двухпалатном Федеральном собрании осуществляется по смешанной системе регионально-партийного представительства (Государственная дума) и опосредованного представительства (Совет Федерации). Проведенный сравнительный анализ видов представительства на различных исторических

этапах российской государственно-правовой системы позволяет констатировать отсутствие в настоящее время национального представительства, имевшего место как в Российской империи, так и в советский период. При этом на конституционном уровне закрепляется комплексная категория «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», что обуславливает необходимость представления интересов этих народов на общефедеральном уровне. Решение обозначенной проблемы может быть осуществлено путем формирования самостоятельного представительного органа, с последующим его включением в единую систему публичной власти Российской Федерации. Следует отметить, что подобная практика имеется в иностранных государствах. В частности, в Конституции Республики Беларусь, закреплён политико-правовой статус Всебелорусского народного собрания (Глава 3¹ Конституции Республики Беларусь). С учетом заявленной многонациональной структуры единого народа Российской Федерации, создание, подобного белорусскому, органа народного представительства, безусловно, способствовало бы восстановлению советской конституционной традиции, предполагавшей осуществление народного представительства по национальному принципу, естественно, с учетом современных политико-правовых реалий.

Список литературы

1. Гушина Д. М. К вопросу о сущности представительства в российском гражданском праве // Российский судья. – 2014. – № 1. – С. 11–14. EDN: RTYILP
2. Корзинин А. Л. Земский Собор 1566 г. в отечественной историографии // Вестник СПбГУ. Серия 2. – 2011. – № 3. – С. 11–23.
3. Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Представительство: понятие, виды, допустимость // Вестник высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 12 (205). – С. 6–20.
4. Кузнецова Е. А., Калашникова Е. Б. Английский парламент: возникновение, структура и функции // Форум молодых ученых. – 2017. – № 6 (10). – С. 1045–1048. EDN: ZELHCF

5. Лисейцев Д. В. Земский Собор 1613 г.: выборы без выбора или выбор без выборов? // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. – 2019. – № 2. – Том 24. – С. 137–146. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.2.12
6. Миронов Б. Н. Коллективный портрет депутатов Верховного Совета СССР и союзных республик в 1938–1989 гг. // Новейшая история России: междисциплинарный научно-теоретический журнал. – 2023. – № 1. – Т. 13. – С. 141–171. EDN: ISLVPP
7. Невзгодина Е. Л. О проблеме объекта гражданско-правового представительства // Вестник Омского университета. – 2008. – № 2 (48). – С. 127–133. EDN: KYSLTR
8. Невзгодина Е. Л. Понятие, признаки и юридическая природа гражданско-правового представительства // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2007. – № 2 (11). – С. 47–53. EDN: LMCKIV
9. Полное Собрание законов Российской империи. – 1908. – Собрание третье. – Т. XXV. – Ст. 26656. – С. 637–638.
10. Положение о выборах в Государственную Думу (с разъяснениями Правительствующего Сената и Министерства Внутренних Дел, приложением циркуляров и инструкций Министерства Внутренних Дел и циркуляров Министра Юстиции) // Свод Законов Российской империи. – 1906. – Т. I. – Ч. 2. – Ст. 1, 2. – С. 5.
11. Поляков А. Н. Дружина в Древней Руси // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 2 (108). – С. 41–46. EDN: PUZLUN.
12. Танага А. Н. Совершение представителем сделок в отношении себя лично // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11–1. – С. 323–328. EDN: VBGVHX

References

1. Gushchina, D. M. (2014) K voprosu o sushchnosti predstavitel'stva v rossijskom grazhdanskom prave [On the issue of the essence of representation in Russian civil law]. *Rossiiskij sud'ya – The Russian judge*. No. 1. Pp. 11–14. (In Russian). EDN: RTYILP
2. Korzinin, A. L. (2011) Zemskij Sobor 1566 g. v otechestvennoj istoriografii [The Zemsky Sobor of 1566 in Russian historiography]. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of St. Petersburg State University*. Seriya 2. No. 3. Pp. 11–23. (In Russian).
3. Krashennnikov, E. A., Bajgusheva, Yu. V. (2009) Predstavitel'stvo: ponyatie, vidy, dopustimost' [Representation: concept, types, permissibility]. *Vestnik vysshego arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation*. No. 12 (205). Pp. 6–20. (In Russian).
4. Kuznecova, E. A., Kalashnikova, E. B. (2017) Anglijskij parlament: vzniknovenie, struktura i funkcii [The English Parliament: origin, structure and functions]. *Forum molodyh uchenykh – Forum of Young Scientists*. No. 6 (10). Pp. 1045–1048. (In Russian). EDN: ZELHCF
5. Lisejcev, D. V. (2019) Zemskij Sobor 1613 g.: vybory bez vybora ili vybor bez vyborov? [The Zemsky Sobor of 1613: elections without a choice or a choice without elections?]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Volgograd State University*. Series 4. No. 2. Vol. 24. Pp. 137–146. (In Russian). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.2.12.
6. Mironov, B. N. (2023) Kollektivnyj portret deputatov Verhovnogo Soveta SSSR i soyuznykh respublik v 1938–1989 gg. [Collective portrait of deputies of the Supreme Soviet of the USSR and the Union Republics in 1938–1989]. *Novejshaya istoriya Rossii: mezhdisciplinarnyj nauchno-teoreticheskij zhurnal – The modern History of Russia: an interdisciplinary scientific and theoretical journal*. No. 1. Vol. 13. Pp. 141–171. (In Russian). EDN: ISLVPP

7. Nevzgodina, E. L. (2008) O probleme ob"ekta grazhdansko-pravovogo predstavitel'stva [On the problem of the object of civil law representation]. *Vestnik Omskogo universiteta – Bulletin of Omsk University*. No. 2 (48). Pp. 127–133. (In Russian). EDN: KYSLTR

8. Nevzgodina, E. L. (2007) Ponyatie, priznaki i yuridicheskaya priroda grazhdansko-pravovogo predstavitel'stva [The concept, signs and legal nature of civil law representation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo» – Bulletin of Omsk University. The Pravo series*. No. 2 (11). Pp. 47–53. (In Russian). EDN: LMCKIV

9. *Polnoe Sobranie zakonov Rossijskoj imperii* (1908). [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The third meeting]. Vol. XXV. Article 26656. Pp. 637–638. (In Russian).

10. *Polozhenie o vyborah v Gosudarstvennuyu Dumu (s raz"yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i Ministerstva Vnutrennih Del, prilozheniem cirkulyarov Ministra Yusticii) / Svod zakonov Rossijskoj imperii*. (1906). [Regulations on elections to the State Duma (with explanations from the Governing Senate and the Ministry of Internal Affairs, the attachment of circulars and instructions from the Minister of Internal Affairs and circulars from the Minister of Justice) / Code of Laws of the Russian Empire]. Vol. I. Part 2. Articles 1, 2. P. 5. (In Russian).

11. Polyakov, A. N. (2010) Druzhina v Drevnej Rusi [The squad in Ancient Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Orenburg State University*. No. 2 (108). Pp. 41–46. (In Russian). EDN: PUZLUN

12. Tanaga, A. N. (2015) Sovershenie predstavitelem sdelok v otnoshenii sebya lichno [Making transactions by a representative in relation to himself]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki – Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 11–1. Pp. 323–328. (In Russian). EDN: VBGVHX

Об авторе

Ласынов Радик Робертович, аспирант, Мурманский арктический университет, г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0004-2864-6062, e-mail: Marinebrigade@mail.ru

About the author

Radik R. Lasynov, postgraduate student, Murmansk Arctic University, Murmansk, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0004-2864-6062, e-mail: Marinebrigade@mail.ru

Поступила в редакцию: 17.02.2025
Принята к публикации: 26.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 17 February 2025
Accepted: 26 February 2025
Published: 31 March 2025

Награды Северной Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии

Д. В. Ливенцев

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, Российская Федерация

Дореволюционную Россию со странами Северной Европы на разных исторических этапах связывали сложные внешнеполитические взаимоотношения. Однако награждения высшими знаками отличия Швеции, Дании и Норвегии являлось неотъемлемой частью государственно-правового статуса правителей Российской империи. Нельзя не отметить, что награждение орденами Северной Европы российских императоров и императриц подтверждало роль Русского государства в мировой политике как одной из ведущих мировых держав. В статье выявляются и характеризуются закономерности пожалования шведских, датских и норвежских высших орденов в рамках части государственно-правового статуса российской правящей династии.

Ключевые слова: Северная Европа, награды, русские правители, Российская империя, Швеция, Дания, Норвегия.

Для цитирования: Ливенцев Д. В. Награды Северной Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 100–112. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_100. EDN: MEWJCP

Awards of Northern Europe in the State-legal Status of the Russian Ruling Dynasty

Dmitry V. Liventsev

State Academic University of Humanities,
Moscow, Russian Federation

At various historical stages, pre-revolutionary Russia and the countries of Northern Europe were linked by complex foreign policy relations. However, the awarding of the highest insignia of Sweden, Denmark and Norway was an integral part of the state and legal status of the rulers of the Russian Empire. It should be noted that the awarding of the Orders of Northern Europe to Russian emperors and empresses confirmed the role of the Russian state in world politics as one of the leading world powers. The author identifies and characterizes the patterns of awarding Swedish, Danish and Norwegian higher orders within the framework of the recognition of the state-legal status of the Russian ruling dynasty.

Key words: Northern Europe, awards, Russian rulers, Russian Empire, Sweden, Denmark, Norway.

For citation: Liventsev, D. V. (2025) Nagrady Severnoy Evropy v gosudarstvenno-pravovom statuse rossiyskoy pravyashchey dinastii [Awards of Northern Europe in the State-legal Status of the Russian Ruling Dynasty]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 100–112. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_100. EDN: MEWJCP

Введение

Государственно-правовой статус любой правящей династии подразумевает совокупность прав в государственном управлении, происходящих от родоначальника династии, которые передаются его преемникам согласно законам о престолонаследии. В дореволюционной России правящий дом Романовых представлял собой не что иное, как институцию или правящий род с правами государственного учреждения [2].

Более того, вся русская правящая династия представляла собой институцию, находящуюся над действующим законодательством. Формально юридически великие князья и великие княжны были не российскими подданными, а членами правящего дома во главе с императором. Каждый член императорской фамилии приносил клятву верности лично императору. Император выделял удел своему родственнику и содержал его до совершеннолетия.

Однако за пожизненное обеспечение великий князь или великая княжна должны были беспрекословно подчиняться императору в вопросах заключения брака [8, с. 58–59] и по целому ряду моментов, касающихся тишины и согласия внутри самой правящей династии. В противном случае император имел полное право поступить с провинившимися по своей монаршей воле, т. е. лишить титула и средств к существованию [8, с. 63–64].

Все вышесказанное свидетельствует об особом государственно-правовом статусе русского правящего императорского дома.

У государственно-правового статуса российской правящей династии было много составляющих. Высшие орден и иностранных держав играли значительную роль в государственно-правовом статусе российской правящей династии. Наличие на мундире русских правителей высших степеней зарубежных знаков отличия подчеркивало

место Российской империи в мировой политике. Собственно император и великие князья являлись представителями высшей власти и награждались как главы государства.

Со странами Северной Европы у дореволюционной России были сложные взаимоотношения, что и нашло отражение в награждении русских императоров и императриц высшими степенями знаков отличия Дании, Норвегии и Швеции.

Особенности государственно-правового статуса российской правящей династии раскрываются в двух исследовательских работах – С. А. Василенко и Е. В. Старовойтовой.

Диссертация по отечественной истории С. А. Василенко раскрывает имущественное положение вместе с общественной деятельностью представителей российского правящего дома¹. В свою очередь, диссертация по теории и истории права Е. В. Старовойтовой рассматривает непосредственно особенности правового статуса дореволюционных правителей России².

Историю создания наград Северной Европы можно проследить по энциклопедическим изданиям под авторством М. П. Безрукова и А. Г. Туровского [3], И. Е. Гусева [7], И. Г. Спасского [10], И. Ю. Философова [12].

Например, в работе М. П. Безрукова и А. Г. Туровского уделяется внимание истории датского ордена Слона, датского ордена Даннеборга, норвежского ордена Святого Олафа, шведского ордена Серафимов и шведского ордена Меча. В иллюстрированном энциклопедическом издании под авторством И. Е. Гусева характеризуется история датского ордена Даннеборга и норвежского ордена Святого Олафа.

¹ Василенко С. А. Императорская фамилия в России конца XIX – начала XX вв.: имущественное положение и общественная деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. 22 с.

² Старовойтова Е. В. Правовой статус Императора Российской Империи (1721–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 36 с.

Некоторые аспекты награждения российских подданных датскими [3] и шведскими [5] орденами анализируются в научных статьях и монографическом исследовании С. С. Выхоря [6]. В то же время качественный анализ зарубежной наградной системы содержится в рецензии Р. А. Ромашова на монографию С. С. Выхоря [9].

В настоящей научной статье применены методы фундаментального историзма, исторической реконструкции, интерпретации, системности и сравнительно-правовой метод для того, чтобы достичь с максимально возможной объективности в исследовании роли наград Северной Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии.

Результаты

Высокий государственно-правовой статус представителей российского великокняжеского дома был официально узаконен императором Павлом I в «Учреждении об императорской фамилии» от 5 апреля 1797 г. [11] Именно после формирования в Российской империи правящей династии в XIX – начале XX в. начинается регулярное награждение ее представителей высшими зарубежными знаками отличия [1].

Традиционным внешнеполитическим соперником дореволюционной России в Северной Европе являлось Шведское королевство. В 1748 г. шведский король Фредерик I учредил высшую государственную награду – орден Серафимов. Название знака отличия происходило от высших ангелов в небесной иерархии. Гроссмейстером ордена был сам шведский монарх. Изначально по праву рождения рыцарями ордена Серафимов были все шведские принцы крови. Число подданных шведской короны, удостоенных ордена Серафимов, лимитировалось 32 кавалерами рыцарской степени. Высшей степенью ордена Серафимов награждались главы иностранных государств [3, с. 363–364].

Первым российским правителем, удостоенным ордена Серафимов, стала Екатерина II, несмотря на разгром Шведского королевства в русско-шведской войне 1788–1790 гг. Получил орден Серафимов и ее сын – император Павел I. В то же время император Александр I, победивший Швецию в русско-шведской войне 1808–1809 гг. и присоединивший к Российской империи Финляндское генерал-губернаторство, украсил свой мундир орденом Серафимов. Затем орденом Серафимов награждались следующие русские правители: Николай I, Александр II, Александр III, Николай II.

Помимо императриц и императоров, орден Серафимов пожаловали и представителям русской правящей династии; это – великие князья: Константин Павлович, Михаил Павлович, Константин Николаевич, Николай Александрович, Владимир Александрович, Николай Николаевич старший, Сергей Александрович, Павел Александрович, Михаил Николаевич, Борис Владимирович, Константин Константинович, Михаил Александрович, Дмитрий Павлович, Николай Михайлович, Алексей Николаевич, Кирилл Владимирович.

Получается, что 16 великих князей были награждены орденом Серафимов. Из них великий князь Константин Павлович имел статус наследника Александра I, великий князь Николай Александрович до его гибели наследовал Александру II, великие князья Михаил Александрович и Николай Александрович в разное время были цесаревичами при Николае II. Кстати, великий князь Кирилл стал первым и последним российским императором в изгнании.

Одновременно с орденом Серафимов шведский король Фредерик I ввел в наградную систему орден Меча [5, с. 12], который изначально имел три степени: Командор Большого Креста, Командор, Рыцарь [3, с. 364].

Однако впоследствии были введены новые степени Большой Рыцарский Крест 1-го класса и Большой Ры-

царский крест. Высшая степень ордена Меча предназначалась для иностранных правителей [2, с. 365]. Среди русских монархов орденом Меча награждался Александр I. Надо отметить, что на его мундире орден Меча был второй высшей наградой Шведского королевства после победной русско-шведской войны 1808–1809 гг. Затем из последующих русских правителей орден Меча получил только император Николай I. Из всех российских императоров орден Полярной Звезды получил лишь Николай I, что можно объяснить второстепенным статусам шведской государственной награды.

Другим важным внешнеполитическим партнером Российской империи в Северной Европе было Датское королевство. Высшую датскую награду, т. е. орден Слона учредил в 1190 г. король Кнут VI. Старейший орден Датского королевства прошел длительный путь развития. Окончательный статут знака отличия сложился в 1693 г. при короле Кристиане V. Именно он ввел степени ордена Слона: Гроссмейстер, Принц крови, Рыцарь.

Первым кавалером ордена Слона среди русских правителей становится император Петр I. Подобное награждение объясняется тем, что Россия и Дания являлись союзниками в Северной войне (1700–1721 гг.). Однако следующие награждения российских императоров орденом слона последовали лишь в XIX – начале XX вв., когда кавалерами высшей степени датского знака отличия становятся цари: Александр I, Николай I, Александр II, Александр III, Николай II.

Датского ордена Слона удостоился и ряд представителей российской правящей династии, великие князья: Константин Николаевич, Николай Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Николай Николаевич старший, Константин Константинович, Сергей Александрович, Павел Александрович, Михаил Николаевич, Ге-

оргий Александрович, Александр Михайлович, Михаил Александрович, Николай Михайлович, Георгий Михайлович, Николай Николаевич, Кирилл Владимирович.

Как и в случае с орденом Серафимов, знаков отличия ордена Слона удостоились 16 великих князей, из которых великий князь Николай Александрович был наследником царя Александра II, великий князь Кирилл Владимирович имел статус императора в изгнании Кирилла I.

Одной из высших наград Датского королевства был орден Даннеборг. Знак отличия в датскую наградную систему официально ввел в 1671 г. король Кристиан V [5, с. 6–7]. Однако есть сведения о более раннем появлении награды, относящемся к XIII в. Датский король Кристиан V изначально учредил знак отличия для принцев крови и собственных придворных. Причем датский правитель ограничил количество кавалеров числом пятьдесят [7, с. 38].

Впоследствии орден Даннеборга стал насчитывать шесть степеней: Большой Крест, Старший Командор, Командор 1-го класса, Командор, Рыцарь 1-го класса, Рыцарь, Серебряный Крест ордена [3, с. 95–96].

Из российских правителей первым высшей степени ордена Даннеборга удостоился император Александр III. Затем орден Даннеборга получил последний император дореволюционной России Николай II.

Высшей наградой Норвежского королевства считался орден Святого Олафа. Знак отличия в 1847 г. учредил король Швеции и Норвегии Оскар I. Орден назвали в честь норвежского короля Олафа II (1015–1028 гг.), который выступал за активную христианизацию Норвегии и считался ее небесным покровителем [5, с. 10–11]. Изначально орден Святого Олафа предназначался для награждения иностранных правителей и норвежских подданных. Впоследствии орден Святого Олафа стали давать и иностранным подданным.

После отделения Норвегии от Швеции в 1905 г. знак отличия получает статус высшей норвежской государственной награды [7, с. 49]. Орден Святого Олафа имеет следующие степени: Большой Крест, Командор со Звездой, Командор, Рыцарь 1-й степени, Рыцарь [3, с. 241–242].

Единственным русским императором, получившим высшую степень ордена Святого Олафа, стал Александр III. Подобная ситуация, скорее всего, объясняется относительно поздним становлением независимости Норвежского королевства.

Заключение

При подведении итогов о роли наград Северной Европы в государственно-правовом статусе российской правящей династии нужно выделить целый ряд ключевых выводов:

Российская правящая династия являлась институцией, находившейся не в юрисдикции законодательства Российской империи, а подчинявшейся непосредственно главе дома Романовых, т. е. русскому монарху.

Государственно-правовой статус российской правящей династии среди других прав дома Романовых как институции или государственного учреждения включал награждение высшими степенями иностранных знаков отличия, на которые император и великие князья получали права как представители высшей власти в Российской империи.

Несмотря на неоднократные войны со Шведским королевством, российские правители, даже наносившие поражение северному соседу на поле боя (Екатерина II и Александр I), удостоивались высшей шведской награды – ордена Серафимов.

Шведские знаки отличия орден Меча и орден Полярной Звезды считались второстепенными наградами, что

объясняет награждение ими только императоров Александра I и Николая I.

Высшая датская награда орден Слона была пожалована всем русским императорам, начиная с Александра I и до Николая II, более того, в начале XVIII в. ордена Слона удостоился первый российский император – Петр I.

Датский орден Даннеборга, как и шведские орден Меча и орден Полярной звезды, являлся второстепенной государственной наградой, что стало причиной награждения им лишь двух русских императоров – Александра III и Николая II.

В свою очередь, орден Святого Олафа был высшей наградой Норвежского королевства, однако в силу достаточно позднего становления норвежской государственности в 1905 г., знака отличия был удостоен единственный российский император Александр III. Причем императора наградили орденом Святого Олафа, когда он еще считался шведско-норвежским знаком отличия.

В то же время шведский орден Серафимов представлял собой знак отличия, предназначенный исключительно для правителей иностранных государств, поэтому, им были награждены все русские правители, начиная с Екатерины II и до Николая II;

Если говорить, непосредственно о великих князьях представлявших дом Романовых, то 16 из них удостоились шведского ордена Серафимов и 16 получили датский орден Слона. Причем среди них были не только цесаревичи, но и лица, принадлежащие к российской правящей династии.

Получается, что высшими степенями орденов Северной Европы великие князья награждались именно в силу их особого юридического статуса: как лица, принадлежащие к русскому правящему дому.

Таким образом, награды Северной Европы имели существенное значение в государственно-правовом статусе

российской правящей династии. Правители Российской империи до 1917 г. неоднократно награждались высшими шведскими, датскими и норвежскими знаками отличия. Среди наград императоров и императриц были шведский орден Серафимов, шведский орден Меча, шведский орден Полярной Звезды, датский орден Слона, датский орден Даннеборга и норвежский орден Святого Олафа. Подобные награждения в XVIII – начале XX в. являлись закономерным подтверждением роли России в мировой политике как ведущей мировой державы.

Награды Северной Европы для представителей русского правящего дома были обусловлены его особым юридическим статусом государственного института, находящегося вне действия общего законодательства и управляемого только монаршей волей. Одновременно пожалование высших степеней орденов Северной Европы отражало одну из сторон государственно-правового статуса российской правящей династии как институции, т. е. государственного учреждения.

Список литературы

1. Акт высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора. – М., 1797. – 3 с.
2. Аникевич А. Г. Политическая власть вопросы методологии исследования. – Красноярск, 1986. – 176 с.
3. Безруков М. П., Турковский А. Г. Награды государств мира. – Тула, 2013. – 404 с.
4. Выхорь С. С. Датские ордена в наградной системе русского флота // Формирование профессиональной компетентности специалистов в системе непрерывного образования: международная научно-практическая конференция. – Воронеж: Научная книга, 2015. – С. 210–215.
5. Выхорь С. С. Датские и шведские награды на русском флоте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2016. – № 1 (270). – С. 84–89.
6. Выхорь С. С. Иностранные награды на Российском Императорском флоте. – Воронеж, 2016. – 128 с.
7. Гусев И. Е. Ордена и медали. Популярный иллюстрированный гид. – М., 2021. – 192 с.

8. Корево Н. Н. Наследование престола по основным государственным законам. – Париж: Тип. общества объединения русских в Ницце, 1922. – 139 с.
9. Ромашов Р. А. Рецензия на монографию С. С. Выхоря «Иностранные ордена на Российском Императорском флоте во второй половине XIX – начале XX вв.» // История государства и права. – 2017. – № 11. – С. 63–64.
10. Спасский И. Г. Иностранные и русские ордена до 1917 года. – СПб., 1993. – 193 с.
11. Учреждение об императорской фамилии. – СПб.: Тип. При губернском правлении, 1797. – 79 с.
12. Философов И. Ю. Знаменитые награды Европы: ордена и медали. – Ростов н/Д, 2010. – 478 с.

References

1. *Akt vysochajshe utverzhdenyj v den' svyashchennoj koronacii ego imperatorskago velichestva i polozhennyj dlya hraneniya na prestol Uspenskago sobora* (1797) [An act most highly approved on the day of the holy coronation of His Imperial Majesty and deposited on the throne of the Assumption Cathedral]. Moscow. (In Russian).
2. Anikevich, A. G. (1986) *Politicheskaya vlast' voprosy metodologii issledovaniya* [Political power issues of research methodology]. Krasnoyarsk. (In Russian).
3. Bezrukov, M. P., Turkovskij, A. G. (2013) *Nagrady gosudarstv mira* [Awards of the world's states]. Tula. (In Russian).
4. Vyhor', S. S. (2015) *Datskie ordena v nagradnoj sisteme russkogo flota* [Danish orders in the award system of the Russian Navy]. *Formirovanie professional'noj kompetentnosti specialistov v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Formation of professional competence of specialists in the system of continuing education]. International Scientific and Practical Conference. Voronezh: Izd. Nauchnaya kniga. Pp. 210–215. (In Russian).
5. Vyhor', S. S. (2016) *Datskie i shvedskie nagrady na russkom flote* [Danish and Swedish awards in the Russian Navy]. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University*. No. 1 (270). Pp. 84–89. (In Russian).
6. Vyhor', S. S. (2016) *Inostrannye nagrady na Rossijskom Imperatorskom flote* [Foreign awards in the Russian Imperial Navy]. Voronezh. (In Russian).
7. Gusev, I. E. (2021) *Ordena i medali. Populyarnyj illyustrirovannyj gid* [Orders and medals. A popular illustrated guide]. Moscow. (In Russian).
8. Korevo, N. N. (1922) *Nasledovanie prestola po osnovnym gosudarstvennym zakonam* [Succession to the throne according to the basic state laws]. Paris: Tip. Obshchestva ob"edineniya russkikh v Nicce. (In Russian).
9. Romashov, R. A. (2017) *Recenziya na monografiyu S. S. Vyhorya «Inostrannye ordena na Rossijskom Imperatorskom flote vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.»* [Review of S. S. Vyhor's monograph «Foreign Orders in the Russian Imperial Navy in the second half of the 19th – early 20th centuries»]. *Istoriya gosudarstva i prava – History of the state and law*. No. 11. Pp. 63–64. (In Russian).
10. Spasskij, I. G. (1993) *Inostrannye i russkie ordena do 1917 goda* [Foreign and Russian orders before 1917]. St. Petersburg. (In Russian).
11. *Uchrezhdenie ob imperatorskoj familii* (1797) [The institution of the Imperial family]. St. Petersburg: Tip. Pri gubernskom pravlenii. (In Russian).
12. Filosofov, I. Yu. (2010) *Znamenitye nagrady Evropy: ordena i medali* [Famous awards of Europe: orders and medals]. Rostov-on-Don. (In Russian).

Об авторе

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

About the author

Dmitry V. Liventsev, Dr. Sci. (History), Cand. Sci. (Law), State Academic University of Humanities, Moscow, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-1525-724X, e-mail: liva2006@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 05.02.2025
Принята к публикации: 27.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 02 February 2025
Accepted: 27 February 2025
Published: 31 March 2025*

Применяет ли право работодатель и ректор? К содержанию понятия «правоприменение»

К. В. Петров

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В отечественной науке теории права в 1950-х гг. сложилось общее понимание дефиниции «применение права». В реалиях советской эпохи к актам применения права относились приказы работодателя и ректора. Сегодня содержание понятия «применение права», выработанное в советское время, разделяет большинство ученых. В настоящее время изменения в законодательстве таковы, что нет оснований утверждать о применении права ректором или работодателем. В современной науке возродились подходы к определению понятия «применение права», которые были отвергнуты в 1950-х гг.

Ключевые слова: теория права, реализация права, применение права, приказ работодателя, приказ ректора.

Благодарности: на проблемы, поставленные в статье, обратил мое внимание доцент С. В. Стрельников.

Для цитирования: Петров К. В. Применяет ли право работодатель и ректор? О содержания понятия «правоприменение» // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 113–139. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_113. EDN: EKKBDR

Does the Employer and the Rector Apply the Law? The Content of the Concept of "Law Enforcement"

Konstantin V. Petrov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

In the 1950s, the Russian science of the theory of law developed a common understanding of the concept of "application of law". The acts of applying the law were the orders of the employer and the rector in Soviet times. Today, the content of the concept of "application of law", developed in Soviet times, is shared by most scientists. Currently, changes in legislation are such that there is no reason to assert the application of the law by the rector or the employer. In modern science, approaches to the content of the concept of "application of law" have been revived, which were rejected in the 1950s.

Key words: theory of law, implementation of law, application of law, employer's order, rector's order.

Acknowledgements: Associate Professor S. V. Strelnikov drew my attention to the problems raised in the article.

For citation: Petrov, K. V. (2025) *Primenyaet li pravo rabotodatel' i rektor? O soderzhaniya ponyatiya «pravoprimenenie»* [Does the Employer and the Rector Apply the Law? The Content of the Concept of "Law Enforcement"]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 113–139. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_113. EDN: EKKBDR

Введение

В учебниках по теории государства и права при раскрытии содержания понятия «правоприменение» нередко можно встретить в качестве примера прием работника на работу и его увольнение. К правоприменительным актам относят приказ о приеме или увольнении работника, приказ ректора о зачислении в вуз, об отчислении из вуза, о переводе с одной формы обучения на другую в том же вузе. Дело в том, что *de lege lata*, работодатель и ректор, не обладают специальной правосубъектностью, их приказы выносятся в процедурной форме, которая неизвестна гражданам, основана либо на локальных нормативных актах, либо на обыкновениях в деятельности организации. Следовательно, акт не может быть обжалован в связи с нарушением процедуры его принятия и т. д. Это означает, что исходя из устоявшегося понимания понятия «правоприменение», к нему нельзя отнести указанные выше действия работодателя и ректора вуза.

Правоприменение в теории советского права

В отечественной теории права различие применения права от иных форм правореализации произошло в результате дискуссии 1954–1955 гг. Ее итогом стало общее понимание того, что: (1) применение права – один из способов его властной реализации, связанный с деятельностью компетентных органов государства; (2) участниками правоприменительного процесса могут быть только компетентные государственные органы; общественные организации и граждане применять право не могут [13, с. 47].

В ходе дискуссии особую позицию занял П. Е. Недбайло, полагавший, что применение права происходит во всех случаях, когда между субъектами права возникают властные отношения. К этим случаям он относил требования управомоченных лиц в обязательствах [24, 25, с. 110–113].

Среди сторонников данного подхода к пониманию правоприменения (в т. ч. гражданами) был Ю. Х. Калмыков. В частности, он считал, что в регулятивных правоотношениях следует выделять две стадии: невластную и властную. Вторая стадия характеризует возможность применения норм права управомоченными гражданами [14, с. 10–14].

Тем не менее это «широкое» понимание правоприменения подверглось критике и не было принято большинством специалистов. В частности, В. В. Лазарев отмечал, что «властными же в юридическом смысле этого слова могут быть действия прежде всего государственных органов». При этом «с санкции государства к применению права допускаются общественные организации, а в отдельных случаях такую деятельность осуществляют и граждане» [19, с. 116]. Ученый писал, что «позиция П. Е. Недбайло может быть подвергнута критике не за то, то допускается возможность применения правовых норм гражданами, а за то, что он видит ее в любом случае реализации субъективных прав и не отличает, таким образом, применения от осуществления права». Между тем «применение правовых норм отличается от других форм реализации права по своей цели, по характеру осуществляемой деятельности и форме, в которой она протекает». И далее: «властность, компетентность, творческий и организующий характер» применения права проходит в определенной процессуальной форме, что отражается в актах применения права [19, с. 17–18]. В. А. Сапун писал: «в общей теории права можно считать преодоленным ошибочное суждение, выраженное в работах П. Е. Недбайло о гражданах как субъектах применения права» [34, с. 3–4; 35].

Несмотря на отличие в формулировках понятия «правоприменение», общее понимание его смысла сохранялось: «властно-принудительная деятельность управомоченных субъектов, которая сопряжена с организацией осуществ-

вления правовых норм в правоотношениях» (Н. В. Витрук) [4, с. 4]; «властная деятельность специально уполномоченных субъектов, состоящая в вынесении индивидуальных предписаний на основе действующего законодательства и в соответствии с установленной законом процессуальной процедурой» (Н. Н. Вопленко) [7, с. 39]; «регламентированная государством властная деятельность компетентных органов, должностных лиц и организаций, выражающаяся в принятии актов индивидуального характера, которыми на основе норм права устанавливаются субъективные права и обязанности, либо определяется ответственность за нарушение правовых норм» [20, с. 43].

Причем во всех случаях в качестве примера актов применения права служили приказы администрации предприятия о приеме на работу и др. [4, с. 5], или вынесение выговора [27, с. 31]. Более того, при характеристике актов применения права указывалось, что они издаются «в области руководства народным хозяйством, культурой, социальным обеспечением, народным образованием и т. д.», и для них характерна «относительно незначительная регламентация их форм, порядка, сроков и других условий изданий» [26, с. 83].

Для того чтобы понять причины, по которым указанные выше акты служили примерами содержания понятия «правоприменение», следует вспомнить место государственных хозяйственных и иных организаций в механизме государства (РСФСР и СССР) в 1960–1980-е гг.

Правовые основы и формы участия государства в хозяйственной и иной общественной жизни населения в советский период формировались вплоть до конца 1930-х гг. Во многом благодаря трудам А. В. Венедиктова был создан подход, юридически оформивший идеологические, политические и экономические решения советского правительства в рамках плановой экономи-

ки [См.: 3]. В научной и учебной литературе сложилось понимание того, что администрация предприятия является низшим звеном органом советского государственного управления, осуществляющим его хозяйственно-организаторскую функцию [15, с. 303–304; 22, с. 87–88]. Некоторые юристы, преимущественно специалисты по трудовому праву, были против данного подхода. Они исходили из того, что социалистическое государственное предприятие – организованный коллектив трудящихся, волю которого выражает администрация. С этой точки зрения в трудовых отношениях она выступает в качестве органа коллектива, выражающего его волю [16, с. 41–42]. Тем не менее они также исходили из того, что локальные акты и акты применения права издавались одними и теми же субъектами права. К числу последних относились, например, приказы об увольнении по инициативе администрации (ст. 33 КЗоТ РСФСР). Компетенция комиссий по трудовым спорам и первичных органов профсоюзов также реализовалась путем издания актов применения права [20, с. 44]. Общее мнение в данном случае выражено в работе И. Я. Дюрягина: руководитель государственной организации является правоприменителем [9]. Как отмечает Е. Б. Хохлов, «в советский период не существовало власти работодателя как самостоятельного явления, управление трудом являлось одним из направлений государственного управления»¹.

De Lege Lata

В 1970-е гг. к основным источникам трудового права относились общие нормы, содержащиеся в «Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о тру-

¹ Хохлов Е. Б. Содержание трудового договора // Курс российского трудового права / под ред. Е. Б. Хохлова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. Т. 3. Трудовой договор. С. 257.

де» 1971 г.,¹ и специальные нормы Кодекса законов о труде РСФСР 1971 г.² В частности, в соответствии со ст. 18 КЗоТ, (ч. 1) трудовой договор мог быть заключен в устной или письменной форме; (ч. 3) фактическое допущение к работе считается заключением трудового договора, независимо от того, был ли прием на работу надлежащим образом оформлен; (ч. 2) прием на работу оформляется приказом (распоряжением) администрации предприятия, учреждения, организации. Отметим, что возможность заключения трудового договора в устной форме делает приказ работодателя итоговым юридическим фактом возникновения трудовых отношений. Это так, поскольку содержание отношений определялось законодательством.

В соответствии со ст. 215 КЗоТ, ст. 39 ГПК РСФСР³, должностное лицо, виновное в незаконном увольнении или переводе на другую работу, несет материальную ответственность за последствия такого решения. Отсюда следует, что лицо, принимающее решение об увольнении или переводе, является должностным лицом. Более того, действующими подзаконными актами к должностным лицам относились работники, указанные в перечне № 1 Положения о порядке рассмотрения трудовых споров, утв. Указ Президиума ВС СССР от 20 мая 1974 г. [28, с. 190].

Принятие на работу и увольнение оформлялось приказами и распоряжениями. Причем в разных организациях складывалась разная практика. Например, в ленинградском производственном объединении «Ижорский завод», «Красный треугольнике» и др. прием и увольнение работников, относящихся к рабочим специальностям, оформлялись распоряжением заместителя генерально-

¹ Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о труде. (Приняты 15.07.1970 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1970. № 29. Ст. 265.

² Кодекс законов о труде РСФСР от 09.12.1971 б/н // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 50. Ст. 1007.

³ Гражданско-процессуальный кодекс РСФСР от 11.06.1964 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407.

го директора по кадрам, а лиц, относящихся к категории инженерно-технических работников, – приказом генерального директора. В Ленинградском оптико-механическом объединении им. В. И. Ленина (ЛОМО) дисциплинарные взыскания налагались приказами руководителя объединения, производственной единицы и цеха [20, с. 47].

Все указанные действия были предусмотрены действующим законодательством. Например, наложение взысканий начальником цеха было прямо предусмотрено «Квалификационным справочником должностей служащих. Часть 2. Должности руководителей и специалистов, занятых инженерно-техническими и экономическими работами на производственных предприятиях», утвержденным Постановлением Госкомтруда СССР от 8 октября 1969 г. № 400 [20, с. 48, прим. 21].

В советское время, начиная с 1918 г., содержание понятия должностного лица носило расширительный характер. В целях применения уголовного закона в их число включались кладовщики и курьеры. Лишь в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 27 марта 1935 г. были даны разъяснения о том, что должностными лицами колхозов и совхозов являются работники, наделенные административно-хозяйственными или организационно-распорядительными функциями [30, с. 41]. Однако даже после кодификации уголовного законодательства 1959–1961 гг. в судебной практике сохранялись различные подходы. В одних случаях преподавателей вузов и врачей относили к должностным лицам, в других случаях не относили [30, с. 46]. Правовая наука вплоть до 1970-х гг. ограничивалась лишь комментариями законодательства. Тем не менее было сформулировано следующее положение: «должностными лицами являются работники, состоящие на государственной или общественной службе; выполняющие по занимаемой должности организационные,

административно-управленческие функции, связанные с реализацией государственной или общественной власти, и пользующиеся правом совершать в осуществление этих функций действия, в результате которых могут наступать определенные правовые последствия» [30, с. 48].

Постсоветская эпоха, 1990-е гг.

Реалии советской эпохи в 1990-е гг. менялись значительно быстрее, нежели изменения в законодательстве. Законодатель в тот период был нацелен на внесение новаций в сферу имущественных отношений. Законом Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР» от 25.09.1992 г. № 3543-1¹ была исключена возможность заключения трудового договора в устной форме. Однако сохранилось понятие «администрация предприятия, учреждения, организации»; сохранилась ответственность должностного лица за незаконное увольнение (ст. 215 КЗоТ в новой редакции). Хотя в 1994 г. в ГК РФ никаких администраций организаций не предусматривалось².

Советское наследие в указанном выше аспекте не менялось вплоть до принятия в 2001 г. ТК РФ. Сохранялось доктринальное понимание «применения права» у правоведов, несмотря на расхождения по иным вопросам: «властная организующая деятельность компетентных органов власти и должностных лиц в рамках предоставленных им полномочий, имеющая своей целью содействие адресатам правовых норм в реализации принадлежащих им прав и обязанностей, а также контроль за дан-

¹ О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР: закон Российской Федерации от 25.09.1992 г. № 3543-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 41. Ст. 2253, 2254.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

ным процессом» (В. В. Лазарев)¹; «властная деятельность органов государства (или иных органов по уполномочию государства), которые, используя свои специальные полномочия, издают акты индивидуального значения на основе норм права, решая тем самым, по существу, те или иные конкретные вопросы многогранной жизни общества (А. С. Пиголкин)²; «принятие решений по конкретному делу компетентным органом государственной власти», «властная деятельность по разрешению юридических дел, которая завершается индивидуальным решением, принимаемым на основе юридических норм» (Л. И. Спиридонов)³. Во многих трудах приводились те же примеры правоприменительной деятельности, что в работах советского времени: зачисление студента на обучение на основании приказа ректора⁴; приказ руководителя учреждения о принятии работника на работу⁵ (подчеркнем, до 2001 г. подобные примеры были вполне уместны).

В конце прошлого века появляются исследования, где раскрытие понятия «применение права» не сопровождается примерами⁶. Так, С. С. Алексеев привел следующее определение без каких либо примеров: «властно-организующая деятельность компетентных органов и лиц, обеспечивающих в конкретных жизненных случаях реализацию юридических норм» [1, с. 115]. Более детальное определение было дано в работе

¹ Лазарев В. В. Реализация права // Теория права и государства: учеб. / под ред. Г. Н. Манова. М.: БЕК, 1996. С. 208–209.

² Пиголкин А. С. Реализация норм права // Теория права и государства: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина. М.: МГТУ, 1996. С. 264.

³ Спиридонов Л. И. Теория права и государства: учебник. М.: Проспект, 1996. С. 228–229.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Пиголкин А. С. Указ. соч. С. 264, 267.

⁶ Капустина М. А. Реализация права // Проблемы теории права и государства: учебник / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: СПбУ МВД России, 1999; Ковалева Ю. Н. Проблемы реализации и толкования права // Проблемы теории государства и права: учеб. в 2 т. / под ред. Г. Э. Адыгезаловой. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021. Т. 2. С. 165–166; Малько А. В., Ныров В. В., Шундилов К. В. Теория государства и права. Элементарный курс: учеб. пособие. 4-е изд. М.: КноРус, 2012. С. 121; Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: курс лекций. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 793; Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учеб. 2-е изд., исправл. и доп. М.: Проспект, 2016.

В. В. Лазарева и С. В. Липеня: «деятельность компетентных органов по реализации правовых норм путем вынесения индивидуально-конкретных предписаний», которая может осуществляться в определенных процедурных формах только специально уполномоченные на это государством органы¹.

XXI век

Принятие в 2001 г. ТК РФ исключило из законодательства анахронизмы, не соответствовавшие иным правовым нормативным актам. В соответствии со ст. 68 ТК РФ, прием на работу оформляется трудовым договором². Причем работодатель обладает лишь правом (но не обязанностью) издать на основании заключенного трудового договора приказ (распоряжение) о приеме на работу. В данной формулировке, очевидно, что приказ приобретает прежде всего внутриорганизационные функции – распоряжение в адрес структурных подразделений (бухгалтерии, кадровой службы, службы безопасности и др.).

Применение дисциплинарного взыскания, предусмотренное ст. 192 ТК РФ³, является реализацией дисциплинарной власти работодателя. Использование законодателем слова «применение» в тексте нормы не делает его правоприменителем [О дефектах ТК РФ см.: 10; 17, с. 40–52 и др.]. По своей природе дисциплинарный вид ответственности ближе к материальной и гражданско-правовой ответственности, поскольку ответственность возникает из нарушений условий договоров (и их конкретизации в локальных или иных нормативных неправовых актах). Например, в условия гражданско-правовых договоров может быть включено требование о соблюдении ло-

¹ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория права и государства: учеб. 2-е изд. М.: Спарк, 2000. С. 348, 349, 350.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ч. 1. Ст. 3.

³ Там же.

кальных актов заказчика в части, необходимой для выполнения работ (или оказания услуг). Эта ситуация возникает в случаях, когда бюджетная организация (по результатам торгов) заключает договор на оказание услуг по организации питания, медицинской помощи в организации, хранению имущества посетителей в гардеробе и т. д. Нарушение условий договора здесь влечет возникновение гражданско-правовой ответственности в форме и виде, предусмотренным договором или законом. Отметим, что в отличие от применения права (действий, которые правоприменитель обязан осуществить), вынесение дисциплинарного взыскания является правом работодателя, но не обязанностью. В настоящее время специалисты по трудовому праву также полагают, что «сегодня работодатель не признается правоприменителем», а его приказы и распоряжения «носят не правоприменительный, а правореализационный характер» [11, с. 139].

Среди примеров применения права нередко указывается приказ ректора о зачислении на обучение или перевод студентов. Однако в соответствии с № 125-ФЗ от 22.08.1996 никакими публичными полномочиями ректор не обладал; в силу ст. 11 указанного закона, порядок приема определялся учредителем вуза¹. Принятие нового закона в 2012 г. не изменило ситуацию. К компетенции образовательных организаций, в соответствии с п. 18–20 ст. 2 и ст. 28 № 273-ФЗ от 29.12.2012², не отнесены никакие публичные функции. Несмотря на то что особенностью образовательных отношений является сочетание государственного и договорного регулирования, что прямо указано в пп. 12 п. 1 ст. 3 указанного закона, образовательные организации, как и иные организации, принимают локальные нормативные

¹ О высшем и послевузовском профессиональном образовании: федер. закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

² Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2012. № 53. Ч. 1. Ст. 7598.

акты в пределах своей компетенции и в сфере действия трудового законодательства. Это прямо предусмотрено пп. «д» п. 2 ч. 1 ст. 29 и ст. 30 того же закона. Акты образовательных организаций о приеме на обучение, переводе или отчислении, в тексте закона «Об образовании в Российской Федерации» (п. 1–3 ст. 53, п. 3–4 ст. 57, п. 4 ст. 61) названы распорядительными актами.

Между тем очевидно, что образовательные организации издадут акты применения права. Однако таковыми являются аттестаты о среднем образовании и дипломы о высшем образовании и т. п. Причем полномочия на данные действия оформляются лицензией, которую получает конкретное юридическое лицо, и свидетельством об аккредитации определенных образовательных программ. Никаких иных публично-правовых полномочий образовательные организации не имеют, равно как и физические лица, их возглавляющие. Более того, процедура прохождения обучения в вузе, порядок освоения учебных дисциплин и т. п. регулируются внутренними нормативными актами вуза.

Итак, действующее законодательство после 2001 г. не давало никаких оснований для утверждения о применении права работодателем или ректором вуза. Однако эти действия приводятся в качестве примеров правоприменения¹. Причем содержания самого понятия сохраняется. Например, у В. В. Лазарева: «властная, организующая деятельность компетентных органов и лиц, имеющая целью содействовать адресатам правовых норм в реализации принадлежащим им прав и обязанностей, а также контроль за данным процессом»² [18, с. 425]; у В. С. Нерсе-

¹ Венгеров А. Б. Теория права и государства: учебник. 2-е изд. М.: Омега-Л, 2005. С. 488; Лазарев В. В. Действие права. Реализация права // Теория права и государства: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. С. 450–451; Марченко М. Н., Дерябина Е. М. Теория государства и права России: учебное пособие. Т. 2. Право. М.: Проспект, 2019.

² Лазарев В. В. Там же.

сянца: «реализация в предусмотренных правом случаях и в предписанной им форме правореализующих действий государственного органа (или должностного лица), осуществляемая в пределах его компетенции по разрешению конкретных правовых дел и принятию соответствующих правовых актов»¹. В указанных выше случаях можно полагать, что авторы при подготовке материала к изданию не обратили внимание на те изменения в действующем законодательстве, которые противоречили приводимым ими примерам. В результате возник диссонанс сущего и должного. В этой связи уместно привести мнение В. М. Горшенева: «логический строй категориального аппарата юридической науки вообще и особенно такого ее раздела как, теория права, должен быть внутренне организован, обнаруживать последовательную и необходимую связь и выражаться в упорядоченно-целостном образовании. И главное, он должен как можно точнее отражать реальную структуру права и последовательность процессов его осуществления» [8, с. 76].

Остановимся на трех работах, вышедших в последние годы. Р. А. Ромашов определяет применение права как «осуществляемую от имени государства, в специально установленных законом формах, властно-распорядительную деятельность компетентных органов, направленную на обеспечение условий реализации субъективных прав и юридических обязанностей, разрешение спорных ситуаций между субъектами правоотношений, осуществление мер юридической ответственности в отношении правонарушителей»². Ученый указывает также на возможность применения права негосударственными органами (организациями, учреждениями), которым госу-

¹ Нерсесянц В. С. Общая теория права: учебник. М.: Норма, 2012. С. 487.

² Ромашов Р. А. Теория права и государства: курс лекций. СПб.: б. и., 2015. С. 229; Ромашов Р. А. Теория права и государства: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2018. С. 332.

дарство делегирует полномочия в правоприменительной сфере, указывая при этом органы местного самоуправления, третейские суды и др. С примерами нельзя не согласиться. Однако здесь же отмечается в качестве акта применения права приказ о зачислении на учебу в вуз¹.

Д. А. Липинский пишет, что правоприменение – «государственная деятельность или деятельность уполномоченных им объединений, направленная на реализацию в жизнь предписаний, закрепленных в нормах права, в целях удовлетворения интересов личности, общества или государства». «В некоторых случаях, – указывает он, – применением норм права обладают не только государственные органы и должностные лица, но и иные субъекты, которым (опять же на основе правовых норм) разрешено совершать подобного рода действия. В качестве примера применения права ученый приводит приказ о приеме на работу, о поощрении, изданный в организации с частной формой собственности»². Причем, автор не замечает, что этот пример противоречит признакам применения права, которые он указывает ниже: «правоприменительная деятельность осуществляется в особой процессуальной форме. Это обеспечивает законность и правопорядок в государстве и обществе, и кроме того, обеспечивает защиту интересов личности. Форма правоприменения должна быть установлена законом. Несоблюдение форм влечет неправомерность всего процесса правоприменения». Как известно, стороной процессуальных отношений может быть только юрисдикционный орган. Что касается процедуры принятия приказов в негосударственных организациях, то, как показывает практика, она существует в «крупных» органи-

¹ Ромашов Р. А. Теория права и государства: курс лекций. СПб.: 6. и., 2015. С. 229; Ромашов Р. А. Теория права и государства: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2018. С. 332.

² Гогин А. А., Липинский Д. А., Малько А. В., Мусаткина А. А., Станкин А. Н., Хачатуров Р. Л. Теория государства и права: учеб. / под ред. А. В. Малько, Д. А. Липинского. М.: Проспект, 2016. С. 195–201.

зациях (например, в публичных акционерных обществах, но не в субъектах малого предпринимательства).

Е. Н. Трикоз понимает правоприменение как «комплексную государственно-властную деятельность, сочетающую в себе соблюдение, использование и исполнение правовых норм в процедурно-процессуальном порядке с участием специальных субъектов, наделенных полномочиями по содействию адресатам и контролю за правореализацией в целом»¹. Наряду с примерами применения права органами местного самоуправления и третейскими судами, ученый упоминает решения руководителей компаний/предприятий и товарищеских судов. Последнее тем более удивительно, что Положение о товарищеских судах и положение об общественных советах по работе товарищеских судов, утвержденные Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 марта 1977 г. утратили силу с 25 мая 1995 г. на основании ст. 48 и 49 № 82-ФЗ от 19 мая 1995 г.²

Теоретические новации последних лет

Безусловно, примеры, которые были разобраны выше, были бы уместны, в случае если ученый является сторонником «широкого» подхода к понятию «применение права». К их числу принадлежит В. А. Толстик, который полагает, что субъектами правоприменения являются «руководители коммерческих и некоммерческих организаций, индивидуальные предприниматели», поскольку они обладают «признаком властности», который состоит «в способности издавать правовые акты, а значит осуществлять индивидуальное правовое регулирование общественных отношений» [38, с. 71]. Сходные взгляды отстаивает его

¹ Трикоз Е. Н. Реализация права. Правоприменение // Теория государства и права: учеб. / под ред. А. А. Клишаса. М.: Статут, 2019. С. 338.

² Об общественных объединениях: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

ученица, полагающая, что «индивидуально-договорное правоприменение давно уже стало объективной реальностью, как и договорное правотворчество»¹. Думается, позиция, которую отстаивает В. А. Толстик, ведет к смешению публичного и частного в праве. Это не кажется оправданным, поскольку разрушает логически связанную систему понятий теории права, выработанную усилиями поколений юристов. Конечно, речь не идет об ограничении частного интереса в публичных целях, или об осложненности частноправовых конструкций административным элементом. Публичные властные отношения реализуются в сфере преимущественного императивного регулирования; эта реализация является применением права. Это принципиальные отличия от реализации властных отношений в сфере преимущественного диспозитивного регулирования, т. е. в сфере частного права.

В равной степени нельзя согласиться с подходом Е. Н. Тонкова, который предложил считать правоприменение одной (третьей) из стадий толкования права, поскольку в акте применения права излагается официальное разъяснение [40, с. 99, 101]. Причем, как пишет ученый, буквальное толкование «используется правоприменителем при отсутствии релевантного образца решения, она основывается на верифицируемых нормативно-правовых актах, очевидных фактах, достаточных доказательствах и бесспорной квалификации» [39, с. 302–303]. Обычно правоприменитель использует практико-ориентированную модель толкования, поскольку «нельзя запретить использовать уже проверенные вышестоящими инстанциями шаблоны решений, например, – инспектору ГИБДД при рассмотрении типического правонарушения, мировому судье – при взыскании задолженности

¹ Ядринцева О. В. Индивидуально-договорное правоприменение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород: НА МВД, 2006. С. 5.

коммунальных платежей, судье общей юрисдикции – при рассмотрении дела о простой краже в особом порядке судопроизводства и т. д.» [39, с. 302–303].

Позиция Е. Н. Тонкова является уязвимой по ряду причин. Во-первых, происходит смешение должного и сущего. Работа юриста по шаблону является не только «интеллектуальной смертью» юриста, но ведет к «халатному» отношению к деталям юридического дела – установлению фактических обстоятельств. Скорее правы те юристы, которые считают отклонение от должного – недостатком в деятельности органов власти и т. п. [Напр.: 32, 33]. Во-вторых, предложение Е. В. Тонкова ведет к переосмыслению понятия законности, поскольку законность – требование к правоприменителю о безусловном и буквальном соблюдении норм права. Указанный принцип – один из ключевых, базовых в понимании государства в качестве правового, гарантированности соблюдения прав и свобод человека и гражданина [См.: 2]. В-третьих, рассмотрение применения права как стадии толкования означает необходимость полного пересмотра целого ряда понятий в теории права. С одной стороны, потому что на стадии юридической квалификации происходит интеллектуальный процесс казуального толкования, который отражается в мотивировочной части правоприменительного акта. С другой стороны, в процессе интерпретационной деятельности, толкование не сопровождается изданием акта применения права. Его результатом становится издание актов толкования права (например, разъяснения Роспотребнадзора, письма Минфина России и др.). Следовательно, указанное предложение является механистическим «надстраиванием правовой системы за счет новых понятий и институтов, которые якобы необходимы для развития» [12, с. 48]. Кроме того, исследователь не учел, что проблемы толкования неоднократно

становились предметом исследования в отечественной науке¹ [7; 23; 29; 31; 41; 42; 43], в том числе толкование в процессе правоприменения [27, с. 51–56]².

В последнее время среди цивилистов сформировалось мнение о том, что «узкое» понимание правоприменения, сложившееся в науке теории права является «неприемлемым по принципиальным соображениям для цивилистической сферы», более того – «абсолютно неприемлимым» [36, с. 126, 129]. Эту позицию отстаивает М. Н. Семякин. Он исходит из того, что семантика словосочетания «реализация права» предполагает использование типовых моделей поведения, заложенных в нормах права. Между тем в сфере частного права, граждане, заключая сделки, приобретают такие субъективные права которые на момент совершения сделки не могли быть реализованы; они реализуются «в процессе исполнения сделки» [36, с. 131]. Иначе говоря, граждане своими действиями создают новые субъективные права и обязанности. Указанное обстоятельство, как полагает М. Н. Семякин, позволяет считать действия граждан «цивилистическим правоприменением» [36, с. 131]. Более того, цивилистическое правоприменение «главная (основная) форма реализации норм гражданского права» [36, с. 139]. Как итог, исследователь приводит следующее определение понятию «правоприменение в цивилистической сфере»: «правомерные действия граждан, юридических лиц и других субъектов гражданского права, направленные на установление, изменение и прекращение субъективных гражданских прав и обязанностей, их обеспечение и защиту» [36, с. 142]. В чем же тогда отличие «правоприменения в цивили-

¹ Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права: учеб. пособие. Свердловск: Уральский рабочий, 1972.

² Гаврилов Д. А. Правоприменительное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов: СГАП, 2000; Власенко В. Н. Логические основания юридической квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: РАП, 2011 и др.

листической сфере» от сделки? В связи с теорией М. Н. Семякина, совершенно непонятно, каким образом новации ученого развивают науку гражданского права, какие последствия практического свойства из нее следуют? Впрочем, введение нового понятия («правоприменение в цивилистической сфере») дает богатую пищу для споров, обсуждений и дискуссий по целому ряду проблем, которые будут порождены этим определением, например, о соотношении односторонних сделок и актов цивилистического правоприменения и т. п. Представляется совершенно излишним усложнение теоретических конструкций, в том числе в науке гражданского права. При всем том, что последняя имеет особый предмет и объект исследования, отражает закономерности в определенной сфере общественных отношений, все науки о праве должны иметь взаимосвязанный понятийный аппарат.

Заключение

Итак, при всей разнице в определениях понятия «правоприменение», содержащихся в работах исследователей, которые являются сторонниками «традиционного» подхода, в них имеются общие черты. Обобщая, можно указать следующие.

По субъектному составу деятельности право могут применять (1) органы государственной власти, должностные лица; (2) органы общественной (муниципальной) власти¹; (3) иные организации и лица [См.: 37], наделен-

¹ В силу ст. 132 Конституции России, Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822. Публичный характер муниципальной власти неоднократно подчеркивался в постановлениях Конституционного суда Российской Федерации. См.: Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 24 января 1997 года № 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»; Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 15 января 1998 года № 3-П «По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31 октября 1994 года «Об органах исполнительной власти в Республике Коми» // СПС Консультант Плюс.

ные полномочиями по применению права на основании нормативных правовых актов¹.

Причем, стоит отметить, что понятие должностного лица не должно пониматься расширительно. Последнее («широкое» понимание) закреплено в примечании к ст. 285 УК РФ и оправданно исключительно целями применения уголовного законодательства, поскольку «диктуется необходимостью повышенной ответственности лиц, совершивших преступления при исполнении служебных обязанностей»². По мнению Б. В. Волженкина, «во время проведения учебных занятий преподаватель занимается профессиональной деятельностью, а при приеме экзаменов или зачетов он становится должностным лицом» [5, с. 117]. Однако среди специалистов по уголовному праву есть и иные мнения [21].

По характеру деятельности – применение права должно проводиться в определенной процедуре, на основании нормативных правовых актов при их буквальном толковании правоприменителем.

По результатам деятельности – применение права оканчивается изданием акта применения права, направленного на разрешения конкретного юридического дела.

По правовым последствиям – применение права оканчивается возникновением субъективных прав, и/или возложением юридических обязанностей, и/или привлечением к юридической ответственности или иным мерам государственного принуждения.

Повторимся, в настоящее время с точки зрения действующего законодательства и общепринятого подхода

¹ В соответствии с п. 3, п. 2 ст. 1 «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 11.06.2022), в число лиц, «наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями» включены саморегулируемые организации.

² Стародубская Е. Н. Особенности правового регулирования труда ответственных работников государственных предприятий и учреждений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск: СЮИ, 1975. С. 24.

в теории права, ни работодатель, ни ректор не могут применять право, в том числе путем издания приказа о приеме на работу или отчисления из вуза. Указанные документы являются правореализационными актами и носят индивидуальный ненормативный характер.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с. EDN: RMLYFF
2. Бабаев В. К., Демидов В. В. Законность и ее принципы // Ленинградский юридический журнал. – 2004. – № 1. – С. 133–145. EDN: ZTBPLL
3. Борисов А. М. Государственное предприятие как юридическое лицо и его правоспособность по учению А. В. Венедиктова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2023. – № 4. – С. 5–18. EDN: RMMBIO
4. Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 3–10. EDN: TZVQAN
5. Волженкин Б. В. Служебные преступления. – М.: Юрист, 2000. – 367 с.
6. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. – Саратов: СЮИ, 1983. – 184 с.
7. Вопленко Н. Н. Толкование права. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 126 с. EDN: OZFMST
8. Горшенев В. М. О логическом строе понятийного аппарата учебного курса теории государства и права // Правоведение. – 1984. – № 1. – С. 76–81.
9. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. – 247 с.
10. Жильцов М. А. Дефекты трудового права. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2010. – 314 с. EDN: QROVBZ
11. Жильцов М. А. Правовая природа индивидуальных актов работодателя // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 6. – С. 134–140. EDN: YQDITM
12. Иванов А. Ю., Войниканис Е. А. Право четвертой промышленной революции в России: поиск точки опоры // Закон. – 2018. – № 5. – С. 134–147. EDN: UWOGAL
13. К итогам дискуссии о применении норм права // Советское государство и право. – 1955. – № 3. – С. 44–54.
14. Калмыков Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. – Саратов: СГУ, 1976. – 267 с.
15. Конин Н. И., Управление промышленностью // Советское административное право / под ред. В. М. Манохина. – М.: Юридическая литература, 1977. – С. 292–306.
16. Куликова Н. Г. Социалистическое государственное предприятие как субъект трудовых правоотношений // Правоведение. – 1979. – № 6. – С. 36–42. EDN: UCCONN
17. Куренной А. М. Необходимость срочного создания нового Трудового кодекса: идея фикс? // Ежегодник трудового права. – 2020. – С. 40–52. EDN: XDIVNN
18. Лазарев В. В. Действие права и формы его реализации // Проблемы общей теории права / под ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с. – С. 414–418.

19. Лазарев В. В. Применение советского права (1972) // Шестидесятилетие казанских лет. – М.: Статут, 2017. – 704 с. – С. 92–261. EDN: VMPYVB
20. Маврин С. П. Акты применения норм трудового права в производственных объединениях (на предприятиях) // Правоведение. – 1980. – № 4. – С. 42–50. EDN: UCCQEP
21. Малинин В. Б. Преподаватель – не должностное лицо // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3 (45). – С. 201–213. EDN: XHJGTF
22. Манохин В. М. Органы советского государственного управления // Советское административное право / под ред. В. М. Манохина. – М.: Юридическая литература, 1977. – С. 79–114.
23. Насырова (Хабриева) Т. Я. Телеологическое (целевое) толкование советского закона. Теория и практика. – Казань: КГУ, 1988. – 144 с. EDN: QLHEZV
24. Недбайло П. Е. О понятии применения норм советского права // Советское государство и право. – 1955. – № 2. – С. 110–113.
25. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 511 с.
26. Николаева М. Н. Акты применения права // Правоприменение в Советском государстве / отв. ред.: Кузнецов И. Н., Самощенко И. С. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 71–86.
27. Николаева М. Н., Пиголкин А. С. Понятие правоприменения и его место в механизме социального регулирования // Правоприменение в Советском государстве / отв. ред.: Кузнецов И. Н., Самощенко И. С. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 5–28.
28. Пашков А. С. Трудовой договор // Советское трудовое право / под ред. А. С. Пашкова. – М.: Юридическая литература, 1976. – С. 178–266
29. Петрушев В. А. Толкование права. – М.; Иркутск: РПА, 2008. – 259 с. EDN: QQYOQD
30. Петухов Г. Е., Васильев А. С. Понятие должностного лица в советском законодательстве и правовой науке // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 40–49.
31. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюрииздат, 1962. – 168 с.
32. Поляков С. Б. Дефекты законодательства и правоприменительной практики как предмет юридической науки // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1 (112). – С. 16–22. EDN: YIAFSJ
33. Поляков С. Б. О влиянии юридической науки на юридическую практику // Вестник Пермского государственного университета. Юридические науки. – 2009. – № 3 (5). – С. 118–124. EDN: KXGPWX
34. Сапун В. А. Механизм реализации советского права // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 3–10. EDN: TWMNQH
35. Сапун В. А. Правоприменительная деятельность: особенности и структура // Ленинградский юридический журнал. – 2005. – № 3 (4). – С. 185–191. EDN: MTVZFR
36. Семьякин М. Н. Цивилистическая практика в Российской Федерации: проблемы гносеологии, методологии и правоприменения. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ин-та упр., 2015. – 246 с.
37. Сметанина Е. Е. Наделение хозяйствующих субъектов функциями и правами органов государственной власти и местного самоуправления: правовое содержание запрета и исключений // Научные труды. Российская академия юридических наук. – М., 2019. – Т. 19. – С. 376–379. EDN: DJFCWY
38. Толстик В. А. Спорные вопросы теории правоприменения // Шестой пермский конгресс ученых-юристов. Избранные материалы / отв. ред. Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. – М.: Статут, 2016. – С. 65–73. EDN: WWQOCX

39. Тонков Е. Н. Анализ и синтез теоретических моделей толкования права // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 300–303. EDN: HJFVQK
40. Тонков Е. Н. Новые подходы к толкованию права // Изменения в праве: новаторство и преемственность. монография. – СПб.: РАНХиГС, 2022. – С. 98–108. EDN: UIMFHW
41. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – Екатеринбург: УГЮА, 2002. – Ч. 1. – 148 с. EDN: KIFLMC
42. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М.: ЮНИТИ, 2003. – 381 с. EDN: QVRNHF
43. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юрид. лит., 1979. – 168 с. EDN: QQYJED

References

1. Alekseev, S. S. (1999) *Pravo: azbuka – teorija – filosofija. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy. Comprehensive research experience]. Moscow: Statut. (In Russian). EDN: RMLYFF
2. Babaev, V. K., Demidov, V. V. (2004) *Zakonnost' i ee principy* [Legality and its principles]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. Vol. 1. Pp. 133–145. (In Russian). EDN: ZTBPLL
3. Borisov, A. M. (2023) *Gosudarstvennoe predpriyatie kak juridicheskoe lico i ego pravosposobnost' po ucheniju A. V. Venediktova* [A state-owned enterprise as a legal entity and its legal capacity according to the teachings of A. V. Venediktov]. *Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs – Historical and legal problems: a new perspective*. Vol. 4. Pp. 5–18. (In Russian). EDN: RMMBIO
4. Vitruk, N. V. (1983) *Akty primeneniya prava v mehanizme realizacii prav i svobod lichnosti* [Acts of application of law in the mechanism of realization of individual rights and freedoms]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 2. Pp. 3–10. (In Russian). EDN: TZVQAN
5. Volzhenkin, B. V. (2000) *Sluzhebnye prestupleniya* [Official crimes]. Moscow: Jurist'. (In Russian).
6. Voplenko, N. N. (1983) *Socialisticheskaja zakonnost' i primeneniye prava* [Socialist legality and the application of law]. Saratov: Sju I. (In Russian).
7. Voplenko, N. N. (2007) *Tolkovanie prava* [Interpretation of law]. Volgograd: VolG U. (In Russian). EDN: OZFMST
8. Gorshenev, V. M. (1984) *O logicheskom stroe ponjatijnogo apparata uchebnogo kursa teorii gosudarstva i prava* [On the logical structure of the conceptual framework of the educational course theory of State and law]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 1. Pp. 76–81. (In Russian).
9. Djurjagin, I. Ja. (1973) *Primeneniye norm Sovetskogo prava. Teoreticheskie voprosy* [Application of the norms of Soviet law. Theoretical issues]. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo. (In Russian).
10. Zhil'cov, M. A. (2010) *Defekty trudovogo prava* [Defects in labor law]. Ekaterinburg: UGTU-UIPI. (In Russian). EDN: QROVBZ
11. Zhil'cov, M. A. (2017) *Pravovaja priroda individual'nyh aktov rabotodatelja* [The legal nature of the employer's individual acts]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu juridicheskomu zhurnalu – Electronic supplement to the Russian Law Journal*. Vol. 6. Pp. 134–140. (In Russian). EDN: YQDITM
12. Ivanov, A. Ju., Vojnikanis, E. A. (2018) *Pravo chetvertoj promyshlennoj revoljucii v Rossii: poisk tochki opory* [The Law of the Fourth Industrial Revolution in Russia: finding a fulcrum]. *Zakon – Law*. Vol. 5. Pp. 134–147. (In Russian). EDN: UWOGAL

13. K itogam diskussii o primenenii norm prava (1955) [To the results of the discussion on the application of legal norms]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and law*. Vol. 3. Pp. 44–54. (In Russian).
14. Kalmykov, Ju. H. (1976) *Voprosy primeneniya grazhdansko-pravovykh norm* [Issues of application of civil law norms]. Saratov: SGU. (In Russian).
15. Konin, N. I. (1977) *Upravlenie promyshlennost'ju* [Industrial management]. *Sovetskoe administrativnoe pravo – Soviet administrative law*. Moscow: Juridicheskaja literatura. Pp. 292–306. (In Russian).
16. Kulikova, N. G. (1979) *Socialisticheskoe gosudarstvennoe predpriятие kak sub'ekt trudovykh pravootnoshenij* [A socialist state-owned enterprise as a subject of labor relations]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 6. Pp. 36–42. (In Russian). EDN: UCCONN
17. Kurennoj, A. M. (2020) *Neobhodimost' srochnogo sozdanija novogo Trudovogo kodeksa: ideja fiks?* [The need to urgently create a new Labor Code: the idea of a fix]. *Ezhegodnik trudovogo prava – Labor Law Yearbook*. Pp. 40–52. (In Russian). EDN: XDIVNN
18. Lazarev, V. V. (2004) *Dejstvie prava i formy ego realizacii* [The operation of the law and the forms of its embodiment]. *Problemy obschej teorii prava* [Problems of the general theory of law]. Moscow: Norma. Pp. 414–418. (In Russian).
19. Lazarev, V. V. (2017) *Primenenie sovetetskogo prava (1972)* [Application of Soviet law]. *Lazarev V. V. Shestidesjatnichestvo kazanskix let* [Lazarev, V. V. Sixties of the Kazan years]. Moscow: Statut. Pp. 92–261. (In Russian). EDN: VMPYVB
20. Mavrin, S. P. (1980) *Akty primeneniya norm trudovogo prava v proizvodstvennykh ob'edinenijah (na predpriyatijah)* [Acts of application of labor law norms in industrial associations (enterprises)]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 4. Pp. 42–50. (In Russian). EDN: UCCQEP
21. Malinin, V. B. (2016) *Prepodavatel' – ne dolzhnostnoe lico* [The teacher is not an official]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. Vol. 3 (45). Pp. 201–213. (In Russian). EDN: XHJGTF
22. Manohin, V. M. *Organy Sovetskogo gosudarstvennogo upravlenija* [Offices of the Soviet State Administration]. *Sovetskoe administrativnoe pravo – Soviet administrative law*. Moscow: Juridicheskaja literatura. Pp. 79–114. (In Russian).
23. Nasyrova (Habrieva), T. Ja. (1988) *Teleologicheskoe (celevoe) tolkovanie sovet-skogo zakona. Teorija i praktika* [Teleological (targeted) interpretation of the Soviet law. Theory and practice]. Kazan': KGU. (In Russian). EDN: QLHEZV
24. Nedbajlo, P. E. (1955) *O ponjatii primeneniya norm sovetetskogo prava* [On the concept of applying the norms of Soviet law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and law*. Vol. 2. Pp. 110–113. (In Russian).
25. Nedbajlo, P. E. (1960) *Primenenie sovetских pravovykh norm* [Application of Soviet legal norms]. Moscow: Gosjurizdat. (In Russian).
26. Nikolaeva, M. N. (1985) *Akty primeneniya prava* [Acts of application of law]. *Pravoprimenenie v Sovetskom gosudarstve – the Soviet State Law Enforcement*. Moscow: Jurid. lit. Pp. 71–86. (In Russian).
27. Nikolaeva, M. N., Pigolkin, A. S. (1985) *Ponjatie pravoprimeneniya i ego mesto v mehanizme social'nogo regulirovaniya* [The concept of law enforcement and its place in the mechanism of social regulation]. *Pravoprimenenie v Sovetskom gosudarstve – The Soviet State Law Enforcement*. Moscow: Jurid. lit. Pp. 5–28. (In Russian).
28. Pashkov, A. S. (1976) *Trudovoj dogovor* [Employment contract]. *Sovetskoe trudovoe pravo – Soviet labor law*. Moscow: Juridicheskaja literatura. Pp. 178–266. (In Russian).
29. Petrushev, V. A. *Tolkovanie prava* [Interpretation of law]. Moscow; Irkutsk: RPA. (In Russian). EDN: QQYOQD

30. Petuhov, G. E., Vasil'ev, A. S. (1980) Ponjatie dolzhnostnogo lica v sovetskom zakonodatel'stve i pravovoj nauke [The concept of an official in Soviet legislation and legal science]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 3. Pp. 40–49. (In Russian).
31. Pigolkin, A. S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of normative acts in the USSR]. Moscow: Gosjuriizdat. (In Russian).
32. Poljakov, S. B. (2017) Defekty zakonodatel'stva i pravoprimeritel'noj praktiki kak predmet juridicheskoy nauki [Defects in legislation and law enforcement practice as a subject of legal science]. *Rossiiskij juridicheskij zhurnal – Russian Law Journal*. Vol. 1 (112). Pp. 16–22. (In Russian). EDN: YIAFSJ
33. Poljakov, S. B. (2009) O vliyanii juridicheskoy nauki na juridicheskuyu praktiku [On the influence of legal science on legal practice]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo universiteta. Juridicheskie nauki – Bulletin of Perm State University. Legal sciences*. Vol. 3 (5). Pp. 118–124. (In Russian). EDN: KXGPWX
34. Sapun, V. A. (1988) Mehanizm realizacii sovetskogo prava [The mechanism of implementation of Soviet law]. *Pravovedenie – Legal studies*. Vol. 1. Pp. 3–10. (In Russian). EDN: TWMNQH
35. Sapun, V. A. (2005) Pravoprimeritel'naja dejatel'nost': osobennosti i struktura [Law enforcement activities: features and structure]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. Vol. 3 (4). Pp. 185–191. (In Russian). EDN: MTVZFR
36. Semjakin, M. N. (2015) *Civilisticheskaja praktika v Rossijskoj Federacii: problemy gnoseologii, metodologii i pravoprimerenija* [Civil Law Practice in the Russian Federation: problems of Epistemology, Methodology and Law Enforcement]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo in-ta upr. (In Russian).
37. Smetanina, E. E. (2019) Nadelenie hozjajstvujuschih sub'ektov funkcijami i pravami organov gosudarstvennoj vlasti i mestnogo samoupravlenija: pravovoe sodержanie zapreta i isključenij [Endowment of business entities with the functions and rights of state and local government bodies: the legal content of prohibition and exceptions]. *Nauchnye trudy. Rossijskaja akademija juridicheskikh nauk* [Scientific works. Russian Academy of Legal Sciences]. Vol. 19. Pp. 376–379. (In Russian). EDN: DJFCWY
38. Tolstik, V. A. (2016) Spornye voprosy teorii pravoprimerenija [Controversial issues of law enforcement theory]. *Shestoj permskij kongress uchenyh-juristov. Izbrannye materialy* [The Sixth Perm Congress of Legal Scholars. Selected materials]. Moscow: Statut. Pp. 65–73. (In Russian). EDN: WWQOCX
39. Tonkov, E. N. (2024) Analiz i sintez teoreticheskikh modelej tolkovaniya prava [Analysis and synthesis of theoretical models of legal interpretation]. *Juridicheskaja tehnika – Legal technology*. Vol. 18. Pp. 300–303. (In Russian). EDN: HJFVQK
40. Tonkov, E. N. (2022) Novye podhody k tolkovaniyu prava [New approaches to the interpretation of law]. *Izmenenija v prave: novatorstvo i preemstvennost'* [Changes in the Law: Innovation and Continuity. Monograph]. St. Petersburg: RANHIGS. Pp. 98–108. (In Russian). EDN: UIMFHW
41. Cherdancev, A. F. (2002) *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of law and contract]. Ekaterinburg: UGUa. Vol. 1. (In Russian). EDN: KIFLMC
42. Cherdancev, A. F. (2003) *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of law and contract]. Moscow: JuNIT I. (In Russian). EDN: QVRNHF
43. Cherdancev, A. F. (1979) *Tolkovanie sovetskogo prava* [Interpretation of Soviet law]. Moscow: Jurid. lit. (In Russian). EDN: QQYJED

Об авторе

Петров Константин Васильевич, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

About the author

Konstantin V. Petrov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9524-1402, e-mail: 1petrov_kv@mail.ru

*Поступила в редакцию: 14.01.2025
Принята к публикации: 03.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 14 January 2025
Accepted: 03 February 2025
Published: 31 March 2025*

Правовое регулирование импортозамещения в отечественной экономике в условиях внешних санкций

Л. Ю. Свистунова, Т. Г. Ляшенко

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В данной статье рассматривается история импортозамещения с момента введения первых антироссийских санкций. Указывается термин «импортозамещение» с последующим его раскрытием. Период исследования: 2014–2022 гг. (некоторые данные по 2023г.) до момента начала специальной военной операции. Приводятся статистические данные по различным сферам экономики в Российской Федерации на основе действующих нормативно-правовых актов. Акцентируется внимание на исследовании различных критических сфер российской экономики в условиях внешних санкций. Особое внимание уделяется внедрению импортозамещения в национальную экономику. Актуальность данного исследования обусловлена общей проблемой импортозамещения в современных условиях санкционного давления на экономическую сферу Российской Федерации со стороны мирового сообщества (после 2014 г. и особенно после 2022 г.) и необходимостью максимально использовать российские возможности для развития, показать многообразие импортозамещения и обеспечить эффективность российской экономики. Поднимается вопрос о долгосрочной перспективе импортозамещения и развития данной политики на территории Российской Федерации, ее эффективности.

Ключевые слова: международное экономическое сотрудничество, импортозамещение, международные санкции.

Для цитирования: Свистунова Л. Ю., Ляшенко Т. Г. Правовое регулирование импортозамещения в отечественной экономике в условиях внешних санкций // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 140–156. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_140. EDN: FDVIRU

Legal Regulation of Import Substitution in the Domestic Economy in Conditions of External Sanctions

Lyudmila Yu. Svistunova, Taisia G. Lyashenko

Saint Petersburg State University of Economics,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article examines the history of import substitution since the introduction of the first anti-Russian sanctions. The term «import substitution» is indicated, followed by its disclosure. Study period: 2014–2022 (some data for 2023) until the start of a special military operation. The authors provide statistical data on various sectors of the economy in the Russian Federation based on current regulations. The authors focus on the study of various critical areas of the Russian economy in the context of external sanctions. Special attention is paid to the introduction of import substitution into the national economy. The relevance of this study is due to the general problem of import substitution in modern conditions of sanctions pressure on the economic sphere of the Russian Federation from the international community (after 2014 and especially after 2022) and the need to maximize Russian development opportunities, show the diversity of import substitution and ensure the efficiency of the Russian economy. The authors raise the question of the long-term perspective of import substitution and the development of this policy in the Russian Federation, and its effectiveness.

Key words: international economic cooperation, import substitution, international sanctions.

For citation: Svistunova, L. Yu., Lyashenko, T. G. (2025) Pravovoe regulirovanie importozameshcheniya v otechestvennoj ekonomike v usloviyah vneshnih sankcij [Legal Regulation of Import Substitution in the Domestic Economy in Conditions of External Sanctions]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No.1 (79). Pp. 140–156. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_140. EDN: FDVIRU

Введение

Необходимость реализации политики импортозамещения в условиях геополитической и экономической нестабильности, вызванной внешними санкциями и ограничениями, не вызывает сомнения. С момента введения санкций в 2014 г. Россия столкнулась с острой зависимостью от иностранных товаров и технологий, что особенно выразилось в стратегически важных отраслях, таких как тяжелое машиностроение, фармацевтика, авиация и оборонная промышленность.

Невозможность полного замещения иностранных товаров и технологий, а также ограниченность отечественного производства в ряде ключевых секторов создают угрозу для экономической и технологической независимости страны. Несмотря на значительные финансовые вложения в развитие внутренних производственных мощностей, выполнение заявленных целей импортозамещения остаётся проблематичным, что обостряется не только в условиях санкций, но и из-за сложности технологических и производственных цепочек. Противоречие между усиливающейся зависимостью от иностранных технологий в некоторых секторах и стремлением к экономической самообеспеченности актуализирует необходимость комплексной и долгосрочной стратегии импортозамещения, ориентированной на диверсификацию экономики, развитие инновационных технологий и модернизацию производственных мощностей.

Сложившаяся ситуация требует от государства не только активизации работы по стимулированию внутреннего производства и созданию новых рабочих мест, но и комплексной трансформации нормативно-правовой базы, направленной на обеспечение устойчивости и конкурентоспособности отечественных производителей. Важно также учесть, что стратегии импортозамещения не долж-

ны игнорировать мировые экономические тенденции и должны быть гибкими, чтобы не оторваться от глобальных экономических процессов и сохранить возможности для международного сотрудничества.

Теоретико-правовые основы импортозамещения в Российской Федерации

Термин «импортозамещение» – новый и характеризует производством отечественных товаров взамен на импортные, чаще зависящие от вводимых санкций. Чтобы его всецело раскрыть, нужно сказать, что это политика замены импортных товаров, продуктов на отечественные с целью добиться устойчивости в экономической сфере, в условиях, когда страна испытывает трудности в вышеупомянутой сфере. Главная задача импортозамещения – успешно заменить иностранные товары и продукты на товары и продукты производства той страны, в которой производится политика импортозамещения.

Не стоит отрицать, что санкции, которые были введены в 2014 г., причиной которых стало присоединение Крыма к Российской Федерации, сильно повлияли на срочное проведение политики импортозамещения. Конечно, после первых введенных санкций было необходимо грамотно продумать, как избежать полной зависимости от иностранных государств, и в 2014 г. президент России поднял данный вопрос в ежегодном послании Федеральному собранию Российской Федерации¹. Президент подчеркнул, что Россия зависит от иностранных государств особенно в высокотехнологичной и промышленной сфере, поэтому необходимо разрабатывать и вводить новую стратегию, а именно импортозамещение.

¹ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию РФ от 4 декабря 2014 г. // Парламентская газета, 05–14 декабря 2014 г. № 43.

Обращаясь к статистике, можно сказать, что к моменту на 2014 г. доля импорта внутреннего спроса составляла 24 %, в том числе: тяжелое машиностроение – 60–80 %, легкая промышленность – 70–90 %, фармацевтика и медицина – 70–80 %, мебель – 46 %, одежда – 75 %, радиоэлектронная промышленность – 80–90 %¹. По словам первого замминистра промышленности и торговли России Глеба Никитина в 2014 г.: «На импортозамещение в станкостроении потребуется около пяти-семи лет с учетом наращивания научно-технической и производственной базы отечественных предприятий. Чтобы выйти на целевой уровень импортозамещения по наиболее востребованным позициям оборудования, нужно доп. финансирование в размере около 12–15 млрд рублей бюджетных средств в перспективе 2015–2020 гг., которые пойдут на освоение новых технологий и создание серийных производств. Ключевыми направлениями импортозамещения мы считаем многокоординатную обработку, ультрапрецизионное оборудование, тяжелые станки, металлообрабатывающий инструмент»².

В период с 2015 по 2021 г., по данным Комитета Совета Федерации по экономической политике, было вложено около 3 трлн р., где 500 млрд р. – прямое финансирование. И по отчетам за 2021 г. в гражданской отрасли промышленности процент российских составляющих ровнялся 60. Процент был повышен в фармацевтике, химической промышленности, но автомобильная промышленность осталась «слабым звеном», ведь большое количество комплектующих – иностранные [8].

Результат скачка в импорте, где машины и оборудование стали на первое место, в России и странах СНГ импортоза-

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

² Официальный сайт Министерства промышленности и торговли Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://minpromtorg.gov.ru/presscentre/all/#/gleb_nikitin_na_importozameshhenie_v_stankost_rozenii_ponadobitsya_57_let (дата обращения: 15.01.2025).

висимость стала наиболее ощутима. От поставок, производимых со стран Запада зависели такие сферы производства, как тяжелое машиностроение, фармацевтика, сельское хозяйство и др. В ответ на начало специальной военной операции множество международных корпораций прекратили или заморозили свою деятельность в России. Ограничительные меры затронули не только финансовый сектор, но и распространились на поставки технологий двойного назначения, применяемых как в оборонной промышленности, так и в нефтяном секторе. Среди компаний, свернувших операции на российском рынке, оказались крупнейшие представители различных отраслей: технологические гиганты (Microsoft, Oracle, Symantec, Hewlett-Packard), нефтяные корпорации (Shell, ExxonMobil), а также производители промышленного оборудования и транспорта (Rheinmetall, Renault Trucks Defense, EDF Trading) [2].

Несмотря на колоссальные финансовые вложения в государственную программу по развитию отечественной промышленности (к примеру, 330 млрд р. в 2021 г.), полного замещения зарубежных компонентов российскими аналогами достичь не удалось. Возобновление действия данной инициативы, стартовавшей 15 апреля 2014 г., было обусловлено острой необходимостью преодоления импортной зависимости, которую страна особенно остро ощутила в определенный момент¹.

В 2022 г. план импортозамещения существенно изменился. Под действиями международных санкций приоритетными для импортозамещения были признаны все сферы и отрасли российской экономики. С начала специальной военной операции у государства появилась задача не только сохранить рабочие места, но и усилить процесс импортозамещения.

¹ Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

Для формирования стратегии и проектов на импортозамещение председатель Правительства М. В. Мишустин предложил такие отрасли, как автомобильная промышленность, транспортного машиностроения, медицины и фармацевтики, судостроения. А также было упомянуто про авиастроение и, как указано в Распоряжении Правительства от 25 июня 2022 г. № 1693-р «Об утверждении комплексной программы развития авиатранспортной отрасли РФ до 2030 г»¹, за период до 2030 г. должно выйти в производство не менее 1 тыс. самолетов отечественной генерации.

Конечно, полностью от импортозависимости уйти тяжело, даже почти невозможно, чем сложнее отрасль – тем больше импорта [12]. Глобализация, межгосударственные экономические связи, высокий уровень взаимозависимости – неотъемлемая часть настоящего мира. Важно отметить, что ни одно государство не может производить всю необходимую продукцию самостоятельно. Импорт, как и экспорт – важные составляющие для развития экономики любого государства. Тем не менее можно привести множество удачных примеров импортозамещения в наших отраслях экономики, среди них: ПАО «Ростелеком» полностью перешел на российское оборудование и предоставляет конкурсы для реализации их проектов. Как говорил Илья Массух на «Инфофору-2023», наиболее продвинулся по замещению сегмент защиты информации [9]. Так, он отмечает, что более 50 % занимает доля российского программного обеспечения, и в скором времени рабочие места будут оснащены ПО «МойОфис». Аграрный сектор также вышел на новый уровень замещения, большинство российских продуктов продовольственной сферы практически полностью заменяют иностранные [4].

¹ Об утверждении комплексной программы развития авиатранспортной отрасли РФ до 2030 г.: распоряжение Правительства от 25 июня 2022 г. № 1693-р.

Согласно результатам исследования, проведенного информационным агентством «ТАСС», российские потребители наиболее остро ощутили уход шведского мебельного гиганта «ИКЕА». Более четверти опрошенных (27,2 %) выразили сожаление о прекращении деятельности этого ритейлера на отечественном рынке. Популярность бренда объяснялась его способностью предлагать универсальные интерьерные решения, гармонично вписывающиеся в различные стили оформления жилого пространства, при сохранении оптимального баланса стоимости и надежности продукции. Современный преемник на рынке – компания «Хофф», к сожалению, не может предложить аналогичное ценовое позиционирование, демонстрируя существенно более высокую стоимость аналогичных товаров [3].

Опрос показал неоднозначное отношение россиян к уходу зарубежных компаний. Значительная часть населения, а именно 44,1 %, продемонстрировала полное безразличие к этому процессу, не выразив сожаления о прекращении деятельности каких-либо брендов. Однако определенные марки все же оставили заметный след в предпочтениях потребителей. Наибольшую эмоциональную привязанность вызвал Samsung, об уходе которого пожалели 23,8 % опрошенных. За ним следуют Adidas (17,3 %) и Apple (15,8 %). Coca-Cola огорчила своим уходом 15,3 % респондентов, а H&M и Nike получили схожие показатели – 14,9 и 14,4 % соответственно. Примечательно, что McDonald's вызвал наименьшую ностальгию – лишь 8,9 %. Отдельно стоит отметить обеспокоенность граждан уходом производителей автомобильной продукции, фармацевтических компаний и поставщиков электроники, что связано с их существенным влиянием на повседневную жизнь.

Лишь небольшая часть опрошенных, а именно 6,7 %, сообщила о явной нехватке определенных товаров и продукции на рынке¹.

В условиях новых экономических реалий 2022 г. правительство России предприняло ряд стратегических шагов для поддержки национальной экономики. Ключевым событием стал запуск 12 марта инновационной цифровой платформы «Биржа импортозамещения» Министерством промышленности и торговли. Эта инициатива создала эффективное пространство для прямого взаимодействия заказчиков и производителей, где формируется актуальный рынок спроса и предложения отечественной продукции [14].

Органы публичной власти активно взаимодействуют с представителями российского бизнес-сообщества, обсуждаются направления и особенности стратегии экономической адаптации к санкционному давлению. Особый акцент делается на предоставлении гарантий государственной поддержки бизнеса и критической важности сохранения занятости населения в новых условиях [10]. Кроме того, учитывая масштаб внешнего санкционного давления на экономику Российской Федерации, правительство России предприняло комплекс стратегических мер для укрепления экономической независимости страны [15]. Ключевым направлением стало стимулирование замещения иностранной продукции отечественными аналогами, что было закреплено рядом нормативных актов. Особую значимость приобрело законодательное закрепление преимущественного положения российских производителей при проведении закупочных процедур². Дополнительным

¹ Официальный сайт ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 15.01.2025).

² О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами: постановление Правительства РФ от 16.09.2016 г. № 925 (ред. от 16.05.2022) // СЗ РФ, 26 сентября 2016 г. № 39. Ст. 5649.

инструментом поддержки стало создание специализированной информационной платформы, оптимизирующей коммуникацию между производителями и потребителями промышленных товаров [9]. Эта система существенно сокращает временные затраты на поиск альтернативных решений в случаях прекращения поставок зарубежной продукции. Для оперативного информирования бизнес-сообщества о действующих механизмах государственной поддержки в санкционный период был организован консультационный центр с функционирующей горячей линией [7].

В рамках государственных закупок введены существенные ограничения на приобретение зарубежной промышленной продукции и услуг, при этом данные ограничения не распространяются на государства – члены ЕАЭС. Правительством России определены обязательные нормативы по закупке отечественных товаров, варьирующиеся в зависимости от категории продукции, что закреплено целым рядом нормативно-правовых актов правительства Российской Федерации и профильных министерств и ведомств. Особый порядок был установлен весной 2022 г., когда вступили в силу упрощенные механизмы приобретения медицинского оборудования и технических средств, включая расходные материалы к ним [6].

Аналитические отчеты различных органов публичной власти и ведущих субъектов экономической сферы выявили парадоксальное явление в российской экономике на современном этапе – меры, предпринятые для устойчивого развития национального производства в условиях санкций, привели к неожиданному результату: вместо снижения технологической зависимости произошло её усиление [1].

Совершенствование нормативно-правовой базы и технологического развития в условиях импортозамещения

В последние годы учеными, экспертами, представителями бизнес-сообщества и законодателями проводилась серьезная работа по формированию направления и конкретных мер по импортозамещению во всех сферах и отраслях российской экономики в условиях беспрецедентного санкционного давления, итогом которой стала амбициозная цель – создание инновационных российских технологий, способных создавать мировые стандарты развития. Тем не менее ведущие аналитики указывают на ключевое противоречие: невозможно достичь лидерских позиций в отрыве от конкурентной среды [1, 13, 14]. Существенные опасения вызывает вероятность отхода от интеграционного вектора развития экономики, который последние полтора десятилетия определял стратегическое направление государственной политики, в сторону самоизоляции [12].

Для развития импортозамещения существуют такие предложения, как модернизация направлений, специализирующихся на современных товарах; создание конкурентоспособных предприятий на российском рынке; продвижение инноваций и их последующая разработка.

В контексте глобальных экономических трансформаций научный анализ демонстрирует эффективность диверсифицированных подходов к преодолению кризисных явлений через призму импортозамещения. Изучение международного опыта санкционного давления показывает, что успешная реализация стратегий экономической независимости базируется на комплексной системе мер различной временной протяженности [2].

Особый научный интерес представляет феномен структурной перестройки экономических моделей, продемонстрированный государствами Латинской Аме-

рики в первой половине XX в. Их опыт иллюстрирует эффективность радикальной трансформации экономического базиса: от монопрофильной сырьевой направленности к многоотраслевой диверсификации с акцентом на развитие обрабатывающих секторов, в частности легкой и пищевой промышленности [14].

В контексте глобального технологического развития второй половины XX в. наблюдались различные стратегические подходы к промышленной модернизации. Примечательно, что страны Азиатского региона, такие как Республика Корея, Японская империя, Тайвань и Сингапур, сфокусировались на интенсификации производственных процессов и имплементации инновационных технологических решений, уделяя особое внимание качественным характеристикам промышленного оборудования и наращиванию производственных мощностей. Эти страны избрали путь специализации на высокотехнологичных секторах экономики, где доминировали программное обеспечение, электронные компоненты и интеллектуальное производство. Данные стратегии демонстрируют эффективность дифференцированного подхода к технологической модернизации с учетом национальной специфики.

Санкционное давление, оказываемое зарубежными государствами, детерминирует траекторию импортозамещения в российской экономике, трансформируя структуру межотраслевых взаимодействий и стимулируя развитие внутреннего производственного потенциала [5].

Отметим, что санкционные ограничения, направленные против российской экономики в различных секторах промышленности, парадоксальным образом стимулировали интенсификацию внутреннего производства. Анализ экономических показателей демонстрирует, что вместо ожидаемой рецессии наблюдается активизация

процессов импортозамещения в стратегически важных отраслях [15]. Особенно заметна положительная динамика в высокотехнологичных секторах, включая микроэлектронику, оборонно-промышленный комплекс, авиастроение, фармацевтическую индустрию.

В условиях современной экономической парадигмы формирование конкурентоспособной национальной экономической системы является фундаментальным необходимым этапом развития. Интенсификация научно-технологического потенциала через создание многофункциональных инновационных кластеров, включающих технопарки, акселераторы и аналитические хабы, становится приоритетным вектором трансформации промышленного сектора [9].

Эффективность производственных процессов демонстрирует существенный рост в организациях, имплементирующих национальные инновационные разработки. Параллельно наблюдается интенсификация регистрации и практического внедрения прогрессивных технологических решений, подтвержденных патентными свидетельствами. В качестве фундаментального базиса оптимизации существующей стратегии импортозамещения осуществляется формирование комплексной нормативно-правовой инфраструктуры, включающей разработку и утверждение технических регламентов и стандартизационных документов национального уровня, что способствует элиминации юридических коллизий в данной сфере [12].

Делая вывод, можно сказать, что импортозамещение несет в себе как положительные, так и отрицательные стороны. Так, к положительным можно отнести открытие новых предприятий, новые рабочие места, увеличение экспорта, снижение импортозависимости, общее оздоровление и рост национальной экономики. Однако, существуют и свои минусы: повышение цен на продук-

цию, снижение качества товаров, повышенная нагрузка на бюджет страны и значительное влияние политических событий на сектор промышленности [11].

Переход на импортозамещение должен быть комплексным, так как это гибкий процесс в экономике, который при грамотной политике только поможет Российской Федерации выйти на новый уровень в экономической сфере. Государство должно осознавать, что несет ответственность за поддержку того уровня экономики, который необходим для роста благосостояния населения общего развития государства [7]. Жесткая политика иностранных государств стимулирует к созданию отечественных продуктов, но нельзя отменять тот факт, что без санкций политика импортозамещения не была запущена.

Список литературы

1. Белоусов Д. Р. Контуры прогнозного периода: чего ждать и к чему готовиться в ближайшие десять лет // Интеллект-форум «Профсоюзы. XXI век. Образ будущего». Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Сочи, 2024 г. 10 октября. С. 3–7.
2. Борисов А. Б. Влияние санкций на экономику России // Актуальные научные исследования: сборник статей XIX. – 2024. – С. 28.
3. Вишнякова Е. А., Трофимов А. А. Финансовые последствия введения санкций для российского бизнеса // Вестник науки. – 2024. – Т. 5. – № 3 (72). – С. 73–79.
4. Гришина В. Б. Импортозамещение: зарубежный опыт и российская практика // Горизонты экономики. – 2019. – № 3 (49). – С. 136–139.
5. Данильченко С. Л., Фомичев А. Н., Круглов В. Н. Развитие российской социально-экономической системы: вызовы и перспективы: монография. – Чебоксары: Среда, 2024. – 200 с.
6. Калинин А. М. Импортозависимость и импортозамещение в России: оценка на основе таблиц ресурсов и использования // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2. – С. 21–33.
7. Кармова Б. З., Кожаяев А. А. Решение проблемы импортозамещения в России в условиях санкций // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – № 3–1 (109). – С. 151–157.
8. Милякин С. Р., Скубачевская Н. Д., Валеев С. В. Автомобильный рынок в новых условиях: состояние и перспективы // Проблемы прогнозирования. – 2024. – № 2. – С. 138–151.
9. Свистунов Ю. А., Свистунова Л. Ю. Правовые проблемы цифровизации экономики в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 2 (71). – С. 174–187.

10. Свистунова Л. Ю., Брежнева П. А. Стратегические направления экономического сотрудничества государств-участников СНГ на современном этапе // Ленинградский юридический журнал. – 2021. – № 2 (64). – С. 157–168.

11. Соснило А. И., Яркина М. С. Оценка объема импортозамещения и параллельного импорта в РФ // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2024. – № 2. – С. 13–23.

12. Тюкавкин Н. М., Анисимова В. Ю. Процессы импортозамещения в промышленности России: теоретические и практические аспекты // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2023. – Т. 14. – № 1. – С. 43–57.

13. Фальченко О. Д., Тохаева З. А. О результатах импортозамещения в РФ в условиях экономических санкций // Теория и практика мировой науки. – 2024. – № 1. – С. 8–14.

14. Фомичев А. Н. Оптимизация стратегии развития промышленного производства в условиях санкционной войны // Modern Economy Success. – 2023. – № 5. – С. 351–356.

15. Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Импортозамещение не может быть долгосрочной стратегией // Общество и экономика. – 2018. – № 6. – С. 28.

References

1. Belousov, D. R. (2024) *Kontury prognoznogo perioda: chego zhdat' i k chemu gotovit'sya v blizhajshie desyat' let* [Contours of the forecast period: what to expect and what to prepare for in the next ten years]. *Intellekt-forum «Profsoyuzy. XXI vek. Obraz budushchego»* [Intellect Forum «Trade Unions. The 21st century. The image of the future». Centr makroekonomicheskogo analiza i kratkosrochnogo prognozirovaniya – Center for Macroeconomic Analysis and Short-term Forecasting]. Sochi. Pp. 3–7. (In Russian).

2. Borisov, A. B. (2024) *Vliyanie sankcij na ekonomiku rossii* [The impact of sanctions on the Russian economy]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya* [Current scientific research]. Collection of articles XIX. P. 28. (In Russian).

3. Vishnyakova, E. A., Trofimov, A. A. (2024) *Finansovye posledstviya vvedeniya sankcij dlya rossijskogo biznesa* [Financial consequences of sanctions for Russian business]. *Vestnik nauki – Science Bulletin*. Vol. 5. No. 3 (72). Pp. 73–79. (In Russian).

4. Grishina, V. B. (2019) *Importozameshchenie: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika* [Import substitution: foreign experience and Russian practice]. *Gorizonty ekonomiki – Horizons of the economy*. No. 3 (49). Pp. 136–139. (In Russian).

5. Danil'chenko, S. L., Fomichev, A. N., Kruglov, V. N. (2024) *Razvitie rossijskoj social'no-ekonomicheskoy sistemy: vyzovy i perspektivy* [Development of the Russian socio-economic system: challenges and prospects]. Monograph. Cheboksary: Sreda. (In Russian).

6. Kalinin, A. M. (2024) *Importozavisimost' i importozameshchenie v Rossii: ocenka na osnove tablic resursov i ispol'zovaniya* [Import dependence and import substitution in Russia: assessment based on tables of resources and usage]. *Problemy prognozirovaniya – Forecasting problems*. No. 2. Pp. 21–33. (In Russian).

7. Karmova, B. Z., Kozhaev, A. A. (2024) *Reshenie problemy importozameshcheniya v rossii v usloviyah sankcij* [Solving the problem of import substitution in Russia under sanctions]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economics and Business: theory and practice*. No. 3–1 (109). Pp. 151–157. (In Russian).

8. Milyakin, S. R., Skubachevskaya, N. D., Valeev, S. V. (2024) *Avtomobil'nyj rynek v novyh usloviyah: sostoyanie i perspektivy* [The automotive market in new conditions: status and prospects]. *Problemy prognozirovaniya – Forecasting problems*. No. 2. Pp. 138–151. (In Russian).

9. Svistunov, YU. A., Svistunova, L. YU. (2023) Pravovye problemy cifrovizacii ekonomiki v Rossijskoj Federacii [Legal problems of the digitalization of the economy in the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (71). Pp. 174–187. (In Russian).

10. Svistunova, L. YU., Brezhneva, P. A. (2021) Strategicheskie napravleniya ekonomicheskogo sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov SNG na sovremennom etape [Strategic directions of economic cooperation of the CIS member states at the present stage]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (64). Pp. 157–168. (In Russian).

11. Sosnilo, A. I., YArkina, M. S. (2024) Ocenka ob'yoma importozameshcheniya i parallel'nogo importa v RF [Assessment of the volume of import substitution and parallel imports to the Russian Federation]. *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskij menedzhment» – Scientific Journal of the National Research University of ITMO. The series "Economics and Environmental Management"*. No. 2. Pp. 13–23. (In Russian).

12. Tyukavkin, N. M., Anisimova, V. YU. (2023) Processy importozameshcheniya v promyshlennosti Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Import substitution processes in Russian industry: theoretical and practical aspects]. *MIR (Modernizaciya. Innovacii. Razvitie) – THE WORLD (Modernization. Innovation. Development)*. Vol. 14. No. 1. Pp. 43–57. (In Russian).

13. Fal'chenko, O. D. Tohaeva, Z. A. (2024) O rezul'tatah importozameshcheniya v RF v usloviyah ekonomicheskikh sankcij [On the results of import substitution in the Russian Federation under the conditions of economic sanctions]. *Teoriya i praktika mirovoj nauki – Theory and practice of world science*. No. 1. Pp. 8–14. (In Russian).

14. Fomichev, A. N. (2023) Optimizaciya strategii razvitiya promyshlennogo proizvodstva v usloviyah sankcionnoj vojny [Optimization of the industrial production development strategy in the context of the sanctions war / A. N. Fomichev]. *Modern Economy Success*. No. 5. Pp. 351–356. (In Russian).

15. Hejfec, B. A., CHernova, V. YU. (2018) Importozameshchenie ne mozhet byt' dolgosrochnoj strategiej [Import substitution cannot be a long-term strategy]. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economics*. No. 6. P. 28. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

90/10 %

Об авторах

Свистунова Людмила Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Ляшенко Таисия Григорьевна, студент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0007-8753-4556, e-mail: tasyajashenko@mail.ru

About the authors

Lyudmila J. Svistunova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7864-7566, e-mail: svistunova-l-77@mail.ru

Taisia G. Lyashenko, Student, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0007-8753-4556, e-mail: tasyajashenko@mail.ru

*Поступила в редакцию: 16.02.2025
Принята к публикации: 06.03.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 16 February 2025
Accepted: 06 March 2025
Published: 31 March 2025*

Право частной собственности в либеральных политико-правовых учениях Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина

И. И. Тахмазиди

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется концепция права частной собственности в либеральных политико-правовых учениях Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина. Рассматривается эволюция взглядов на частную собственность в контексте либеральной доктрины, уделяется особое внимание соотношению свободы, равенства и общественных интересов. Проводится сравнительный анализ подходов Чичерина и Кавелина, выделяются их сходства и различия в интерпретации права собственности, а также обсуждается роль государства в регулировании имущественных отношений. Подчеркивается актуальность идей Чичерина и Кавелина для современного общества, особенно в условиях глобальных трансформаций и цифровизации экономики.

Ключевые слова: право частной собственности, либерализм, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, свобода, равенство, государственное регулирование, социальная справедливость, исторический анализ, правовые учения.

Для цитирования: Тахмазиди И. И. Право частной собственности в либеральных политико-правовых учениях Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 157–170. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_157. EDN: FPCSTAW

The Right to Private Property in the Liberal Political and Legal Doctrines of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin

Ivan I. Tahmazidi

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the concept of private property rights within the liberal political and legal doctrines of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin. The author explores the evolution of views on private property in the context of liberal theory, focusing on the interplay between freedom, equality, and public interests. A comparative analysis of Chicherin's and Kavelin's approaches is conducted, highlighting their similarities and differences in interpreting property rights, as well as discussing the role of the state in regulating property relations. The article emphasizes the relevance of Chicherin's and Kavelin's ideas for contemporary society, particularly in the context of global transformations and the digitalization of the economy.

Key words: private property rights, liberalism, B. N. Chicherin, K. D. Kavelin, freedom, equality, state regulation, social justice, historical analysis, legal doctrines.

For citation: Tahmazidi, I. I. (2025) Pravo chastnoy sobstvennosti v liberal'nykh politiko-pravovykh ucheniyakh B. N. Chicherina i K. D. Kavelina [The Right of Private Property in the Liberal Political and Legal Doctrines of B. N. Chicherin and K. D. Kavelin]. *Leninogradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 157–170. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_157. EDN: FPCTAW

Введение

Проблематика частной собственности в либеральных политико-правовых учениях занимает центральное место в современной юридической и политической мысли. Вопрос о том, как правильно обосновать и интерпретировать право на частную собственность, остаётся актуальным не только с исторической точки зрения, но и в условиях современного социально-экономического развития общества. В данной статье рассматриваются взгляды двух выдающихся исследователей – Бориса Николаевича Чичерина и Константина Дмитриевича Кавелина – чьи работы внесли значительный вклад в развитие теории частной собственности в рамках либеральной доктрины права. Кроме того, в настоящей статье поднят вопрос о том, как данные авторы интерпретируют концепцию собственности, каким образом они соотносят её с принципами свободы и равенства, а также рассматриваются особенности их подходов по сравнению с классическими либеральными представлениями, такими как идеи Джона Локка, Адама Смита и Джона Стюарта Милля.

1. Теоретические основы права частной собственности

1.1. Либеральная парадигма и её истоки

Либеральные идеи, зародившиеся в эпоху Просвещения, базируются на убеждении, что каждый гражданин обладает неотчуждаемыми правами, в числе которых право на жизнь, свободу и частную собственность. Это право рассматривается не только как экономическая ценность, но и как основа для развития индивидуальной свободы и самореализации. Джон Локк, один из основоположников либерализма, в своём труде «Два трактата о правлении» утверждал, что «собственность возникает из труда» [3, с. 55], что означает прямую зависимость права собственности от вклада человека в преобразование

природных ресурсов в личное благо. Подобная концепция впоследствии получила развитие у других мыслителей, таких как Адам Смит, который видел в частной собственности движущую силу экономического прогресса.

Несмотря на кажущуюся очевидность данного подхода, в современной науке возникают дискуссии о соотношении права собственности с общественными интересами и государственным регулированием. В данной статье анализируются именно те трактовки, в которых собственность представлена не как абсолютное право, а как социальный институт, регулируемый нормами и принципами, базирующимися на либеральной философии.

Современные взгляды на роль собственности отражаются и в трудах зарубежных исследователей. Так, Роберт Нозик подчёркивал, что «свобода предполагает минимальное вмешательство государства в частную жизнь, предоставляя каждому возможность распоряжаться своим имуществом» [10, с. 88].

1.2. Основные постулаты либеральных учений

Либеральное понимание права собственности опирается на ряд фундаментальных принципов, определяющих его сущность и роль в обществе.

Одним из важнейших является принцип неотчуждаемости, который предполагает, что право на частную собственность является неотъемлемым и защищается как базовое право личности [3, с. 60]. Это право также играет ключевую роль в обеспечении индивидуальной свободы, поскольку собственность предоставляет гражданину возможность самостоятельно распоряжаться материальными ресурсами, что способствует его личному развитию и самовыражению [4, с. 97].

При этом государство, согласно либеральной доктрине, должно выступать в роли некоего гаранта этих прав, соз-

давая необходимые условия для их защиты, но не вмешиваясь в их реализацию, если действия собственника не ущемляют права других членов общества [5, с. 142].

В дополнение к сказанному можно отметить позицию Фридриха Хайека, который отмечал, что «свободный рынок, основанный на праве собственности, является наилучшей системой распределения ресурсов» [12, с. 142].

Наряду с этим значимость частной собственности определяется и её вкладом в экономическую эффективность, так как она служит стимулом для развития предпринимательства и экономической активности, что в итоге способствует повышению общего благосостояния общества [4, с. 103].

Как подчёркивал Адам Смит, «каждый человек стремится улучшить собственное благосостояние», что в совокупности с установлением права собственности создаёт предпосылки для развития рыночных механизмов и свободного предпринимательства. Эти идеи находят своё отражение и в работах Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, чьи трактовки права собственности обладают рядом отличительных особенностей.

2. Анализ взглядов Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина

2.1. Б. Н. Чичерин: синтез традиций и модернизация либерального подхода

Б. Н. Чичерин в своих трудах акцентирует внимание на исторической обусловленности института частной собственности. Он подчёркивает, что право собственности формируется в результате длительного процесса социально-экономических преобразований, отражая баланс интересов личности и государства. Б. Н. Чичерин утверждает, что «право собственности – это не столько абсолютное право, сколько институт, эволюционировавший под воздействием социальных, экономических и культурных факторов» [8, с. 52]. Таким образом, он пред-

лагает рассматривать собственность как динамичный феномен, который может изменяться в зависимости от общественно-политического контекста.

В своей работе Б. Н. Чичерин приводит аргументы, основанные на исторических примерах, где обращает внимание на то, что в условиях раннего капитализма частная собственность рассматривалась как основа свободы, однако с развитием рыночных отношений возникла необходимость в её правовом регулировании для защиты интересов не только отдельных лиц, но и общества в целом.

Особое внимание автор уделяет вопросу интерпретации свободы в контексте собственности. Он считает, что свобода личности не может существовать без гарантированной защиты её имущественных прав. Именно поэтому право собственности должно рассматриваться как средство реализации личной автономии, позволяющее гражданам свободно реализовывать свои экономические и социальные потенциалы. При этом Б. Н. Чичерин не отрицает необходимости государственного вмешательства, однако подчёркивает, что такое вмешательство должно носить регулятивный характер и быть направлено на устранение внешних угроз в интересах граждан.

Следуя традиции Гегеля, он рассматривал право частной собственности через призму диалектики свободы и порядка. В своей работе «Собственность и государство» он утверждал: «Собственность есть первое и необходимое условие свободы человека; без неё он остаётся рабом обстоятельств или произвола других» [8, с. 67].

Этот тезис отражает его убеждённость в том, что собственность это не просто экономический институт, но основа автономии личности. Для Б. Н. Чичерина собственность выступает как «внешняя сфера свободы», позволяющая индивиду реализовывать свои цели без вмешательства государства. Однако он подчёркивал, что

абсолютная свобода собственности невозможна, так как она ограничена нравственным законом и общественным благом. Например, в «Философии права» он писал: «Право собственности не есть произвол; оно подчиняется требованиям справедливости, которые определяются общим законом» [9, с. 214].

Таким образом, Б. Н. Чичерин стремился к балансу между индивидуализмом и коллективизмом, отвергая крайности как социализма, так и утилитаризма. Его идеи перекликаются с концепцией «социального либерализма», где государство гарантирует права собственности, но корректирует их злоупотребления через законодательство.

Подход Б. Н. Чичерина к собственности можно охарактеризовать как синтез гегелевской философии и русского правового сознания. Он заложил основы для понимания собственности как социально ответственного института, что особенно актуально в эпоху экологических кризисов и цифровизации экономики, когда границы частного и публичного пересматриваются.

2.2. К. Д. Кавелин: правовой консерватизм в либеральном контексте

В отличие от Б. Н. Чичерина, К. Д. Кавелин придерживается более консервативного подхода в интерпретации права собственности, акцентируя внимание на его стабильности, фундаментальности и рассматривает частную собственность как незыблемое право, которое должно оставаться защищённым от любых попыток радикальных изменений.

Согласно мнению К. Д. Кавелина, стабильность института собственности обеспечивается не только правовыми нормами, но и моральными принципами, традициями и культурными ценностями общества. Он считает, что любые попытки радикальной реформы в этой сфере могут привести к подрыву основ гражданского обще-

ства и возникновению неопределённости в социально-экономических отношениях. Кавелин убеждён в том, что правовое регулирование должно базироваться на проверенных временем принципах, способствующих сохранению общественного порядка. Данные рассуждения в некоторой мере коррелируются с мыслями Г. Гегеля, который писал, что «право собственности является проявлением объективной свободы, в которой личное и общественное пересекаются» [13, с. 197].

Кроме того, учёный акцентировал внимание на исторической эволюции права собственности в России. В статье «Взгляд на юридический быт Древней Руси» он отмечал: «Русская история показывает, что уважение к собственности развивалось параллельно с укреплением личного достоинства» [1, с. 89].

Учёный связывал становление института собственности с преодолением патриархальных отношений и ростом индивидуального самосознания. Он критиковал общинное землевладение как тормоз прогресса, видя в реформах Александра II (особенно в отмене крепостного права) шаг к утверждению «здорового юридического индивидуализма». В полемике со славянофилами К. Д. Кавелин писал: «Там, где нет чёткого права собственности, нет и гражданственности – есть лишь застой и произвол» [1, с. 93].

Однако ученый не идеализировал западные модели. В своей работе «Задачи этики» он предупреждал об опасности «собственнического эгоизма», предлагая дополнить юридические гарантии нравственным воспитанием [2, с. 145]. Это сближает его с Б. Н. Чичериным, хотя их методы и различались, так как если первый опирался на философскую систематику, то второй делал упор на исторический анализ. К. Д. Кавелин продемонстрировал, что право собственности в России формировалось в противоречивом диалоге традиции и модернизации.

3. Сравнительный анализ подходов Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина

3.1. Сходства в трактовке права собственности

Несмотря на различия в подходах, у Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина имеются общие точки соприкосновения. Оба автора исходят из того, что право собственности является фундаментальным элементом либерального правового порядка и неотъемлемым атрибутом свободы личности. Они сходятся во мнении, что стабильность и защита частной собственности способствуют общему благосостоянию общества и являются необходимым условием для функционирования рыночной экономики.

Подобное мнение разделял и Джон Роулз, утверждая, что «справедливость является первым добром, на котором строится любое социальное соглашение, и именно через справедливое распределение прав собственности можно обеспечить устойчивость общества» [1, с. 112].

Оба исследователя считают, что государство должно обеспечивать защиту имущественных прав, не допуская произвольного вмешательства в личные имущественные отношения. Таким образом, несмотря на различие в степени допуска государственного регулирования, общая идея о приоритете права собственности в либеральной доктрине остаётся неизменной.

Объединял их и критический взгляд на радикальные теории. Так, Б. Н. Чичерин отвергал социалистические идеи обобществления собственности, называя их «утопией, разрушающей нравственные устои» [8, с. 302], а К. Д. Кавелин, в свою очередь, писал, что «Уничтожение частной собственности вернёт нас к дикости, где сила заменяет право» [2, с. 167].

Однако их критика не была догматичной. Б. Н. Чичерин, например, допускал ограничение собственности в случа-

ях «явного вреда обществу», а К. Д. Кавелин поддерживал социальные реформы, смягчающие неравенство.

3.2. Различия и методологические нюансы

Основное различие между подходами Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина заключается в их оценке роли государства в имущественных отношениях. Б. Н. Чичерин выступает за динамическое развитие института собственности с учётом социально-экономических изменений, тогда как К. Д. Кавелин настаивает на сохранении традиционных правовых норм как основы стабильности. В первом случае государство рассматривается как активный участник формирования правового пространства, способного адаптироваться к вызовам времени, а во втором – государство предстает в роли хранителя неизменных ценностей, что особенно актуально в периоды политической нестабильности.

Наш современник, учёный Милтон Фридман подчеркивал, что «экономическая свобода является неотъемлемой частью общей свободы, и частная собственность – её фундамент» [14, с. 67]. Кроме того, указанная выше методологическая разница породила и различия в оценке необходимости реформирования правовой системы в догматическом учении авторов. Так, Б. Н. Чичерин видит потенциал в реформах, которые способны модернизировать институт собственности и сделать его более гибким, а К. Д. Кавелин же опасается, что подобные изменения могут привести к разрушению фундаментальных основ гражданского общества. Однако синтез обеих точек зрения может способствовать поиску компромиссного варианта, учитывающего как потребность в инновациях, так и необходимость сохранения исторически сложившихся правовых традиций.

Их дискуссии предвосхитили современные дебаты о пределах собственности в цифровую эпоху. В дополнение к сказанному можем привести слова Джереми Бен-тама, который утверждал, что «наибольшее счастье для наибольшего числа людей начинается с признания индивидуального права на собственность» [15, с. 34]. А например, вопрос о праве на интеллектуальную собственность в Интернете требует того самого баланса между свободой и ответственностью, который отстаивали оба автора.

4. Критика и влияние идей

Если же мы обратимся к мнениям предшественников, то можем заметить, что взгляды Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина подвергались критике как со стороны консерваторов, обвинявших их в «западничестве», так и со стороны радикалов. Так, Н. Чернышевский упрекал К. Д. Кавелина в «идеализации буржуазных отношений» [7, с. 203], а славянофил А. Хомяков видел в либеральных идеях Б. Н. Чичерина угрозу соборности [6, с. 56].

Тем не менее их наследие внесло значительный вклад в российскую правовую мысль и повлияло на многих исследователей того периода. Тому пример П. И. Новгородцев, который, развивая идеи Б. Н. Чичерина, включил право собственности в концепцию «естественного права», а историк В. О. Ключевский, ученик Кавелина, применял его методологию к анализу экономических процессов.

Заключение

Размышляя о праве частной собственности в условиях либеральных политико-правовых учений, важно отметить, что вопрос защиты имущественных прав имеет множество граней. С одной стороны, собственность является основой личной свободы, а с другой – фактором, влияющим на социальную справедливость и экономическую

стабильность. Взгляды Чичерина и Кавелина отражают это дуальное измерение, позволяя по-новому осмыслить традиционные концепции и предложить современные пути их развития.

Проведённый анализ позволяет прийти к следующим основным выводам. Во-первых, право частной собственности является не только экономическим, но и социально-политическим институтом, который эволюционирует под влиянием исторических процессов, а труды Б. Н. Чичерина демонстрируют, что в условиях модернизации правового пространства необходимо учитывать динамичный характер собственности, адаптируя правовые нормы к новым экономическим и социальным реалиям.

В свою очередь подход К. Д. Кавелина подчёркивает значимость сохранения традиционных ценностей и стабильности правового порядка. Его позиция указывает на то, что любые изменения в институтах собственности должны проводиться с осторожностью, чтобы не нарушить баланс между индивидуальными правами и общественными интересами. Таким образом, для успешного развития либеральной доктрины необходимо найти компромисс между динамикой реформ и устойчивостью традиционных норм.

Наконец, синтез идей Чичерина и Кавелина, а также сопоставление с классическими взглядами на частную собственность, позволяют утверждать, что современное общество требует комплексного подхода к регулированию имущественных отношений. А идея, что правильное понимание права собственности – это залог стабильности и развития гражданского общества становится особенно важной в условиях глобальных трансформаций, когда традиционные модели уже не всегда отвечают вызовам времени.

Список литературы

1. Кавелин К. Д. Взгляд на юридический быт Древней Руси // Сборник статей по русской истории. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1847. – С. 85–120.
2. Кавелин К. Д. Задачи этики. – М.: Типография А. И. Мамонтова, 1884. – 180 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении. – М.: Социум, 2019. – 420 с.
4. Милль Дж. Ст. О свободе. – 1859. – 392 с.
5. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 686 с.
6. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 1. – М.: Университетская типография, 1860. – 400 с.
7. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии // Современник. – 1860. – № 4. – С. 195–220.
8. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. – СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. – 210 с.
9. Чичерин Б. Н. Философия права. – СПб.: Наука, 1900. – 450 с.
10. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
11. Роулз Дж. Теория справедливости. – М.: Изд-во Новосибирского университета, 1995. – 511 с.
12. Хайек Ф. А. Конституция свободы. – М.: Новое издательство, 2018. – 527 с.
13. Гегель Г. В. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 530 с.
14. Фридман М. Капитализм и свобода. – М.: Бомбора, 2024. – 304 с.
15. Бентам Д. Введение в принципы морали и законодательства. – М.: Директ-Медиа, 2009. – 734 с.

References

1. Kavelin, K. D. (1847) *Vzglyad na yuridicheskiy byt Drevney Rusi* [A View on the Legal Life of Ancient Rus]. *Sbornik statey po russkoy istorii* [Collection of articles on Russian history]. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova. Pp. 85–120. (In Russian).
2. Kavelin, K. D. (1884) *Zadachi etiki* [Tasks of Ethics]. Moscow: Tipografiya A. I. Mamontova. (In Russian).
3. Locke, J. (2019) *Dva traktata o pravlenii* [Two Treatises of Government]. Moscow: Sotsium. (In Russian).
4. Mill, J. S. (1859) *O svobode* [On Liberty]. (In Russian).
5. Smith, A. (1962) *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations]. Moscow: Sotsegiz. (In Russian).
6. Khomyakov, A. S. (1860) *Polnoe sobranie sochineniy. Tom 1* [Complete Works. Volume 1]. Moscow: Universitetskaya tipografiya. (In Russian).
7. Chernyshevsky, N. G. (1860). *Antropologicheskiy printsip v filosofii* [The Anthropological Principle in Philosophy]. *Sovremennik*. No. 4. Pp. 195–220. (In Russian).
8. Chicherin, B. N. (1882) *Sobstvennost' i gosudarstvo* [Property and the State]. St. Petersburg: Tipografiya M. M. Stasyulevicha. (In Russian).
9. Chicherin, B. N. (1900) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
10. Nozick, R. (2008) *Anarkhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, State, and Utopia]. Moscow: IRISSEN. (In Russian).

11. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (In Russian)
12. Hayek, F. A. (2018) *Konstitutsiya svobody* [The Constitution of Liberty]. Moscow: Novoye izdatel'stvo. (In Russian).
13. Hegel, G. W. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Right]. Moscow: Mysl. (In Russian).
14. Friedman, M. (2024) *Kapitalizm i svoboda* [Capitalism and Freedom]. Moscow: Bombora. (In Russian).
15. Bentham, J. (2009) *Vvedenie v printsipy morali i zakonodatel'stva* [An Introduction to the Principles of Morals and Legislation]. Moscow: Direkt-Media. (In Russian).

Об авторе

Тахмазиди Иван Иванович, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: tahmazidi00@mail.ru

About the author

Ivan I. Tahmazidi, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0006-0566-1467, e-mail: tahmazidi00@mail.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025
Принята к публикации: 05.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 13 January 2025
Accepted: 05 February 2025
Published: 31 March 2025

Система технико-юридического обеспечения правотворчества в современной России и структурная роль правотворческой политики в повышении ее действенности (к основам научной теории проблемы)

В. В. Трофимов, В. А. Кюрджиев

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация

Рассматривается система технико-юридического обеспечения правотворчества в современной России. Проблема эффективности правотворческих результатов связывается с совершенствованием системы технико-юридического обеспечения правотворчества. Раскрываются понятие и элементный состав системы технико-юридического обеспечения правотворческой деятельности. Аргументируется роль правотворческой политики в функционировании системы технико-юридического обеспечения правотворчества в Российской Федерации. Характеризуется значение качественной системы технико-юридического обеспечения правотворческой деятельности в современном Российском государстве.

Ключевые слова: правотворческая деятельность, правотворчество, правотворческая политика, система технико-юридического обеспечения правотворчества, правотворческая техника, техника правотворческой политики, правовые средства, эффективность правотворчества.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

Для цитирования: Трофимов В. В., Кюрджиев В. А. Система технико-юридического обеспечения правотворчества в современной России и структурная роль правотворческой политики в повышении ее действенности (к основам научной теории проблемы) // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 171–197. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_171. EDN: BW TJON

The System of Technical and Legal Support for Law-making in Modern Russia and the Structural Role of Law-making Policy in Increasing its Effectiveness (to the Basics of the Scientific Theory of the Problem)

Vasilii V. Trofimov, Valery A. Kurdzhiev

Tambov State University named after G. R. Derzhavin,
Tambov, Russian Federation

The article considers the system of technical and legal support for law-making in modern Russia. The problem of the effectiveness of law-making results is associated with the improvement of the system of technical and legal support for law-making. The concept and the elementary composition of the system of technical and legal support of law-making activity are revealed. The role of law-making policy in the functioning of the system of technical and legal support for law-making in the Russian Federation is argued. The author characterizes the importance of a qualitative system of technical and legal support for law-making activities in the modern Russian state.

Key words: law-making activity, law-making, law-making policy, system of technical and legal support for law-making, law-making technique, technique of law-making policy, legal means, effectiveness of law-making.

Acknowledgements: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00271, <https://rscf.ru/project/24-28-00271/>.

For citation: Trofimov, V. V., Kurdzhiev, V. A. (2025) Sistema tekhniko-yuridicheskogo obespecheniya pravotvorchestva v sovremennoj Rossii i strukturnaya rol' pravotvorcheskoj politiki v povyshenii ee dejstvennosti (k osnovam nauchnoj teorii problemy) [The System of Technical and Legal Support for Law-making in Modern Russia and the Structural Role of Law-making Policy in Increasing its Effectiveness (to the Basics of the Scientific Theory of the Problem)]. *Leningradskij juridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 171–197. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_171. EDN: BWTJON

Введение

Государственно-правовое строительство современной России осуществляется последовательными темпами и отвечает тем целям и задачам, которые зафиксированы в программных документах государства¹. Очень многое в этом плане зависит от правотворческой деятельности, реализуемой на разных уровнях государственной организации, начиная от высшего законодательного и вплоть до местного (муниципального). При этом речь, безусловно, идет не о хаотичном нагромождении нормативных правовых актов различной степени качества подготовки, а о системной и ответственной правотворческой работе, которая опирается на лучшие деятельностные практики и применяет в рамках своего осуществления все, без исключения, базовые стандарты правотворчества, все необходимые правила и приемы правотворческой активности. Соответственно это предполагает профессиональное и адекватное конкретным задачам использование известного правотворческой деятельности инструментария правотворческой техники или несколько шире – *комплексного ресурса технико-юридического обеспечения*.

Технико-юридическое обеспечение правотворческой активности при всей своей якобы тривиальности как традиционной институциональной формы в рамках правотворчества (вряд ли какая-либо правотворческая деятельность сможет, в принципе, без него обойтись) все еще, на наш взгляд, не приобрело в полной мере в современной правотворческой деятельности роль системно организованного компонента (ресурса), определяющего на уровне безусловного фактора качество и результативность правотворческой работы, еще не стало безоговорочной ценностью для субъектов правотворчества, нередко

¹ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 // СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

позволяющих себе игнорировать классические и новационные технико-юридические императивы и возможности, следствием чего становится довольно «сырой» (неотработанный и неотрефлексированный) нормативно-правовой материал. Зачастую правила и стандарты юридической техники в правотворчестве используются как бы «между прочим», составляя не более чем внешний дизайн правотворческой материи, выполняя роль не более чем некоего «вынужденно» применяемого «придатка» к «высоким правотворческим замыслам», при этом не проявляя присущий этому ресурсу организационно-деятельностный потенциал, способный придать не только внешне приглядную форму правовому содержанию (хорошо, если хотя бы это достигается на должном уровне), но и зарядить его деятельностной энергией на будущее для качественной и эффективной работы. Такая ситуация не вполне нормальна, а значит последующее тиражирование подобной недооценки функциональных возможностей системы технико-юридического обеспечения правотворчества может стать дополнительной причиной усугубления состояния кризисности правовой системы [2] и в конечном итоге ее энтропии, что, естественно, нельзя допускать. В целях недопущения подобного сценария постараемся для начала вывести понимание ресурсов технико-юридического обеспечения на более высокий, системный уровень и обосновать связанные с этим возможности повышения качества и эффективности правотворческой деятельности в современной России, учитывая структурную роль правотворческой политики в организации ресурсной базы юридической техники в правотворчестве.

Результаты

Вызовы, которые стояли перед Россией как государством во все времена (сохранение суверенности, защита

территорий, обеспечение прав граждан и др.), на современном этапе существенно возросли и по своему количеству (добавились новые), и по своему качеству (некоторые из них приобрели чуть ли не экзистенциальный характер, как, например, защита национальных интересов в условиях западной военно-политической экспансии). В такой ситуации государственному аппарату и всем сферам публично-властной компетенции требуется особая мобилизованность, нацеленность на эффективность предпринимаемых действий. Одной из значимых была и остается сфера правотворческой компетенции, где создаются нормативные основы общественной жизнедеятельности, определяются модели поведения, права и обязанности сторон правовых коммуникаций и пр. Как можно предположить, чем качественнее будут законы, тем упорядоченнее и стабильнее будет общественная жизнь и, кроме того, чем качественнее будет право, тем результативнее станут развиваться те области экономики государства, от которых сегодня многое зависит (энергетика, микроэлектроника, сельское хозяйство, робототехника и т. п.).

Правотворческая деятельность в современной России представляет собой целенаправленную активность органов публичной власти по созданию нормативных оснований социальной жизнедеятельности. Правотворческая деятельность имеет сложную организацию, многоуровневый характер [3; 10; 26].

Следует отметить, что пока в сфере правотворчества еще не все приведено к нужным параметрам: допускаются правотворческие ошибки, принимаемые нормативные правовые акты часто меняются, в них постоянно вносятся поправки и дополнения, сами акты при этом порой приобретают вид «нечитаемых» и «непонимаемых». Это крайне негативно сказывается на результатах

их применения на практике¹. Поэтому сегодня все также остро стоит задача повышения качества и эффективности *правотворческой деятельности*, под которой полагаем возможным понимать не просто деятельность компетентных органов государственной и муниципальной власти по созданию механизма правового регулирования, прежде всего путем разработки и принятия нормативных правовых актов, их изменения и отмены, а *особую сферу реализации делегированной от народа правотворческой компетенции, осуществление которой в рамках правотворческой активности органов публичной власти и институтов гражданского общества обеспечивает творческое воспроизводство нормативных оснований социальной жизни (правовых норм и их системы)*.

Преодоление существующих сегодня издержек в правотворческой деятельности требует совершенствования подходов (алгоритмов) ее реализации, главным образом в части технико-юридического сопровождения. Правотворческая работа может успешнее и эффективнее осуществляться прежде всего посредством отлаженной системы технико-юридического обеспечения.

Объективное право создается в рамках правотворчества и в контексте проводимой государством правотворческой политики. Для достижения правотворческих целей необходимо грамотное применение средств и приемов юридической техники в правотворчестве и правотворческой политике. Учеными отмечается особая роль юридической техники в решении многих задач права и констатируется особая взаимосвязь правотворчества, правотворческой политики и юридической техники [4; 5; 12; 20; 27]. При этом нерешенность многих проблем юридической техники тормозит решение актуальных задач правотворчества.

¹Ткаченко Н. Статистический анализ федерального законодательства / Центр стратегических разработок; компания «Гарант». М., 2017. 60 с.

Фактически правотворчество – это формирование общесоциальной воли на решение одной или целого комплекса проблем определёнными средствами в определённой форме и в определённом направлении [32, с. 136]. Роль юридической техники в области правотворчества и правотворческой политики состоит в обеспечении планомерного и конструктивного хода процесса правоформирования, а равно в придании совершенной формы содержательной компоненте права в виде соответствующих норм права и нормативных правовых предписаний.

С самых ранних стадий зарождения права учеными осознавалась особая значимость технико-юридической стороны законотворчества, в частности, отмечалось, что «законы должны иметь для всех одинаковый смысл» [22, с. 651–654], «вразумительность и ясность изложения закона должна исключить его разночтения» [9; 16], «...даже простейшее искусство имеет свою технику – технику, которая представляет собой, правда, не что иное, как собранный и обьективированный осадок здорового разума» [6, с. 27]. Иными словами, юридическая техника (техничко-юридическая система обеспечения права) есть юридическое искусство отделки правового материала [6, с. 34]. Это искусство, овладение которым может позволить придать праву, правовой материи необходимую и эффективную с точки зрения выполнения правом своих функций юридическую форму, придающую праву действенность.

В предлагаемом нами понимании «бремя» этого искусства сегодня в рамках правотворческой деятельности государства несет (способна нести) комплексная система технико-юридического обеспечения, моделируемая и проводимая в правотворческую практику посредством правотворческой политики как особой формы юридической деятельности, окультуривающей правотворческую активность. **Система технико-юридического обеспе-**

чения правотворчества представляет собой комплекс (совокупность) выработанных правотворческой практикой и юридической наукой ресурсов правотворческой техники, техники правотворческой политики и смежных видов юридической техники, опосредующих решение стратегических и тактических задач правотворчества и достижение целей и приоритетов актуальной правотворческой политики.

Системный подход к определению юридической техники и ее арсенала исходит из того, что ее инструментальная основа организована не хаотично, а с помощью взаимных связей, которые в своей совокупности образуют некую систему инструментов. Например, «юридическая техника представляет собой систему правил и приемов подготовки нормативных правовых актов»¹; «систему правил и приемов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию, доступность, простоту и обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов» [23, с. 54]. Иногда в дефиницию вносят и дополнительный контекст, связанный с юридико-технической деятельностью уполномоченных субъектов [31, с. 24].

На системность ресурсов юридической техники указывает А. В. Малько, который определяет, что «юридическая техника – это система ресурсов (средств, способов, методов, приемов, правил и т. д.), используемых при подготовке и упорядочении правовых актов (нормативных, правоприменительных, интерпретационных, договорных и прочих) в целях обеспечения их совершенства и повышения эффективности» [17, с. 7–8]. Инновационным подходом

¹ Васильев А. В. Теория права и государства: учеб. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Флинта: Моск. психол.-соц. ин-т, 2005. С. 86–88.

А. В. Малько можно считать использование при определении понятия юридической техники объединяющего термина «ресурс», который систематизирует разнообразные инструменты юридической техники и усиливает конструкцию дефиниции. С таким подходом мы вполне согласны и, учитывая эту направленность применительно к правотворчеству, вводим в оборот даже несколько более широкое и емкое понятие (определение которого было дано чуть выше) – *система технико-юридического обеспечения*.

Ядро данной системы – это собственно *техника правотворчества* (юридическая техника в сфере правотворчества)¹, под которой привычно понимается совокупность правил и приемов подготовки, формирования и опубликования нормативных правовых актов², сфера практической правотворческой работы, которая отвечает за формальное качество и совершенство нормативных правовых актов [1, с. 105], инструментальная правовая основа, необходимая в различных сочетаниях для выполнения правотворческих операций: подготовка, разработка, оформление, публикация и систематизация нормативно-правовых актов. Иными словами, речь идет по существу о технике формализации права.

Правотворческая техника является важнейшей разновидностью юридической техники и представляет собой совокупность средств, приемов и методов, применяемых при составлении нормативных актов, их опубликовании, а также в ходе систематизации права. При этом подвидами правотворческой техники, исходя из видов правовых актов, выступает техника: законодательная, подзаконного нормотворчества, техника региональных и муниципальных правовых, локальных актов.

¹ Юридическая техника: учеб. / под ред. В. М. Баранова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2024. 696 с.

² Бабаев В. К. Теория советского права в конспектах лекций и схемах: учеб. пособие. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1990. С. 68.

Вместе с тем, на наш взгляд, в систему технико-юридического обеспечения правотворчества, помимо техники формализации права, немаловажно включить и те юридико-технические ресурсы, которые способны ответить за то, как формируется и воспроизводится правовое содержание (включая правовой замысел и планы по его реализации в правотворческих формах). Эту часть технико-юридического сопровождения может взять на себя *техника правотворческой политики*, под которой предлагаем понимать *систему средств, правил, способов, приемов, позволяющих научно обоснованно, системно, последовательно, во взаимосвязи с гражданским обществом, и конструктивно осуществлять правотворческую деятельность, начиная от предправотворческого этапа и завершая опубликованием и введением в действие нормативных правовых актов, а также последующим мониторингом их действия*. Данная техника права, безусловно, накладывается во многом на технику правотворчества, тесно пересекается с последней и где-то охватывается ею. Но вместе с тем на отдельных отрезках именно техника правотворческой политики заявляет о себе более наглядно. В частности, такие акты правотворческой политики, как концепции, стратегии, программы, готовятся с ресурсами техники правотворческой политики, сочетая доктринальный и практический аспекты. При этом доктринальный компонент в этих случаях может лидировать, а значит, в область правотворческой политики «вторгается» техника подготовки научных документов (с их апелляцией к научным фактам, прогнозам, вариативности перспектив развития правовой материи, научной аргументации и пр.).

Техника правотворческой политики, несмотря на то что в рамках процесса правотворчества может замещаться правотворческой техникой, вместе с тем в большей

мере ориентируется на принципы системности, последовательности, участия в правотворчестве институтов гражданского общества, что позволяет правотворческой политике эффективно осуществляться и создавать все необходимые условия для правотворческой деятельности. И к тому же, техника правотворческой политики проявляет свой потенциал, когда встает вопрос мониторинга результативности правотворческой активности, при проверке эффективности действия нормативных правовых актов и определения сценариев правового развития.

Как мы понимаем, важно знать, как формируется правовой «замысел», т. е. идея права, как она преломляется в целях нормативных регуляторов, как к этим целям прилагаются соответствующие механизмы и ресурсы (в виде юридических средств, инструментов), благодаря которым обеспечивается реализация правовых замыслов (идей, целей). Это как раз во многом все то, что не укладывается в обычное понимание правотворчества, а скорее становится частью правотворческой политики, призванной прогнозировать, идейно насыщать правотворческую работу и сопровождать правотворческий процесс на всех его стадиях, создавая для него все необходимые условия, чтобы его результаты были качественными, при этом оперируя своими юридико-техническими приемами и способами, используя ресурс своего рода техники и технологии правотворческой политики.

Кроме того, по нашему мнению, говоря о ресурсе технико-юридического обеспечения правотворчества, не следует упускать из поля зрения тот факт, что правотворчество находится в тесной связи с другими видами юридической деятельности, между которыми как между «сообщающимися сосудами» происходит движение правовой материи, а значит и *техника иных видов право-*

вой деятельности не может не оказывать своего влияния на правотворческие процессы и результаты.

Известное смещение акцентов при трактовке понятия юридической техники в сторону непосредственно правотворческой техники далеко не случайно, так как право в первую очередь – это его нормативные структуры, которые в результате правотворческой деятельности и создаются. Именно с данными структурами связано общее осмысление права как феномена общественной жизни: право должно задавать нормативные модели для социума, регулировать посредством правовых норм общественные отношения, в этом его главное предназначение. По этой причине, когда заходит речь о юридической технике, то таковая ассоциируется прежде всего с правотворчеством. Более конкретизированный взгляд на данные вещи, наверное, может позволять уже говорить о том, что в правотворчестве используется непосредственно потенциал правотворческой техники, а в других видах юридической деятельности – потенциалы других видов юридической техники. Вместе с тем, думается, учитывая сложноорганизованный характер системы правотворчества, применительно к последнему имеет смысл держать в поле зрения не только собственно технику правотворчества, но и иные проявления юридической техники, так как правотворчество «кабинетами» законодательных органов не ограничивается, с них не начинается и ими не завершается. Правотворческая область охватывает собой, на наш взгляд, и сферу «за пределами» собственно правотворческих компетенций – все то пространство правовой жизни, где право а) зарождается (в ходе объективных социальных правообразовательных процессов [29; 11]); б) оформляется в идейно-стратегическом плане (в рамках правотворческой политики) и в) реализуется (в том числе применяется).

Соответственно юридическая техника в этих сегментах правового пространства прямо или косвенно оказывает свое влияние на правотворческие процессы в целом.

Поэтому, говоря о юридической технике в правотворчестве, вполне оправданно иметь в виду не только собственно технику правотворчества (хотя конечно же ее в первую очередь), но и технику правотворческой политики, в рамках которой прорабатываются стратегия и тактика правовых преобразований, а также технику других видов юридической деятельности, оказывающих влияние на правотворческие процессы прямо (например, выработанные в ходе судебной практики рекомендации к законодателю от высших судебных инстанций: принять новый закон, изменить существующий, отменить действующий нормативный акт), либо косвенно (правовые позиции юридической практики: судебной, административной, в силу которых право следует применять – толковать – определенным образом). Это дает основания вести речь о комплексном понимании юридической техники в правотворчестве [30].

Предназначение технико-юридического обеспечения в сфере правотворческой деятельности и правотворческой политики состоит в том, чтобы в ходе разработки, проектирования, оформления нормативного правового содержания закладываемые в него смысловые величины не были искажены по сравнению с предполагаемыми параметрами, а за счет верно подобранных юридико-технических средств получили адекватное выражение в текстах нормативных правовых актов и в последующей правоприменительной практике (это можно заметить на фоне, по сути, каждой из юридических конструкций, например, – поощрений (поощрительных санкций) в праве. Это, в частности, отмечает Д. А. Липинский, во многом сетуя на то, что потенциал поощрений в праве используется далеко не на полную мощь, видя одну из причин

в недостаточно квалифицированном изложении этой конструкции в текстах нормативных правовых актов: «Юридическая техника не отличается совершенством в формулировании поощрительных норм в целом и поощрительных санкций в частности, нередко само закрепление поощрительных санкций носит бессистемный характер» [1, с. 22]). Иными словами, задача правотворческой техники и техники правотворческой политики в том, чтобы довести «до ума» все замыслы законодателя и ответить на все запросы общества, преобразовать и направить в нужное русло. Как верно указывает Т. В. Кашанина, «юридическая техника способствует наиболее целесообразному преобразованию информации в правовой акт»¹.

В целом юридическая техника во всех своих разновидностях и проявлениях представляет собой важнейший ресурс правотворчества и правотворческой политики. Именно благодаря этому ресурсу правотворческая политика и собственно правотворчество способны проявлять свой потенциал и достигать поставленные цели. Необходимо правильно и адекватно правовым задачам понимать потенциал этого инструментально-интеллектуального технико-юридического ресурса и только на этой рационализированной основе осуществлять его использование в правотворческой практике.

Но вместе с тем нужно иметь в виду, что и собственно система технико-юридического обеспечения также в свою очередь нуждается в том, чтобы быть выстроенной должным образом, а для этого необходимо применять соответствующие усилия со стороны ответственных должностных лиц, использовать уже с этих позиций потенциал правотворческой политики.

Для того чтобы данная деятельность субъектов правотворческой компетенции была максимально конструк-

¹ Кашанина Т. В. Юридическая техника: учеб. М.: Эксмо, 2007. С. 80.

тивна, необходима ее надлежащая организация; должно осуществляться задействование всех накопленных за многовековую историю человечества ресурсов для создания и воспроизводства права, в том числе ресурсов технико-юридического свойства. Однако нужно понимать, что умелое использование такого богатого потенциала и арсенала средств юридической техники не может состояться без оптимального алгоритма работы, без проведения в этих условиях целенаправленной политики, полагающей для себя самой важной задачей сотворение права и применение в дальнейшем всей его энергии. Требуется соответствующая *правовая (правотворческая) политика*¹ [25].

Система технико-юридического обеспечения правотворчества в полной мере способна реализовать свой потенциал, если правотворчество уверенно реализуется в формате правотворческой политики как формы (алгоритма) организации правотворческой практики. Правотворческая политика – ресурс, способный актуализировать и привести в оптимальное состояние систему правотворчества в целом и в активное действие механизм технико-юридического его обеспечения, создать научные основы для конструктивного решения всех задач и целевых установок правотворческой деятельности в государстве, организовать функционирование технико-юридического инструментария согласно соответствующим задачам и целевым установкам [7; 21; 13].

Рационально ориентированная правовая (и прежде всего правотворческая) политика призвана обеспечивать решение комплекса ключевых вопросов: а) создание эффективного механизма правового регулирования в целом, что в первую очередь осуществляется на этапе правотворчества, а следовательно, находится в области ведения

¹ Мазуренко А. П. Правотворческая политика как фактор модернизации правотворчества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. 527 с.

правотворческой политики (которая, однако, сама нуждается в использовании средств для принятия оптимальных правотворческих решений); б) совершенствование механизмов воздействия права на общественные отношения (т. е. выработка и апробация технологий работы с наборами правовых средств для реагирования на сложный социально-юридический контекст); в) совершенствование правовых средств как конкретного инструментария для действия в правовой сфере, начиная с правотворческой стадии механизма правового регулирования.

Правовая политика современной России, имея различные основные формы реализации (доктринальная; правотворческая; правоприменительная; правоинтерпретационная; воспитательно-обучающая и т. п.) [19, с. 156], начинает свою «работу» с правотворческой формы. *Правотворческая политика* как самостоятельная форма правовой политики есть «научно обоснованная, последовательная и системная деятельность государственных органов и институтов гражданского общества, направленная на определение стратегии и тактики правотворчества, на создание условий для эффективной правотворческой работы»¹. По мнению А. П. Мазуренко, правотворческая политика представляет собой «особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности государственных органов и негосударственных структур, направленной на определение стратегии и тактики правотворчества, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования в целях обеспечения необходимых условий для создания непротиворечивой и целостной системы права» [14, с. 180]. Это же, на наш взгляд, должно практи-

¹ Малько А. В. Правотворческая политика как особая форма реализации правовой политики // Правотворческая политика в современной России: курс лекций / под ред. А. В. Малько. Саратов: Саратовская гос. юрид. академия, 2013. С. 22.

коваться и на муниципальном уровне власти, где происходят формирование и реализация муниципальной правотворческой политики.

В настоящее время не выработано достаточно устойчивого определения понятия (термина) «правотворческая политика», этот вопрос продолжает муссироваться в изысканиях ученых. Вместе с тем по своей сути она выступает «продолжением» алгоритма юридической деятельности, заложенного в общеродовое определение понятия «правовая политика». В этой связи так же, как и правовая политика для правового развития в целом, правотворческая политика для системы правотворчества дает стратегические и тактические ориентиры к осуществлению на разных уровнях публично-властной компетенции. Правотворческая политика также включает в себя процессы планирования и прогнозирования правового развития в контексте принимаемых в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе нормативных правовых актов. Кроме того, правотворческая политика как особая форма юридической деятельности предполагает научное обоснование каждого из правотворческих решений, учет результатов социологического изучения проблемной сферы жизни общества, которую планируется охватить нормативно-правовым воздействием [28]. По нашему мнению, под правотворческой политикой следует понимать научно обоснованную, последовательную, системную деятельность властных органов по определению стратегии и тактики правотворчества с учетом общественного мнения и экспертных оценок в целях обеспечения условий для эффективной правотворческой работы, осуществления самой правотворческой деятельности с целью совершенствования системы права при помощи специальных правотворческих средств. Таким образом, правотворческая политика предстает как де-

тельность по обеспечению необходимых условий для эффективного правотворчества [15, с. 34]¹ и собственно для осуществления правотворчества в формате эффективности и оптимальности, используя для организации данной деятельности соответствующий набор средств правотворческой политики. В этом аспекте правотворческая политика нацелена на выявление факторов, требующих правотворческих преобразований, а равно на создание программы стратегических и тактических действий по наиболее оптимальному осуществлению преобразований в праве посредством правотворческой активности.

Преимущество правотворческой политики заключается в том, что ее статус, как и доктринального продукта, позволяет широко применять разнообразные экспертные оценки научных организаций и отдельных ученых, прогнозы, программы, концепции, общественное мнение, международный опыт и т. д. При этом показатель эффективности в правотворчестве имеет многокритериальный характер – это результативность правотворчества (достижение поставленных целей, сбалансированность выгод и издержек), социальная полезность полученных результатов и совершенство выбранных юридических средств (ресурсная обеспеченность).

Как подчеркивает А. В. Малько, правотворческая политика «есть путь к усовершенствованию правотворчества, к его оптимизации» [18, с. 32], а повышение эффективности правотворчества – это важнейшая цель правовой жизни России и условие ее перехода на новый уровень в построении правовой государственности, обеспечении прав и свобод человека и гражданина, законности и правопорядка [24].

По меткому замечанию А. В. Малько, правотворческая политика может рассматриваться как своеобразное

¹ Лаврик А. Ю. Общефедеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческой политики в современной России: теоретические аспекты взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 15.

«лекарственное средство» от правотворческих ошибок – «болезни» современного *правотворчества*, она способна содействовать как «лечению», так и «профилактике» подобных «заболеваний» [19, с. 177]. Эта образная характеристика правотворческой политики свидетельствует о ее самостоятельном характере в аспекте «врачевания» правотворчества.

Правотворческая политика, решая характерную для себя сумму задач, объективно становится самостоятельным видом правовой политики, обеспечивая для правотворчества целый ряд преимуществ: создает условия для принятия, изменения или отмены нормативных правовых актов и нормативных договоров; содействует правотворческому процессу и выстраиванию правовой системы; субъектами правотворческой политики выступают органы государственной представительной (законодательной) и исполнительной власти, органы местного самоуправления, институты гражданского общества; особый ресурсный потенциал правотворческой политики, в который включаются правовые и внеправовые средства; тесное взаимодействие с другими формами реализации правовой политики.

Правотворческая политика и правотворчество – это две грани единой сущности в области создания механизма правового регулирования в государстве, где правотворческая политика закладывает идейно-концептуальные (научно-практические) основы правотворческой деятельности, определяет то, какой инструментарий необходимо учитывать в первую очередь в ходе создания права, а правотворчество непосредственно выполняет эту заданную программу, следуя правилам и приемам юридической техники, творит реальное право, обеспечивая ядро правовой системы общества в виде юридических норм и нормативных правовых актов.

Особое значение правотворческой политики проявляется в тесном взаимодействии правотворческой политики с ее инструментальной (в том числе технико-юридической) основой, которая напрямую связана с объемом правотворческих полномочий, с конкретным срезом правотворческого процесса. В этом случае правотворческая политика подразделяется на законотворческую политику; политику подзаконного нормотворчества (правотворческую политику президента РФ, Правительства РФ, федеральных министерств и ведомств); субъектов РФ (законодательных органов субъекта РФ и глав регионов, региональных министерств и ведомств); правотворческую политику муниципальных органов власти.

Главенствующее значение в аспекте создания норм высшей юридической силы правотворческая политика приобретает в сфере законотворческой деятельности. На сегодняшний день важной представляется задача выработки теоретического подхода к решению проблемы принятия качественных законов в России. Несмотря на то что этому вопросу уделялось большое внимание со стороны теоретиков и практиков, изученность механизма повышения качества законов в государстве¹, а особенно при помощи специальной законотворческой политики как разновидности правотворческой политики, нельзя считать исчерпанной. Формат и алгоритм законотворческой политики можно с уверенностью рассматривать как один из самых действенных факторов повышения качества законодательства, один из способов минимизации тех издержек, которые порой с ним могут быть связаны.

Законотворческая политика представляет собой особую форму юридической деятельности государственной власти по созданию всех необходимых условий для под-

¹ Синюков С. В. Механизм правотворчества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 12; Спирин М. Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 34–42.

готовки и принятия законодательными органами власти в стране (федеральными и региональными) законодательных актов, имеющих свои характерные черты (особо значимые предметы регулирования, строго организованный порядок принятия, юридическая сила предельно высокого уровня). Основными направлениями правовой политики в этой сфере являются разработка и осуществление нормативно-правового планирования, принятие законов, реализация и совершенствование действующего законодательства и все это – при неперенном использовании комплекса технико-юридического инструментария, профессионально и эффективно применяемого для решения соответствующих правотворческих задач. Назначение законотворческой правовой политики в Российской Федерации выражается в принятии качественных законов, усовершенствовании механизма взаимодействия трех ветвей государственной власти в процессе разработки законопроектов и снижении неоправданных издержек законотворчества за счет повышения качества и эффективности функционирования той ресурсной базы, которая предлагается современной системой технико-юридического обеспечения.

Политика подзаконного правотворчества, другие разновидности правотворческой политики, а равно соответствующие им системы технико-юридического обеспечения выполняют свои объемы задач и функций, обеспечивая выработку правового содержания и его последующую формализацию, решая имеющиеся на каждом из этих уровней доктринальные и практические вопросы.

Заключение

Таким образом, помимо основных целей политики в области правотворчества (законотворчества) в виде создания совершенного и качественного механизма правового

го регулирования, прочных и стабильных нормативных оснований общественной жизнедеятельности, реализации принципов верховенства права и правового государства, у данных направлений государственной деятельности есть и более конкретные, но не менее важные цели в виде достижения безупречности формальных сторон правового содержания, четкости и убедительности положений нормативных правовых актов и иных источников права, минимизации коллизий и пробелов в материи законодательства, юридических ошибок и изъянов и т. п. Эти цели могут быть достигнуты путем «умной» правотворческой политики, применения имеющихся знаний и ресурсов технико-юридического характера.

В конечном счете формировать новые горизонты развития государства посредством совершенствования права и законов призвана правовая (правотворческая) политика, которая в правотворческой сфере представляет собой научно обоснованную и системную деятельность по формированию условий (включая организацию ресурсов технико-юридического характера) для выполнения правотворчеством своих основных функций по созданию, изменению и отмене правовых норм. Иными словами, правотворческая политика направлена на осуществление работы по приданию правовым идеям органичной внешней формы выражения при помощи юридико-технического инструментария. И этот инструментарий, как и в целом вся система технико-юридического обеспечения правотворческой деятельности, должны быть отлажены с максимальной безупречностью, так как от качества данного инструментария, эффективности системы технико-юридического обеспечения напрямую зависит качество и эффективность позитивного права – основного средства решения задач государственного развития.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.
2. Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40–45.
3. Гранкин И. В. Правотворческий процесс. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.
4. Давыдова М. Л. Правотворческая политика и юридическая техника: проблемы соотношения понятий // Правотворческая политика в современной России: сб. научных трудов по материалам всероссийского круглого стола / под ред. А. В. Малько, Н. В. Исакова, А. П. Мазуренко. – Саратов–Минеральные Воды: Саратовский филиал Института государства и права РАН; Северо-Кавказский филиал Московского гуманитарно-экономического института, 2009. – С. 118–127.
5. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. – Волгоград: изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. – СПб., 1905. – 105 с.
7. Ильин А. В. Оптимизация правотворческой деятельности в современной России (вопросы теории и практики) / под ред. С. А. Комарова. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2005. – 309 с.
8. Кокориков Д. В. Содержание понятия «правотворческая техника», его научная новизна и ценность // Общество и право. – 2011. – № 2 (34). – С. 55–60.
9. Костенко М. А. Европейский историко-правовой опыт развития учения о юридической технике // Современное право. – 2014. – № 1. – С. 161–164.
10. Крашенинников П. В. Закон и законотворческий процесс. – М.: Статут, 2017. – 160 с.
11. Липинский Д. А. О юридико-технических конструкциях поощрительных альтернативных санкций и их влиянии на индивидуализацию позитивной юридической ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 4. – С. 21–24.
12. Мазуренко А. П. Вопросы взаимодействия правотворческой политики и юридической (законодательной) техники: теоретический аспект // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 39–43.
13. Мазуренко А. П. Правотворческая политика: (опыт научного исследования). – М.: Логос, 2018. – 554 с.
14. Мазуренко А. П. Правотворческая политика: теоретические и прикладные проблемы // ISJ Theoretical & Applied Science. – 2014. – № 3 (11). – С. 178–183.
15. Мазуренко А. П. Региональная правотворческая политика / под ред. А. В. Малько. – Ставрополь, Минеральные Воды: НЭАКС ГДСК, СКФ МГЭИ, 2006. – 184 с.
16. Малышева Н. И. К вопросу о понимании юридической техники (на примере политико-правового учения С. Пуфендорфа) // Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 17 июня 2005 г. / сост.: Волкова С. В., Малышева Н. И.; под общ. ред.: Луковская Д. И. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. – С. 143–146.
17. Малько А. В. Правовая политика и юридическая техника // Юридическая техника как важнейшее средство правовой политики: сборник научных трудов по материалам международного круглого стола / под ред. А. В. Малько, М. А. Костенко. – Саратов–Таганрог: СФ ИГП РАН; ТТИ ЮФУ, 2010. – С. 6–14.
18. Малько А. В. Правотворческая политика как средство предупреждения и устранения ошибок в законодательстве // Правотворческие ошибки: понятие, виды, практика и техника устранения в постсоветских государствах: материалы

Международного научно-практического круглого стола (29–30 мая 2008 года) / под ред. В. М. Баранова, И. М. Мацкевича. – М.: Проспект, 2009. – С. 44–56.

19. Малько А. В. Теория правовой политики: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 328 с.

20. Малько А. В., Костенко М. А. Правовая политика и юридическая техника: взаимодействие и взаимообусловленность // Юридическая техника. – 2010. – № 4. – С. 352–356.

21. Малько А. В., Мазуренко А. П. Правотворческая политика России: история и современность. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 256 с.

22. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные труды. – М.: Госполитиздат, 1955. – 803 с.

23. Пиголкин А. С. Совершенствование законодательной техники // Советское государство и право. – 1968. – № 1. – С. 50–57.

24. Погодин А. В., Путинцев А. В. Политика в области прав и свобод: альтернативные доктринальные подходы // Права человека и политика права в XXI веке: перспективы и вызовы: сборник научных трудов по итогам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Москва, Московский государственный университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 27–28 мая 2022 года. – Саратов: Саратовский источник, 2022. – С. 205–215.

25. Поленина С. В. Правовая политика – генерализующий фактор правотворчества // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 94–96.

26. Румянцев М. Б. Правотворчество в Российской Федерации. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – 324 с.

27. Теория и метатеория юридической техники: от правосознания к правопорядку: монография / под ред. А. В. Аверина, М. Л. Давыдовой. – Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2022. – 242 с.

28. Трофимов В. В. Правовая политика как научная основа правовых реформ // Государство и право. – 2010. – № 6. – С. 101–104.

29. Трофимов В. В. Правообразование в современном обществе: теоретико-методологический аспект / под ред. Н. А. Придворова. – Саратов: Саратовская государственная академия права, 2009. – 308 с.

30. Трофимов В. В., Кюрджиев В. А. Комплексное понимание юридической техники в правотворческой деятельности (опыт постановки проблемы) // Правовая культура. – 2023. – № 3 (54). – С. 23–29.

31. Чигидин Б. В. К вопросу о понятии юридической техники // Представительная власть – XXI век. – 2002. – № 5–6. – С. 47–48.

32. Шувалов И. И. Теория законотворчества. – М.: Норма, 2006. – 208 с.

References

1. Alekseev, S. S. (1999) *Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law: ABC – theory – philosophy. The experience of a comprehensive study]. Moscow: Statute. (In Russian).

2. Vlasenko, N. A. (2014) *O krizisnyh tendetsiyah v prave* [On crisis trends in law]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technique*. No. 8. Pp. 40–45. (In Russian).

3. Grankin, I. V. (2016) *Pravotvorcheskij process* [Law-making process]. Moscow: Prospect. (In Russian).

4. Davydova, M. L. (2009) *Pravotvorcheskaya politika i yuridicheskaya tekhnika: problemy sootnosheniya ponyatij* [Law-making policy and legal technique: prob-

lems of correlation of concepts]. *Pravotvorcheskaya politika v sovremennoj Rossii* [Law-making policy in modern Russia]. Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian round table / edited by A. V. Malko, N. V. Isakov, A. P. Mazurenko. Saratov-Mineralnye Vody: Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; North Caucasus Branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Pp. 118–127. (In Russian).

5. Davydova, M. L. (2009) *Yuridicheskaya tekhnika: problemy teorii i metodologii: monografiya* [Legal technique: problems of theory and methodology: monograph]. Volgograd: Volga Publishing House. (In Russian).

6. Iering, R. (1905) *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique]. St. Petersburg. (In Russian).

7. Ilyin, A. V. (2005) *Optimizaciya pravotvorcheskoj deyatel'nosti v sovremennoj Rossii (voprosy teorii i praktiki)* [Optimization of law-making activity in modern Russia (issues of theory and practice). Ed. S. A. Komarova]. St. Petersburg: Publishing House of Law Institute. (In Russian).

8. Kokorikov, D. V. (2011) Soderzhanie ponyatiya «pravotvorcheskaya tekhnika», ego nauchnaya novizna i cennost' [The content of the concept of “law-making technique”, its scientific novelty and value]. *Obshchestvo i pravo – Society and law*. No. 2 (34). Pp. 55–60. (In Russian).

9. Kostenko, M. A. (2014) Evropejskij istoriko-pravovoj opyt razvitiya ucheniya o yuridicheskoy tekhnike [The European historical and legal experience of the development of the doctrine of legal technique]. *Sovremennoe pravo – Modern law*. No. 1. Pp. 161–164. (In Russian).

10. Krashenninikov, P. V. (2017) *Zakon i zakonotvorcheskij process* [The law and the legislative process]. Moscow: Statute. (In Russian).

11. Lipinsky, D. A. (2018) O yuridiko-tekhnicheskikh konstrukcijah pooshchritel'nyh al'ternativnyh sankcij i ih vliyaniia na individualizaciyu pozitivnoj yuridicheskoy otvetstvennosti [On the legal and technical structures of incentive alternative sanctions and their impact on the individualization of positive legal responsibility]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' – Legal policy and legal life*. No. 4. Pp. 21–24. (In Russian).

12. Mazurenko, A. P. (2007) Voprosy vzaimodejstviya pravotvorcheskoj politiki i yuridicheskoy (zakonodatel'noj) tekhniki: teoreticheskij aspekt [Issues of interaction of law-making policy and legal (legislative) technique: theoretical aspect]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technique*. No. 1. Pp. 39–43. (In Russian).

13. Mazurenko, A. P. (2018) *Pravotvorcheskaya politika: (opyt nauchnogo issledovaniya)* [Law-making policy: (experience of scientific research)]. Moscow: Logos. (In Russian).

14. Mazurenko, A. P. (2014) *Pravotvorcheskaya politika: teoreticheskie i prikladnye problemy* [Law-making policy: theoretical and applied problems]. *ISJ Theoretical & Applied Science – ISJ Theoretical & Applied Science*. No. 3 (11). Pp. 178–183.

15. Mazurenko, A. P. (2006) *Regional'naya pravotvorcheskaya politika / pod red. A. V. Mal'ko* [Regional law-making policy / ed. by A. V. Malko]. Stavropol, Mineralnye Vody: NEAKS GDSK, SKF MGEI. (In Russian).

16. Malysheva, N. I. (2005) K voprosu o ponimaniy yuridicheskoy tekhniki (na primere politiko-pravovogo ucheniya S. Pufendorfa) [On the question of understanding legal technique (on the example of the political and legal teachings of S. Pufendorf)]. *Yuridicheskaya tekhnika: voprosy teorii i istorii* [Legal technique: questions of theory and history]. Materials of the interuniversity scientific and theoretical conference. St. Petersburg, June 17, 2005 / Comp.: Volkova S. V., Malysheva N. I.; Under the general editorship: Lukovskaya. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. Pp. 143–146. (In Russian).

17. Malko, A. V. (2010) *Pravovaya politika i yuridicheskaya tekhnika* [Legal policy and legal technique. *Yuridicheskaya tekhnika kak vazhnejshee sredstvo pravovoj*

politiki [Legal technique as the most important means of legal policy]. Collection of scientific papers based on the materials of the international round table / ed. A. V. Malko, M. A. Kostenko. Saratov; Taganrog: SF IGP RAS; TTI SFU. Pp. 6–14. (In Russian).

18. Malko, A. V. (2009) *Pravotvorcheskaya politika kak sredstvo preduprezhdeniya i ustraneniya oshibok v zakonodatel'stve* [Law-making policy as a means of preventing and eliminating errors in legislation]. *Pravotvorcheskie oshibki: ponyatie, vidy, praktika i tekhnika ustraneniya v postsovetstvih gosudarstvakh* [Law-making errors: concept, types, practice and technique of elimination in post-Soviet states]. Materials of the International Scientific and Practical Round table (May 29–30, 2008) / ed. V. M. Baranov, I. M. Matskevich. Moscow: Prospect. Pp. 44–56. (In Russian).

19. Malko, A. V. (2012) *Teoriya pravovoy politiki: monografiya* [Theory of legal policy: monograph. Moscow: Yurлитinform. (In Russian).

20. Malko, A. V., Kostenko, M. A. (2010) *Pravovaya politika i yuridicheskaya tekhnika: vzaimodeystvie i vzaimoobuslovlennost'* [Legal policy and legal technique: interaction and interdependence]. *Yuridicheskaya tekhnika – Legal technique*. No. 4. Pp. 352–356. (In Russian).

21. Malko, A. V., Mazurenko, A. P. (2014) *Pravotvorcheskaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Law-making policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Yurлитinform. (In Russian).

22. Montesquieu, Sh. (1955) *O duhe zakonov* [On the spirit of laws]. *Izbrannye trudy. Per. s fr.* [Selected works. Trans. from French]. Moscow: Gospolitizdat. (In Russian).

23. Pigolkin, A. S. (1968) *Sovershenstvovanie zakonodatel'noy tekhniki* [Improvement of legislative technique]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo – The Soviet State and law*. No. 1. Pp. 50–57. (In Russian).

24. Pogodin, A. V., Putintsev, A. V. (2022) *Politika v oblasti prav i svobod: al'ternativnye doktrinal'nye podhody* [Politics in the field of rights and freedoms: alternative doctrinal approaches]. *Prava cheloveka i politika prava v XXI veke: perspektivy i vyzovy* [Human rights and the politics of law in the XXI century: prospects and challenges]. Collection of scientific papers on the results of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Moscow, Kutafin Moscow State University (MGU), May 27–28, 2022. Saratov: Saratov source. Pp. 205–215. (In Russian).

25. Polenina, S. V. (2011) *Pravovaya politika – generalizuyushchij faktor pravotvorchestva* [Legal policy – generalizing factor of lawmaking]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 1. Pp. 94–96. (In Russian).

26. Rumyantsev, M. B. (2019) *Pravotvorchestvo v Rossijskoj Federacii* [Lawmaking in the Russian Federation]. Cheboksary: Publishing house "Wednesday". (In Russian).

27. Davydova, M. L. (2022) (ed.) *Teoriya i metateoriya yuridicheskoy tekhniki: ot pravosoznaniya k pravoporyadku* [Theory and metatheory of legal technology: from legal awareness to law and order: monograph]. Eds. A. V. Averin, M. L. Davydova. Vladimir: Vladimir branch of RANEPa. (In Russian).

28. Trofimov, V. V. (2010) *Pravovaya politika kak nauchnaya osnova pravovyh reform* [Legal policy as the scientific basis of legal reforms]. *Gosudarstvo i pravo – State and law*. No. 6. Pp. 101–104. (In Russian).

29. Trofimov, V. V. (2009) *Pravoobrazovanie v sovremennom obshchestve: teoretiko-metodologicheskij aspekt / Pod red. N. A. Pridvorova* [Legal education in modern society: theoretical and methodological aspect / ed. N. A. Pridvorov]. Saratov: Saratov State Academy of Law. (In Russian).

30. Trofimov, V. V., Kurdjiev, V. A. (2023) *Kompleksnoe ponimanie yuridicheskoy tekhniki v pravotvorcheskoj deyatel'nosti (opyt postanovki problemy)* [Complex

understanding of legal technique in law-making activity (experience of problem formulation). *Pravovaya kul'tura – Legal culture*. No. 3 (54). Pp. 23–29. (In Russian).

31. Chigidin, B. V. (2002) K voprosu o ponyatii yuridicheskoy tekhniki [On the question of the concept of legal technique]. *Predstavitel'naya Vlast' – XXI vek – Representative Government is the 21st century*. No. 5–6. Pp. 47–48. (In Russian).

32. Shuvalov, I. I. (2006) *Teoriya zakonotvorchestva* [Theory of lawmaking]. Moscow: Norm. (In Russian).

Об авторах

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-5039-7363, e-mail: iptgutv@mail.ru

Кюрджиев Валерий Александрович, соискатель, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-3886-4798, e-mail: vaalera003@mail.ru

About the authors

Vasily V. Trofimov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-5039-7363, e-mail: iptgutv@mail.ru

Valery A. Kurdzhiev, Applicant, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-3886-4798, e-mail: vaalera003@mail.ru

Поступила в редакцию: 18.12.2024
Принята к публикации: 24.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 18 December 2024
Accepted: 24 February 2025
Published: 31 March 2025

Юридический конфликт в публичном праве: теоретико-правовая и динамическая характеристика

М. А. Туганбаев

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В рамках представленной статьи рассматриваются теоретические особенности юридического конфликта в публичном праве, даются динамические характеристики такого конфликта. На основе теоретико-правового анализа отмечается, что динамика юридического конфликта представляет собой совокупность отдельных стадий, содержание которых определяет природу юридического конфликта как полноценного правового явления. Динамика юридического конфликта включает в себя три основные стадии: начало, развитие и завершение. Делается вывод, что разрешение юридического конфликта достигается в процессе тщательного анализа источников противоречий и содержания спора, и даёт возможность установить новые отношения уравновешенных интересов, которые удовлетворяют обе стороны.

Ключевые слова: публичное право, противоборство, юридический конфликт, публичный спор, стадии юридического конфликта, разрешение конфликта.

Для цитирования: Туганбаев М. А. Юридический конфликт в публичном праве: теоретико-правовая и динамическая характеристика // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 198–213. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_198. EDN: CRRSGA

Legal Conflict in Public Law: Theoretical-Legal and Dynamic Characteristics

Murat A. Tuganbaev

Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

Within the framework of the presented article, the author examines the theoretical features of a legal conflict in public law, and also gives dynamic characteristics of such a conflict. Based on the theoretical and legal analysis, it is noted that the dynamics of a legal conflict is a set of separate stages, the content of which determines the nature of a legal conflict as a full-fledged legal phenomenon. The dynamics of a legal conflict includes three main stages: beginning, development and completion. The author concludes that the resolution of a legal conflict is achieved through a thorough analysis of the sources of contradictions and the content of the dispute, and makes it possible to establish new relationships of balanced interests that satisfy both sides.

Key words: public law, confrontation, legal conflict, public dispute, stages of legal conflict, conflict resolution.

For citation: Tuganbaev, M. A. (2025) YUridicheskij konflikt v publichnom prave: teoretiko-pravovaya i dinamicheskaya harakteristika [Legal Conflict in Public Law: Theoretical-Legal and Dynamic Characteristics]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No.1 (79). Pp. 198–213. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_198. EDN: CRRSGA

Введение

В данной публикации продолжается теоретико-правовой анализ механизма разрешения юридических конфликтов в публичном и частном праве. Актуальность представленной темы обусловлена необходимостью поиска эффективных путей в сфере разрешения юридических конфликтов. Вместе с тем, исследуя указанный механизм, нельзя не уделить внимание и стадиям развития юридического конфликта. В целом можно отметить, что юридический конфликт как междисциплинарный правовой институт традиционно привлекает внимание ученых, специализирующихся как в области общетеоретических и отраслевых, так и прикладных правовых исследований. Вполне очевидно, что терминологическое название того или иного правового явления выражает и его настоящий смысл.

В рамках данной статьи будут рассмотрены динамические особенности процесса разрешения юридического конфликта, в частности в публичном праве.

Достижение этой цели потребовало решения ряда научных задач, основными из которых являются:

- определение общетеоретического понимания юридического конфликта в публичном праве;
- осуществление системного анализа динамических характеристик юридического конфликта в публичном праве;
- анализ основных стадий процесса разрешения юридического конфликта.

Исходя из сказанного, представляется, что одним из ключевых аспектов любого юридического конфликта является поиск наиболее эффективных способов его разрешения.

Общетеоретическая характеристика юридического конфликта в публичном праве

Для более полного понимания нашей позиции по данному вопросу, полагаем, что первоначально необхо-

димо определиться с теоретическими особенностями юридического конфликта в публичном праве. Нельзя однозначно утверждать, что в теоретико-правовой науке юридический конфликт в публичном праве исследован в полном объеме. По-прежнему имеются противоречия во взглядах на понимание таких конфликтов. Например, нет ясности в сфере разграничения публичного спора и публичного конфликта.

В данном случае, применяя метод междисциплинарного исследования, исходим из позиций ученых, которые в рамках публично-правовых наук исследовали данный вопрос, после чего, рассмотрим существенные черты юридического конфликта в публичном праве с теоретико-правовых позиций. И здесь также существуют различные точки зрения на особенности юридического конфликта в публичном праве. Так, И. А. Орлова приходит к выводу, согласно которому юридический спор следует рассматривать как форму проявления правового конфликта, которая является одним из его потенциальных, но не неизбежных этапов эволюции. В юридических спорах юридический конфликт может возникнуть только при наличии определенных условий, для того чтобы стороны поняли проблему, определили свою позицию, представили ее оппоненту и обсудили. Если отсутствуют такие признаки, как взаимное обсуждение проблемы, обоснование позиции и четко определенный предмет разногласий, но стороны активно мешают друг другу в достижении определенных целей, это свидетельствует о наличии конфликта. Оспаривание нарушенных прав одной из сторон вряд ли можно считать спором¹.

По этому поводу вполне однозначно высказалась А. В. Никитина, отметив следующее: «Как разновидность

¹ Орлова И. А. Разрешение споров в международном публичном и частном праве: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. С. 11. EDN: ZNGJSX

конституционно-правового конфликта конституционно-правовой спор – это внешняя форма проявления сталкивающихся, противоречащих друг другу конституционно защищаемых частных и (или) публичных интересов, конституционных ценностей»¹.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что публично-правовой спор представляет собой форму юридического конфликта, возникающего и разрешаемого в сфере публичного права. При этом мы солидарны с точкой зрения Д. М. Лифанова о том, что «методологический подход к определению спора о праве как юридической формы конфликта, является обоснованным, поскольку данная правовая конструкция может выступать в качестве предпосылки, необходимой для эффективного разрешения возникшего противоречия» [8, с. 43].

Полагаем, что в отличие от юридического конфликта в частноправовой сфере, конфликт в публичном праве отличается основаниями возникновения, составом, а именно субъектами, которые вступили в этот конфликт, а также способами его разрешения и применяемыми правовыми средствами. Вместе с тем отличительным признаком является и тот факт, что субъекты этих конфликтов преследуют разные цели. При широком подходе субъектами юридических конфликтов в публичном праве, с одной стороны, выступает индивид, который оспаривает решения органов публичной власти, а с другой – сам орган публичной власти, который вынес оспариваемое решение. Например, С. Ф. Афанасьев и А. П. Яковлева указывают на то, что разрешение рассматриваемых конфликтов происходит в форме административной юстиции, которая включает в себя деятельность административных органов по разрешению публично-правового

¹ Никитина А. В. Конституционно-правовые споры: дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2019. С. 12.

конфликта в соответствующей сфере деятельности административного органа [1, с. 8].

Учитывая вышесказанное, в рамках данного исследования будем исходить из того, что юридический конфликт в публично-правовой сфере может быть представлен как противоборство в публичном праве, возникшее на основании противоречивых (конфликтных) отношений между субъектами, преследующими собственные интересы публично-правового характера. Е. М. Цыганова по этому поводу справедливо отмечает, что сам юридический конфликт в сфере публичного права имеет свою специфику, обусловленную характером отношений, регулируемых правовыми нормами в сфере функционирования государственной власти [14, с. 80].

Динамическая характеристика юридического конфликта

Рассмотрев некоторые общетеоретические особенности юридического конфликта в публичном праве, перейдем к динамическим характеристикам рассматриваемого конфликта, а именно к определению стадий (этапов) его разрешения. Стоит сказать, что на сегодняшний день в теории права недостаточно исследованы динамические характеристики процесса разрешения юридических конфликтов в целом. Анализ юридической литературы показывает, что большинство исследований в сфере юридических конфликтов в основном касаются причин их возникновения, а также различных способов их разрешения и завершения. Также ученые особое внимание уделяют и альтернативным способам разрешения юридических конфликтов, в частности медиативным технологиям. Настоящее исследование не ставит своей целью опровергнуть или поставить под сомнение результаты предыдущих работ, внесших значительный вклад в понимание

юридических конфликтов. Наша концепция направлена на обогащение существующих знаний новыми идеями и подходами. Важно подчеркнуть, что данное исследование касается разработки модели разрешения юридических конфликтов как в сфере публичного, так и частного права, с особым вниманием к ее структурным элементам.

В целом можно отметить, что механизм разрешения юридических конфликтов в публичном праве предполагает, что процесс разрешения такого конфликта подразумевает наличие конкретных стадий, которые он проходит для логического завершения. Стоит также подчеркнуть, что в теории права неоднократно поднимался вопрос о назначении и роли стадий в том или ином правовом механизме [см., напр. 9].

В ранних публикациях нами были рассмотрены общие теоретико-правовые аспекты юридического конфликта [10, с. 73–74], где были обозначены общие признаки и сущность рассматриваемых конфликтов. Также уделялось внимание и некоторым способам разрешения юридических конфликтов.

Принимая во внимание вышеизложенное, присоединяемся к мнению тех исследователей, которые считают вопрос о границах и динамике юридического конфликта одним из наиболее сложных и дискуссионных в теории правовой конфликтологии. Для того чтобы лучше понять сущность правовых коллизий и разработать эффективные методы их урегулирования на практике, необходимо четко определить, в какой степени конфликт регулируется законодательством, а также проанализировать динамику его развития [2, с. 76].

Таким образом, юридический конфликт в сфере публичного права, будучи специфической формой социального взаимодействия, развивается во времени и пространстве, охватывая определенный круг участников.

Любой юридический конфликт характеризуется наличием ряда последовательных стадий. Изучение этих стадий позволяет более точно определить его сущность как открытого противостояния сторон и выработать эффективные способы его разрешения.

В этой связи можно привести точку зрения Ю. В. Францифорова и М. Ю. Лебедева о том, что «возникновение конфликта, например в уголовном процессе, и развитие конфликтной ситуации происходит в следующей последовательности: конфликтная ситуация, конфликтное противостояние участников защиты и обвинения и его разрешение. При этом разрешение конфликта требует не столько действий противоположной стороны, сколько усилий третьей стороны – должностного лица или государственного органа, которые имеют право рассмотреть конфликтную ситуацию и принять по ней разумное, справедливое и легитимное решение» [12, с. 90].

Таким образом, мы видим, что юридический конфликт это динамическое явление, которое состоит из определенных стадий, способствующих достижению его логического разрешения. В этой связи дадим характеристику основным стадиям развития юридического конфликта.

В отечественной юриспруденции бытует мнение, согласно которому развитие конфликта представлено как минимум тремя определенными стадиями: предконфликтная стадия юридического конфликта, конфликтная и послеконфликтная [6, с. 145]. При этом авторы дают краткую характеристику каждой стадии (этапу), согласно которой:

- предконфликтная стадия в процессе развития правового конфликта призвана определить основания для возникновения конфликта, а также предоставить возможность участникам такого конфликта осознать текущую конфликтную ситуацию и выявить противоположные законные интересы будущих конфликтующих субъектов;

- конфликтная стадия в ходе юридического конфликта характеризуется непосредственным развитием конфликта, а также выражается в активных действиях между его противоборствующими сторонами;

- постконфликтная стадия в процессе развития юридического конфликта включает в себя два возможных варианта прекращения конфликта (первый вариант заключается в том, что юридический конфликт будет завершен, но разногласия, которые есть у противоборствующих сторон, не будут разрешены; второй вариант заключается в том, что юридический конфликт закончится, и разногласия, возникшие между противоборствующими сторонами, будут разрешены) [6, с. 146].

У. В. Власова справедливо добавляет, что постконфликтная ситуация возникает после окончания конфликта и может иметь как положительное, так и отрицательное значение, в зависимости от метода и результатов разрешения конфликта [4, с. 369].

Существуют и другие точки зрения относительно количества и названий этапов разрешения юридических конфликтов. Так, Р. Н. Булхин выделяет отдельные фазы цикла юридического конфликта, а именно: 1) фазу возникновения; 2) фазу развития; 3) фазу локализации; 4) фазу разрешения или прекращения. Циклы активности могут следовать друг за другом последовательно, и фаза завершения одного цикла будет предпосылкой для возникновения другого цикла [3, с. 217]. В данном случае можно подчеркнуть, что эти фазы юридического конфликта характеризуются его цикличностью.

Как видно из приведенного, различные точки зрения сходятся в одном, что юридический конфликт имеет основу для зарождения и, преодолевая различные стадии, заканчивается путем разрешения.

Таким образом, динамика юридического конфликта, в том числе и в публичном праве, включает в себя три основные стадии: начало, развитие и завершение.

В целом механизм разрешения юридического конфликта в публичном праве представляет собой совокупность различных методов, приемов и правовых средств, используемых компетентными органами для предотвращения и устранения указанного конфликта, а также минимизации негативных последствий и снижения напряженности между сторонами конфликта.

Разрешение юридического конфликта

В юридической литературе широко распространено мнение, что каждый юридический конфликт должен найти своё окончательное разрешение. В этой связи можно разделить точку зрения И. А. Третьяк относительно того, что конструкт «разрешение» наиболее удачно означает положительный результат именно разрешения конфликта, а не его механическое завершение, устранение, удаление. При этом автор соглашается использовать термин «разрешение» как общее понятие для всех форм и механизмов разрешения конфликтов, которые позволяют не просто остановить его, но остановить позитивно и эффективно»¹.

По этому поводу профессор Р. А. Ромашов справедливо отмечает: «Конфликт считается законченным, когда стороны перестают действовать друг против друга и формально закрепляют данное положение. Разрешение конфликта с формально-юридической точки зрения предполагает принятие компетентным органом (должностным лицом) окончательного решения по рассматриваемой ситуации и исполнение этого решения сторонами»².

¹ Третьяк И. А. Конституционная конфликтология: дис. ... д-ра. юрид. наук. Омск, 2022. С. 223.

² Цит. по: Ромашов Р. А. Юридическая конфликтология: учеб. М.: Кнорус, 2021. С. 257.

Из сказанного можно предположить, что разрешение конфликта достигается путем тщательного анализа источников противоречий и содержания спора и позволяет установить новые отношения, основанные на сбалансированных интересах, которые удовлетворяют обе стороны. Разрешение конфликта – это совместная деятельность его участников, непосредственно или с помощью третьей стороны, направленная на прекращение противостояния. Суть этого процесса заключается в поиске взаимоприемлемого решения проблемы [11, с. 236].

Примечательна и точка зрения Я. С. Ивановой, которая отмечает: «Решение ряда конфликтов правовыми средствами является наиболее оптимальным, поскольку с помощью правового механизма можно извлечь конструктивный потенциал конфликта, который заключается в возможности поиска и нахождения путей преодоления тех противоречий, которые составляют содержание и причину конфликта» [7, с. 67].

Учитывая вышесказанное, можно прийти к выводу, что разрешение конфликта – это динамическая характеристика в механизме цикличности конфликта, которая подразумевает активную деятельность различных субъектов, направленную на достижение положительного результата – преодоление и устранение противоречий в правовой сфере, которые являлись основанием конфликта.

В связи с этим нельзя не упомянуть о роли органов публичной власти, которые, по мнению Г. В. Брыжинской и А. А. Кашицина, «...в процессе разрешения юридического конфликта берут на себя ведущую роль на его заключительном этапе, когда орган государственной власти издает правоприменительный акт и прекращает конфликт (однако стоит подчеркнуть, что конфликт не обязательно будет разрешен)» [2, с. 77].

Кроме того, можно привести мнение К. Ю. Гоглевой: «Различные по содержанию публично-правовые противоречия требуют и специальных средств их разрешения, что предусмотрено различными основаниями осуществления судебного конституционного контроля в Российской Федерации. При этом особая сложность рассмотрения юридических конфликтов, проистекающих из публично-правовых отношений, заключается в том, что большинство из них имеет "смешанную" природу (то есть имеет и правовые, и внеправовые элементы, основанные на политических конфронтациях или национальных конфликтах), а не является "чисто" правовыми, то есть связанными исключительно с правом (например, устранение противоречия нормативных актов» [5, с. 59].

Интерес представляет и точка зрения Е. М. Цыгановой: «Юридический конфликт – это всегда противоречие между субъектами, т. е. личными интересами, а не между нормами или институтами права. Применение правовых норм – это способ разрешения конфликта интересов» [13, с. 71].

В целом можно согласиться с мнением В. И. Павлова о том, что «правоприменение выступает как специфическое правовое средство разрешения юридических конфликтов и в этом смысле представляет собой организующе-властную деятельность специально уполномоченных органов и должностных лиц, осуществляемую в соответствии с процедурой и формами, установленными законом, направленную на разрешение конкретных юридических конфликтов на основе двойной нормативной основы путем издания индивидуально-определенного предписания, обязательного для исполнения противоборствующими сторонами»¹.

¹ Павлов В. И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2005. С. 6.

Современные учёные также рассматривают правоприменение как один из методов урегулирования юридических конфликтов. Так, А. Г. Самусевич справедливо отмечает, что «... правоприменительная деятельность, как функциональная составляющая механизма преодоления юридического конфликта, представляет собой совокупность технических приемов, способов и методов по предотвращению, выявлению, пресечению и разрешению конфликтов в соответствующих областях правоприменения. В зависимости от применяемого способа подбираются и соответствующие средства разрешения юридического конфликта»¹.

Кроме того, при характеристике урегулирования юридического конфликта предпочтительнее использовать словосочетание «разрешение юридического конфликта», которое включает в себя как преодоление противоречий, так и их устранение. Проще говоря, разрешение юридического конфликта – это достижение соглашения по спорному вопросу между его участниками.

Заключение

Таким образом, можно сказать, что с позиций теоретической юридической науки динамику юридического конфликта в публичном праве можно представить как совокупность отдельных этапов (предконфликтных, конфликтных и постконфликтных), содержание которых определяет природу юридического конфликта как полноценного явления. При этом стадии (этапы) разрешения юридического конфликта могут последовательно сменять друг друга, а после его завершения один этап переходит в другой. Возникнув как юридический факт, юридический конфликт, пройдя все стадии, в конечном итоге должен быть разрешен, т. е. моментом окончания

¹ Самусевич А. Г. Теория и практика правоприменения: учеб. пособие. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 79.

юридического конфликта следует считать прекращение действий всех противоборствующих сторон, независимо от причины его возникновения. При этом государство играет важную роль в разрешении таких конфликтов.

Сказанное говорит о том, что представленная тема по-прежнему остается актуальной и позволяет и в дальнейшем рассматривать и разрабатывать механизм разрешения юридических конфликтов в публичном и частном праве и отдельных его элементов, что и будет сделано в последующих публикациях.

Список литературы

1. Афанасьев С. Ф., Яковлева А. П. О соотношении административной юстиции и административного судопроизводства // Журнал административного судопроизводства. – 2022. – № 3. – С. 5–9. EDN: OOCKCE
2. Брыжинская Г. В., Кашицин А. А. К вопросу о динамике и пределах юридического конфликта // European science. – 2015. – № 3 (4). – С. 76–78 EDN: TXGUNJ
3. Бульхин Р. Н. Анализ возникновения, развития, изменения и завершения юридического конфликта // Символ науки: международный научный журнал. – 2015. – № 6. – С. 216–218 EDN: UAWQZB
4. Власова У. А. Понятие и стадии корпоративного конфликта // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 46. – С. 368–373 EDN: XLODNH
5. Гоглева К. Ю. К вопросу о специфике использования средств специализированного конституционного контроля Конституционного Суда Российской Федерации в механизме разрешения публично-правовых конфликтов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 2 (94). – С. 56–61. DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-56-61. EDN: TOOVKO
6. Ершова К. А., Хохлова Е. М. Начало и развитие юридического конфликта // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 6–2. – С. 145–147. EDN: WAVZSD
7. Иванова Я. С. Юридические конфликты и их разрешение // Вестник Луганской академии внутренних дел имени Э. А. Дидоренко. – 2022. – № 2 (13). – С. 61–67. EDN: CVVHPI
8. Лифанов Д. М. Административно-правовой спор и тенденции его трансформации в современных условиях // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2023. – № 6. – С. 41–57. DOI: 10.34076/22196838_2023_6_4 1 EDN: DQQFEI
9. Самусевич А. Г. Понятие и значение стадий правоприменения // Теория государства и права. – 2022. – № 4(29). – С. 227–237. DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.019 EDN: ZAPZLQ
10. Туганбаев М. А. Особенности юридического конфликта в частноправовой сфере: теоретический аспект // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 1 (188). – С. 73–74. EDN: KTUKOM
11. Худойкина Т. В., Ломакина Д. В. Разрешение юридического конфликта // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 2-х частях (Тольятти,

16–17 апреля 2015 года). Том 2. – Тольятти: Волжский университет имени В. Н. Татищева» (институт), 2015. – С. 236–238. EDN: TWPRNX

12. Францифоров Ю. В., Лебедев М. Ю. Конфликт как следствие разногласий и меры по его разрешению в гражданском процессе и уголовном процессе // Публичное и частное право. – 2018. – № 3 (39). – С. 79–93. EDN: HDOEFO

13. Цыганова Е. М. Динамика развития публично-правового спора // Современное право. – 2007. – № 10. – С. 71–72. EDN: KNXSOL

14. Цыганова Е. М. Теоретические проблемы публично-правового спора // Современное право. – 2008. – № 6–1. – С. 77–83. EDN: SEYFCB

References

1. Afanas'ev, S. F., Yakovleva, A. P. (2022) O sootnoshenii administrativnoj yusticii i administrativnogo sudoproizvodstva [On the relationship between administrative justice and administrative proceedings]. *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva – Journal of Administrative Proceedings*. No. 3. Pp. 5–9. (In Russian). EDN: OOCKCE

2. Bryzhinskaya, G. V., Kashitsin, A. A. (2015) O dinamike i granicach pravovogo konflikta [On the dynamics and limits of a legal conflict]. *Evropejskaya nauka – European science*. No. 3 (4). Pp. 76–78 (In Russian). EDN: TXGUHJ

3. Bulkin, R. N. (2015) Analiz vozniknoveniya, razvitiya, izmeneniya i zaversheniya yuridicheskogo konflikta [Analysis of the emergence, development, changes and termination of a legal conflict]. *Simvol nauki: mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal – Symbol of Science: an international scientific journal*. No. 6. Pp. 216–218. (In Russian). EDN: UAWQZB

4. Vlasova, U. A. (2021) Ponyatie i stadii korporativnogo konflikta [The concept and stages of corporate conflict]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie – Innovation. Science. Education*. No. 46. Pp. 368–373. (In Russian). EDN: XLODNH

5. Gogleva, K. Y. (2022) K voprosu o specifikke ispol'zovaniya sredstv specializirovannogo konstitucionnogo kontrolya Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii v mekhanizme razresheniya publichno–pravovyh konfliktov [On the issue of the specifics of using the means of specialized constitutional control of the Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of resolving public law conflicts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 2 (94). Pp. 56–61. (In Russian). DOI: 10.35750/2071-8284-2022-2-56-61. EDN: TOOVKO

6. Yershova, K. A., Khokhlova, E. M. (2016) Nachalo i razvitie yuridicheskogo konflikta [The beginning and development of a legal conflict]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk – Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*. No. 6–2. Pp. 145–147. (In Russian). EDN: WAVZSD

7. Ivanova, Ya. S. (2022) YUridicheskie konflikty i ih razreshenie [Legal conflicts and their resolution]. *Vestnik Luganskoj akademii vnutrennih del imeni E. A. Didorenko – Bulletin of the Lugansk Academy of Internal Affairs named after E. A. Didorenko*. No. 2 (13). Pp. 61–67. (In Russian). EDN: CVVHPI

8. Lifanov, D. M. (2023) Administrativno-pravovoj spor i tendencii ego transformacii v sovremennyh usloviyah [Administrative and legal dispute and trends of its transformation in modern conditions]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu – Electronic supplement to the Russian Law Journal*. No. 6. Pp. 41–57. (In Russian). DOI: 10.34076/22196838_2023_6_41. EDN: DQQFEI

9. Samusevich, A. G. (2022) Ponyatie i znachenie stadij pravoprimereniya [The concept and meaning of the stages of law enforcement]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of the state and law*. № 4 (29). Pp. 227–237. (In Russian). DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.019. EDN: ZAPZLQ

10. Tuganbaev, M. A. (2024) Osobennosti yuridicheskogo konflikta v chastnopravovoj sfere: teoreticheskij aspekt [Features of the legal conflict in the private law sphere: a theoretical aspect]. *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal – Eurasian Law Journal*. No. 1 (188). Pp. 73–74. (In Russian). EDN: KTUKOM

11. Khudoikina, T. V., Lomakina, D. V. (2015) Razreshenie yuridicheskogo konflikta [Resolution of legal conflict]. *Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki* [Tatishchevsky readings: actual problems of science and practice]. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference: in 2 parts (Tolyatti, April 16–17, 2015). Volume 2. Tolyatti: V. N. Tatishchev Volga University (Institute). Pp. 236–238. (In Russian). EDN: TWPRNX

12. Franciforov, Yu. V., Lebedev, M. Y. (2018) Konflikt kak sledstvie raznoglasiy i mery po ego razresheniyu v grazhdanskom processe i ugovnom processe [Conflict as a consequence of disagreements and measures to resolve it in civil and criminal proceedings]. *Publichnoe i chastnoe pravo – Public and private law*. No. 3 (39). Pp. 79–93. (In Russian). EDN: HDOEFO

13. Tsyganova, E. M. (2007) Dinamika razvitiya publichno-pravovogo spora [Dynamics of the development of a public law dispute]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. No. 10. Pp. 71–72. (In Russian). EDN: KNXSOL

14. Tsyganova, E. M. (2008) Teoreticheskie problemy publichno-pravovogo spora [Theoretical problems of public law dispute]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. No. 6–1. Pp. 77–83. (In Russian). EDN: SEYFCB

Об авторе

Туганбаев Мурат Амангельдиевич, соискатель, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-8608-7244, e-mail: tuganbayev.murat@mail.ru

About the author

Murat A. Tuganbaev, Candidate, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-8608-7244, e-mail: tuganbayev.murat@mail.ru

Поступила в редакцию: 29.01.2025
Принята к публикации: 19.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 29 January 2025
Accepted: 19 February 2025
Published: 31 March 2025

Защита прав и свобод человека и гражданина: проблемы использования доказательств

Д. И. Артемова, Н. В. Авдеев

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

В условиях формирования правового государства вопросы процедурных гарантий в уголовном процессе становятся особенно актуальными, так как они направлены на защиту прав человека. В статье проанализированы существующие проблемы отсутствия четких критериев допустимости доказательств, что может привести к нарушению прав подозреваемых и обвиняемых. Рассмотрены риски неправомерного осуждения или оправдания виновных лиц. Предложена гипотеза о необходимости разработки четких критериев оценки доказательств. Выводы подчеркивают необходимость законодательного закрепления понятия «допустимость доказательств», что может способствовать более справедливому уголовному процессу.

Ключевые слова: защита прав и свобод, судопроизводство, уголовный процесс, доказательства, допустимость, электронные доказательства, допустимость доказательств.

Для цитирования: Артемова Д. И., Авдеев Н. В. Защита прав и свобод человека и гражданина: проблемы использования доказательств // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 214–229. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_214. EDN: AGCGNV

Original article
UDC 343.1
EDN: AGCGNV
DOI: 10.35231/18136230_2025_1_214

The Problems of Using Evidence in Criminal Proceedings: Boundaries of Admissibility

Darya I. Artemova, Nikita V. Avdeev

Penza State University,
Penza, Russian Federation

In the context of establishing a rule-of-law state, the issues of procedural guarantees in criminal proceedings become particularly relevant, as they are aimed at protecting human rights. The article analyzes existing problems related to the lack of clear criteria for the admissibility of evidence, which can lead to violations of the rights of suspects and defendants. It examines the risks of unlawful conviction or acquittal of guilty individuals. A hypothesis is proposed regarding the necessity of developing clear criteria for evaluating evidence. The conclusions of the article emphasize the need for legislative enshrinement of the concept of "admissibility of evidence", which could contribute to a more equitable criminal process.

Key words: protection of rights and freedoms, legal proceedings, criminal proceedings, evidence, admissibility, electronic evidence, admissibility of evidence.

For citation: Artemova, D. I. Avdeev, N. V. (2025) Zashchita prav i svobod cheloveka i grazhdanina: problemy ispol'zovaniya dokazatel'stv [The Problems of Using Evidence in Criminal Proceedings: Boundaries of Admissibility]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 214–229. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_214. EDN: AGCGNV

Введение

Современная уголовно-процессуальная политика России, построенная на сочетании моделей контроля над преступностью и надлежащей правовой процедуры, выделяет в качестве одного из важнейших приоритетов защиту основополагающих прав и свобод граждан. В связи с этим критическую значимость приобретает строгое соблюдение процессуальных форм, гарантий и механизмов уголовного судопроизводства. Ключевой задачей является установление четких критериев для применения доказательственной базы, что в свою очередь является важным для обеспечения честности и справедливости судебного рассмотрения. Таким образом, значимость указанного факта заключается не только в поддержании независимости судебной системы, но и в строгом соблюдении принципа беспристрастности на каждом этапе уголовного производства. Это необходимо для того, чтобы каждому обвиняемому были предоставлены условия для защиты своих прав.

В данной работе поднимается вопрос относительно проблемы четко выраженных стандартов и процедур, регулирующих возможность использования доказательств в судебных разбирательствах по уголовным делам. Эта неясность способна вызывать нарушение процессуальных прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, что нередко приводит к ошибкам в вынесении приговоров, включая как необоснованное обвинение, так и освобождение виновных. Разработка и внедрение порядка оценки доказательной базы способны значительно улучшить прозрачность и объективность уголовного судопроизводства.

Вопрос о допустимости доказательств в уголовном процессе

Конституция Российской Федерации прямо указывает на необходимость неукоснительного следования поло-

жениям федеральных законов при осуществлении юридической деятельности, особенно учитывая важность законности доказательств. Применение доказательств, полученных с нарушением правовых норм, считается недопустимым в уголовной практике.

Допустимость доказательства определяется его применением в рамках процесса доказывания, проводимого на досудебной и судебной стадиях уголовного производства. Доказательства, признанные недопустимыми, утрачивают возможность стать аргументами для стороны обвинения и для стороны защиты и, таким образом, не учитываются судом. Нарушение указанных норм судьей ведёт к неправомерности вынесенного решения [21, с. 265]. В результате вся совокупность доказательств в рамках уголовного процесса подлежит оценке на приемлемость, независимо от источника их представления. Данная проверка осуществляется обвинителем, защитником, а также судом в ходе судебного разбирательства.

Согласно УПК РФ, анализ доказательств необходимо осуществлять, обращая внимание на их относимость, допустимость и достоверность. Кроме того, необходимо учитывать их совокупную достаточность при решении вопроса по уголовному делу. Тем не менее законодательство не предоставляет точного определения понятия допустимости доказательств [1, с. 168]. Согласно ст. 17 УПК РФ, участники уголовного судопроизводства интерпретируют доказательства через призму собственного внутреннего убеждения, следуя нормам законодательства и совести. Исходя из этого, определение допустимости представленных доказательств основывается на личных убеждениях участников процесса [8, с. 318].

Данное обстоятельство может стать основой для нарушения закона, поскольку отсутствие четкого определения допустимости доказательств может способствовать

к произвольной интерпретации данного свойства. Это может привести к незаконному обвинению либо наоборот, к незаконному снятию обвинения, в зависимости от внутреннего убеждения участников процесса [5, с. 475]. Таким образом, появляется необходимость законодательного выделения системных критериев допустимости доказательств для обеспечения справедливости и законности уголовного процесса.

Согласно уголовно-процессуальному законодательству РФ, доказательства, добытые с его нарушением, считаются собранными незаконным способом. Научные исследования подчеркивают необходимость соответствия доказательств нормам уголовно-процессуального права, включая такие ключевые аспекты, как источники, субъекты и методы сбора, а также процедуры проверки их законности [19, с. 22].

При принятии решения о допустимости определенного доказательства, суды могут ориентироваться на разъяснения, изложенные в п. 2 постановления Пленума Верховного суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и п. 16 постановления Пленума Верховного суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

В одном из недавних постановлений Пленума Верховного суда РФ конкретизируется, что доказательства, извлеченные с нарушением прав человека и гражданина, защищённых Конституцией РФ, или несоблюдением уголовно-процессуального законодательства, а также собранные не уполномоченными на это субъектами или через несоответствующие процессуальные механизмы, должны считаться недействительными.

При оценке доказательств существенным вопросом выступает приемлемость тех, которые были получены в ре-

зультате оперативно-розыскных мероприятий. Из-за скрытых методов сбора такие доказательства сложно проверить и оценить в суде. В этой связи Конституционный суд РФ акцентирует внимание на необходимости доступа к доказательствам оперативной деятельности для проверки их законности и обоснованности, указывая, что без соответствующей процедурной фиксации такие материалы не могут считаться допустимыми доказательствами [10, с. 115].

В настоящее время в УПК РФ отсутствует определение понятия «допустимость доказательств». Эффективным подходом к отмечаемой правовой неопределенности было бы формирование легальной дефиниции «допустимость доказательства», что помогло бы разрешить споры и привести к более справедливым результатам для всех участников уголовного процесса [17, с. 145]. Необходимо стремиться к достижению истины и справедливости в ходе предварительного расследования, применяя исключительно те подходы, которые соответствуют этическим нормам и правовым стандартам.

В научных кругах подчеркивается, что критерии приемлемости доказательств охватывают как их форму, так и содержание, которое применяется для доказательственной базы. Данный подход демонстрирует взаимодействие концепций правильности и допустимости доказательных материалов [6, с. 66].

Современные процессуалисты, рассматривая вопросы допустимости доказательств, сосредоточиваются на констатации критериев, определяющих это понятие [14, с. 177]. Согласно утверждению М. В. Беляева, в рамках оценки состоятельности и ее действия на восприятие допустимости доказательств необходимо учитывать полномочия участников уголовного процесса по сбору доказательств, достоверность источников, легитимность процедур получения данных о фактах, подлежащих дока-

зыванию, а также корректное документирование результатов следственных мероприятий [3, с. 111].

Электронные доказательства

Рассматривая процессуальные критерии допустимости доказательств, нельзя не затронуть и проблему использования электронных доказательств. В настоящее время вопрос об их допустимости в уголовном процессе Российской Федерации становится все более актуальным: с развитием информационных технологий и цифровизации общества возможности сбора и хранения электронных данных значительно увеличиваются, что открывает новые перспективы для использования таких доказательств в судебном процессе [15, с. 35]. Электронные доказательства имеют потенциал стать важным инструментом в уголовном процессе России, однако для их успешного внедрения необходимо учитывать все риски и проблемы, связанные с их использованием, и разработать соответствующие механизмы защиты прав и интересов сторон уголовного процесса [13, с. 140].

Вопрос о введении в нормативно-правовую базу категории «электронные доказательства» вызывает разноплановые мнения среди ученых и экспертного сообщества. В то время, когда использование данного термина становится обыденностью в юридической науке и практике, многие специалисты, склонны сомневаться в целесообразности выделения электронных доказательств в качестве самостоятельного источника [9, с. 151]. Дискуссия касается прежде всего адекватности и обоснованности решения о введении в законодательные акты подобной новеллы.

Основываясь на мнениях экспертов, изложенных в научных трудах, можно утверждать, что информация в цифровом формате, сохраненная или передающаяся, в определенных делах становится ключевым элементом

в доказывании. В частности, она может включать в себя документы, электронные сообщения и другие файлы, которые сохраняются в цифровом варианте, а также свидетельства, которые провайдеры интернет-сервисов и сетей сохраняют на серверах [4, с. 93].

Важно обратить внимание на позицию П. Г. Марфицина, который выдвигает предложение о видоизменении концепции «электронное доказательство», аргументируя возможностью его включения в рамках уже существующих типов доказательств [11, с. 109]. Несмотря на его скептицизм относительно необходимости выделения электронных доказательств в отдельную категорию, учёный приходит к выводу о необходимости дальнейшего аналитического изучения этого вопроса. Суждение П. Г. Марфицина о видоизменении концепции «электронное доказательство» и его возможном включении в уже существующие типы доказательств, по нашему мнению, с учетом реалий настоящего времени, является неактуальным, поскольку электронные доказательства имеют свои особенности и специфику, которые отличают их от традиционных доказательств.

В данном контексте стоит подчеркнуть роль междunarодных принципов, разработанных ESI Group (далее по тексту – ESI), касаемо обработки информации в бинарном коде. Эти принципы затрагивают процедуры поиска, фиксации, изъятия, анализа и хранения цифровых данных [7, с. 596]. Определения, данные этой организацией, включают: оригинальное цифровое доказательство, его дубликат и копию, подчеркивая, таким образом, тонкости работы с данным видом информации [18, с. 265]. Также следует акцентировать внимание на особой черте, связанной со сбором, верификацией и оценкой цифровой информации, а именно – цепочкой действий [2, с. 362]. Данный аспект подразумевает последовательность процедур, обе-

спечивающих непрерывность и сохранность информации от момента ее получения до момента передачи в суд.

Это подтверждает, что электронные доказательства имеют свою уникальную природу и специфику, что необходимо учитывать при разработке и актуализации нормативно-правовой базы. Принципы, разработанные ESI, подчеркивают важность правильной обработки и хранения цифровых данных, а также необходимость соблюдения цепочки действий для обеспечения надлежащего использования электронных доказательств в судебном процессе [12, с. 179].

Анализируя вышеупомянутые аргументы и мнения, можно сделать вывод о значительности и специфике обращения с электронными доказательствами в современной судопроизводственной практике. Отдельный интерес вызывает вопрос о взаимодействии электронных доказательств с традиционными методами доказывания, что является предметом дальнейших исследований в данной области. Однако проблемы допустимости электронных доказательств, являются не менее актуальными.

В эпоху всесторонней цифровой трансформации цифровые реалии тесно вплетаются в ткань повседневности, оказывая глубокое воздействие на менталитет населения. Переход к цифровому формату обладает огромным потенциалом для собирания, анализа и использования информации, что особенно актуально в контексте государственного управления и судопроизводства. В частности, внедрение систем электронного документооборота стало ключевым элементом в управлении бюджетными процессами, охватывая все уровни участия и предоставляя доступ к безмерному объему данных, что невероятно ценно в контексте расследования уголовных дел [20, с. 148].

Учитывая приведенные обстоятельства, вполне логичным и обоснованным представляется предложение признать

электронные доказательства независимым и полноправным видом доказательственных материалов в судебной практике. Такое новшество предусматривает их включение в перечень юридически значимых доказательств в соответствии с ч. 2 ст. 74 УПК РФ, что в свою очередь решит вопрос об их легитимации в качестве источника доказательств.

В рамках текущих реалий осознание необходимости номинации электронных доказательств как легального способа фиксации важной информации ведет к детальному анализу методов их получения. Так, закон предусматривает выполнение особых следственных действий для законного сбора доказательств. Цифровая оперативно-розыскная деятельность, в свою очередь, способствует формированию базы данных, из которой могут быть извлечены новые процессуально значимые факты. Следовательно, обсуждение законности данной процедуры не только актуально, но и необходимо для полноты понимания всеобъемлющего влияния цифровизации на правоприменительную практику [16, с. 41].

Заключение

1. Возможность использования доказательств в уголовном процессе оценивается через их правомерность к применению на каждом этапе судебного разбирательства, что требует проверки как стороной обвинения и защиты, так и судом. Доказательства, признанные недопустимыми, исключаются из аргументации обеими сторонами и не учитываются при вынесении судебных решений. Нарушение судами данных норм ведет к отмене судебного решения вышестоящими инстанциями. Следует проверять допустимость всех доказательств в уголовном деле, независимо от их источника.

2. Законодательство не содержит четкого определения допустимости доказательств.

3. Законодательное установление определения концепта «допустимость доказательств» представляется необходимым шагом для обеспечения справедливости в уголовном судопроизводстве. Принятие доктринального определения данной категории в нормативные акты сможет способствовать урегулированию спорных вопросов и достижению более объективных результатов для всех сторон, участвующих в процессе.

4. Необходимость номинации электронных доказательств как легального способа фиксации информации требует обсуждения и законодательного закрепления для прозрачности и быстроты решения проблем их допустимости.

5. В эпоху бурного развития информационных технологий непредсказуемость их эволюции обуславливает сложность четкого определения всех атрибутов и характеристик электронных данных как доказательств в рамках законодательных норм. В этом контексте интеграция дефиниции электронных доказательств УПК РФ выступает как радикальный шаг для уточнения их природы, при этом ориентируясь на установленные законом параметры доказательственной информации. Подобное юридическое новшество предназначено для содействия синтезу консенсуса среди теоретиков и практиков в вопросах признания электронных данных допустимыми доказательствами, оказывая тем самым положительное влияние на улучшение доказательственной базы, расширение методов доказывания и, следовательно, усовершенствование правоприменительной деятельности.

Дальнейшее внедрение электронных доказательств в перечне ч. 2 ст. 74 УПК РФ должно производиться с учетом их уникальных свойств и особенностей, что решает проблему их потенциальной недопустимости в силу риска неоднозначного толкования в правоприменительной практике. Инновации, стимулируемые стремительным

прогрессом в сфере информации, направлены на адекватное отображение действующих социальных связей в законодательстве, обеспечивая тем самым единый правовой подход к применению новейших технологий в судебной практике.

Список литературы

1. Амирбекова Г. Г., Асельдеров М. Г. К вопросу о допустимости, относимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 5. – С. 168–170. DOI: 10.24411/2312-0444-2020-10284.
2. Афанасьева С. И. Добровлянина О. В. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2023. – № 60. – С. 349–377. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-349-377.
3. Беляев М. В. Предмет и пределы доказывания при принятии решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3 (86). – С. 109–116.
4. Гладышева О. В., Семенцов В. А., Лошкобанова Я. В. Искусственный интеллект и цифровые (электронные) доказательства в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2024. – № 1. – С. 89–99. DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99.
5. Горнышкова А. М., Подопривога А. А. Проблемы оценки доказательств в современном уголовном судопроизводстве // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 5 (81). – С. 474–478.
6. Демьяненко Д. И. К вопросу об оценке допустимости доказательств // Наука XXI века: вызовы, становление, развитие: сб. ст. VII Международной научно-практической конференции, Петрозаводск, 24 ноября 2022 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Иванова И. И.), 2022. – С. 64–68.
7. Ефимова М. А., Купряшина Е. А. Проблемы допустимости электронных доказательств в уголовном процессе // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: сб. трудов пятьдесят второй международной научно-практической конференции, Белгород, 28 ноября 2022 года. – Белгород: ГИК, 2022. – С. 594–597.
8. Золотарев В. С. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // Вестник науки. – 2023. – Т. 3. – № 12 (69). – С. 317–320.
9. Кочеткова Е. А. Об использовании электронных доказательств в гражданском процессе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2020. – № 3 (42). – С. 148–155. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.3/2979.
10. Лебедев З. С. Электронные документы в уголовном процессе // Юридический вестник Самарского университета. – 2022. – Т. 8. – № 1. – С. 110–115. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-110-115.
11. Марфицин П. Г. Некоторые подходы к формулированию понятия «электронное доказательство» в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 3 (39). – С. 106–109.

12. Меретуков Г. М., Грицаев С. И., Помазанов В. В. Актуальные вопросы цифровизации уголовного судопроизводства: взгляд в будущее // Правоприменение. – 2022. – Т. 6. – № 3. – С. 172–185. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).172-185.

13. Меркулова М. С., Калентьева Т. А. Электронные доказательства в уголовном процессе: проблемы допустимости // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5–3 (68). – С. 139–143. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-3-139-143.

14. Мичурина Д. А. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО "Донецкий национальный университет". – 2023. – Т. 4. – № 15. – С. 175–180.

15. Нагучева Э. Д., Влезько Д. А. Основные требования к уголовно-процессуальной форме доказательств, обеспечивающих их допустимость // Нацразвитие. Наука и образование. – 2021. – № 3 (3). – С. 32–39.

16. Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность в информационном обществе: адаптация к условиям цифровой реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4 (75). – С. 38–46. DOI: 10.24411/1999-625X-2019-14007.

17. Першина Е. А., Подмоков Н. С. Становление и развитие института допустимости доказательств в отечественном уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 6–4 (93). – С. 144–146. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-4-144-146.

18. Пирметова С. Я., Рагимханова К. Т. Использование электронной информации в качестве доказательства в уголовном процессе // Закон и право. – 2024. – № 5. – С. 264–267. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-264-267.

19. Рябчиков В. В., Корниенко Д. О. Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе // StudNet. – 2021. – Т. 4. – № 7. – С. 35.

20. Суханова И. Н. Теоретические аспекты электронного документооборота // Фундаментальные и прикладные научные исследования в современном мире: сб. научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, Уфа, 28 ноября 2023 г. – Уфа: Научно-издательский центр "Вестник науки", 2023. – С. 146–150.

21. Яновский Р. С. Теория и практика признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 3–1. – С. 261–268.

References

1. Amirbekova, G. G., Asel'derov, M. G. (2020) K voprosu o dopustimosti, otnosimosti, dostovernosti i dostatochnosti dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve [On the Admissibility, Relevance, Reliability, and Sufficiency of Evidence in Criminal Proceedings]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry – State Service and Personnel*. No. 5. Pp. 168–170. DOI: 10.24411/2312-0444-2020-10284. (In Russian).

2. Afanas'eva, S. I., Dobrovlyanina, O. V. (2023) O vnedrenii, razvitii, usovershenstvovanii elektronnykh sposobov sobiraniya dokazatel'svennoy informatsii po ugovolnym delam [On the Implementation, Development, and Improvement of Electronic Methods for Collecting Evidential Information in Criminal Cases]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki – Bulletin of Perm University. Legal Sciences*. No. 60. Pp. 349–377. DOI: 10.17072/1995-4190-2023-60-349-377. (In Russian).

3. Belyaev, M. V. (2018) Predmet i predely dokazyvaniya pri prinyatii resheniy v ugovolnom sudoproizvodstve [Subject and Limits of Proof in Making Decisions in Criminal Proceedings]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii – Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (86). Pp. 109–116. (In Russian).

4. Gladysheva, O. V., Semencov, V. A., Loshkobanova, YA. V. (2024) Iskusstvennyy intellekt i cifrovye (elektronnyye) dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve [Artificial Intelligence and Digital (Electronic) Evidence in Criminal Proceedings]. *YUridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Legal Bulletin of the Kuban State University*. No. 1. Pp. 89–99. DOI: 10.31429/20785836-16-1-89-99. (In Russian).

5. Gornyschkova, A. M., Podoprigora, A. A. (2023) Problemy ocenki dokazatel'stv v sovremennom ugovolnom sudoproizvodstve [Problems of Evaluating Evidence in Modern Criminal Proceedings]. *Skif. Voprosy studentcheskoj nauki – Scythian: Issues of Student Science*. No. 5 (81). Pp. 474–478. (In Russian).

6. Dem'yanenko, D. I. (2022) K voprosu ob ocenke dopustimosti dokazatel'stv [On the Issue of Evaluating the Admissibility of Evidence]. *Nauka XXI veka: vyzovy, stanovlenie, razvitie* [Science XXI Century: Challenges, Formation, Development]. Collection of articles of the VII International scientific-practical conference, Petrozavodsk, November 24, 2022. Petrozavodsk: Mezhdunarodnyj centr nauchnogo partnerstva "Novaya Nauka" (IP Ivanovskaya I. I.). Pp. 64–68. (In Russian).

7. Efimova, M. A., Kupryashina, E. A. (2022) Problemy dopustimosti elektronnyh dokazatel'stv v ugovolnom processe [Problems of Admissibility of Electronic Evidence in Criminal Process]. *Nauka i obrazovanie: otechestvennyy i zarubezhnyy opyt* [Science and Education: Domestic and Foreign Experience]. Proceedings of the Fifty-second International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 28, 2022. Belgorod: GiK. Pp. 594–597. (In Russian).

8. Zolotarev, V. S. (2023) Problemy dopustimosti dokazatel'stv v ugovolnom processe [Problems of Admissibility of Evidence in Criminal Process]. *Vestnik nauki – Science Bulletin*. Vol. 3. No. 12 (69). Pp. 317–320. (In Russian).

9. Kochetkova, E. A. (2020) Ob ispol'zovanii elektronnyh dokazatel'stv v civilisticheskome processe [On the Use of Electronic Evidence in Civil Process]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo – Bulletin of Voronezh State University. Series: Law*. No. 3 (42). Pp. 148–155. DOI: 10.17308/vsu.proc.law.2020.3/2979. (In Russian).

10. Lebedev, Z. S. (2022) Elektronnyye dokumenty v ugovolnom processe [Electronic Documents in Criminal Process]. *YUridicheskij vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University*. Vol. 8. No. 1. Pp. 110–115. DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-1-110-115. (In Russian).

11. Marficin, P. G. (2017) Nekotorye podhody k formulirovaniyu ponyatiya "elektronnoe dokazatel'stvo" v ugovolnom sudoproizvodstve [Some Approaches to Formulating the Concept of "Electronic Evidence" in Criminal Proceedings]. *YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 3 (39). Pp. 106–109. (In Russian).

12. Meretukov, G. M., Gricaev, S. I., Pomazanov, V. V. (2022) Aktual'nye voprosy cifrovizacii ugovolnogo sudoproizvodstva: vzglyad v budushchee [Current Issues of Digitalization in Criminal Proceedings: A Look into the Future]. *Pravoprimenenie – Law Enforcement Review*. Vol. 6. No. 3. Pp. 172–185. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).172-185. (In Russian).

13. Merkulova, M. S., Kalent'eva, T. A. (2022) Elektronnyye dokazatel'stva v ugovolnom processe: problemy dopustimosti [Electronic Evidence in Criminal Process: Problems of Admissibility]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 5–3 (68). Pp. 139–143. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-3-139-143. (In Russian).

14. Michurina, D. A. (2023) Dopustimost' dokazatel'stv v ugovolnom sudoproizvodstve [Admissibility of Evidence in Criminal Proceedings]. *Vestnik studentcheskogo nauchnogo obshchestva GOU VPO "Doneckij nacional'nyj universitet" – Bulletin of the Student Scientific Society of the Donetsk National University*. Vol. 4. No. 15. Pp. 175–180. (In Russian).

15. Nagucheva, E. D., Vlez'ko, D. A. (2021) Osnovnye trebovaniya k ugolovno-processual'noj forme dokazatel'stv, obespechivayushchih ih dopustimost' [Basic Requirements for the Criminal Procedure Form of Evidence Ensuring Their Admissibility]. *Nacrazvitie. Nauka i obrazovanie – National Development. Science and Education*. No. 3 (3). Pp. 32–39. (In Russian).

16. Osipenko, A. L. (2019) Operativno-rozysknaya deyatel'nost' v informacionnom obshchestve: adaptatsiya k usloviyam cifrovoy real'nosti [Operational-Search Activity in the Information Society: Adaptation to the Conditions of Digital Reality]. *Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii – Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (75). Pp. 38–46. DOI: 10.24411/1999-625X-2019-14007. (In Russian).

17. Pershina, E. A., Podmokov, N. S. (2024) Stanovlenie i razvitie instituta dopustimosti dokazatel'stv v otechestvennom ugolovnom processe [Formation and Development of the Institution of Evidence Admissibility in Domestic Criminal Proceedings]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk – International Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 6–4 (93). Pp. 144–146. DOI: 10.24412/2500-1000-2024-6-4-144-146. (In Russian).

18. Pirmetova, S. YA., Ragimhanova, K. T. (2024) Ispolzovanie elektronnoj informacii v kachestve dokazatel'stva v ugolovnom processe [Use of Electronic Information as Evidence in Criminal Proceedings]. *Zakon i pravo – Law and Justice*. No. 5. Pp. 264–267. DOI: 10.24412/2073-3313-2024-5-264-267. (In Russian).

19. Ryabchikov, V. V., Kornienko, D. O. (2021) Problemy dopustimosti dokazatel'stv v ugolovnom processe [Issues of Evidence Admissibility in Criminal Proceedings]. *StudNet*. Vol. 4. No. 7. P. 35. (In Russian).

20. Suhanova, I. N. (2023) Teoreticheskie aspekty elektronного dokumentoobrota [Theoretical Aspects of Electronic Document Management]. *Fundamental'nye i prikladnye nauchnye issledovaniya v sovremennoy mire* [Fundamental and Applied Scientific Research in the Modern World]. Collection of Scientific Articles from the III International Scientific-Practical Conference, Ufa, November 28, 2023. Ufa: Nauchno-izdatel'skij centr "Vestnik nauki". Pp. 146–150. (In Russian).

21. Yanovskij, R. S. (2019) Teoriya i praktika priznaniya dokazatel'stv nedopushtimymi v ugolovnom processe [Theory and Practice of Recognizing Evidence as Inadmissible in Criminal Proceedings]. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava – Issues of Russian and International Law*. Vol. 9. No. 3–1. Pp. 261–268. (In Russian).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Артемова Дарья Игоревна, кандидат юридических наук, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5735-7842, e-mail: artdarya@yandex.ru

Авдеев Никита Владиславович, студент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0001-1311-2285, e-mail: n.avdeev2003@gmail.com

About the authors

Darya I. Artemova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5735-7842, e-mail: artdarya@yandex.ru

Nikita V. Avdeev, Undergraduate student, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0001-1311-2285, e-mail: n.avdeev2003@gmail.com

*Поступила в редакцию: 09.12.2024
Принята к публикации: 20.02.2024
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 09 December 2024
Accepted: 20 February 2025
Published: 31 March 2025*

К вопросу об идентичности целевого назначения земельного участка и объектов недвижимости, расположенных на нем

Е. М. Андреева

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящая статья имеет целью решить один из спорных вопросов правоприменения, связанный с тождеством (либо его отсутствием) целевого назначения земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости. Автором проанализирован широкий спектр судебных дел по обжалованию постановлений о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ, нормативные положения о правовом режиме земель, труды ученых, касающиеся данной проблематики. В процессе исследования установлено, что в судебной практике сложилось два подхода. Согласно первому, следует разграничивать вид разрешенного использования земельного участка и зданий (сооружений), расположенных на нем, исходя из их разного функционального назначения. Согласно второму подходу, целевое назначение указанных объектов совпадает ввиду принципа единства судьбы земельного участка и тесно связанных с ним объектов. Оценка материала привела к заключению о том, что правовой режим земельного участка и объектов на нем должен различаться. По итогам предлагается внести точечные изменения в действующее законодательство, а также разъяснить этот момент в актах ВС РФ.

Ключевые слова: земельный участок, целевое назначение земель, вид разрешенного использования, выбор, категория земель, территориальная зона, зонирование территорий, градостроительный регламент, ст. 8.8 КоАП РФ.

Для цитирования: Андреева Е. М. К вопросу об идентичности назначения земельного участка и объектов недвижимости, расположенных на нем // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 230–243. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_230. EDN: AXZTIB

On the Issue of Identity of the Intended Use Targets of a Land Plot and Located on it Real Estate Objects

Elena M. Andreeva

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article aims to resolve one of the controversial issues of law practice related to the identity (or lack) of the intended purpose of land plots and real estate located on them. The author analyzed a wide range of court cases on appeals against decisions on bringing to administrative responsibility under Part 1 of Article 8.8 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, regulatory provisions on the legal regime of land, and the works of scientists concerning this issue. In the course of the study, it was established that two approaches have developed in judicial practice. According to the first, it is necessary to distinguish between the type of permitted use of a land plot and buildings (structures) located on it, based on their different functional purposes. According to the second approach, the intended purpose of the specified objects coincides due to the principle of the unity of the fate of the land plot and the objects closely related to it. The assessment of the material led the author to the conclusion that the legal regime of the land plot and the objects on it should differ. As a result, the author proposes to make specific changes to the current legislation, as well as to clarify this point in the acts of the Supreme Court of the Russian Federation.

Key words: land parcel, intended purpose of land, type of permitted use, choice, land category, territorial zone, zoning of territory, urban planning regulations, art. 8.8 of the Code of administrative offenses Russian Federation.

For citation: Andreeva, E. M. (2025) K voprosu ob identichnosti celevogo naznacheniya zemel'nogo uchastka i ob'ektov nedvizhimosti, raspolozhennyh na nem [On the Issue of Identity of the Intended Use Targets of a Land Plot and Located on it Real Estate Objects]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 230–243. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_230. EDN: AXZTIB

Введение

В процессе исследования была проведена масштабная работа по обобщению практики правоприменения в части привлечения к административной ответственности по ч. 1. ст. 8.8 КоАП РФ «Использование земельных участков не по целевому назначению, невыполнение обязанностей по приведению земель в состояние, пригодное для использования по целевому назначению». Часть 1 комментируемой статьи в качестве объективной стороны предусматривает использование земельного участка не по целевому назначению в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель и (или) разрешенным использованием. Вместе с тем, чтобы установить, имело ли место данное деяние, следует обращаться не только к нормам административного, но и земельного и градостроительного права. Так, были выявлены противоречивые подходы юрисдикционных органов к оценке правомерности действий землепользователей. В рамках данной статьи затронут один из многих неоднозначно интерпретируемых практикой казусов, а именно: образует ли состав правонарушения по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ использование объектов недвижимости, в частности зданий, расположенных на земельном участке, не в соответствии с тем целевым назначением, который предписан для самого земельного участка. При ответе на данный вопрос суды в первую очередь обращаются к таким дефинициям, как «категория земли» и «вид разрешенного использования» (далее – ВРИ). С первым понятием сложностей не возникает, как пишет О. И. Крассов, разграничение земель по категориям вовсе не означает, что все земельные участки, включенные в состав соответствующей категории земель, должны использоваться строго в соответствии с их целевым назначением [3]. А вот второе, являясь величиной более конкретной, как раз и порождает противоречия

в понимании целевого назначения земель. К сожалению, материального определения терминов «разрешенное использование» и «зонирование территорий» Земельный кодекс не дает¹. Можно сослаться на абз. 4 п. 2 ст. 7 ЗК РФ, которым установлено, что виды разрешенного использования земельных участков определяются в соответствии с классификатором. В настоящее время классификатор ВРИ утвержден приказом Росреестра от 10.11.2020 г. № П/0412². У некоторых авторов присутствует мнение, что термин «вид разрешенного использования» распространяется не на все категории земель [7, 9]. В то же самое время в п. п. 4, 5 ст. 8 Закона 218-ФЗ³ установлено, что вид разрешенного использования земельного участка относится к дополнительным сведениям об объекте недвижимости и вносится в кадастр недвижимости.

Актуальность данной проблематики объясняется значимостью правоохранительного звена в механизме обеспечения целевого использования земель, который в свою очередь решает задачи формирования экологичной и комфортной среды проживания наших граждан, создания условий для экономического роста и др. В этой части целеполагание института правового режима земель укладывается в доктринальное понимание публичного интереса, который, по мнению Ю. А. Тихомирова, преследует интересы социума, удовлетворение которого является условием его развития и существования, интерес, который признан государством и обеспечен правом [8, с. 496]. Круг очерченных целей института также соответствует пониманию публичного интереса, определенному Верховным судом РФ в п. 75 постановления Пленума ВС

¹ Волков Г. А., Голиченков А. К., Козырь О. М. Постатейный научно-практический комментарий Земельного кодекса Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

² Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков: приказ Росреестра от 10.11.2020 № П/0412.

³ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ. // СЗ РФ, 2015, № 29 (часть I), ст. 4344.

РФ от 23.06.2015 г. № 25, а также в работах ученых [1, 2, 5, 10]. Кроме того, неверная квалификация деяния ведет к несправедливому привлечению лиц к административной ответственности, а значит к ущемлению прав граждан и организаций. Как показал анализ судебной практики, уполномоченные органы при схожих обстоятельствах приходят к противоположным выводам о наличии (отсутствии) в действиях лица нецелевого использования земель при схожих обстоятельствах. В настоящей публикации, пользуясь научным инструментарием, выражается мнение автора по данному вопросу и предлагаются пути гармонизации земельного законодательства.

Анализ применения ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ в фокусе объективной стороны

Как указано выше, суды при обжаловании постановлений о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ занимают различную позицию по вопросу о том, имеет ли место факт нецелевого использования земельного участка, когда объект недвижимости (или его часть), находящийся на земельном участке, используется не в соответствии с целевым назначением самого земельного участка. Например, в материалах одного из дел было установлено, что на земельном участке с ВРИ «для эксплуатации моечного поста автомобилей» располагалось здание, некоторые помещения которого были заняты под пункт общественного питания. Суд согласился с мнением органа земельного надзора о неправомерности данных действий и оставил без изменения постановление о привлечении лица к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ. В обоснование своей позиции, кроме прочего, суды в этом и многих других подобных делах ссылаются на два принципа земельного законодательства: единства судьбы

земельных участков и прочно связанных с ними объектов, а также платности использования земли (ст. 1 ЗК РФ)¹. По нашему мнению, ни тот, ни другой принципы здесь не применимы, тем не менее частая отсылка в судебных решениях к ним вполне понятна. На основании первого принципа суды делают вывод о том, что ВРИ земельного участка распространяется и на все, что на нем находится. Апеллирование ко второму принципу объясняется тем, что в зависимости от ВРИ меняется процентная ставка аренды в отношении государственных и муниципальных земель, а в некоторых случаях и налоговых платежей. Использование земельного участка и здания на нем в разных целях ведет к неверному расчету размеров этих платежей, а значит к возможным потерям бюджета.

Аналогичным образом в другом деле были квалифицированы как нецелевое использование строения в виде жилого помещения под СПА, массаж на земельном участке с ВРИ «для индивидуального жилищного строительства». В обоснование суд также сослался на принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, а также указал, что объективной стороной правонарушения по ч. 1 ст. 8.8. КоАП РФ является использование не по целевому назначению земельного участка как единого объекта, даже если используется не по целевому назначению только часть этого участка². К этому добавим, что в этом примере административным органом и судом была дана неверная оценка совершенному деянию еще и потому, что имело место использование не по назначению жилого помещения. По этому поводу в КоАП РФ имеется специ-

¹ См. решение Савеловского районного суда города Москвы по делу № 12-0550/2021 от 11.08.2022 г. // Официальный сайт Савеловского районного суда г. Москвы. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3JWHY6> (дата обращения: 15.09.2024).

² Решение Арбитражного суда Краснодарского края по делу № А32-6513/2022 от 17.05.2022 г. // СПС КонсультантПлюс.

альная ст. 7.21, которая в некоторой степени конкурирует с анализируемым составом.

Некоторые суды придерживаются диаметрально противоположных выводов. Например, материалами одного из дел было подтверждено, что на земельном участке с разрешенным использованием «пищевая промышленность» располагался производственный корпус, в котором осуществлялась продажа кондитерских изделий и другой продукции, которая не изготавливалась на вышеуказанном предприятии, что противоречит установленному ВРИ. Указанное обстоятельство послужило основанием для привлечения собственника к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ. Вместе с тем суд посчитал, что вмененный факт не может быть квалифицирован данным образом, так как осуществление розничной торговли через магазин не является нецелевым использованием земельного участка и относится к вопросу использования объекта недвижимости, т. е. самого нежилого помещения, а не земельного участка, на котором здание находится¹. При схожих обстоятельствах другой суд отменил постановление о привлечении организации к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.8 КоАП РФ за использование здания складского назначения под объект общественного питания. В решении по делу было сказано, что административный орган не установил, привели ли эти действия к изменению функционального назначения комплекса зданий складского назначения и, соответственно, повлекло ли нецелевое использование земельного участка. При этом само по себе осуществление торговли в складских помещениях не свидетельствует об изменении их функционального назначения².

¹ Решение Арбитражного суда Республики Крым по делу № А83–6371/2019 от 14.10.2019 г. // СПС КонсультантПлюс.

² Решение Арбитражного суда Тульской области по делу № А68–1014/2020 от 18.08.2020 г. // СПС КонсультантПлюс.

Теоретическая и нормативная оценка подходов судов

Приведенные выше примеры ярко демонстрируют, что на практике сформировалось два подхода к решению данного вопроса. Первый заключается в том, что ВРИ объекта капстроительства на земельном участке и самого земельного участка представляют единое целое. Согласно второму подходу, наоборот, ВРИ земельного участка и ОКС устанавливаются отдельно для каждого, хотя и могут совпадать. Анализ нормативной основы дает основания отдать предпочтение второму подходу. Так, ЗК РФ (ст. 7, 42, 85) регулирует аспекты использования по целевому назначению земельных участков и прямо не касается вопросов целевого использования, расположенных на нем объектов недвижимости. Вместе с тем в содержании всего кодекса встречаются фразы о предоставлении земельного участка «в целях», «для» строительства или размещения производственных и административных зданий, объектов инженерной, транспортной, социально-культурной инфраструктуры, электросетевого хозяйства, религиозного значения, линейных объектов и пр. Классификатор видов разрешенного использования земельных участков, судя по его названию, дает характеристику целевого назначения земельных участков, однако во многих описаниях ВРИ указывается размещение или возможность размещения соответствующих объектов капстроительства. Например, ВРИ 1.17 «Питомники» предполагает выращивание и реализацию подроста деревьев и кустарников, используемых в сельском хозяйстве, а также размещение сооружений, необходимых для указанных видов сельскохозяйственного производства; ВРИ 2.5 «Среднеэтажная жилая застройка» допускает при определенных условиях, наравне с размещением многоквартирных домов, размещение объектов обслуживания во встроенных, пристроенных и встроенно-пристроенных помещениях многоквартирно-

го дома. Напротив, ГрК РФ (ст. 37) различает разрешенное использование земельных участков **и** объектов капитального строительства и даже предусматривает порядок изменения разрешенного использования тех и других. К дополнительным сведениям об объекте недвижимого имущества ст. 8 Федерального закона № 218-ФЗ относит как вид или виды разрешенного использования земельного участка, так и вид (виды) здания, сооружения и даже помещения. Кроме того, закон среди характеристик объекта недвижимости выделяет такую категорию, как «назначение помещения». Как уже было сказано, за использование не по назначению жилого помещения установлена административная ответственность ст. 7.21 КоАП РФ.

Таким образом, второй подход более верным по следующим основаниям. Во-первых, действительно, земельный участок и недвижимость, расположенная на земельном участке, представляют собой разные объекты. Принцип земельного законодательства о единстве судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов только подтверждает это правило, как бы указывая на разность этих объектов. Суды, на наш взгляд, трактуют его слишком широко. Он устанавливает правила совершения сделок, направленных на отчуждение земельного участка и расположенных на нем объектов, т. е. регулирует «динамические» отношения – отношения по передаче прав на землю. «Статические» отношения, т. е. отношения по использованию земли, он не затрагивает. Во-вторых, расположенный на земельном участке объект может занимать часть площади земельного участка и объективно следовать иной, хотя и схожей цели использования. Например, при ВРИ земельного участка «размещение здания склада», ВРИ самого здания возможно будет «хранение готовой продукции». Или другой пример: ВРИ земельного участка

может быть «скотоводство», а ВРИ здания на нем – «ко-нюшня». Вместе с тем целевое использование земельного участка и объектов, расположенных на нем, должны гармонично сочетаться, как бы подчиняться единой цели, но не совпадать. При этом ключевым будет ВРИ земельного участка, которому должны соответствовать ВРИ объекта капитального строительства или иного объекта. Что будет полезным для толкования спорных ситуаций. В-третьих, возможно использование не по целевому назначению части помещений в здании (сооружении), не меняя функционального назначения здания целиком, что проиллюстрировано на судебных мерах выше. Таким образом, общественная опасность правонарушения в этом случае снижается, что следует учитывать в составе правонарушения. В-четвертых, возможно возникновение прав на часть (или полностью) здания без земельного участка.

Представим ситуацию, когда небольшой жилой дом до 1990 г. постройки используется жильцами для предпринимательской деятельности. При этом земельный участок в их долевую собственность не оформлен и остается в муниципальной собственности. Очевидно, что в этом примере муниципальное образование не может быть ответственным за нецелевое использование земли. Вместе с тем жильцов дома, по всей видимости, нельзя привлечь к ответственности за нецелевое использование земельного участка, так как он на них не оформлен и они как таковым им не пользуются. В этом ключе представляет интерес дело, рассмотренное Арбитражным судом Москвы. Арендатор здания, использовал его не в соответствии с ВРИ земельного участка, между тем договора аренды земельного участка между ним и собственником не было. Ввиду отсутствия договорных обязательств в отношении земель-

ного участка, суд обоснованно посчитал, что арендатор не совершал действий, направленных на использование земельного участка, сознательное изменение его целевого назначения, а значит не совершал правонарушения по ч. 8.8 КоАП РФ¹.

Заключение

Вместе с тем в судебной практике превалирует первый подход, а именно к идентичности целевого назначения земельного участка и объектов, расположенных на них. С учетом конструкции земельного и градостроительного законодательства, отсутствия специального административного состава за нецелевое использование ОКС, он является оправданным. Иное толкование ведет к тому, что использование объекта недвижимости не по целевому назначению, хотя и нарушает закон, не образует состав правонарушения по ст. 8.8 КоАП РФ, а значит собственник объекта недвижимости при таких обстоятельствах избежит ответственности. Поэтому предлагается дополнить КоАП РФ ответственностью за использование не по целевому назначению объекта, расположенного на земельном участке, сформировав отдельную статью КоАП либо дополнив ст. 7.21 данного документа соответствующим положением. При этом материальную часть земельного и градостроительного законодательства менять не нужно. Также полагаем важным предусмотреть ответственность за использование не по назначению нежилого помещения. Похожие составы предусмотрены в региональных кодексах. Так, например, в Кодексе города Москвы об административных правонарушениях установлена административная ответственность за нарушение порядка занятия и (или) использования объектов нежилого фонда

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40–96508/22–33–739 от 23.06.2022 г. // СПС КонсультантПлюс.

(ст. 9.4) и за нарушение порядка изменения целевого назначения объектов нежилого фонда (ст. 9.7)¹.

Таким образом, приходим к выводу, что ВРИ земельного участка и объектов недвижимости, расположенных на земельных участках, не идентично и должно определяться раздельно. Оно может как совпадать, так и отличаться. Поэтому вопрос о нецелевом использовании объектов, расположенных на земельном участке, и самого земельного участка, нужно решать дифференцированно.

Список литературы

1. Васильева М. И. Публичные интересы в экологическом праве. – М.: Изд-во МГУ, 2003. EDN: NSJXGJ
2. Краснова И. О. Квалификация публичных интересов при разрешении судами споров об изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд // Экологическое право. – 2020. – № 2. – С. 14–19. EDN: WBREDZ
3. Крассов О. И. Разрешенное использование и конкретное целевое назначение земельного участка // Экологическое право. – 2012. – № 2. – С. 16–21. EDN: PRTVCZ
4. Липски С. А. Зонирование территорий как механизм обеспечения целевого использования земель // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2013. – № 6. – С. 59–65. EDN: QCPSXZ
5. Миросердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 10. – С. 202–211. EDN: TNFXJV
6. Рыженков А. Я. Принцип деления земель по целевому назначению на категории и его значение. // Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 4 (37). – С. 208–213. EDN: UWBLUQ
7. Сутягин М. Д. Зонирование территорий и разрешенное использование земель как способ определения правового режима земель и земельных участков // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 6. – С. 187–195. EDN: ITQCFH
8. Тихомиров Ю. А. Публичное право. – М.: БЕК, 1995. EDN: QLJPJT
9. Чмыхало Е. Ю. Целевое назначение и разрешенное использование земель как категорий земельного права // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1 (14). EDN: PEHFNH
10. Шиткина И. С., Гурьянов А. В. Толкование категорий «публичный порядок» и «публичный элемент» в третьем разбирательстве // Предпринимательское право. – 2024. – № 2. – С. 31–39. EDN: NATXUP

¹ Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 // Контрольно-счетное управление города Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mos.ru/glavkontrol/documents/view/226759220/> (дата обращения: 04.01.2024).

References

1. Vasil'eva, M. I. (2003) *Publichnye interesy v ekologicheskom prave* [Public interests in environmental law]. Moscow: Izd-vo MG. (In Russian). EDN: NSJXGJ
2. Krasnova, I. O. (2020) Kvalifikaciya publichnyh interesov pri razreshenii sudami sporov ob iz'yatii zemel'nyh uchastkov dlya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd [Qualification of public interests in resolving disputes by courts on the seizure of land plots for state or municipal needs]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental law*. No. 2. Pp. 14–19. (In Russian). EDN: WBREDZ
3. Krassov, O. I. (2012) Razreshennoe ispol'zovanie i konkretnoe celevoe naznachenie zemel'nogo uchastka. [Permitted use and specific intended purpose of a land plot]. *Ekologicheskoe pravo – Environmental law*. No. 2. Pp. 16–21. (In Russian). EDN: PRTVCZ
4. Lipski, S. A. (2013) Zonirovanie territorij kak mekhanizm obespecheniya celevogo ispol'zovaniya zemel' [Zoning of territories as a mechanism for ensuring the targeted use of land]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii – Property relations in the Russian Federation*. No. 6. Pp. 59–65. (In Russian). EDN: QCPSXZ
5. Miloserdov, N. A. (2021) Publichnye interesy v prave: ponyatie i sodержanie. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – Actual problems of Russian law*. No. 10. Pp. 202–211. (In Russian). EDN: TNFXJV
6. Ryzhenkov, A. YA. (2016) Princip deleniya zemel' po celevomu naznacheniyu na kategorii i ego znachenie [The principle of dividing lands by intended purpose into categories and its meaning]. *Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa – Bulletin of the Volgograd Institute of Business*. No. 4 (37). Pp. 208–213. (In Russian). EDN: PEHFHB
7. Sutyagin, M. D. (2022) Zonirovanie territorij i razreshennoe ispol'zovanie zemel' kak sposob opredeleniya pravovogo rezhima zemel' i zemel'nyh uchastkov [Zoning of territories and permitted use of land as a way to determine the legal regime of lands and land plots]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law*. No. 6. Pp. 187–195. (In Russian). EDN: ITQCFH
8. Tihomirov, YU. A. (1995) *Publichnoe pravo* [Public law]. Moscow: BEK. (In Russian). EDN: QLJPJT
9. Chmyhalo, E. YU. (2012) Celevoe naznachenie i razreshennoe ispol'zovanie zemel' kak kategorij zemel'nogo prava. [Intended purpose and permitted use of lands as categories of land law]. *Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost' – Law. Legislation. Personality*. No. 1 (14). (In Russian). EDN: UWBLUQ
10. Shitkina, I. S., Gur'yanov, A. V. (2024) Tolkovanie kategorij "publichnyj poryadok" i "publichnyj element" v tretejskom razbiratel'stve [Interpretation of the categories "public order" and "public element" in arbitration proceedings]. *Predprinimatel'skoe pravo – Business Law*. No. 2. Pp. 31–39. (In Russian). EDN: NATXUP

Об авторе

Андреева Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5238-9984, e-mail: elenaandreeva09@mail.ru

About the author

Elena M. Andreeva, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5238-9984, e-mail: elenaandreeva09@mail.ru

*Поступила в редакцию: 06.02.2025
Принята к публикации: 18.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 06 February 2025
Accepted: 18 February 2025
Published: 31 March 2025*

Социальные проблемы субъектов Российской Федерации

Д. И. Артемова, С. Н. Климов, В. С. Пенкина

Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Российская Федерация

В статье рассматриваются актуальные социальные вопросы, возникающие перед субъектами РФ, выявляются пути их решения. Проведен сравнительный анализ социальных проблем различных регионов страны, выявлены общие тенденции и специфические особенности. Исследованы причины возникновения наиболее острых социальных вопросов, таких как безработица, бедность и доступность медицинских услуг. Предложены меры по улучшению социальной политики на региональном уровне, включая развитие инфраструктуры и поддержку малого бизнеса. Результаты исследования показывают необходимость комплексного подхода к решению социальных проблем субъектов РФ. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка программ, направленных на повышение уровня жизни населения и укрепление социального единства в регионах.

Ключевые слова: социальные проблемы, субъекты РФ, уровень жизни, доступность медицинских услуг, образование, социальная защита.

Для цитирования: Артемова Д. И., Климов С. Н., Пенкина В. С. Социальные проблемы субъектов РФ // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 244–260. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_244. EDN: MUIYFQ

Social Problems of the Subjects of the Russian Federation

Daria I. Artemova, Sergey N. Klimov, Valeria S. Penkina

Penza State University,
Penza, Russian Federation

The article is devoted to the analysis of topical social issues facing the subjects of the Russian Federation and the identification of ways to solve them. A comparative analysis of the social problems of different regions of the country has been carried out, general trends and specific features have been identified. The causes of the most acute social issues, such as unemployment, poverty and the availability of medical services, are investigated. Measures are proposed to improve social policy at the regional level, including infrastructure development and support for small businesses. The results of the study show the need for an integrated approach to solving the social problems of the subjects of the Russian Federation. A promising area of further research is the development of programs aimed at improving the standard of living of the population and strengthening social unity in the regions.

Key words: social problems, subjects of the Russian Federation, standard of living, accessibility of medical services, education, social protection.

For citation: Artemova, D. I., Klimov, S. N., Penkina, V. S. (2025) Sotsial'nye problemy sub'ektov Rossiyskoy Federatsii [Social Problems of the Subjects of the Russian Federation]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 244–260. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_244. EDN: MUIYFQ

Введение

Фундаментальные идеи и понятия, лежащие в основе любого государства, включают принципы социального государства и гражданского мира, выражающиеся через конструктивный диалог между гражданами и правительством [2, с. 80]. Конституция России признает страну «социальным государством», стремящимся создавать условия для достойной жизни и свободного развития граждан¹. В настоящей статье анализируются социальные проблемы регионов России, особенно в европейской части, с акцентом на здравоохранение и социальную защиту, которые играют ключевую роль в улучшении качества жизни.

Исследование критически оценивает доступ к качественному медицинскому обслуживанию, влияние реформ в секторе здравоохранения, а также проблемы в системе социальной защиты, включая недостаточный размер пенсий и региональные различия в распределении социальных пособий [8, с. 11]. Сосредоточившись на Приволжском и Центральном федеральных округах, в статье дается всестороннее представление о социальных проблемах, возникающих в результате этих реформ, и предлагаются рекомендации для разработки эффективных стратегий решения данных вопросов, что может повысить общее качество жизни населения.

Реализация задач исследования была достигнута посредством анализа работ ученых-правоведов в области социального обслуживания, пенсионного обеспечения и здравоохранения. Методология базируется на системном и аналитическом подходах, позволяющих оценить результаты социальных реформ в Российской Федерации и их влияние на социальное благополучие населения.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2020. № 11.

Результаты

Так, ст. 7 Конституции РФ гарантирует право на различные формы пенсионного и социального обеспечения, включая здравоохранение. Однако эффективная реализация этих прав сталкивается с такими проблемами, как недостаточное финансирование, бюрократическая неэффективность и региональное неравенство [20, с. 150]. Эти препятствия приводят к трудностям в получении базовых социальных услуг, что усугубляет социальное неравенство и потенциальные конфликты [12, с. 54].

За последние 25–30 лет нормативно-правовая база, регулирующая ключевые аспекты российской государственности, значительно изменилась, включая реформы в бюджетной, налоговой и пенсионной системе. Основные цели этих реформ заключались в повышении эффективности и прозрачности. В секторе здравоохранения также произошли значительные преобразования, направленные на оптимизацию предоставления медицинских услуг, однако проблемы с неравномерным распределением ресурсов и бюрократическими препятствиями сохраняются [6, с. 766].

Анализ влияния этих реформ на социальное благополучие населения и выявление областей для улучшения являются крайне важными для создания более инклюзивного и справедливого общества. В пенсионной системе также произошли значительные изменения: до 2000 г. она функционировала как государственная система, финансируемая работающими гражданами. Первоначальные изменения касались административных процедур, а проблема управления взносами работодателей была решена введением единого социального налога (ЕСН).

Единый социальный налог (ЕСН) зачислялся в федеральный бюджет и распределялся между Пенсионным фондом России (ПФР), Федеральным фондом обязатель-

ного медицинского страхования (ФОМС) и Фондом социального страхования (ФСС), при этом налоговая служба контролировала эти средства. В 2001 г. в пенсионное законодательство были внесены значительные изменения, включая введение страхового и накопительного компонентов в трудовую пенсию, что создало синтез государственной и страховой модели пенсионного обеспечения¹.

Дальнейшие реформы сосредоточились на страховой части пенсии. В 2013 г. правительство предложило вернуться к модели, при которой размер пенсионных накоплений зависел от стажа и средней заработной платы, а также ввело ограничения на размер пенсии по старости. Повышение пенсионного возраста в 2018 г. вызвало протесты, так как многие граждане считали это решение нереальным из-за тяжелых условий труда и низкой продолжительности жизни в некоторых регионах. Несмотря на критику, правительство утверждало, что такие меры необходимы для финансовой устойчивости пенсионной системы².

В дополнение к повышению пенсионного возраста были реализованы меры по индексации пенсий, развитию программ добровольного пенсионного накопления и стимулированию участия граждан в этих программах. Пенсионная система Российской Федерации продолжает адаптироваться к изменяющимся демографическим и экономическим условиям, что порождает новые социальные и экономические вызовы [10, с. 57].

В секторе здравоохранения также произошли значительные изменения, начиная с национального проекта «Здоровье», инициированного в 2006 г. Проект включал мероприятия по повышению качества медицинской помощи, доступности услуг и развитию первичного звена

¹ О трудовых пенсиях в Российской Федерации: федер. закон от 17 декабря 2001 года № 173-ФЗ // СЗ РФ. № 52 (Часть I) ст. 4920.

² О страховых пенсиях: федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // СЗ РФ. № 52 (часть I) ст. 6965.

здравоохранения. Несмотря на положительные сдвиги, такие как снижение смертности от определенных заболеваний, общий прогресс в системе здравоохранения оказался менее выраженным.

В 2010 г. правительством Российской Федерации была инициирована широкомасштабная реформа системы здравоохранения в рамках общегосударственной программы. Основная цель заключалась в снижении уровня финансирования посредством оптимизации расходов, ликвидации нерентабельных медицинских учреждений и повышения эффективности использования модернизированных объектов здравоохранения. Однако итоги данной реформы вызвали определенные опасения [18, с. 227].

Согласно аналитическим данным Центра экономических и политических реформ, в период с 2009 по 2017 г. наблюдалось существенное уменьшение количества больниц и амбулаторно-поликлинических организаций по всей территории страны. Число больниц уменьшилось вдвое – с 10 700 единиц в 2009 г. до 5 400 в 2017 г., тогда как число амбулаторно-поликлинических учреждений снизилось на 12,7 %. Одновременно произошло сокращение количества больничных коек на 15 %, составившее снижение со 180 тыс. в 2008 г. до 160 тыс. в 2017 г.

Оценка результатов данного проекта должна учитывать тот факт, что его стратегической задачей являлась модернизация системы здравоохранения. В ходе реализации проекта были предприняты меры, направленные на повышение квалификации медицинского персонала и совершенствование материально-технического обеспечения отрасли [15, с. 356].

Тем не менее дальнейшие преобразования в сфере здравоохранения сопровождались уменьшением числа медицинских учреждений, что могло негативно сказаться на доступности медицинских услуг, особенно для

населения удалённых регионов. Помимо этого, остаются нерешёнными вопросы, касающиеся низкого качества предоставляемых медицинских услуг и дефицита высококвалифицированных кадров [5, с. 435].

Текущая ситуация в российском здравоохранении характеризуется наличием ряда серьезных проблем, требующих дополнительных мер для обеспечения высокого качества и доступности медицинских услуг для всего населения страны.

Высшая школа экономики провела анализ реорганизации государственных больниц и поликлиник как инструмента повышения эффективности системы здравоохранения. Однако этот процесс привел к непреднамеренному сокращению доступных амбулаторных учреждений в городской местности, что, в свою очередь, ограничило доступность медицинской помощи для жителей сельских и отдаленных районов, оказав негативное влияние на качество их жизни.

Кроме того, прослеживается тенденция к модернизации государственных поликлиник с акцентом на сокращение объема амбулаторных услуг, что указывает на увеличение зависимости от частного сектора здравоохранения. Официальная статистика подтверждает значительное увеличение частных клиник в период с 2010 по 2019 гг.: согласно данным Росстата, их количество возросло с 115 до 3900 [3, с. 16].

Финансовое неравенство между различными регионами также является фактором, способствующим дифференциации доступа к качественным медицинским услугам [13, с. 56]. Примером может служить консолидация медицинских учреждений в крупных городах, которая сопровождается сокращением численности персонала. Это обусловлено тем, что в таких городах отсутствует проблема дефицита медицинских специалистов бла-

годаря более высоким заработным платам и притоку врачей из других регионов¹.

Рационализация медицинских услуг и недостаток финансирования отрицательно влияют на уровень оказания медицинской помощи. Следствием этих процессов стало перемещение части врачей из государственной сферы в частный сектор, где условия труда зачастую оказываются менее привлекательными. Оставшиеся в государственных клиниках специалисты нередко вынуждены проходить переквалификацию для работы в качестве врачей общей практики, что вызывает у общества сомнения относительно их профессиональной компетенции [4, с. 160].

Система здравоохранения России сталкивается с серьезными вызовами, которые обсуждались на заседании Государственного совета 31 октября 2019 г. в Светлогорске. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. среди основных проблем отмечены недостатки в государственном управлении и ухудшение качества и доступности медицинских услуг.

В ответ на это российское правительство в 2019 г. запустило национальный проект «Здравоохранение», основанный на предыдущем национальном проекте, начатом в 2016 г. Эта приоритетная инициатива направлена на модернизацию первичной медико-санитарной помощи, на которую в период 2020–2024 гг. из федерального бюджета выделено 500 млрд руб. [21, с. 105].

Однако реализации государственной политики в сфере здравоохранения препятствует ряд проблем. Недостаточное финансирование целевых программ, направленных на повышение доступности и качества медицинской помощи, а также развитие первичной медико-санитарной помощи, является существенным препятствием. Кроме

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. № 20.

того, неэффективное распределение и использование финансовых ресурсов, плохое управление на различных уровнях и отсутствие прозрачности в процессах принятия решений еще больше усугубляют эти проблемы¹.

Следовательно, проводимые реформы здравоохранения, в сочетании с сокращением финансирования и консолидацией государственных медицинских учреждений, привели к снижению доступности и качества медицинских услуг. Это снижение вызывает обеспокоенность по поводу будущего здравоохранения в России и требует проведения комплексных реформ для эффективного решения этих проблем [16, с. 265].

Чтобы получить полное представление, необходимо изучить ход и результаты пенсионной реформы и реформы здравоохранения в отдельных регионах России, например в Приволжском и Центральном федеральных округах [19, с. 25].

Так, пензенский губернатор О. В. Мельниченко говорил о проблемах в здравоохранении следующее:

«Нехватка кадров есть. Мы набрали 213 врачей и еще 251 медсестру. Мы немного повысили уровень укомплектованности до 82 % по врачам и 87 % по медперсоналу. Мы будем его увеличивать».

«Здесь есть здание советских времен с сильно изношенными коммуникациями. Я принял решение включить его в программу ремонта. Сейчас проектная документация на объект проходит экспертизу, на сам ремонт из бюджета выделено 10 миллионов рублей. В следующем году, согласно плану, мы приведем эту поликлинику в порядок».

Помимо Пензенской области, о подобных проблемах сообщалось и в других регионах, в том числе в Белгородской, Тверской и других областях.

¹ Паспорт национального проекта «Здравоохранение» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).

Однако стоит отметить, что опасения по поводу пенсионного обеспечения постепенно уменьшаются, и в этой сфере наблюдаются положительные сдвиги [11, с. 133].

Заключение

В рамках проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, реформы социального обслуживания и социального обеспечения в России, особенно в Приволжском и Центральном федеральных округах, продолжили тенденцию к сокращению государственной поддержки и переходу к рыночным механизмам [17, с. 495]. Это изменение привело к ухудшению ситуации в сферах здравоохранения, образования и социального обеспечения, что вызвало серьезную обеспокоенность по поводу доступности и качества этих услуг для широких слоев населения. Поскольку государственные ресурсы стали более ограниченными, многие граждане столкнулись с трудностями в получении необходимых медицинских и социальных услуг, что усугубило общее состояние здоровья и благосостояния населения [9, с. 40].

Кроме того, реформы привели к значительным демографическим изменениям, включая миграцию и урбанизацию. Концентрация экономических возможностей в крупных городах привела к депопуляции сельских районов, увеличивая социальное и экономическое неравенство между городом и деревней. Многие жители сельской местности оказались в условиях нехватки рабочих мест и низкого уровня жизни, что спровоцировало миграцию в поисках лучших условий в городах. Это, в свою очередь, создало дополнительные нагрузки на городскую инфраструктуру и социальные системы, приводя к новым вызовам.

Очевидно, что социальные проблемы, с которыми сталкиваются субъекты Российской Федерации, многогранны

и требуют комплексного и целенаправленного политического вмешательства. Решение этих проблем требует подхода, учитывающего сложное взаимодействие экономических, социальных и политических факторов. Необходимо системная работа, направленная на устранение коренных причин социальных напряжений и неравенства.

Для решения выявленных проблем предлагается реализовать следующие меры:

Во-первых, разработать и принять Социальный кодекс, который систематизирует существующие нормы и правила в области социального обеспечения населения. Это позволит улучшить правоприменение и повысить уровень защиты прав граждан.

Во-вторых, отказаться от подхода, ориентированного на краткосрочные и текущие показатели (такие как количество коек и продолжительность пребывания на койке), в пользу долгосрочной стратегии, направленной на устойчивое развитие системы здравоохранения. Это включает в себя инвестиции в профилактику, модернизацию медицинской инфраструктуры и повышение квалификации медицинского персонала [14, с. 105].

В-третьих, активно включить концепцию «человеческого капитала» в федеральную и региональную политику. Это подразумевает инвестиции в образование, здоровье и развитие навыков населения, что способствует повышению качества жизни и экономической устойчивости [1, с. 93].

В-четвертых, увеличить полномочия регионов в сфере социального обеспечения и здравоохранения, что позволит учитывать местные особенности и потребности населения. Это может способствовать более эффективному управлению ресурсами и улучшению качества предоставляемых услуг.

В-пятых, содействовать повышению правовой культуры и грамотности среди населения. Данные мероприятия

позволят гражданам лучше понимать свои права и обязанности, а также активно участвовать в процессах социального обеспечения и защиты [7, с. 242].

Подводя итог, необходимо отметить, что итоги социальных преобразований еще не проявились в должной степени из-за короткого промежутка времени. Этот проблемный вопрос требует длительного наблюдения для уточнения информации о положении дел и разработки более оперативных рекомендаций. Понимание динамики социальных изменений и их последствий является ключевым для формирования эффективной государственной политики, направленной на повышение качества жизни и социального благополучия граждан.

Список литературы

1. Артемова Д. И. Правовые основы стратегического развития субъектов Российской Федерации. – М.: Проспект, 2021. – 264 с. DOI: 10.31085/9785392337439-2021-264. EDN: LPBBJR
2. Баглай М. В., Шарков Ф. И. Генезис концептуальных основ социального государства: парадигмальные основания и институционализация // Труд и социальные отношения. – 2019. – Т. 30. – № 3. – С. 75–84. DOI: 10.20410/2073-7815-2019-30-3-75-84. EDN: QZSPUY
3. Бойченко О. В., Иванюта Д. В. Развитие социально-экономической системы Российской Федерации // Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий / под ред. А. В. Бабкина. – СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. – С. 10–28. DOI: 10.18720/IEP/2021.2/1. EDN: GPHRIT
4. Гаджиева А. Г. Проблема выравнивания социально-экономического развития субъектов РФ // Российская экономика: взгляд в будущее: материалы III международной научно-практической конференции (заочной): в 2 ч., Тамбов, 17 февраля 2017 года. Ч. 2. – Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2017. – С. 160–165. EDN: XYBCQX
5. Горковенко Е. В., Платонова И. В. Социальная безопасность региона и направления ее обеспечения // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2021. – Т. 83. – № 1 (87). – С. 435–442. DOI: 10.20914/2310-1202-2021-1-435-442. EDN: CDLROO
6. Грищенко И. В., Варакина Л. А. Социальное обеспечение России: вчера, сегодня, завтра // Актуальные проблемы современной России: психология, педагогика, экономика, управление и право: Сб. науч. трудов международных научно-практических конференций, Москва, 07–24 апреля 2023 года / отв. редакторы: В. П. Вершинин, А. Л. Третьяков. Том 10. – М.: Московский психолого-социальный университет, 2023. – С. 765–772. EDN: MYIISD
7. Гусева А. Л., Климов С. Н., Царев К. А. Конституционные ценности и патристическое сознание молодого поколения сквозь призму применения методов

игрофикации // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 11 (227). – С. 240–242. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_240. EDN: OZLVLM

8. Дюдюн Т. Ю., Варлыгина Е. А. Система социального обеспечения населения в России: современный взгляд, проблемы финансового обеспечения и пути их решения // Наука и образование сегодня. – 2024. – № 1 (78). – С. 11–16. EDN: GHAEKW

9. Ефименко Ю. К., Рудь К. С. Управление социальным развитием региона // Инновационное развитие региона: интеграция управленческой науки и практики: сб. трудов Межрегиональной студенческой научно-практической конференции, Новосибирск, 03 апреля 2020 года. – Новосибирск: Издательский центр "Золотой колос" Новосибирского государственного аграрного университета, 2020. – С. 36–40. EDN: EXPACH

10. Захарова Е. Н., Золотухина И. В., Чистова М. В. Проблемы реализации социальной политики в бюджетно-дотационных регионах // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2021. – № 5 (55). – С. 57–62. DOI: 10.47581/2021/PS92/IE.5.55.08. EDN: CHLJGN

11. Иванова О. Ю. Проблемы оценки качества подготовки стратегий социально-экономического развития субъектов РФ и эффективности их реализации // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров: материалы XXI национальной научной конференции (с международным участием), Таганрог, 16–18 апреля 2020 года. – Таганрог: Таганрогский институт управления и экономики, 2020. – С. 131–134. EDN: WYUZZM

12. Ильин В. А., Морев М. В., Поварова А. И. Социальное государство в России: проблемы и перспективы. – Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2018. – 229 с. EDN: YUJUTJ

13. Кайль, Я. Я., Епинина В. С. Государственное регулирование социально-экономического развития субъектов РФ: состояние, проблемы, перспективы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2014. – № 4. – С. 53–61. EDN: TELSGL

14. Луговский В. А., Гиголов А. А., Машуков И. Ю. Разработка и реализация государственной социальной политики в Российской Федерации // Научная дискуссия современной молодежи: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 17 марта 2020 года / отв. ред. Гуляев Герман Юрьевич. – Пенза: Наука и Просвещение, 2020. – С. 103–106. EDN: UOKMFU

15. Петрина О. А., Николаева М. В. Итоги реформ здравоохранения в Российской Федерации // Актуальные проблемы управления: сб. научных статей по итогам VIII Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 16 ноября 2021 г. – Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2022. – С. 356–360. EDN: LQYVMZ

16. Репринцева Е. В. Состояние и проблемы финансового обеспечения системы здравоохранения РФ // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2021. – Т. 10. – № 1(34). – С. 264–267. DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0064. EDN: TICLAR

17. Руденко М. Н. Региональные различия как угроза экономической безопасности Российской Федерации // Экономическая безопасность. – 2022. – Т. 5. – № 2. – С. 491–510. DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114555. EDN: PPRPPV

18. Сабирова З. Э., Скрыбина Я. А. Национальный проект «здоровоохранение»: региональный аспект // Интеграция и дифференциация науки и практики в контексте приоритетных парадигм развития цивилизации: сб. научных статей по итогам национальной научно-практической конференции, Санкт-Петербург,

23–24 октября 2020 г. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2020. – С. 227–229. EDN: LVIRRE

19. Скрыбина О. В., Данилина Е. Н. Проблема реализации мер социальной поддержки в субъектах РФ и пути их решения // Студенческий меридиан среднего профессионального образования в вузе: вузовский сб. науч. трудов научно-практической конференции, посвященной 25-летию факультета довузовской подготовки и среднего профессионального образования, Саранск, 01 апреля 2023 г. – Саранск: МГУ им. Н.П. Огарёва, 2024. – С. 22–27. EDN: XSNHOV

20. Трансформация права: технологии XXI века: материалы II Всероссийской заочной научно-практической конференции, Екатеринбург, 13 мая 2021 года. – Екатеринбург: Уральский государственный юридический университет, 2022. – 244 с. EDN: CXNEPX

21. Ярашева, А. В., Макаров С. В. Региональные особенности национального проекта "Здравоохранение": потребность и доступность квалификационного роста медицинских работников // Экономика. Налоги. Право. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 102–111. DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111. EDN: YXWGAR

References

1. Artemova, D. I. (2021) *Pravovy'e osnovy` strategicheskogo razvitiya sub`ektov Rossijskoj Federacii* [Legal bases of strategic development of the subjects of the Russian Federation]. Moscow: Prospect. (In Russian). DOI: 10.31085/9785392337439-2021-264. EDN: LPBBJR

2. Baglaj, M. V., Sharkov, F. I. (2019) *Genezis konceptual`ny`x osnov social`nogo gosudarstva: paradigmal`ny`e osnovaniya i institucionalizaciya* [The genesis of the conceptual foundations of the welfare State: paradigmatic foundations and institutionalization]. *Trud i social`ny`e otnosheniya. – Labor and social relations.* – Vol. 30. No. 3. Pp. 75–84. (In Russian). DOI: 10.20410/2073-7815-2019-30-3-75-84. EDN: QZSPUY

3. Bojchenko, O. V., Ivanyuta, D. V. (2021) *Razvitie social`no-e`konomicheskoy sistemy` Rossijskoj Federacii – Strategicheskoe upravlenie razvitiem cifrovoy e`konomiki na osnove umny`x texnologij* [Development of the socio-economic system of the Russian Federation]. St. Petersburg: POLYTECH PRESS. Pp. 10–28. (In Russian). DOI: 10.18720/IEP/2021.2/1. EDN: GPHRIT

4. Gadzhieva, A. G. (2017) *Problema vy`ravnivaniya social`no-e`konomicheskogo razvitiya sub`ektov* [The problem of equalizing the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation]. *Rossiyskaya e`konomika: vzglyad v budushhee* [The Russian economy: a look into the future]. Proceedings of the III International Scientific and Practical conference (correspondence): in 2 parts, Tambov, February 17, 2017. Part 2. Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. Pp. 160–165. (In Russian). EDN: XYBCQX

5. Gorkovenko, E. V., Platonova, I. V. (2021) *Social`naya bezopasnost` regiona i napravleniya ee obespecheniya* [Social security of the region and the directions of its provision]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenerny`x texnologij. – Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies.* Vol. 83. No. 1 (87). Pp. 435–442. (In Russian) DOI: 10.20914/2310-1202-2021-1-435-442. EDN: CDLROO

6. Grishhenko, I. V. (2023) *Social`noe obespechenie Rossii: vchera, segodnya, zavtra* [Social security of Russia: yesterday, today, tomorrow]. *Aktual`ny`e problemy` sovremennoj Rossii: psixologiya, pedagogika, e`konomika, upravlenie i pravo* [Actual problems of modern Russia: psychology, pedagogy, economics, management and law]. Collection of scientific papers of international scientific and practical conferences, Moscow, April 07–24, 2023 / Eds. V. P. Vershinin, A. L. Tretyakov. Vol. 10.

Moscow: Moscow Psychological and Social University. Pp. 765–772. (In Russian).
EDN: MYIISD

7. Guseva, A. L., Klimov, S. N., Tsarev, K. A. (2023) Konstitucionny`e cennosti i patrioticheskoe soznanie mladogo pokoleniya skvoz` prizmu primeneniya metodov igrofikatsii [Constitutional values and patriotic consciousness of the younger generation through the prism of gamification methods]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – Law and the State: theory and practice*. No. 11 (227). Pp. 240–242. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_11_240. EDN: OZLVLM

8. Dyudyun, T. Yu., Varlygina, E. A. (2024) Sistema social`nogo obespecheniya naseleniya v Rossii: sovremennyy`j vzglyad, problemy` finansovogo obespecheniya i puti ix resheniya [The social security system in Russia: modern view, financial security problems and ways to solve them]. *Nauka i obrazovanie segodnya – Science and education today*. No. 1 (78). Pp. 11–16. (In Russian). EDN: GHAEKW

9. Efimenko, Yu. K., Rud', K. S. (2020) Upravlenie social`ny`m razvitiem regiona [Managing the social development of the region]. *Innovacionnoe razvitiye regiona: integratsiya upravlencheskoj nauki i praktiki* [Innovative development of the region: integration of management science and practice]. Proceedings of the Interregional Student Scientific and Practical Conference, Novosibirsk, April 03, 2020. Novosibirsk: Golden Ear Publishing Center of Novosibirsk State Agrarian University. Pp. 36–40. (In Russian). EDN: EXPACH

10. Zaxarova, E. N., Zolotukhina, I. V., Chistova, M. V. (2021) Problemy` realizatsiya social`noj politiki v byudzhethno-dotatsionny`x regionax [Problems of social policy implementation in budget-subsidized regions]. *Innovacionnaya e`konomika: perspektivy` razvitiya i sovershenstvovaniya – Innovative economy: prospects for development and improvement*. No. 5 (55). Pp. 57–62. (In Russian). DOI: 10.47581/2021/PS92/IE.5.55.08. EDN: CHLJGN

11. Ivanova, O. Yu. (2020) Problemy` ocenki kachestva podgotovki strategij social`no-e`konomicheskogo razvitiya sub``ektov RF i e`fektivnosti ix realizatsii [Problems of assessing the quality of preparation of strategies for the socio-economic development of the subjects of the Russian Federation and the effectiveness of their implementation]. *Modernizatsiya rossijskogo obshhestva i obrazovaniya: novy`e e`konomicheskie orientiry`, strategii upravleniya, voprosy` pravoprimeneniya i podgotovki kadrov* [Modernization of Russian society and education: new economic guidelines, management strategies, law enforcement and training issues]. Proceedings of the XXI National Scientific Conference (with international participation), Taganrog, April 16–18, 2020. Taganrog: Taganrog Institute of Management and Economics. Pp. 131–134. (In Russian) EDN: WYUZBM

12. Il'in, V. A., Morev, M. V., Povarova, A. I. (2018) *Social`noe gosudarstvo v Rossii: problemy` i perspektivy`* [The Welfare State in Russia: problems and prospects]. Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian). EDN: YTJUTJ

13. Kajl`, Ya. Ya., Epinina, V. S. (2014) Gosudarstvennoe regulirovanie social`no-e`konomicheskogo razvitiya sub``ektov RF: sostoyanie, problemy`, perspektivy` [State regulation of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation: status, problems, prospects]. *Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie. Ucheny`e zapiski SKAGS – State and municipal administration. The scientific notes of SKAGS*. No. 4. Pp. 53–61. (In Russian). EDN: TELSGI

14. Lugovskij, V. A., Gigolov, A. A., Mashukov, I. Yu. (2020) Razrabotka i realizatsiya gosudarstvennoj social`noj politiki v Rossijskoj Federacii [Development and implementation of the state social policy in the Russian Federation]. *Nauchnaya diskussiya sovremennoj molodyozhi: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii* [Scientific discussion of modern youth: current issues, achievements and innovations]. Collection of articles of the XI International Scientific and Practical Conference,

Penza, March 17, 2020. Penza: Science and Enlightenment. Pp. 103–106. (In Russian). EDN: UOKMFU

15. Petrina, O. A., Nikolaeva, M. V. (2022) Itogi reform zdravooxraneniya v Rossijskoj Federacii [Results of healthcare reforms in the Russian Federation]. *Aktual'ny'e problemy upravleniya* [Actual problems of management]. Collection of scientific articles on the results of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, November 16, 2021. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University. Pp. 356–360. (In Russian). EDN: SLQYMZ

16. Reprinceva, E. V. (2021) Sostoyanie i problemy finansovogo obespecheniya sistemy zdravooxraneniya RF [The state and problems of financial support of the healthcare system of the Russian Federation]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie – Azimuth of scientific research: economics and Management*. Vol. 10. No. 1 (34). Pp. 264–267. (In Russian). DOI: 10.26140/anie-2021-1001-0064. EDN: TICLAR

17. Rudenko, M. N. (2022) Regional'ny'e razlichiya kak ugroza ekonomicheskoy bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Regional differences as a threat to the economic security of the Russian Federation]. *E'konomicheskaya bezopasnost' – Economic security*. Vol. 5. No. 2. Pp. 491–510. (In Russian). DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114555. EDN: PPRPPV

18. Sabirova, Z. E., Skryabina, Ya. A. (2020) Nacional'ny'j proekt «zdravooxranenie»: regional'ny'j aspekt [National Healthcare Project: regional aspect]. *Integratsiya i differentsiatsiya nauki i praktiki v kontekste prioritnykh paradig razvitiya civilizatsii* [Integration and differentiation of science and practice in the context of priority paradigms of the development of civilization]. Collection of scientific articles based on the results of the national scientific and practical conference, St. Petersburg, October 23–24, 2020. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Economics. Pp. 227–229. (In Russian). EDN: LVIRRE

19. Skryabina, O. V., Danilina, E. N. (2024) Problema realizatsii mer social'noj podderzhki v sub'ektakh RF i puti ik resheniya [The problem of implementing social support measures in the constituent entities of the Russian Federation and ways to solve them]. *Studencheskij meridian srednego professional'nogo obrazovaniya v vuze* [Student meridian of secondary vocational education at the university]. The University collection of scientific papers of the scientific and practical conference dedicated to the 25th anniversary of the faculty of pre-university training and secondary vocational education, Saransk, April 01, 2023. Saransk: Ogarev National Research Mordovian State University. Pp. 22–27. (In Russian). EDN: XSNHOB

20. *Transformatsiya prava: tekhnologii XXI veka* (2022) [Transformation of law: technologies of the XXI century]. Proceedings of the II All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 13–01, 2021. Yekaterinburg: Ural State Law University. (In Russian). EDN: CXNEPX

21. Yarasheva, A. V., Makar, S. V. (2020) Regional'ny'e osobennosti nacional'nogo proekta "Zdravooxranenie": potrebnost' i dostupnost' kvalifikatsionnogo rosta meditsinskix rabotnikov [Regional features of the national Healthcare project: the need and accessibility of the qualification growth of medical workers]. *E'konomika. Nalogi. Pravo – Economy. Taxes. Right*. Vol. 13. No. 3. Pp. 102–111. (In Russian). DOI: 10.26794/1999-849X-2020-13-3-102-111. EDN: YXWGAR

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
33/33/33 %

Об авторах

Артемова Дарья Игоревна, кандидат юридических наук, доцент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5735-7842, e-mail: artdarya@yandex.ru

Климов Сергей Николаевич, студент, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0002-4617-9168, e-mail: sppj2014@gmail.com

Пенкина Валерия Сергеевна, студентка, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0005-3373-0311, e-mail: valeriapenkina0601@gmail.com

About the authors

Daria I. Artemova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5735-7842, e-mail: artdarya@yandex.ru

Sergey N. Klimov, Undergraduate student, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0002-4617-9168, e-mail: sppj2014@gmail.com

Valeria S. Penkina, Undergraduate student, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0005-3373-0311, e-mail: valeriapenkina0601@gmail.com

*Поступила в редакцию: 10.01.2025
Принята к публикации: 17.01.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 10 January 2025
Accepted: 17 January 2025
Published: 31 March 2025*

Дефектные юридические конструкции в нормотворческой деятельности: влияние на генезис государства и поиск методик выявления

А. Ю. Глушаков

Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Механизм создания девиаций описывается во множестве научных исследований. В первую очередь они конструируются с помощью решений в сфере государственной политики, основанных на некорректных статистических данных и создаваемых на их основе ложных конструктов социальных, политических и экономических изменений. Практическим инструментом конструирования девиаций выступает дефектная юридическая конструкция, которая через стадии нормотворческих процедур вводится в состав законодательства государства. Подобное внедрение может привести к повышению уровня социальной напряженности и, как следствие, к риску массовых социальных волнений. Поэтому современной юридической науке необходим актуальный социологический инструментарий для выявления причин социальной напряженности и проведения необходимых корректировок нормотворческой деятельности.

Ключевые слова: девиация, юридическая конструкция, дефекты юридических конструкций, законотворческая деятельность, методы социологических исследований, прогнозирование, социальная напряженность, массовые волнения, социальные конструкции.

Для цитирования: Глушаков А. Ю. Дефектные юридические конструкции в нормотворческой деятельности: влияние на генезис государства и поиск методик выявления // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 261–283. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_261. EDN: NVEQJT

Defective Legal Structures in Rule-making: the Impact on the Genesis of the State and the Search for Detection Methods

Alexey Yu. Glushakov

North-West Institute of Management of the RANEPA,
Saint Petersburg, Russian Federation

The mechanism of creating deviations is described in many scientific studies. First of all, they are constructed with the help of decisions in the field of public policy based on incorrect statistical data and false constructs of social, political and economic changes created on their basis. A practical tool for constructing deviations is a defective legal structure, which is introduced into the state legislation through the stages of standard-setting procedures. Such an introduction can lead to an increase in the level of social tension and, as a result, to the risk of mass social unrest. Therefore, modern legal science needs up-to-date sociological tools to identify the causes of social tension and carry out the necessary adjustments to standard-setting activities.

Key words: deviation, legal structure, defects of legal structures, legislative activity, methods of sociological research, forecasting, social tension, mass unrest, social constructs.

For citation: Glushakov, A. Yu. (2025) Defektnye yuridicheskie konstruksii v normotvorcheskoy deyatel'nosti: vliyaniye na genezis gosudarstva i poisk metodik vyavleniya [Defective Legal Structures in Rule-making: the Impact on the Genesis of the State and the Search for Detection Methods]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 261–283. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_261. EDN: NVEQJT

Введение

Механизм создания девиаций описывается во множестве научных исследований. В первую очередь они конструируются с помощью решений в сфере государственной политики, основанных на некорректных статистических данных и создаваемых в средствах массовой информации ложных конструктов социальных, политических и экономических изменений [4, с. 399–508]. Иными словами, власть, политический режим, общественное мнение, СМИ конструируют «преступность», «наркотизм», «коррупцию» и др. Все они лишены онтологической реальности [17, 18]. В реальной жизни, в природе нет ни одного из названных феноменов по своему содержанию. Поэтому различные виды девиантности – это социальные конструкты [11].

Научный анализ развития и проявления девиантности требует проведения исследований общественных изменений. В первую очередь это необходимо для выявления изменений социальной структуры и значения социального и экономического неравенства в формировании в конечном пределе высокого уровня социальной напряженности [12], например, процессов включенности и исключенности [5, с. 164–189]. Данная проблематика включенности /исключенности, стран и представителей различных социальных групп из, экономических, социальных и политических процессов впервые была освещена в ряде работ французских социологов во второй половине XX в. [12, с. 140–156]. Важно отметить, что категории «исключенных» и формируют в основном базу девиаций в социуме [6]. Современный нам, пока еще глобальный, мир представил также новое видение социального контроля над проявлениями девиаций [11].

Инструментом конструирования девиаций выступает в первую очередь дефектная юридическая конструк-

ция, которая через стадии нормотворческих процедур вводится в состав законодательных актов государства. В данном контексте юридическая конструкция понимается в широком смысле: т. е. как конструкция нормы права, правового института. При разработке – это отражение существующей правовой реальности, итог исследования общественных отношений, выделения их идеальной модели, близкой к абстракции и закрепление получившегося содержания в тексте нормы права. Юридические конструкции формируются в первую очередь через анализ существующего практического опыта регулирования общественных отношений и во вторую очередь – как научная модель, формируемая через познание права.

Юридические конструкции в силу своей апробированности в историческом процессе представляют собой практически неизменное юридическое знание и должны сохранять свою актуальность в независимости от ситуации настоящего времени. Поэтому правовая наука определяет, что юридические конструкции подлежат обязательному определению до реализации права, поскольку в юридической конструкции содержится наиболее рациональное содержание не только правотворчества, но и доктрины права в определенной сфере правового регулирования.

В случае внедрения в законодательство недостаточно проработанной юридической конструкции из-за намеренных ошибок (лоббирование интересов определенных социальных групп) или низкой апробированности может возникнуть ситуация повышения уровня социальной напряженности и, как следствие, риск массовых социальных волнений.

Массовые волнения как следствие высочайшего уровня социальной напряженности, результатом которых становится крушение государств – события, которые практи-

чески всегда приковывают внимание ученых различных отраслей знания. Особенный акцент в исследованиях делается на изучении мотивов, социальных групп, а также предполагаемых результатов подобных событий.

Одной из движущих сил глобальных социокультурных процессов выступают глубинные ментальные слои сознания человека, которые возможно искусственно формировать соответствующей дефектной законотворческой деятельностью и последующим дефектным правоприменением, результатом становится воплощение юридической конструкции-симулякра с постоянно повторяющимися девиациями при взаимодействиях субъектов правового оборота. Для более пристального рассмотрения этой темы, необходимо упомянуть о исследованиях А. И. Музыкантского и И. Яковенко проблематики манихейской и гностической матриц сознания [16].

Манихейская матрица сознания содержит две сущности – «МЫ» и «ОНИ», цель существования противоположной сущности («ОНИ») состоит в уничтожении сущности «МЫ». Поэтому грядет последний бой, который обязательно принесет победу сущности «МЫ».

Гностическая матрица сознания позиционирует окружающий мир человека как враждебный и очень опасный, содержащий лишь тяготы и лишения в реальной жизни человека. Избавление от зла этого мира возможно только лишь вне его пределов.

Подобные матрицы сознания, основанные на идеях манихейства и гностицизма, очень серьезно распространены в повседневной, обыденной культуре русского социума. Как показывает анализ событий отечественной истории, субъектный анализ ретроспективы событий прямо указывает на существование неизученных пока циклов русской истории, завершение каждого из которых практически всегда связано было с разрушением госу-

дарственности. Причем содержание механизма разрушения можно охарактеризовать как «массированную загрузку» индивидуумами манихейской матрицы сознания (эмоционально-агрессивной), которая сменяет преобладающую в социуме гностическую матрицу сознания (эмоционально-депрессивную).

В период преобладания гностической матрицы сознания основными массовыми чувствами индивидуумов социума выступают тоска, апатия, страх бесперспективной ненужности, полнейшей растерянности перед лицом существующего настоящего и предполагаемого будущего. Причем будущее в ощущениях индивидуумов социума отсутствует, что формирует в итоге абсолютную безнадежность в социальном смысле, отсутствие надежды на выход из ситуации.

Базовым содержанием для периода преобладания гностической матрицы и внезапно сменяющей ее манихейской матрицы выступает дефектная законотворческая деятельность государств, главной политической идеей которых выступает сохранение категории «стабильность» в социуме. Важнейшими методами воплощения категории «стабильность» выступают: тотальная централизация государственного управления, формирующая чрезмерный бюрократический аппарат, функционирование которого подчинено определенной идеологии, основанной на механизме «добровольного рабства», впервые описанного в работах философа Этьена де Ла Бозесси [15]. Суть механизма заключается в формировании такой управленческой вертикали, функционирование которой обеспечивается открытием доступа к части контролируемого социального блага субъектом властных полномочий, доступ он открывает своим безусловно лояльным сторонникам. Функционирование подобного аппарата приводит к чрезмерному регулированию общественных отношений порождая «административный произвол», без

законодательного закрепления самого понятия «административный произвол», а также в определенной мере подавление или ограничение гражданских прав и свобод ради достижения декларируемых государственной властью целей. Реализация механизма «добровольного рабства» приводит к тому, что его участники путем участия в законотворческой деятельности для закрепления своего правового статуса и имущественного состояния формируют юридические конструкции и дальнейшие правовые институты с запрограммированными дефектами, тем самым в процессе реализации которых конструируется псевдореальность, которая никогда бы не появилась при других обстоятельствах.

В свою очередь гностическая матрица сознания, содержащая смоделированную реальность без идеи будущего, проникает в умы не только маргинализированных социальных групп, но и представителей более обеспеченных социальных групп населения, не участвующих в «механизме добровольного рабства» – представителей малого и среднего бизнеса, имеющих низкий классный чин государственных и муниципальных служащих, интеллигенции, молодежи, в том числе имеющей образование. Все вышеперечисленные представители социальных групп, одновременно с погружением в гностическую матрицу сознания, перестают видеть свое место в социальной, политической и экономической сферах навязываемого им государства-симулякра.

Конечной точкой главенства гностической матрицы сознания у подавляющего большинства представителей социума выступает окончательное понимание абсолютного несовершенства окружающей реальности, в которой приходится существовать, и идеологическая инаковость декларируемых для реализации целей государства и получившегося конечного результата.

Дальнейшее доминирование гностической матрицы сознания в социуме грозит уничтожением не только самой дефектной юридической конструкции государства, но и самого социума. И в этот момент прежняя гностическая матрица сознания начинает сменяться новой матрицей – манихейской. Отправной точкой смены является появление «новой идеи изменения мироустройства», обязательным признаками появления которой выступают радикальная критика прежнего «старого мироустройства и существующей дефектной юридической конструкции государства», а также его идеологии и формирование образа врага, который виновен в создании причин кризиса. Тем самым общество разделяется на своих и чужих, представители которых ведут борьбу друг с другом. Примирение невозможно, ввиду того что каждая из сторон понимает свои действия как единственно возможные для выхода из возникшего кризиса. Появляется понимание последней битвы, после которой наступит наконец, то самое светлое будущее, наступления которого так жаждут обе стороны, именно на этой фазе гностическая матрица сознания окончательно вытесняется манихейской у той части социума, которая была наиболее ею поражена ранее. Представители социальных слоев, преодолевшие господство гностической матрицы, начинают отождествлять себя с силами добра и света, тем самым завершая опасный характер нарастания гностических настроений для социума. В этот момент перехода и могут происходить стихийное и практически мгновенное разрушение юридической конструкции существующего государства, полная и тотальная аннигиляция существующей власти и ее институтов.

Важно отметить, что момент формирования социальной базы манихейского переворота не происходит

спонтанно, он формируется целенаправленно в результате, в том числе, как указывалось выше, и под влиянием дефектной нормотворческой деятельности, создающей дефектные юридические конструкции, не учитывающие складывающиеся реалии социальной жизни и рост уровня социальной напряженности. Поэтому современной юридической науке реально необходим актуальный социологический инструментарий для выявления подобных событий и проведения необходимых корректировок нормотворческой деятельности.

Результаты

Прогнозирование социальной напряженности. Количественный подсчет индикаторов, определяющих уровень социальной напряженности. В настоящем как российские, так и иностранные ученые разработали достаточно обширный арсенал методологий и инструментов для анализа и прогнозирования социальной напряженности.

Важно отметить, что в западных научных школах термин «социальная напряженность» практически не используется, а применяется понятие «социальный стресс». Социальный стресс определяется как уровень ментального здоровья индивидуума или состояние психоэмоционального нездоровья, обусловленного влиянием социальной среды. Социальный стресс понимается как низкая способность адаптации индивидуума к стрессовым переменам внешней социальной среды существования.

Множество научных трудов содержат описание методологий исследования феномена социальной напряженности, которые можно применять в действительности нашего государства. Выбор методики зачастую зависит от применяемого подхода к интерпретации содержания понятия «социальная напряженность» и базовых факторов ее определения и детерминации. Зна-

чительное качественное разнообразие данных методик обуславливается различными подходами к интерпретации понятия «социальная напряженность», факторов ее предопределяющих и детерминирующих.

Западная наука в период 1945 до 1980-х гг. XX в. через изучение качества социальной среды, с позиций удовлетворенности ею человека, разработала (в первую очередь В. Дэвис) шкалу с более чем 40 индикаторами, главным назначением которых является всесторонняя оценка психологических и демографических параметров участников опросов, а также их социальной среды. В дальнейшем благодаря исследованиям Д. Фесслера сформирована шкала для изучения общественной солидарности. Ученым К. Жессером был создан вопросник для изучения проблематики социальной удовлетворенности населения. Исследователем А. Кембеллом в совместном с другими американскими учеными исследовании разработана индикативная шкала для изучения социальных изменений и социальной удовлетворенности. В целом в настоящем социальная напряженность исследуется западными учеными с помощью «Миннесотского вопросника удовлетворенности» [1, с. 3–10].

Анализируя различные методики изучения социальной напряженности, можно выделить следующее: основным методом выступают различного рода опросы. Правильное применение опросного метода позволяет выявить даже минимальные изменения самих социальных структур или отдельных областей «социального самочувствия», влияющего на уровень социальной напряженности. Низкое или полностью негативное социальное самочувствие, а также уровень социального стресса и, как следствие социальная напряженность взаимосвязаны с количеством происходящих в социуме негативных событий. Причем многие деструктивные события имеют явно искусственно

сконструированное происхождение, особенно события, связанные со сферой права.

В большинстве своем у опрашиваемых необходимо выявить все негативные события и провести их ранжирование с целью понимания их объективного объема в формировании негативного по ощущению жизненного мира личности [10, с. 107–113]. Для этого формируют перечень косвенных вопросов с целью выявления уровня депривации из-за негативного изменения социальных структур, которые приводят к социальной напряженности. Для вычисления уровня депривации применяют формулу Х. Кэнтрила:

$$RD = \frac{Ve - Vr}{Ve}$$

RD – относительная депривация; Ve – ожидаемая ценностная позиция; Vr – достигаемая ценностная позиция [2, с. 20–90].

Формулой определяется уровень относительной депривации, связанный с расхождением ожидаемых позиций респондентов и прямой возможности их реализации в текущих общественных отношениях. Уменьшающиеся возможности для получения ценности, важной для индивида, вызывает его неудовлетворенность этим состоянием. Подобные методики возможны к применению, но важно помнить, что ответы респондентов могут быть изложены под влиянием быстроменяющихся настроений. Поэтому формулировки ответов респондентов о своем социальном самоощущении недостаточно объективны в такой ситуации. Причем также для многих респондентов отмечается завышение оценки удовлетворенности жизнью, это зафиксировано в результате исследований ученых.

Наиболее эффективными можно считать методики с десятками вопросов (мультииндикаторные), анализ

ответов на которые позволяет выявить индекс благополучия и удовлетворенности. Данные методики расчета индексов специально сформированы для изучения социальной напряженности, позволяют отстраниться от большого количества анализируемых индикаторов, каждый из которых в отдельности показывает лишь части объекта изучения. Все вышеперечисленное позволяет сконструировать комплексную теоретическую модель объекта изучения, т. е. использование индексов кратно увеличивает реальность выявленных показателей [3].

Для исследования социальной напряженности применяют индекс, определяющий уровень социальной напряженности в наблюдаемом социуме. Не проводя углубленный анализ напряженности социальных групп, первопричин роста, не выявляются взаимосвязи уровней напряженности, её внешняя объективация и влияние на качество развития социума [7, с. 187–197].

Базовым элементом подавляющего количества методик выявления индекса социального самочувствия индивидов в обществе выступает оценка общего социального благополучия, складываемая из суммы оценок индивидами различных показателей, из которых складывается удовлетворенность собственной жизнью.

На сегодняшнее время разработано довольно большое количество подобных методик, используемых в сравнительных исследованиях. В качестве примера можно привести разработанную учеными (А. Мур, Дж. Вортон) шкалу оценки респондентами уровня удовлетворенности местом проживания. Индивид по разработанным показателям-высказываниям формулирует ответы от «абсолютно не согласен» до «абсолютно согласен». В шкалу внесены порядка 24-х показателей, выделенных в шесть шкал, измеряющих скрытые переменные: криминализованность района, качество доступной работы, разви-

тость здравоохранения, жилищные условия, уровень образования в месте проживания, социальное окружение.

Среди существующих методик также можно выделить еще один инструмент для изучения проблематики социальной напряженности – шкалу PERI (Psychiatric Epidemiology Research Interview – Б. Доренвенд). Её содержание включает инструменты изучения отрицательных событий, с которыми столкнулся индивид в недавнем прошлом. События оцениваются по 7-бальной шкале в зависимости от уровня негативного влияния [7, с. 187–197].

Следует отметить, что большое количество представленных сегодня методик, применяемых для исследований сфер социального самочувствия, социальной напряженности, уровней тревожности, представляют собой в первую очередь психологические тесты, назначение которых – выявлять уровень депрессивного состояния и тревожности как одного респондента, так и населения в целом. В Российской Федерации наибольшую популярность приобрела отечественная адаптация шкалы ситуационной напряженности личности Ч. Спилбергера, выполненная Ю. Ханиным как наиболее соответствующая реалиям нашей жизни. Но полученные результаты вышеуказанными методиками могут лишь определить уже существующий уровень неудовлетворенности, без выявления первопричин. Поэтому с конца XX в. отечественные исследователи сферы социальной напряженности сфокусировались на разработке новых методик, которые мы можем сгруппировать на основе методических подходов: в одних методиках применяются опросные методы, в других проводится только анализ полученной информации [8, с. 20–28].

Рассматривая методики, основанные на опросных методах исследования социальной напряженности, следует выделить апробированную методику Ю. М. Плюс-

нина, сконструированную для изучения городских социумов. В ходе ее применения на практике были выявлены скрытая и явная формы социальной напряженности. Также были получены показатели: отношения респондентов к социально-политическим и социально-экономическим процессам, материальный уровень, социальный климат и качество взаимоотношений в социуме, определены степень готовности к массовой протестной деятельности и уровень социальной напряженности в месте проживания [13, с. 6–38].

В соответствии с другой методикой (И. В. Пирогов) в качестве основания для определения социальной напряженности применяются так называемые мультииндикаторные индикаторы. В ходе исследования учитываются психологические механизмы в создании социальной напряженности, что задает базовую координатную систему, с помощью которой и интерпретируется итоговая информация. Недостатком данной методики выступает то, что индикаторы базовой координатной системы могут изменяться, порой весьма существенно от региональной специфики и существующих внешних факторов. Также необходимо уточнить, что автором методики игнорируется влияние положительных индикаторов на формирование социальной напряженности, а учитываются только отрицательные. Поэтому получаемые при расчетах интегральные показатели качества социальной напряженности не в полной мере соответствуют истинному состоянию.

В целом методики, основанные на опросных методах получения анализируемой информации, базируются на оценке качества удовлетворенности респондентами в реализации их потребностей. Для этого после анализа полученной информации производятся расчеты индекса социальной напряженности, причем описание

результатов происходит с учетом минимальных и максимальных значений.

Если говорить о практическом результате применения опросных методик, то можно заключить, что они могут предоставлять весьма правдоподобную информацию о состоянии общественного сознания в краткосрочные интервалы времени, например в период принятия важных управленческих решений. Но в долгосрочной перспективе использование только методик, основанных на опросах, лишает заинтересованных субъектов возможности предположить уровень социальной напряженности, своевременно принять меры к урегулированию подобной ситуации и, как следствие, не позволяет предугадывать социальные конфликты, могущие привести к серьезной дестабилизации на всей территории государства в целом и отдельных социальных групп в частности.

Помимо опросных, существуют и методики, исследующие статистические данные. Разработка подобных методик потребовалась ввиду ряда факторов:

- оценить уровень социальной напряженности в динамике, например во временной ретроспективе, через изучение показателей статистики;
- позволяет экономно и рационально проводить исследования мегаполисы, крупные города или макрорегионы на основе уже имеющихся статистических данных государственной статистики так и независимых статистических центров, без проведения достаточно дорогостоящих опросов.

В качестве примера можно привести широко применяемую методику выявления стресс-индекса SSI региона (А. Мюррей, А. Лински), высчитываемого по статистике неблагоприятных ситуаций в жизни для респондентов. Качественным достоинством данной методики является

расчет уровня социальной напряженности во временной ретроспективе, в настоящем и прошлом, как по региону, так и по стране в целом.

В Российской Федерации статистический метод применяется достаточно активно. Например, отечественный социолог С. Б. Переслегин выдвинул гипотезу, что устойчивость общества обеспечивается положительным качеством жизни, поэтому он вводит в базис расчета социальной напряженности выявление уровня благосостояния. Но следует учесть, что методика не всегда позволяет получить корректные данные в случае отрицательного качества жизни, например когда среднемесячный доход лишь ненамного превышает прожиточный минимум [9, с. 107–118].

В других отечественных методиках исследования социальной напряженности, основанных на изучении уже существующих статистических данных, в качестве базиса исследования выступают данные статистики по следующим факторам: уровень занятости населения, объем задержанной к выплате заработной платы, количество банкротящихся предприятий в регионе, объем доходом населения в месяц и в годовом исчислении и т. д. Но вышеприведенные факторы не могут выступать в качестве детерминантных в различные временные периоды регионального и городского развития. В расчетах уровня социальной напряженности необходимо также использовать не только экономические и персонально-профессиональные, но и факторы, возникающие из-за социально-политической обстановки (проведение выборов и т. д.). Зачастую именно эти факторы и становятся детерминирующими в определении уровня социальной напряженности в социуме.

Качество статистических данных в подобных исследованиях достаточно высокое, но основной проблемой по-

добных исследований выступает недостаточная оценка социального фактора, связанного с индивидом, и степенью его влияния на процессы в социуме.

Весь существующий объем статистических данных не может корректно представить разнородность существующих социальных установок индивидов вместе с их эмоциональным состоянием по следующим основаниям:

- ввиду того что статистические материалы попадают на стол исследователя с большим временным лагом, поэтому итоговая информация не относится к категории оперативной и не дает возможности получать расчеты о реальном уровне социальной напряженности в исследуемой сфере;

- оперируют неполными материалами (например, нет информации по всем показателям, наличие «закрытых» материалов, намеренные искажения информации) статистики, которые подготовлены специально созданными учреждениями;

- сами результаты анализа сфокусированы только в отношении тех объектов, на которых статистическая информация получена.

Ввиду вышесказанного, наиболее удачной для целей нашего исследования выявления взаимосвязи между повышением уровня социальной напряженности в Российской Федерации из-за конструирования девиаций путем внесения дефектов в юридические конструкции при законотворческой деятельности, является методика, разработанная Г.В Барановой. Содержание методики позволяет проанализировать различные аспекты социальной напряженности на уровне субъекта Российской Федерации, например:

- выявить уровень социальной напряженности в различные периоды времени и тем самым осуществлять их сравнительный анализ в ретроспективе;

- устанавливать соцгруппы, в которых социальная напряженность имеет более высокий уровень, тем самым устанавливая потенциальных участников дестабилизирующих социальных событий;
- более точно выявлять и измерять индикаторы, которые являются существенными факторами риска.

Заключение

Вся вышеуказанная информация позволит выявить пробелы в нормотворческой деятельности в сферах, в которых индикаторы имеют отрицательное значение и выявить существующие дефектные юридические конструкции в правореализационной практике, что должно привести к форсированию процесса исправления данной ситуации со стороны государственных органов. Прогнозирование уровня социальной напряженности зависит от расчетов индекса социальной напряженности, который и будет показывать ее уровень на анализируемой территории. Расчет индекса будем производить в соответствии с нижеприведенной формулой [9]:

$$ИСН = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n ИПН_j$$

n – фактический объём выборки; $ИПН_j$ – индивидуальные показатели напряжённости индивидов в регионе в текущем периоде его существования.

$$ИПН_j = \sum_{i=1}^m V_{ij}$$

V_{ij} – величина, отражающая степень неудовлетворенности j -го индивида оцениваемым i -м параметром и одновременно учитывающая предел его важности (индивидуальный показатель неудовлетворенности индивида для соответствующего фактора):

$$V_{ij} = B_{ij} \cdot X_{ij}$$

B_{ij} – показатель степени важности i -го параметра для j -го индивида; X_{ij} – показатель уровня неудовлетворенности i -ым параметром j -го индивида; m – число факторов, определяющих социальную напряжённость на территории (с учетом результатов опроса экспертов).

Вычисление индикатора имеет важное значение для определения социальной напряженности, это связано с тем, что необходимо сформировать рекомендации по снижению уровня социальной напряженности в случае его увеличения, определенный уровень которой присутствует в любом социуме постоянно.

Расчет индекса на основе изучения процессов, сопровождающих рост социальной напряженности, позволит прогнозировать появление неконтролируемых сюжетов в существовании социума, связанного с насилием. Продвинутое прогнозирование позволит сформировать перечень мероприятий по снижению социальной напряженности. Также индикатор послужит инструментом анализа получаемой статистической информации во время исследования и будет способствовать:

- качественно определять уровни социальной напряженности;

- выявлять потенциально негативные ситуаций и, как следствие, уязвимые социальные группы в социуме, для которых полностью исключен или снижен уровень распределения благ, и как эта тенденция может повлиять на дестабилизацию экономической и политической обстановки в стране.

Индикатор уровня социальной напряженности синтетический и состоит из индикаторов, показывающих оценку населением:

- определенных решений органов государственной власти по отношению к событиям, проблемам, кото-

рые непосредственно влияют на интересы и удовлетворенность потребностей индивидов и их социальных групп и формируют доверие населения к институтам государства;

- качества и удовлетворенности уровнем собственной жизни индивидами, уровнем материального благополучия, доступностью удовлетворяющего базовые потребности рабочим местом, общим фоном социального самочувствия;

- экономической и политической элиты, рациональности и разумности их деятельности в повышении качества государственной и социальной жизни;

- качества систем образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, розничной торговли.

Список литературы

1. Алексеев А. А., Бараночников В. А. Влияние среднего класса на уровень социальной напряженности в современном обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – Вып. 1. – Ч. 1. – С. 3–10. EDN: PISXAF
2. Алексеев А. А., Бараночников В. А. Методика классификации населения региона по протестному потенциалу // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10. – С. 20–90. EDN: RKPUKR
3. Алексеев А. А., Каира Ю. В., Бараночников В. А. Социальное неравенство и социальная напряженность: монография. – Орёл, 2016. – 244 с. EDN: WIGDFF
4. Гилинский Я. Глобализация и девиантность в России // Глобализация в российском обществе / ред. И. Елисеева. – СПб., 2008. – С. 399–508. EDN: PDUXHL
5. Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». – СПб., 2007. – С. 164–189. EDN: PDUXHL
6. Гилинский Я. «Исключенность» как глобальная проблема и социальная база преступности, наркотизма, терроризма и иных девиаций // Труды СПб Юридического института ген. прокуратуры РФ, 2004. – № 6. – С. 69–77.
7. Каира Ю. В. Аналитический потенциал семантического дифференциала в социологическом исследовании уровня жизни // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. 1. – С. 187–197.
8. Каира Ю. В. Социальная напряженность и протестная активность населения региона // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – Т. 12. – № 2. – С. 20–28.
9. Каира Ю. В. Методика исследования социальной напряженности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 3. – С. 107–118. EDN: ZIZXDP

10. Квашенко Н. Ю., Глушаков А. Ю. Инфосфера медиакommunikаций и жизненный мир личности в условиях цифровой цивилизации // Образование 4.0: Конкуренция, компетенции, коммуникации и креатив: сб. научных трудов по материалам VI Международной научно-практической конференции. – М., 2022. – С. 107–113. EDN: FPLGPX
11. Ольков С. Г. О пользе и вреде неравенства (криминологическое исследование) // Государство и право. – 2004. – № 8. EDN: OQDJYD
12. Погам С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1996. – Т. II. – С. 140–156.
13. Плюснин Ю. М. Скрытая социальная напряженность в российском обществе // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2013. – № 2 (69). – С. 6–38.
14. Толстова Ю. Н. Анализ социологических данных: Методология, дескриптивная статистика, изучение связей между номинальными признаками. – М.: Научный мир, 2000. – 352 с.
15. Этьен де Ла Боэсси. Рассуждение о добровольном рабстве / пер. с фр. – М.: АН СССР, 1952. – 200 с.
16. Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. – М.: Русский путь, 2010. – 320 с.
17. Grover Ch. Crime and Inequality. – Willan Publishing, 2008. – 288 p.
18. Young J. The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity. – London: Thousand Oaks: Sage Publications, 1999. – 216 p.

References

1. Alekseenok, A. A., Baranochnikov, V. A. (2012) Vliyanie srednego klassa na uroven' social'noj napryazhennosti v sovremennom obshchestve [The influence of the middle class on the level of social tension in modern society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities. Issue 1. Part 1.* Pp. 3–10. (In Russian). EDN: PISXAF
2. Alekseenok, A. A., Baranochnikov, V. A. (2013) Metodika klassifikatsii naseleniya regiona po protestnomu potencialu [Methodology for classifying the population of the region by protest potential]. *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research.* No. 10. Pp. 20–90. (In Russian). EDN: RKPURK
3. Alekseenok, A. A., Kaira, Yu. V., Baranochnikov, V. A. (2016) *Social'noe neravenstvo i social'naya napryazhennost': nauch. monografiya* [Social inequality and social tension: scientific. the monograph]. Orel. (In Russian). EDN: WIGDFF
4. Gilinsky, Ya. (2008) *Globalizatsiya i deviantnost' v Rossii. V: Globalizatsiya v rossijskom obshchestve / red. I. Eliseeva* [Globalization and deviance in Russia. In: Globalization in Russian Society/ ed. by I. Eliseev]. St. Petersburg. Pp. 399–508. (In Russian). EDN: PDUXHL
5. Gilinsky Ya. (2007) *Deviantologiya: sociologiya prestupnosti, narkotizma, prostitucii, samoubijstv i drugih «otklonenij»* [Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other "deviations"]. Ed. 2nd. St. Petersburg. Pp. 164–189. (In Russian). EDN: PDUXHL
6. Gilinsky, Ya. (2004) «Isklyuchennost'» kak global'naya problema i social'naya baza prestupnosti, narkotizma, terrorizma i inyh deviacij ["Exclusion" as a global problem and the social base of crime, drug addiction, terrorism and other deviations]. *Trudy SPb Yuridicheskogo instituta Gen. prokuratury – Proceedings of the St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation.* No. 6. Pp. 69–77. (In Russian).

7. Kaira, Yu. V. (2010) Analiticheskij potencial semanticheskogo differenciala v sociologicheskom issledovanii urovnya zhizni [The analytical potential of the semantic differential in the sociological study of living standards]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities*. Issue 1. Pp. 187–197. (In Russian).
8. Kaira, Yu. V. (2017) Social'naya napryazhennost' i protestnaya aktivnost' naseleniya regiona [Social tension and protest activity of the region's population]. *Srednerus. vestn. obshchestv. nauk – Central russian bulletin of social science*. Vol. 12. No. 2. Pp. 20–28. (In Russian).
9. Kaira, Yu. V. (2017) Metodika issledovaniya social'noj napryazhennosti [Methodology for the study of social tension]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki – Proceedings of Tula State University. Humanities*. No. 3. Pp. 107–118. (In Russian). EDN: ZIZXDP
10. Kvaschenko, N. Yu., Glushakov, A. Yu. (2022) Infosfera mediakommunikacij i zhiznennyj mir lichnosti v usloviyah cifrovoj civilizacii [The infosphere of media communications and the life world of a personality in a digital civilization]. *Obrazovanie 4.0: Konkurenciya, kompetencii, kommunikacii i kreativ* [Education 4.0: Competition, competencies, communication and creativity]. Collection of scientific papers based on the materials of the VI International Scientific and Practical Conference. Moscow. Pp. 107–113. (In Russian). EDN: FPLGPF
11. Olkov, S. G. (2004) O pol'ze i vrede neravenstva (kriminologicheskoe issledovanie) [On the benefits and harms of inequality (criminological research)]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. No. 8. (In Russian). EDN: OQDJYD
12. Pogam, S. (1996) Isklyuchenie: social'naya instrumentalizaciya i rezul'taty issledovaniya [Exclusion: social instrumentalization and research results]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii – Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. II. Pp. 140–156. (In Russian).
13. Plyusnin, Yu. M. (2013) Skrytaya social'naya napryazhennost' v rossijskom obshchestve [Hidden social tension in Russian society] *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz* [Politics: Analysis. The chronicle. Forecast]. No. 2 (69). Pp. 6–38. (In Russian).
14. Tolstova, Yu. N. (2000) *Analiz sociologicheskikh dannyh: Metodologiya, deskriptivnaya statistika, izuchenie svyazej mezhdum nominal'nymi priznakami* [Analysis of sociological data: Methodology, descriptive statistics, study of relationships between nominal characteristics]. Moscow: Scientific World. (In Russian).
15. Etienne de La Boessi (1952) *Rassuzhdenie o dobrovol'nom rabstve* [A discussion about voluntary slavery / Translated from French]. Moscow. (In Russian).
16. Yakovenko, I. G., Muzykantsky, A. I. (2010) *Manichaeism and gnosticism: cultural codes of Russian civilization* [Manicheism and gnosticism: cultural codes of Russian civilization]. Moscow: Russkiy put. (In Russian).
17. Grover, Ch. (2008) *Crime and Inequality*. Willan Publishing.
18. Young, J. (1999) *The Exclusive Society: Social Exclusion, Crime and Difference in Late Modernity*. London; Thousand Oaks: Sage Publications.

Об авторе

Глушаков Алексей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

About the author

Alexey Yu. Glushakov, Cand. Sci. (Law), Assistant Professor, North-West Institute of Management of the RANEP, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0957-1953, e-mail: complexal@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 14.02.2025
Принята к публикации: 20.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 14 February 2025
Accepted: 20 February 2025
Published: 31 March 2025*

К вопросу о соотношении конституционного правопонимания и конституционного правоприменения

Р. А. Ромашов,¹ А. Г. Самусевич^{2,3}

¹ Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России),
г. Иркутск, Российская Федерация;

³ Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск, Российская Федерация;

В статье рассматривается вопрос о трансформации концепция конституционного правоприменения в России в контексте перехода к новому этапу конституционного развития. Переосмысление сущности конституционного правоприменения сопряжено с необходимостью разрешения правовых, политических и идеологических коллизий. Настоящее исследование предполагает применение рациональных методологических подходов для уточнения традиционных гуманитарных концепций конституционного правоприменения, основанных на естественном правопонимании. Приведено понятие конституционного правоприменения, что приводит к пониманию процесса применения конституционных норм. Также проанализированы основные подходы к конституционному правопониманию и правосознанию. Определено, что в процессе применения конституционных норм, конституционное правопонимание является структурным компонентом конституционного правоприменения, так как в процессе применения указанных норм происходит правовое осмысление субъектами изучаемых конституционно-правовых актов, необходимых для разрешения конкретного случая.

Ключевые слова: конституционное правоприменение, конституционное правопонимание, конституционное правосознание, конституционные нормы.

Для цитирования: Ромашов Р. А., Самусевич А. Г. К вопросу о соотношении конституционного правопонимания и конституционного правоприменения // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 284–304. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_284. EDN: TVRGNU

On the Question of the Relationship Between Constitutional Legal Understanding and Constitutional Law Enforcement

Roman A. Romashov¹, Alexey G. Samusevich^{2,3}

¹ Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;

² Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation

³ Irkutsk National Research Technical University,
Irkutsk, Russian Federation

The article discusses the transformation of the understanding of constitutional law enforcement in Russia in the context of the transition to a new stage of constitutional development. Rethinking the essence of constitutional law enforcement is associated with the need to resolve legal, political and ideological conflicts. The present study suggests the use of rational methodological approaches to clarify traditional humanitarian concepts of constitutional law enforcement based on a natural understanding of law. The concept of constitutional law enforcement is given, which leads to an understanding of the process of applying constitutional norms. The main approaches to constitutional legal understanding and constitutional legal awareness are also analyzed. It is determined that in the process of applying constitutional norms, constitutional legal understanding is a structural component of constitutional law enforcement, since in the process of applying these norms, the subjects of the studied legal acts necessary to resolve a particular case are legally understood.

Key words: constitutional law enforcement, constitutional legal understanding, constitutional legal awareness, constitutional norms.

For citation: Romashov, R. A., Samusevich, A. G. (2025) K voprosu o sootnoshenii konstitutsionnogo pravoponimaniya i konstitutsionnogo pravoprimeneniya [On the Question of the Relationship Between Constitutional Legal Understanding and Constitutional Law Enforcement]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 284–304. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_284. EDN: TVRGNU

Введение

На протяжении многих десятилетий развивавшаяся и достаточно стабильная теория и практика правореализации конституционных норм на современном этапе редко подвергается доктринальному переосмыслению. Это утверждение в полной мере применимо и к правоотношениям, которые возникают в процессе конституционного правоприменения. В 2020 г., благодаря принятым конституционным поправкам были внесены изменения, которые актуализировали вопрос и о конституционно-правовых отношениях в контексте конституционного правоприменения. В частности, возникла необходимость подвергнуть переосмыслению значение конституционного правоприменения в контексте успешной реализации конституционных предписаний.

Представленная работа представляет собой своего рода промежуточный результат цикла авторских статей, направленных на исследование и разработку концепции механизма реализации конституционных норм с акцентированием внимания на формальных и структурно-содержательных аспектах применения конституционного права в целом и действующей конституции в частности. За период, прошедший с момента внесения в Конституцию поправок, нами были сформулированы основные проблемы понимания конституционного правоприменения, проанализирована функциональная структура его механизма, а также выделены и охарактеризованы отдельные аспекты, в рамках которых конституционное правоприменение рассматривалось в соотношении с такими категориями, как «прямое действие конституции», «интерпретация конституционных норм» и др.

Значимость проблематики, предопределившей выбор данной темы, обусловлена теоретической неоднозначностью и дискуссионностью концепции «конституционное

правоприменение», в рамках которой государство осуществляет эффективное применение норм Основного закона.

Вместе с тем актуальность заявленной темы обусловлена и тем, что конституционное правоприменение остается дискуссионным правовым институтом, который вплоть до настоящего времени не получил полноценного отражения в трудах ученых-конституционалистов и теоретиков права. В связи с этим стоит согласиться с мнением А. В. Коновалова о том, что «в современных условиях право и правоприменительная деятельность должны быть эффективными и надежно отвечать потребностям и интересам как государства, так и гражданского общества. К сожалению, реальностью современного правоприменения стало возникновение серьезных рисков общих негативных последствий, казалось бы, исключительно позитивного явления – высокого уровня развития правовых инструментов, чрезвычайной вариативности и изоэтренности отраслевых институтов и определенных областей судебной практики» [4].

Настоящее исследование направлено на научное обоснование потребности в разработке общей теории конституционного правоприменения, а также на конструирование прикладной модели его механизма, рассматриваемого через призму конституционного правопонимания. Такая концепция должна обеспечить гармоничное сочетание эффективности реализации конституционных норм с важнейшими принципами государственного устройства, демократии и справедливости.

Исходя из изложенного, сформулируем цель настоящего исследования, которая заключается в комплексном подходе к аналитическому рассмотрению системы конституционного правоприменения с последующим определением в ней места конституционного правопонимания.

Для реализации поставленной цели необходимо решить ряд исследовательских задач: охарактеризовать авторский подход к пониманию конституционного правоприменения; определить конституционное правопонимание как структурный компонент конституционного правоприменения; выявить общие существенные признаки конституционного правоприменения и правосознания.

В качестве методологической основы исследования избран метод междотраслевого синтеза, а также комплекс общенаучных (диалектический, анализ, системно-структурный подход) и специальных методов познания, которые позволяют интегрировать достижения общей теории права и конституционного права, а также выявить особенности конституционно-правового осмысления конституционного правоприменения в контексте как конституционного правопонимания, так и современного этапа развития российского конституционализма.

Вместе с тем современное конституционное правоприменение предлагается рассматривать как один из концептуальных аспектов, берущих начало из этих методологических основ.

Общая концепция понимания конституционного правоприменения

Как и было указано выше, ввиду отсутствия единой полноценной концепции конституционного правоприменения, видится необходимым рассмотреть данное правовое явление через призму конституционного правопонимания. Вместе с тем наши размышления не будут полными без определения общих подходов к пониманию конституционного правоприменения.

Стоит особо подчеркнуть, что среди множества отечественных работ, касающихся различных аспектов реализации конституционных норм, прежде всего в контексте

формирования определенной правовой теории, есть несколько исследований, специально посвященных изучению конституционному правоприменению следующих авторов: С. А. Авакьян [1], Л. О. Мурашко [9], Р. С. Никитин [10] и др. В данных работах в той или иной мере затрагиваются вопросы понимания, сущности и ценности конституционного правоприменения. Также можно встретить и основные признаки данного правового явления.

Исходя из сказанного, первоначально обратим внимание на основные концепции понимания конституционного правоприменения в отечественной юриспруденции. Так, можно согласиться с точкой зрения С. А. Авакьяна, согласно которой «высший смысл конституционного правоприменения проявляется в прямом действии Конституции Российской Федерации, а именно в том, что она учреждает соответствующие общественно-политические, экономические, социальные и государственно-властные отношения» [1, с. 47].

В то же время в ранних размышлениях о взаимосвязи между прямым действием Конституции и конституционным правоприменением мы однозначно пришли к определенному выводу, что они соотносятся друг с другом как общее и частное, как целое и часть. Проще говоря, конституционное правоприменение является динамичным элементом прямого действия Конституции, обеспечивающим эффективное применение ее норм. Применение правовой нормы требует установления воли органа (лица), ее создавшего, и решения вопроса о том, подпадают ли соответствующие общественные отношения под действие данной правовой нормы. Если в рассматриваемой ситуации применяется правовая норма, то правовое воздействие на общественные отношения происходит в полном соответствии с ее содержанием [7, с. 229–247].

В данном случае следует обратиться к понятийному аппарату общей теории права, в рамках которой понятие «реализация» права, тождественно категории «правовое воздействие», поскольку и то и другое предполагают достижение конкретных результатов – соблюдение субъектами правовых запретов, исполнение правовых обязанностей, использование правовых возможностей. При этом в механизме реализации права необходимо выделить два базовых направления: непосредственную реализацию права и применение права как форму его опосредованной реализации. В рамках непосредственной реализации достижение результата правового воздействия обеспечивается деяниями (действиями и бездействиями) непосредственно заинтересованными в этом результате субъектами. Применение права связано с участием в правореализационном процессе специальных субъектов, не извлекающих личных выгод из соответствующих отношений личных выгод и таким образом в достижении конкретных результатов правового воздействия лично не заинтересованных. Если руководствоваться в своих дальнейших рассуждениях изложенными общетеоретическими положениями, то тезис о «прямом действии Конституции» следует понимать в контексте ее реализации. Следовательно, говоря о «прямом действии», мы должны разграничивать непосредственную реализацию Конституции всеми субъектами конституционного права (государством, институтами гражданского общества, гражданами) и ее применение, осуществляемое специальными субъектами (президентом, Конституционным судом, Центральной избирательной комиссией и др.). В данном случае следует согласиться с точкой зрения Р. С. Никитина, предлагающего рассматривать деятельность по применению Конституции РФ как самостоятельный вид правоприменения [10, с. 13].

Безусловно, особое место в механизме конституционного правоприменения занимает Конституционный Суд Российской Федерации. В связи с этим Л. О. Мурашко обращает внимание на то, что «специфика правоприменения в сфере конституционного правосудия определяется сложностью выявления содержания конституционных норм, принципов и ценностей, необходимостью "аксиологического измерения" сложных теоретических построений, как правило, закрепленных в современных конституциях, особой правовой природой решений конституционных судов, и высокой профессиональной правосознанностью судей» [9, с. 6].

Таковы основные подходы к сущности конституционного правоприменения, которые можно рассматривать за основу формируемой концепции.

В то же время в последних научных публикациях мы пришли к однозначному выводу о том, что конституционное правоприменение представляет собой двойственное правовое явление, включающее:

- во-первых, динамическую составляющую – сам процесс применения конституционно-правовых норм;
- во-вторых, статическую составляющую, в виде системы юридических средств (документальных, организационных, материально-технических и др.), обеспечивающих эффективность реализации конституционных норм на практике [16, с. 25].

Именно исходя из такого взгляда на правоприменение конституционных норм, мы продолжим выстраивать логическую цепочку рассуждений о сущности этого правового института.

Наши размышления не будут полными без авторского подхода к определению конституционного правоприменения, которое можно представить как специфический вид организационной деятельности компетентных госу-

дарственных органов, наделённых властными полномочиями в области применения конституционно-правовых норм. Их задача – обеспечить претворение этих норм в жизнь в конкретных жизненных ситуациях, предусмотренных Конституцией Российской Федерации. В этом контексте конституционное правоприменение выступает как особая форма реализации конституционных норм.

Конституционное правопонимание как элемент конституционного правоприменения

Исходя из заявленной темы настоящего исследования, следует сформулировать основной вопрос: возможно ли встроить в «тело» конституционного правоприменения конституционное правопонимание? Каковы аспекты их соотношения? Отвечая на обозначенные вопросы, вполне очевидно, что необходимо уделить внимание современной концепции конституционного правопонимания, после чего определиться с тем, какую роль оно может выполнять в механизме конституционного правоприменения.

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что, прежде чем обосновывать наши представления о конституционном правоприменении с точки зрения конституционного правопонимания, необходимо изначально обратить внимание на само определение «конституционное правопонимание». Еще два десятилетия назад В. Четвернин отмечал: «Правопонимание (определенный тип правопонимания) есть решение (определенный вариант решения) основного вопроса философии права – о соотношении права и власти, права и закона, права и силы» [19, с. 30].

По этому поводу отдельные авторы справедливо отмечают, что «на сегодняшний день конституционное правопонимание является актуальной, чрезвычайно широкой и многогранной, но в то же время недостаточно исследованной темой, в которой многочисленные про-

белы связаны с, казалось бы, общеизвестными и потому недооцененными по своей глубине и проработанности правовыми понятиями, категориями, явлениями, закономерностями. Конституционное правопонимание можно рассматривать как двойственный правовой феномен, включающий в себя как динамические (процесс познания права), так и статические (отношение к праву) аспекты, которые формируются под влиянием формальных, социальных и ценностных аспектов права» [12, с. 85].

Представляя собой системный элемент современного российского права, конституционное правопонимание включает в качестве содержательных составляющих закреплённую на конституционном уровне общетеоретическую типологию правопонимания, а также сформировавшееся на отраслевом уровне понимание и ценностное восприятие конституции и конституционного устройства государства и общества на современном историческом этапе государственно-правового развития.

В настоящий период в рамках конституционной типологии правопонимания представлены как минимум три традиционных подхода: нормативистский, естественно-правовой, историко-социологический. Если же говорить о понимании самой конституции, то следует констатировать трансформацию ортодоксально позитивистской концепции, в рамках которой конституция рассматривалась как фактически неизменная «жесткая» юридическая форма (конституционный текст, изменяемый путем принятия новой конституции), моделью «живой» конституции, для которой характерными являются изменчивость «гибкость» как формального (текстуального) содержания, так и сущностного (субстанционального) наполнения «духа конституции».

Как видно из представленной модели, конституционное правопонимание можно включить в процесс применения конституционных норм как отдельный компонент

познания той или иной нормы, без которого эффективное правоприменение невозможно.

В целом можно согласиться с мнением авторов, которые признают неизученность концепции конституционного правопонимания, что в свою очередь порождает и различные точки зрения на рассматриваемое правовое явление. Например, В. Д. Саттаров включает в основу конституционного правопонимания совокупность правовых ценностей [18, с. 110]. При этом М. Р. Ромашова и В. Ю. Панченко пишут: «Типология и методология правопонимания традиционно изучаются в рамках теоретической и историко-правовой науки, в то время как отраслевая и прикладная юриспруденция в большинстве случаев опирается на нормативную концепцию, согласно которой "действительным" правом являются только те нормы, которые подчинены правовым формам, установленным (признанным) действующим законодательством» [14, с. 379].

Профессор Р. А. Ромашов обращает внимание на то, что в правоприменительной практике продолжает доминировать позитивистский тип правопонимания, при котором источниками права считаются документальные правовые формы (нормативные правовые акты, нормативные договоры), реализуемые как в непосредственных (исполнение, соблюдение, использование), так и в опосредованных (применение) правоотношениях [11, с. 84].

Говоря о проблемах правопонимания, следует отметить, что их успешное решение очень важно не только само по себе как юридическая ценность и самодостаточность, но и в связи со знанием других явлений, неразрывно связанных с понятием права и отражающих их категории и понятия. В частности, речь идет о таких явлениях и понятиях, «производных» от той или иной концепции права, как сущность и содержание права, его роль (функции)

и назначение, механизм правового регулирования, правовая система и система права и т. д. [8, с. 32].

Вместе с тем в юридической литературе нелегко отыскать исчерпывающие сведения о сущности конституционного правопонимания. Так, В. И. Крусс в ходе анализа проблем сущности конституционного правопонимания резонно отмечает, что «правопонимание – это научно-методологическая категория, которая сравнительно недавно стала использоваться на постсоветском пространстве для характеристики типов профессионального правосознания, различие которых основано, в конечном счете, на определенном восприятии генезиса и природы (сущности) права» [5, с. 14].

Тем не менее на сегодняшний день идея конституционного правопонимания получает все большую популярность среди исследователей конституционно-правовой науки. Например, Л. В. Юн приходит к следующему выводу: «Конституционное правопонимание тесно взаимосвязано с конституционным правосудием, поскольку в рамках последнего рождается "истина" спорных правоотношений». Основываясь на этом положении, автор дает более подробную характеристику конституционно-правового понимания как ключевого элемента российского правосудия, отмечая следующие существенные особенности:

- занимает важное место в конституционном правосудии, которое характеризуется осуществлением правоприменительного процесса и принятием окончательных решений;
- в рамках конституционного правопонимания происходит детальный процесс толкования конституционных положений и других норм, закрепленных в российском законодательстве;
- роль конституционного правопонимания определяется доктринальными правовыми позициями, которые ложатся в основу окончательных решений;

■ в процессе применения конституционного правопонимания судьи обнаруживают юридические неопределённости в нормах российского законодательства и устраняют их посредством толкования;

■ конституционное правопонимание находит отражение в ходе изучения материалов дела, представленных в суд [20, с. 42–43].

Нам импонирует данная позиция, так как она отвечает и сущности конституционного правоприменения как особой деятельности по применению конституционных норм, т. е. через такой подход мы в конечном итоге можем определить роль конституционного правопонимания в конституционном правоприменении.

В то же время конституционное правопонимание предполагает доктринальное разъяснение природы основного права; конкретизацию его содержания; оценку нормативных ограничений, нормативных условий и средств, гарантирующих применение закона, а также специализированную правоприменительную практику [6, с. 7].

Для более полного понимания конституционного правопонимания, приведем результаты исследований М. Р. Ромашовой, по мнению которой конституционное правопонимание характеризуется рядом взаимосвязанных признаков, а именно: «1) особая роль в формировании ценностной (аксиологической) и идеологической ориентации субъектов правоотношений, направленной на адекватное восприятие окружающей социально-правовой действительности; 2) целенаправленный (деятельностный) механизм формирования и развития национального конституционализма, являющийся результатом как сознательного, так и бессознательного воздействия на субъекта (как индивидуального, так и коллективного) со стороны окружающих социально-правовых средств и явлений, получивших конституционное закреп-

пление; 3) особенности, присущие населению страны и непосредственно проявляющиеся в национальных традициях и менталитете, правовых обычаях и преимущественно используемых методах разрешения правовых, в том числе конституционных, конфликтов; 4) уникальность национальной конституционно-правовой системы, действующей в конкретном государстве, включая устоявшиеся модели законотворческой и правоприменительной деятельности; 5) конституционно-правовая культура и конституционно-правовая ответственность представителей органов государственной власти и гражданского общества и т. д.» [12, с. 83].

Таким образом, согласимся с тем, что в настоящее время конституционное правопонимание – это отраслевое институциональное образование, объединяющее специализированные нормы (определения, принципы, цели, ценности), которые отражают отношение общества и органов государственной власти к самой Конституции, а также определяют конституционные ценности, характеризующие текущее (относительно определенного исторического этапа/цикла) состояние Российской Федерации, правовую государственную систему и определяют цели ее развития на долгосрочную перспективу [13, с. 89].

Конституционное правопонимание, – пишет А. Р. Гарифуллина, – это концепция, направленная на разъяснение и конкретизацию смысла конституционных положений. Данная концепция является своего рода «моделью», необходимой для урегулирования правового конфликта между участниками конституционного судопроизводства [3, с. 59]. Полагаем, что в этом понимании конституционное правопонимание – это форма интерпретации конституционных норм.

В ранних публикациях мы уже говорили о том, что конституционное правоприменение является формой

интерпретационной деятельности, где пришли к выводу, что интерпретация конституционных норм наполняет конституционное правоприменение содержательным смыслом, придавая последнему динамические характеристики, способствуя достижению эффективности самого процесса применения [15, с. 269]. В данном случае согласимся с Л. О. Мурашко относительно того, что «уточнение ценностного содержания важнейших категорий, закрепленных в конституционном тексте, "генерация" конституционных ценностей, формулирование правовых позиций в решениях относительно конституционно-правового смысла проверяемых норм, адресованных законодателю и правоприменителю сотруднику правоохранительных органов, выявление пробелов в законодательстве Российской Федерации, конституционно-правовая природа определяет особое значение "позитивного законодательства", которое решения конституционных судов имеют для национальных правовых систем» [9, с. 7].

В данном случае интерес представляет и позиция профессора Г. А. Гаджиева, который революционно предлагает вместо дефиниции «интерпретация» использовать более широкое философско-правовое понятие «понимание» применительно к предназначению. Замены понятия необходимы для того, чтобы обратить внимание на постоянный процесс усложнения юридических идей, т. е. усложнения не только юридического мира, но и всей окружающей человека социальной реальности, на дифференциацию научных знаний и вместе с тем их агрегирование [2, с. 38].

Исходя из приведенного, можно с уверенностью предположить, что конституционное правопонимание является неотъемлемым компонентом конституционного правоприменения, так как это обусловлено тем, что в процессе

применения конституционных норм происходит правовое осмысление субъектами изучаемых правовых актов, необходимых для разрешения конкретного случая. При этом большую роль в данном процессе играет сформированное у субъекта конституционного правоприменения *конституционное правосознание*. Несмотря на тот факт, что категория «конституционное правосознание» упоминается в современной отечественной юриспруденции все чаще, теоретические изыскания в части определения содержания и сущности данной категории в отечественной юридической науке, за редким исключением, не стали предметом самостоятельного изучения.

В целом можно указать на то, что в условиях, когда человеческий фактор в правоприменительной деятельности становится все более значимым, наблюдается повышенный интерес к вопросам, касающимся личности субъекта конституционного правоприменения, его профессиональных и личностных качеств, а также к закономерностям формирования конституционного правосознания и к укреплению гарантий обоснованности принимаемых решений.

Существенной ценностной установкой конституционного правосознания, несомненно, являются законность и правопорядок [17, с. 16–19].

Исходя из сказанного, вполне можно предположить, что конституционное правопонимание играет важную роль в процессе толкования конституционных положений, норм российского и международного законодательства, поскольку на момент толкования значения изучаемых нормативных правовых актов, необходимых для разрешения того или иного спора, уясняется и разъясняется [20, с. 43]. В связи с этим считаем возможным отметить, что конституционное правопонимание непосредственно позволяет субъектам конституционного правоприменения принимать решения по своему усмотрению.

В целом конституционное правосознание является неотъемлемой составляющей конституционного понимания и элементом механизма конституционного правоприменения.

На наш взгляд, вопросы конституционного правопонимания продолжают представлять многообещающие возможности для дальнейших научных исследований. Кроме того, изучение этих вопросов может способствовать более глубокому пониманию применения конституционных норм и других правовых концепций, разрешению правовых споров и развитию конституционной теории в целом.

Заключение

В настоящее время, когда исследование конституционного правоприменения может осуществляться с применением разнообразных методологических подходов, необходимо обратиться к общетеоретическим и гуманитарным аспектам правоприменения. Современная наука предоставляет возможность рассмотреть феномен конституционного правоприменения во всем его многообразии, что позволяет приблизиться к пониманию конституционной культуры.

Вместе с тем в рамках представленного исследования была сформулирована основная идея, которая была обозначена во введении и заключается в том, что конституционное правопонимание является неотъемлемым компонентом конституционного правоприменения, так как это обусловлено тем, что в процессе применения конституционных норм происходит правовое осмысление субъектами изучаемых правовых актов, необходимых для разрешения конкретного случая.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Конституционное правоприменение: некоторые проблемы теории и практики // Юридический вестник Дагестанского государственного

университета. – 2018. – Т. 28, № 4. – С. 43–48. DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-43-48. EDN: YRPXRR

2. Гаджиев Г. А. О понимании и правопонимании в конституционном праве // Толкование правовых актов. Право и суд (теоретико-правовой, конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой аспекты): материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Алушта: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2019. – С. 33–58. EDN: ZBAANV

3. Гарифуллина А. Р. Понятие и признаки конституционного правопонимания судей Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. – 2022. – № 10. – С. 58–60. DOI: 10.18572/1812-3791-2022-10-58-60. EDN: XBTDIY

4. Коновалов А. В. Конституционный Суд России и концептуальное правоприменение // Журнал конституционного правосудия. – 2021. – № 6. – С. 1–9. DOI: 10.18572/2072-4144-2021-6-1-9. EDN: EPRMNI

5. Крусс В. И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2011. – № 8 (70). – С. 13–20. EDN: OBFQVR

6. Крусс В. И. «Ювенильный протест» и конституционная законность // Государственная власть и местное самоуправление. – 2022. – № 2. – С. 9–13. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-2-9-13. EDN: WCEBNT

7. Ливеровский А. А. Развитие понятийного аппарата конституционного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 2. – С. 229–247. DOI: 10.17323/2072-8166.2018.2.229.247. EDN: OUOMFJ

8. Мадаев Е. О. Проблемы правопонимания в связи с исследованием доктрины как источника конституционного права // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – № 1. – С. 31–34. EDN: LMBIST

9. Мурашко Л. О. Конституционное правоприменение и его ценностная составляющая // Мониторинг правоприменения. – 2018. – № 3 (28). – С. 4–8. EDN: YTVGRN

10. Никитин Р. С. Понятие и признаки конституционного правоприменения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 1 (12). – С. 12–14. EDN: ONVAID

11. Ромашов Р. А. Особенности правопонимания и правосознания в классической, постклассической и постнеклассической юриспруденции // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 1 (71). – С. 82–100. DOI: 10.35231/18136230_2023_1_82. EDN: YOJMRH

12. Ромашова М. Р. Теория конституционного правопонимания: содержательные и ценностные особенности // *Ius Publicum et Privatum*. – 2023. – № 4 (24). – С. 78–87. DOI: 10.46741/2713-2811.2023.24.4.009. EDN: NSQWHR

13. Ромашова М. Р. Конституционное правопонимание как системный элемент российского федерализма // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 3 (77). – С. 69–91. DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

14. Ромашова М. Р., Панченко В. Ю. Конституционное правопонимание: историко-теоретический и отраслевой аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 378–389. DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389. EDN: JWKALB

15. Самусевич А. Г. Интерпретационная деятельность как форма конституционного правоприменения (часть 1) // Теория государства и права. – 2024. – № 1(35). – С. 259–271. DOI: 10.47905/MATGIP.2024_1_35_259. EDN: PZRAZB

16. Самусевич А. Г. Конституционное правоприменение и прямое действие конституции: вопросы соотношения // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 2. – С. 19–27. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.2. EDN: NURGQZ

17. Сисакьян А. К. К вопросу о влиянии конституционных ценностей при формировании конституционного правосознания // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 5. – С. 16–19. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-5-16-19 EDN: DLXURZ

18. Саттаров В. Д. Аксиологическая основа отечественного конституционного правопонимания // Конституция Российской Федерации: 30 лет со дня принятия: сб. материалов всероссийских научно-практических конференций, посвященных 30-летию со дня принятия Конституции Российской Федерации. – Пермь: Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 107–113. EDN: GYJQER

19. Четвернин В. Российская конституционная концепция правопонимания // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 4 (45). – С. 28–36. EDN: HSLMUB

20. Юн Л. В. Конституционное правопонимание как важный элемент конституционного судопроизводства // Ученые записки Казанского филиала «Российского государственного университета правосудия». – 2023. – Т. 19. – С. 41–44. EDN: PMWNWS

References

1. Avakian, S. A. (2018) *Konstitucionnoe pravoprimerenie: nekotorye problemy teorii i praktiki* [Constitutional law enforcement: some problems of theory and practice]. *Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Bulletin of Dagestan State University*. No. 4. Pp. 43–48. (In Russian). DOI: 10.21779/2224-0241-2018-28-4-43-48. EDN: YRPXRR

2. Gadzhiev, G. A. (2019) О понимании и правопонимании в конституционном праве [On understanding and understanding of law in constitutional law]. *Tolkovanie pravovyh aktov. Pravo i sud (teoretiko-pravovoj, konstitucionno-pravovoj, grazhdansko-pravovoj, trudo-pravovoj aspekty)*. [Interpretation of legal acts. Law and the court (theoretical-legal, constitutional-legal, civil-legal, labor-legal aspects)]. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. Alushta: V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Pp. 33–58. (In Russian). EDN: ZBAANV

3. Garifullina, A. R. (2022) Ponyatie i priznaki konstitucionnogo pravoponimaniya sudej Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [The Concept and Attributes of Constitutional Legal Understanding of Judges of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Rossijskij sud'ya – The Russian judge*. No. 10. Pp. 58–60. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3791-2022-10-58-60. EDN: XBTDIY

4. Konovalov, A. V. (2021) Konstitucionnyj Sud Rossii i konceptual'noe pravoprimerenie [The Constitutional Court of Russia and conceptual law enforcement]. *Zhurnal Konstitucionnogo pravosudiya – Journal of Constitutional Justice*. No. 6. Pp. 1–9. (In Russian). DOI: 10.18572/2072-4144-2021-6-1-9. EDN: EPRMHI

5. Kruss, V. I. (2011) Konstitucionnoe pravoponimanie i zloupotreblenie pravom [Constitutional legal understanding and abuse of law]. *Vestnik RGGU. Seriya «Ekonomika. Upravlenie. Pravo» – Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Economics. Management. The right."* No. 8 (70). Pp. 13–20. (In Russian). EDN: OBFQVR

6. Kruss, V. I. (2022) «YUvenil'nyj protest» i konstitucionnaya zakonnost' [«Juvenile protest» and constitutional legality]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie – State power and local self-government*. No. 2. Pp. 9–13. (In Russian). DOI: 10.18572/1813-1247-2022-2-9-13. EDN: WCEBNT

7. Liverovskii, A. A. (2018) Razvitie ponyatijnogo apparata konstitucionnogo prava [Development of Conceptual Framework of Constitutional Law]. *Pravo. Zhurnal*

Vyshey shkoly ekonomiki – Right. Journal of the Higher School of Economics. No. 2. Pp. 229–247. (In Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2018.2.229.247. EDN: OUOMFJ

8. Madaev, E. O. (2010) Problemy pravoponimaniya v svyazi s issledovaniem doktriny kak istochnika konstitucionnogo prava [Problems of Law Conception Under of the Research Doctrina as the Source of Constitutional Law]. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve – Gaps in Russian legislation*. No. 1. Pp. 31–34. (In Russian). EDN: LMBIST

9. Murashko, L. O. (2018) *Konstitucionnoe pravoprimenenie i ego cennostnaya sostavlyayushchaya* [Constitutional law enforcement and its value component]. *Monitoring pravoprimeneniya – Law enforcement monitoring*. No. 3 (28). Pp. 4–8. (In Russian). EDN: YTVGRN

10. Nikitin, R. S. (2010) Ponyatie i priznaki konstitucionnogo pravoprimeneniya [The concept and signs of constitutional law enforcement]. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii – Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 1 (12). Pp. 12–14. (In Russian). EDN: ONVAID

11. Romashov, R. A. (2023) Osobennosti pravoponimaniya i pravosoznaniya v klassicheskoy, postklassicheskoy i postneklassicheskoy yurisprudencii [Features of legal understanding and legal awareness in classical, post-classical and post-non-classical jurisprudence]. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal – Leningrad legal journal*. No. 1 (71). Pp. 82–100. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2023_1_82. EDN: YOJMRH

12. Romashova, M. R. (2023) Teoriya konstitucionnogo pravoponimaniya: soderzhatel'nye i cennostnye osobennosti [Theory of constitutional law understanding: content and value features]. *Ius Publicum et Privatum – Ius publicum et privatum: online scientific and practical journal of private and public law*. No. 4 (24). Pp. 78–87. (In Russian). DOI: 10.46741/2713-2811.2023.24.4.009. EDN: NSQWHR

13. Romashova, M. R. (2024) Konstitucionnoe pravoponimanie kak sistemnyj element rossijskogo federalizma [Constitutional Legal Understanding as a Systemic Element of Russian Federalism]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 3 (77). Pp. 69–91. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2024_3_69. EDN: DXBMCD

14. Romashova, M. R., Panchenko, V. Yu. (2024) Konstitucionnoe pravoponimanie: istoriko-teoreticheskij i otraslevoj aspekty [Constitutional legal understanding: historical, theoretical and sectoral aspects]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki – Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. No. 28 (2). Pp. 378–389. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2024-28-2-378-389. EDN: JWKALB

15. Samusevich, A. G. (2024) Interpretacionnaya deyatel'nost' kak forma konstitucionnogo pravoprimeneniya (chast' I) [Interpretative activity as a form of constitutional law enforcement: a theoretical aspect (Part I)]. *Teoriya gosudarstva i prava – Theory of State and Law*. No. 1 (35). Pp. 259–271. (In Russian). DOI: 10.47905/MATGIP.2024_1_35_259. EDN: PZRAZB

16. Samusevich, A. G. (2024) Konstitucionnoe pravoprimenenie i pryamoe dejstvie konstitucii: voprosy sootnosheniya [Constitutional Law Enforcement and the Direct Effect of the Constitution: Issues of Correlation]. *Prolog: zhurnal o prave – Prologue: Law Journal*. No. 2. Pp. 19–27. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.2.2. EDN: NURQZ

17. Sisakyan, A. K. (2022) K voprosu o vliyaniy konstitucionnyh cennostej pri formirovani konstitucionnogo pravosoznaniya [On the issue of the influence of constitutional values in the formation of constitutional legal awareness]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo – Constitutional and municipal law*. No. 5. Pp. 16–19. (In Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2022-5-16-19. EDN: DLXURZ

18. Sattarov, V. D. (2023) Aksiologicheskaya osnova otechestvennogo konstitucionnogo pravoponimaniya [The axiological basis of the Russian

constitutional legal understanding]. *Konstituciya Rossijskoj Federacii: 30 let so dnya prinyatiya* [The Constitution of the Russian Federation: 30 years since its adoption]. A collection of materials from the All-Russian scientific and practical conferences dedicated to the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation. Perm: Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. Pp. 107–113. (In Russian). EDN: GYJQER

19. Chetvernin, V. (2003) Rossijskaya konstitucionnaya koncepciya pravoponimaniya [The Russian constitutional concept of legal understanding]. *Konstitucionnoe pravo: vostochnoevropejskoe obozrenie – Constitutional law: Eastern European Review*. No. 4 (45). Pp. 28–36. (In Russian). EDN: HSLMUB

20. Yun, L. V. (2023) Konstitucionnoe pravoponimanie kak vazhnyj element konstitucionnogo sudoproizvodstva [Constitutional legal understanding as an important element of constitutional legal proceedings]. *Uchenye zapiski Kazanskogo filiala «Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya» – Academic Notes of The Kazan Branch of The Russian State University of Justice*. No. 19. Pp. 41–44. (In Russian). EDN: PMWNWS

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Об авторах

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Самусевич Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Иркутск, Российская Федерация; Иркутский национальный технический университет, г. Иркутск, Российская Федерация. ORCID ID: 0000-0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

About the authors

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Honored Scientist Russian Federation, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-9777-8625, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Alexey G. Samusevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russian Federation, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0003-0845-1343, e-mail: samusevich79@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.01.2025
Принята к публикации: 03.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 27 January 2025
Accepted: 03 February 2025
Published: 31 March 2025

Некоторые актуальные вопросы формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица, являющегося одновременно единственным участником общества с ограниченной ответственностью

О. Г. Лазаренкова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Актуальность темы обусловлена тем обстоятельством, что процедура банкротства физического лица, являющегося одновременно единственным учредителем общества с ограниченной ответственностью, является более усложненной по сравнению с обычным банкротством. Объяснением тому являются трудности в разграничении личного имущества данного лица и его доли в уставном фонде хозяйственного общества, подлежащие включению в конкурсную массу, и имущества самой организации, которое не подлежит включению в конкурсную массу. В этой связи важен поиск нестандартных решений арбитражным управляющим для пополнения конкурсной массы, направляемой для удовлетворения требований кредиторов.

Ключевые слова: банкротство физического лица, должник, конкурсная масса, единственный учредитель ООО, доля в ООО, уставной фонд, конкурсный управляющий, конкурсные кредиторы.

Для цитирования: Лазаренкова О. Г. Некоторые актуальные вопросы формирования конкурсной массы при банкротстве физического лица, являющегося одновременно единственным участником общества с ограниченной ответственностью // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 305–319. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_305. EDN: WVUVLA

Original article
UDC 347
EDN: WVUVLA
DOI: 10.35231/18136230_2025_1_305

Some Topical Issues of the Formation of the Bankruptcy Estate in the Bankruptcy of an Individual Who is at the Same Time the Sole Participant of a Limited Liability Company

Olga G. Lazarenkova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article is devoted to the topic, the relevance of which is due to the fact that the bankruptcy procedure of an individual who is at the same time the sole founder of a limited liability company is more complicated compared to ordinary bankruptcy. The explanation for this is the difficulties in distinguishing between the personal property of this person and his share in the authorized capital of the business company, which are subject to inclusion in the bankruptcy estate, and the property of the organization itself, which is not subject to inclusion in the bankruptcy estate. In this regard, it is important for the insolvency practitioner to search for non-standard solutions to replenish the bankruptcy estate sent to satisfy the creditors¹.

Key words: bankruptcy of an individual, debtor, bankruptcy estate, sole founder of an LLC, share in an LLC, authorized capital, bankruptcy manager, bankruptcy creditors claims.

For citation: Lazarenkova, O. G. (2025) Nekotorye aktual'nye voprosy formirovaniya konkursnoy massy pri bankrotstve fizicheskogo litsa, yavlyayushchegosya odnovremenno edinstvennym uchastnikom obshchestva s ogranichennoy otvetstvennost'yu [Some Topical Issues of the Formation of the Bankruptcy Estate in the Bankruptcy of an Individual Who is at the Same Time the Sole Participant of a Limited Liability Company]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 305–319. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_305. EDN: WVUVLA

Введение

Институт банкротства физического лица в настоящее время широко распространен и востребован, поскольку является способом, при помощи которого граждане, оказавшиеся в сложной финансовой ситуации, могут избавиться от долгов перед кредиторами и справиться с материальными трудностями. Он относительно новый для нашего правопорядка, поэтому появившаяся судебная практика сразу высветила ряд проблем, ставших предметом обсуждения в научном сообществе.

Так, возник вопрос о возможности применения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в делах о банкротстве физических лиц, поскольку такая ответственность регламентирована в законе только применительно к банкротству юридических лиц [3, с. 78–83; 4, с. 30–32; 7, с. 168–176]. Для некоторых пришло осознание того, что банкротство гражданина не только благо, но и может повлечь неблагоприятные последствия в виде значительных материальных затрат на процесс его обеспечения, а также ограничение правоспособности [1, с. 182–185; 9, с. 125–131; 16, с. 24–29]. Актуальным оказался вопрос об участии несовершеннолетних в делах о банкротстве. Например, Е. Останина считает, что участие несовершеннолетних в деле о банкротстве – это только часть общей проблемы ответственности несовершеннолетних по денежным обязательствам [11, с. 137]. Не сходит с повестки дня и обсуждение проблемы соблюдения имущественных прав супруга гражданина, объявленного банкротом [2, с. 70–77; 8, с. 4–18; 13, с. 62–69; 14, с. 1034–1037]. В контексте данной проблематики нами ранее также освещалась сложившаяся негативная практика о необоснованных отказах Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестра) в государственной регистрации перехода

права собственности на недвижимость, обремененную залогом в процессе банкротства [10, с. 16–19].

Из этого следует, что банкротство физического лица представляет собой непростую процедуру, которая становится еще более проблематичной, если должник одновременно является единственным учредителем общества с ограниченной ответственностью (ООО). В такой ситуации процесс формирования конкурсной массы, необходимой для погашения долгов перед кредиторами должника, имеет свои специфические особенности. Он связан с необходимостью для финансового управляющего четко разграничивать, какое имущество принадлежит лично должнику как физическому лицу, признанному банкротом; какое имущество было внесено им в качестве доли в уставной капитал хозяйственного общества и какое имущество было передано ООО без увеличения уставного капитала и стало собственностью самого юридического лица. Это связано с тем, что личное имущество должника и имущество, внесенное в качестве вклада в уставной капитал, включаются в конкурсную массу, а имущество, принадлежащее юридическому лицу как самостоятельному субъекту права в результате передачи без увеличения уставного капитала, не включается в конкурсную массу.

Результаты

Формирование конкурсной массы – это главенствующая стадия процедуры банкротства, от нее напрямую зависит достижение ее цели – удовлетворение требований кредиторов. Как уже было отмечено, в конкурсную массу в первую очередь включается личное имущество должника как физического лица. Оно представляет собой объекты гражданского оборота, перечисленные в ст. 128 ГК РФ: вещи, движимые и недвижимые; деньги, в том

числе цифровой рубль; ценные бумаги; имущественные и цифровые права, иное имущество. Исключение – единственное жилье, если оно не является ипотечным, предметы личного пользования и некоторые другие объекты, перечисленные в нормативном акте¹.

В силу прямого указания закона в конкурсную массу включается также доля, которую гражданин-банкрот как единственный учредитель ООО внес в уставной капитал хозяйственного общества². Реальную стоимость этой доли на практике зачастую бывает сложно определить без привлечения независимого специалиста-оценщика, что может затянуть и усложнить процедуру банкротства.

Формируя конкурсную массу, как и при других видах банкротства, финансовый управляющий обязан проверить все сделки должника, совершенные за определенный период до начала процедуры банкротства, на предмет их соответствия закону и отсутствия злоупотреблений. Чтобы подтвердить прозрачность сделок, должнику требуется предоставить полную информацию обо всех совершенных сделках как личных, так и от имени ООО. Соккрытие информации усложняет работу конкурсного управляющего и может привести к имущественным потерям самого должника. На конкурсного управляющего возлагается задача тщательно проанализировать финансовые потоки и операции, чтобы выявить случаи неправомерного вывода средств из ООО в пользу должника. Следует отметить, что для банкротства характерны такие специальные составы сделок, как подозрительные сделки и сделки с неравноценным встречным предоставлением, которые намеренно совершаются с целью вывода активов из-под неблагоприятных послед-

¹ Об исполнительном производстве" (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025): федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 08.10.2007. № 41. Ст. 4849.

² О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190.

ствий в виде обращения взыскания на них и включения в конкурсную массу. Такие сделки подлежат оспариванию в суде по искам конкурсного управляющего и признаются недействительными. А имущество возвращается в конкурсную массу [5, с. 166–190; 6, с. 98–107].

Если учредитель внес имущество в качестве вклада в уставной капитал создаваемого им хозяйственного общества, вещные права на него приобретает само общество, и тем самым его личное имущество отделяется, обособляется от имущества юридического лица. В результате таких действий возникает два объекта для взыскания: личное имущество гражданина-банкрота и его доля в имуществе юридического лица, где он является единственным учредителем.

Данное положение прописано в ст. 213.25 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и подкреплено разъяснениями, данными в постановлении Пленума ВС РФ № 47, где четко обозначено, что в конкурсную массу гражданина включается все его имущество, имеющееся на день принятия арбитражным судом решения о банкротстве гражданина, в том числе может быть включена доля в ООО физического лица-банкрота¹.

Однако могут иметь место ситуации, когда физическое лицо, являющееся единственным учредителем ООО, передает имущество своему обществу, но без увеличения уставного капитала. Это допустимо, поскольку законодательство не отрицает такую возможность внесения вклада в имущество общества с ограниченной ответственностью без увеличения уставного капитала. Это следует из положений ст. 66.1 ГК РФ и ст. 27 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»², согласно которым

¹ О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и расходования конкурсной массы в делах о банкротстве граждан: постановлении Пленума ВС РФ от 25.12.2018 г. № 47.

² Об обществах с ограниченной ответственностью (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024): федер. закон от 08.02.1998. № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.

такой вклад означает безвозмездную передачу участником своему обществу неких благ: денежных средств, долей (акций) в других юридических лицах, движимого и недвижимого имущества и т. п.

При этом уставный капитал не увеличивается, номинальный размер доли единственного участника не меняется, поэтому не возникает необходимость внесения изменений в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ). Подобного рода вклад, внесенный физическим лицом в имущество ООО, характеризуется особым правовым режимом: он является безвозвратным, его нельзя аналогично долгу по договору займа истребовать обратно. Это вложение активов для получения прибыли в будущем, поэтому, с учетом указанных выше признаков, по своей юридической природе может характеризоваться как инвестиция.

Далее следует иметь в виду следующее: если физическое лицо, объявившее себя банкротом, являлось единственным учредителем ООО, то все его права как единственного учредителя, с момента признания его банкротом переходят к финансовому управляющему. С этих пор только он может распоряжаться всем имуществом должника. Однако в п. 5, 6 и 7 ст. 213.25 Закона о банкротстве подчеркнуто, что такие его полномочия не распространяются на имущество, не входящее в конкурсную массу. На это важное положение еще раз обращает внимание ВС РФ в своем постановлении¹.

Отсюда вывод: финансовый управляющий не вправе включить в конкурсную массу имущество физического лица, внесенного в ООО, без увеличения уставного капитала.

¹ О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве): постановление Пленума ВС РФ от 13.10.2015 г. № 15. п. 38.

Этим обстоятельством зачастую пользуются недобросовестные лица, являющиеся единственными учредителями ООО, с целью сокрытия такого имущества от учета, получения неконтролируемого дохода, уклонения от уплаты налогов и в конечном итоге препятствуя включению такого имущества в конкурсную массу, направляемую для погашения требований кредиторов.

Вместе с тем из трактовки этих правовых актов следует, что в конкурсную массу может включаться имущество выявленное или приобретенное после принятия судом решения о признании гражданина банкротом и введения процедуры реализации имущества должника.

Федеральная налоговая служба прямо ориентирует финансовых управляющих выявлять всеми возможными способами имущество для пополнения конкурсной массы¹.

Можно ли подобного рода имущество считать выявленным, и есть ли способы обратить его в конкурсную массу?

Практике известны случаи, когда финансовый управляющий реализовывал данное имущество с публичных торгов, вырученные средства распределял как дивиденды в пользу физического лица как единственного учредителя, после чего обращал взыскание на них в форме дивиденда. В частности, можно привести пример конкретного судебного дела, когда гражданин, являющийся единственным учредителем ООО, внес в качестве вклада без увеличения уставного капитала в имущество организации два нежилых помещения. Впоследствии объявил себя банкротом. Действия финансового управляющего по реализации с публичных торгов этих нежилых помещений оспаривал.

Представляется необходимым проследить последовательность действий финансового управляющего и обо-

¹ Федеральная налоговая служба в письме от 30.12.2021 года № КЧ-4-18/18486 «Обзор судебной практики по спорам, связанным со взысканием убытков финансовых управляющих».

снова их правильность с точки зрения соответствия закону. Так, после передачи двух нежилых помещений обществу с ограниченной ответственностью без увеличения уставного капитала, учредитель утратил свои вещные права на данное имущество, ввиду приобретения его на праве частной собственности созданным им юридическим лицом. Это следует из положений п. 3 ст. 213 ГК РФ и дополнительно разъяснено в актах высших судебных инстанций¹.

В приведенном нами примере на основании такой передачи было зарегистрировано право собственности на два объекта недвижимости за юридическим лицом, в котором банкрот – физическое лицо являлся единственным учредителем, что подтверждает факт регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). По закону единственным доказательством существования зарегистрированного права является государственная регистрация права в Едином государственном реестре недвижимости. После этого оспорить право можно только в судебном порядке².

Поскольку имущество стало принадлежать юридическому лицу, оно, согласно ст. 49 ГК РФ, обособилось, отделилось от имущества его учредителя, в связи с чем прекратилась обязанность общества отвечать по долгам учредителя, а учредителя – отвечать по его долгам. Поэтому и оказалось невозможным обратиться с иском на данные объекты недвижимости.

В соответствии со ст. 49 ГК РФ, целью деятельности ООО как коммерческой организации является извлечение прибыли и распределение ее между участниками.

¹ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015). П. 12.

² О государственной регистрации недвижимости (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025): федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 20.07.2015. № 29 (часть I). Ст. 4344. Ст. 5.

В соответствии со ст. 28. ФЗ «Об ООО», Общество вправе ежеквартально, раз в полгода или раз в год может принимать решение о распределении своей чистой прибыли между участниками ООО. Решение об определении части прибыли общества, распределяемой между участниками ООО, принимается общим собранием участников общества. Прибыль распределяется пропорционально их долям в уставном капитале общества. В случае наличия в ООО единственного учредителя необходимость созыва собрания отсутствует, и составление протокола о распределении не требуется. Прибыль распределяется на основании решения единственного учредителя.

С момента признания физического лица, в отношении которого введена процедура реализации имущества должника, и его доля в уставном капитале общества была включена в конкурсную массу, банкротом, на основании решения суда¹, осуществление прав юридического лица, в том числе принятие решений, относящиеся к компетенции общего собрания, перешло к конкурсному управлению.

Опираясь на вышеперечисленные нормы, финансовый управляющий (являющийся теперь единственным учредителем), по согласованию с назначенным им генеральным директором ООО, приняли оправданное решение, направленное на получение прибыли путем продажи двух нежилых помещений и распределение ее в качестве дивиденда в пользу единственного участника, коим являлось физическое лицо, объявившее себя банкротом. Как они предположили, при выделении ему имущества в качестве дивиденда, произошел переход права собственности от юридического лица в частную собственность физического лица, а соответственно, такое

¹ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // СЗ РФ. 28.10.2002. № 43. Ст. 4190. п. 6 ст. 213. 25.

имущество подлежит включению в конкурсную массу. Сделка была совершена от имени генерального директора, с одобрением ее как крупной, на основании вынесенного решения конкурсным управляющим, выступающим в роли единственного учредителя общества. Таким образом, генеральный директор не вышел за пределы своей правоспособности [12, с. 30–33; 15, с. 53–58]. Объекты недвижимости были оценены независимым оценщиком и реализованы с публичных торгов, с последующим зачислением вырученной суммы на счет ООО и распределением ее в качестве дивиденда.

Гражданин-банкрот был не согласен с действиями финансового управляющего, посчитал их незаконными, нарушающими его имущественные права, и оспорил их в судебном порядке. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении его требований и пришел к выводу, что в данной конкретной ситуации финансовый управляющий избрал допустимый способ для пополнения конкурсной массы должника и погашения задолженности перед кредиторами, Вышестоящий суд подтвердил это решение¹.

Решения судов пыталась оспорить и бывшая супруга гражданина, признанного банкротом, которая в результате раздела совместно нажитого имущества приобрела право на половину доли в хозяйственном обществе. Однако в ее требованиях было также отказано, поскольку в результате раздела она приобрела имущественные права на долю, но не приобрела корпоративных прав, которые возникают только с момента регистрации в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ), что ею не было сделано. Только тогда она смогла бы влиять на принятие решений ООО [8, с. 4–18].

¹ Решение арбитражного суда г. Москвы от 08.07.2022 по делу № А40-178572/21-117-1238. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22.09.2022 № 09АП-55441/2022 по делу № А40-178572/21 // СПС КонсультантПлюс.

Заключение

Банкротство физического лица, являющегося одновременно единственным учредителем ООО, это сложный процесс, требующий высокой квалификации арбитражного управляющего, его профессионального подхода к делу и хорошего знания законодательства, а также складывающейся судебной практики. Четкое разграничение личного имущества, доли в уставном капитале общества и имущества самой организации; прозрачность сделок, а также профессионализм конкурсного управляющего, умеющего находить нестандартные решения для пополнения конкурсной массы – основные составляющие, обеспечивающие эффективность процедуры банкротства и соблюдение интересов кредиторов. Один из неординарных способов пополнения конкурсной массы, примененный финансовым управляющим и признанный судом правомерным, был нами рассмотрен в этой статье. Полагаем, он может служить ориентиром для последующих судебных решений в аналогичных ситуациях, поскольку судебная практика также играет важную роль в формировании правил пополнения конкурсной массы¹.

Список литературы

1. Анисимов В. А. Чумаков Г. В. Положительные и отрицательные стороны банкротства физических // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5–2. – С. 182–185. DOI: 10.23412-2500-1000-2022-2-18-182-185.
2. Ахмеров Э. Р. Гражданин банкротится. Как супругу защитить долю в общем имуществе // Арбитражная практика для юристов. – 2022. – № 11 (87). – С. 70–77. EDN: TXQBUJ
3. Ахмеров Э., Исайчева А. Субсидиарная ответственность наследников. Как развивается практика после определения ВС по делу Шефера // Арбитражная практика для юристов. – 2024. – № 6 (106). – С. 78–83. EDN: QWTLZM
4. Бегичев А. В., Пархоменко А. Д. Проблемы привлечения наследников к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве // Наследственное право. – 2024. – № 4. – С. 30–32. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-4-30-32

¹ О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве: постановление Пленума ВАС РФ от 22.06. 2012 № 35 // СПС КонсультантПлюс.

5. Белоусов И. Оспаривание договоров дарения и обеспечительных сделок как сделок с неравноценным встречным предоставлением в деле о банкротстве // *Цивилистика*. – 2022. – Т. 2. – № 6. – С. 166–190. EDN: CFCZTY
6. Быков В. П., Черникова Е. В., Звездова И. В. Судебная практика рассмотрения споров по оспариванию подозрительных сделок граждан // *Современное право*. – 2023. – № 3. – С. 98–107. DOI: 10.25799/NI.2023.91.89.017
7. Гушин Н. В. Субсидиарная ответственность при банкротстве физических лиц: практические и теоретические аспекты // *Роль суда в регулировании экономической деятельности: сборник статей*. – М.: Русайнс, 2024. – С. 168–176. EDN: KNVNKH
8. Казаков Ю. Ю. Право супруга участника корпорации на приобретение статуса участника и значение судебного решения // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. – 2024. – № 9. – С. 4–18.
9. Кимбар Ю. А., Бессарабова В. В. Новации в законе о банкротстве физических лиц в России // *Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества: материалы IX международной научно-практической конференции* / сост. В. Н. Кривцов, Н. Н. Горбачёв. 2016. – С. 125–131. EDN: XGAWPD
10. Лазаренкова О. Г., Луговик В. Н. Отказ в государственной регистрации перехода права собственности на объект недвижимого имущества, обремененного залогом, по результатам проведения торгов в рамках дела о банкротстве // *Правовые вопросы недвижимости*. – 2022. – № 2. – С. 16–19. EDN: FZLRKO
11. Останина Е. А. Несовершеннолетние как должники: сравнительно-правовое исследование // *Вестник экономического правосудия*. – 2024. – № 5. – С. 137–172.
12. Седгарян К. А. Последствия выхода за пределы полномочий единолично-го исполнительного органа хозяйственного общества // *Гражданское право*. – 2024. – № 1. – С. 30–33. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-1-30-33
13. Степанчук М. В., Шайхутдинова А. И. Должник банкротится. Как супругу взыскать свою долю в общем имуществе // *Арбитражная практика для юристов*. – 2019. – № 10 (50). – С. 62–69. EDN: LMKPJW
14. Рубанова Н. А. Общая совместная собственность супругов: банкротство и ответственность // *Экономика и предпринимательство*. – 2021. – № 2 (127). – С. 1034–1037. DOI: 10.34925/EIP.2021.127.2.205. EDN: JPRSQ
15. Синглеева Б. А., Панин А. В., Аксенов И. Ч. [и др.] Ответственность единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью по законодательству Российской Федерации // *Евразийская адвокатура*. – 2023. – № 4 (63). – С. 53–58. DOI: 10.52068/2304-9839_2023_63_4_53
16. Харитонова Ю. С. Ограничение правоспособности гражданина, признанного банкротом // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2015. – № 9. – С. 24–29. EDN: UHVUAL

References

1. Anisimov, V. A., Chumakov, G. V. (2022) Polozhitelnie i otricatelnie storoni bankrotstva fizicheskikh lic [Positive and negative aspects of bankruptcy of individuals]. *Mejdunarodniy jurnal gumanitarnih i estestvennih nauk International – Journal of Humanities and Natural Sciences*. No. 5–2. Pp. 182–185. (In Russian).
2. Akhmerov, E. R. (2022) Grazhdanin bankrotitsya Kak suprugu zashitit svou dolu v obshem imushestve [Citizen is bankrupt. How to protect a share in common property]. *Arbitrjznaya praktika dlya uristov – Arbitration practice for lawyers*. No. 11 (87). Pp. 70–77. (In Russian).

3. Akhmerov, E. Isaycheva, A. (2024) Subsidiarnaya otvetstvennost naslednikov/ kak razvivaetsya praktika posie opredeleniya BS po delu Syefera [Subsidiary Responsibility of Heirs. How Practice Develops After the Supreme Court Ruling in the Shefer Case]. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov – Arbitration Practice for Lawyers*. No. 6 (106). Pp. 78–83. (In Russian).

4. Begichev, A. V., Parkhomenko, A. D. (2024) Problemi privlecheniya naslednikov k subsidiarnoy otvetstvennosti v delah o bankrotstve [Problems of Attracting Heirs to Subsidiary Responsibility in Bankruptcy Cases]. *Nasledstvennoe pravo – Inheritance Law*. No. 4. Pp. 30–32. (In Russian).

5. Belousov, I. Osparivanie dogovora dareniya i obespechitel'nykh sdelok kak sdelok s neravnocennym vstroenim predstavleniem v dele o bankrotstve [Challenging gift agreements and security transactions as transactions with unequal consideration in a bankruptcy case]. *Civilistika – Civil Law*. Vol. 2. No. 6. Pp. 166–190. (In Russian).

6. Bykov, V. P., Chernikova, E. V., Zvezdova, I. V. (2023) Sudebnaya praktika po osparivaniyu podozritel'nykh sdelok grazhdan [Judicial practice of dispute resolution on challenging suspicious transactions of citizens]. *Sovremennoe pravo – Modern Law*. No. 3. Pp. 98–107. (In Russian).

7. Gushchin, N. V. (2024) Subsidiarnaya otvetstvennost pri bankrotstve fizicheskikh lic: teoreticheskie i prakticheskie aspekty [Subsidiary liability in the bankruptcy of individuals: practical and theoretical aspects]. *Rol suda v regulirovanii ekonomicheskoy deyatel'nosti* [The role of the court in regulating economic activity]. A collection of articles. Pp. 168–176. (In Russian).

8. Zakaznov, Yu. Y. (2024). Pravo supruga uchastnika korporatsii na priobretenie stayusa uchastnika i znachenie sudebnogo resheniya [The right of the spouse of a corporation participant to acquire the status of a participant and the significance of a court decision]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya RF – Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. No. 9. Pp. 4–18. (In Russian).

9. Kimbar, Yu. A., Bessarabova, V. V. (2016) Novatsii v zakone o bankrotstve fizicheskikh lits v Rossii [Innovations in the law on bankruptcy of individuals in Russia]. *Sovremennye innovatsionnye i problem ustoychivogo razvitiya obshchestva* [Modern innovative technologies and problems of sustainable development of society]. Materials of the IX international scientific and practical conference. Comp. V. N. Krivtsov, N. N. G. (In Russian).

10. Lazarenkova, O. G., Lugovik, V. N. (2022) Otkaz v gosudarstvennoy registratsii perehoda prava sobstvennosti na yebekt nedvizhimogo imushchestva, obremenennogo zalogom, po rezultatam provedeniya tovgov v ramkah dela o bankrotstve [Refusal of state registration of the transfer of ownership of an object of real estate encumbered by collateral, based on the results of auctions in the framework of a bankruptcy case]. *Pravovye voprosy nedvizhimosti – Legal issues of real estate*. No. 2. Pp. 16–19. (In Russian).

11. Ostanina, E. A. (2024) Nesovershennoletnie kak dolzhniki sravnitel'no-pravovoe issledovanie [Minors as debtors: a comparative legal study]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya – Bulletin of Economic Justice*. No. 5. Pp. 137–172. (In Russian).

12. Sedgaryan, K. A. (2024) Posledstviya vihoda za predeli polnomoschiy tdnolichnogo ispolnitelnogo organa hozyastvennogo obshchestva [Consequences of going beyond the powers of the sole executive body of a business company]. *Grazhdanskoe pravo – Civil law*. No. 1. Pp. 30–33. (In Russian).

13. Stepanchuk, M. V., Shaykhutdinova, A. I. (2019) Dolzhnik obankrotilsya. Kak suprugu vziskat svou dolu v obshchem imushchestve [Debtor goes bankrupt. How spouse can recover his share in common property]. *Arbitrazhnaya praktika dlya yuristov – Arbitration practice for lawyers*. No. 10 (50). Pp. 33–38. (In Russian).

14. Rubanova, N. A. (2021) Obshchaya sovmestvennoye sobstvennost' spousov: bankrotstvo i otvetstvennost' [Common joint property of spouses: bankruptcy and

responsibility]. *Ekonomika i predprinimatel'stvo – Economy and Entrepreneurship*. No. 2 (127). Pp. 1034–1037. (In Russian).

15. Singleeva, B. A., Panin, A. V., Aksenov, I. Ch. [and others] (2023) Otvetstvennost edinolichnogo ispolnitelnogo organa obschestva s ogranichennoy otvetstvennostu po zakonodatelstvu RF [Liability of the sole executive body of a limited liability company under the legislation of the Russian Federation]. *Evraziyskaya advokatura – Eurasian Advocacy*. No. 4 (63). Pp. 53–58. (In Russian).

16. Kharitonova, Yu. S. (2015) Ogranichenie pravospособnosti grazhdanina, priznannogo bankrotom [Limitation of the legal capacity of a citizen recognized by bankruptcy]. *Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*. No. 9. Pp. 24–29. (In Russian).

Об авторе

Лазаренкова Ольга Григорьевна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-7507-1001, e- mail: Lazarenkova_olga@mail.ru

About the author

Olga G. Lazarenkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-7507-1001, e-mail: Lazarenkova_olga@mail.ru

Поступила в редакцию: 10.02.2025
Принята к публикации: 23.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 10 February 2025
Accepted: 23 February 2025
Published: 31 March 2025

Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия

Е. Г. Шадрина

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Нормы, регулирующие отношения, связанные с возмещением рассматриваемого вреда, содержатся в нормативных правовых актах, относящихся к различным отраслям права, и зачастую вступающие в противоречие друг с другом. В статье исследован ряд проблемных вопросов, касающихся субъектов данного вида обязательств, определения размера вреда с учетом упущенной выгоды. Констатируется, что в современных условиях применение ст. 395 ГК РФ при определении размера причиненного ущерба реабилитированному лицу, а также компенсация морального вреда в случае невыполнения обязанности прокурором принесения извинений будет отвечать принципу генерального деликта.

Ключевые слова: вред, принцип генерального деликта, казна, моральный вред, реабилитация, следовательно, упущенная выгода.

Для цитирования: Шадрина Е. Г. Некоторые вопросы возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 320–339. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_320. EDN: XFMSVO

Some Issues of Compensation for Damage Caused to a Citizen by Illegal Actions of Preliminary Investigation Bodies

Ekaterina G. Shadrina

Pushkin Leningrad State University,
Saint-Petersburg, Russian Federation;
Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The rules governing relations related to compensation for the damage in question are contained in regulatory legal acts related to various branches of law and often conflict with each other. The article examines a number of problematic issues related to the subjects of this type of obligations, determining the amount of damage taking into account lost profits. The author states that in modern conditions, the application of Article 395 of the Civil Code of the Russian Federation when determining the amount of damage caused to a rehabilitated person, as well as compensation for moral damage in the event of failure by the prosecutor to fulfill the obligation to apologize, will meet the principle of general delict.

Key words: harm, principal of general delict, treasury, moral harm, rehabilitation, investigator, lost profit.

For citation: Shadrina, E. G. (2025) Nekotoryye voprosy vozmeshcheniya vreda, prichinennogo grazhdaninu nezakonnyimi deystviyami organov predvaritel'nogo sledstviya [Some Issues of Compensation for Damage Caused to a Citizen by Illegal Actions of Preliminary Investigation Bodies]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 320–339. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_320. EDN: XFMSVO

Введение

В настоящее время ошибки и нарушения законности в уголовном судопроизводстве, допускаемые органами предварительного следствия, оказывают негативное влияние на общественное восприятие как правоохранительных структур, так и всей государственной деятельности. Эти неправомерные действия нередко приводят к гражданско-правовым последствиям, наносящим ущерб и физическим, и юридическим лицам. Существенная необходимость реформирования правоохранительной системы ощущается особенно остро в данной ситуации. Для изменения сложившегося положения требуется соответствующее правовое регулирование, касающееся компенсации ущерба, вызванного незаконными действиями органов предварительного следствия. Лишь когда государство будет нести полную ответственность, без ограничений, за допущенные ошибки и промахи в ходе предварительного следствия, можно будет говорить о формировании правового государства и полноценного гражданского общества в стране.

В текущих условиях нормы, регулирующие отношения, связанные с возмещением подобного вреда, разбросаны по различным нормативным документам: это ч. 2 ГК РФ, гл. 18 УПК РФ, а также БК РФ. Нормативно-правовые акты, часто вступающие в противоречие друг с другом и имеющие множество пробелов и неточностей, оказываются неспособными адекватно разрешать конфликты, которые возникают из-за неправомерных действий органов предварительного следствия. Например, процедура компенсации ущерба юридическим лицам, установленная ст. 139 УПК РФ, отличается от порядка, предусмотренного ст. 1070 ГК РФ. Это подчеркивает значимость пересмотра действующих нормативных актов, чтобы они соответствовали требованиям ГК РФ относительно возмещения

ущерб, вызванного неправомерными действиями. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что суды порой неправильно интерпретируют законы, регулирующие эти отношения.

Нельзя утверждать, что проблемы гражданско-правовой регламентации взаимоотношений по возмещению ущерба не были затронуты в юридической литературе. Тем не менее исследования последних лет касаются преимущественно вопросов ответственности государства за противоправные действия (или бездействие) органов власти. В настоящем исследовании, руководствуясь современными принципами гражданского права, предпринята попытка теоретически осмыслить и проанализировать некоторые проблемы, возникающие в области возмещения ущерба от незаконных действий органов следствия. Особое внимание уделено уточнению субъектов обязательств, а также следованию генерального деликта – полного возмещения ущерба.

Субъекты обязательств по возмещению вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия

В теории права особо подчеркивается значимость детального детерминирования участников, на которых оказывают влияние нормы и запреты [12]. Подобный акцент особенно необходим в контексте обязательства государства по компенсации ущерба, связанного с незаконными действиями органов предварительного следствия России. Главные субъекты в этой конструкции – кредитор, вправе требующий возмещения, и должник, который, согласно ст. 1070 ГК РФ, фигурирует как Российская Федерация, обязующаяся возмещать ущерб из государственной казны. Несмотря на важность этих дефиниций, они

лишь фрагментарно освещают всю сложность динамических взаимосвязей данных обязательств.

В РФ отсутствует универсальный орган, полностью охватывающий предварительное следствие по уголовным делам. Различные ведомства, такие как МВД, ФСБ, а также Следственный комитет, реализуют эти функции в соответствии с подследственностью, определяемой ст. 151 УПК РФ. При этом данные органы выступают не как независимые юридические субъекты, а как структурный элемент государства, действующий от его имени. Таким образом, данные органы не имеют статуса юридических лиц, что исключает их из гражданских правоотношений по возмещению вреда.

В теории гражданского права общепризнанной является концепция участия государства, которое посредством своих учреждений покрывает убытки за счет казны [5, 6]. Это положение описывается как непосредственное участие государства в экономическом обороте, о чем упоминает Е. А. Кирилова [3, с. 7]. Противоположное мнение высказывает А. А. Пантелеева, утверждающая о возможности участия ГУВД по субъекту РФ в правоотношениях, связанных с возмещением ущерба¹, которое нам представляется ошибочным. Все обязанности, связанные с предварительным следствием, возлагаются на конкретных должностных лиц, среди которых главным участником процесса является следователь. Именно он, согласно ч. 1 ст. 38 УПК РФ, осуществляет уголовное преследование, представляя орган предварительного следствия в своей деятельности. Органы предварительного следствия выступают как социально-правовые структуры [9, с. 78], но их действия сами по себе не могут быть источником ущерба. Истин-

¹ Пантелеева А. А. Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями подразделений дознания и предварительного следствия (на примере деятельности горрайорганов внутренних дел): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 151.

ным же источником ущерба в обязательстве по возмещению вреда, нанесённого незаконными действиями этих органов, является следователь. При этом самого следователя нельзя рассматривать как ответственного перед потерпевшим. Государство принимает на себя финансовые обязательства, возникающие из незаконных действий следователя в рамках его служебной деятельности. Как верно отмечается в научной литературе, нельзя считать служебными действиями, если они не входят в его официальные обязанности и продиктованы личными интересами [2, с. 35]. Официальные денежные обязательства Российской Федерации выполняются через её финансовую систему, используя средства казны, включающей активы, не закреплённые за предприятиями. Казна Российского государства, согласно п. 4 ст. 214 ГК РФ, охватывает бюджетные средства и государственное имущество. Все долговые обязательства РФ обеспечиваются собственностью, составляющей казну, и исполняются средствами федерального бюджета в соответствии со ст. 102 БК РФ.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что казна представляет собой комплекс имущества. Статья 1071 ГК РФ с формулировкой, что финансовые органы выступают от имени казны, представляется неприменимой к реальным условиям функционирования, так как имущество не может иметь представительства. Предлагается изменить её редакцию, заменив формулировку «от имени казны» на более четкую: «от имени Российской Федерации, её субъектов или муниципальных образований».

Необходимость соблюдения принципа полного возмещения вреда

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ, принцип генерального деликта предполагает полное возмещение

причиненного вреда. При выборе формы возмещения вреда судебные органы обязаны опираться на исчерпывающий анализ всех обстоятельств дела с акцентом на фундаментальной цели – восстановлении прежнего состояния пострадавшего. Важно обеспечить, чтобы выбранная форма наиболее эффективно защитила законные интересы потерпевшего.

На практике чаще используется компенсация материального вреда через возмещение убытков, что отражает компенсаторный подход. В соответствии с п. 2 ст. 15 ГК РФ, подлежит возмещению не только действительно понесенный ущерб, но и упущенная выгода. В противоположность этому ст. 135 УПК РФ содержит положения только о возмещении фактического ущерба в форме возврата потраченных средств реабилитированного лица. Интерпретация данной статьи позволяет сделать вывод о том, что упущенная выгода не подлежит компенсации при неправомерных действиях органов следствия, так как данная норма носит гражданско-правовой характер и должна применяться совместно с п. 2 ст. 15 ГК РФ, регулирующим компенсацию как фактических убытков, так и недополученной выгоды, а также ст. 1069, 1070 ГК РФ, устанавливающими компенсаторные обязательства в полном объеме. Исключительно пострадавшая сторона обязана предоставить доказательства, определяющие как размер упущенной выгоды, так и фактические потери. По мнению Б. Т. Безлепкина, «гражданам предоставляется возможность обоснованно требовать финансовой возмещения у государства за убытки, несущие причинно-следственную связь с безосновательным уголовным преследованием, что включает материальные потери и недополученные преимущества в бизнес-сфере» [1, с. 88]. Для осуществления точного расчета как материальных убытков, так

и упущенной выгоды необходимо принять во внимание ряд ключевых аспектов.

Пленум ВС РФ применительно к нормам гл. 18 УПК РФ разъяснил, что размер выплат реабилитированному определяется судом с учетом уровня инфляции и индекса роста потребительских цен¹. В связи с этим представляется уместным утверждение Е. В. Павловой о трансформации экономических взаимодействий между физическими и юридическими лицами с фиксированных государственных цен на динамичные рыночные [8, с. 520]. Важно учитывать, что п. 3 ст. 393 ГК РФ предписывает оценивать имущество на основе стоимости, действующей на момент исполнения обязательства или на день подачи иска. Тожественную позицию закрепляет п. 49 постановления Пленумов ВС и ВАС РФ от 01.07.1996². Предусматривается, что в случае существенного изменения цен до дня исполнения судебного решения пострадавшая сторона вправе инициировать процедуру пересмотра стоимости имущества в соответствии с обновлёнными ценами. Что касается размера денежных обязательств, как ранее отмечалось, УПК РФ учитывает инфляцию и изменение индекса потребительских цен. Статьи 117 и 118 УПК РФ предусматривают возможность наложения штрафных санкций судом при невыполнении процессуальных обязанностей, а в случае последующей реабилитации затраченные на эти штрафы средства подлежат возврату. Аналогично, если возложенные, согласно ст. 131–132 УПК РФ, процессуальные издержки были взысканы, их также возвращают при реабилитации. Когда речь идёт о компенсации затрат на юридическую по-

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) // СПС КонсультантПлюс.

² О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 01.07.1996 (ред. от 25.12.2018) // СПС КонсультантПлюс.

мощь, учитывается, что соглашения на такие услуги могут заключать не только сами подозреваемые, но также их родственники, действующие по их поручению. Впоследствии, при реабилитации такие траты компенсируются. Более того, предполагается, что подозреваемый (обвиняемый) может приглашать не одного, а несколько защитников, для которых оплату также следует возместить в случае реабилитации. При этом Конституционный суд РФ ожидает от судебной системы проявления более требовательного отношения к соблюдению принципов разумности и справедливости в вопросах возмещения расходов, понесенных потерпевшими на юридическую помощь¹. В случаях компенсации расходов на транспорт для адвокатов, их проживание и другие неотложные траты, реабилитированным предстоит доказать их необходимость и обоснованность. Подразумевающиеся разумные рамки означают, что компенсация должна совпадать со средней стоимостью таких же расходов в аналогичных условиях. К другим можно отнести те расходы, которые документально подтверждены, в том числе и траты, направленные на реабилитацию.

Возникает вопрос об обязательстве государства компенсировать проценты за использование чужих денежных сумм, согласно ст. 395 ГК РФ, когда в результате неправомерного составления протокола следователем был взыскан штраф с лица, впоследствии реабилитированного. Если такое лицо оплачивает штраф в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 46 БК РФ, указанная сумма поступает в федеральный бюджет. На сегодняшний день суды демонстрируют склонность избегать применения норм ст. 395 ГК РФ в контексте возмещения ущерба, который возник вследствие неправомерных действий государ-

¹ По жалобе гражданина Келяева Ислама Абдулжалиловича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 части первой статьи 135 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 05.02.2015 № 290-О // СПС КонсультантПлюс.

ственных органов, включая органы предварительного следствия [1], с. 220]. Данная позиция была закреплена и ВС РФ: «Поскольку ни гражданским, ни налоговым, ни иным административным законодательством не предусмотрено начисление процентов за пользование чужими денежными средствами на суммы, необоснованно взысканные с юридических и физических лиц в виде экономических (финансовых) санкций налоговыми, таможенными органами, органами ценообразования и другими государственными органами, при удовлетворении требований названных лиц о возврате из соответствующего бюджета этих сумм не подлежат применению нормы, регулирующие ответственность за неисполнение денежного обязательства (ст. 395)»¹.

Позиция, которую занимают суды в данном контексте, противоречит фундаментальному принципу полного возмещения убытков. При реабилитации лица, с которого был взыскан штраф посредством протокола следователя, составленного незаконно, возмещение этой суммы должно отражать не только уровень инфляции (если она присутствует), но и проценты, начисляемые за неправомерное пользование государством чужими финансовыми средствами, как это закреплено в ст. 395 ГК РФ. Такая мотивация основана на следующих аргументах.

Во-первых, из-за незаконных действий государственных органов, включая предварительное следствие, обязательства по возмещению вреда приобретают гражданско-правовой характер, который не меняется от области нарушения. Государство вступает в эти отношения на равных правах с остальными субъектами гражданского права. Как отмечает Л. А. Новоселова, при причинении ущерба действиями государственных органов

¹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) // СПС КонсультантПлюс.

условия и порядок возмещения должны регулироваться нормами гражданского законодательства при отсутствии специальных правил [7, с. 74].

Во-вторых, средства были взысканы в результате незаконных действий предварительного следствия, и с установлением реабилитации лицо получает право на признание этих действий и самой природы взыскания незаконными. Таким образом, пользование государством этими суммами вне законных оснований требует возвращения с процентами за необоснованное использование.

Поэтому, если лицо, которое было реабилитировано, уплатило средства, направленные в государственный бюджет, оно вправе потребовать проценты за их неправомерное использование согласно статье 395 ГК РФ.

Также представляются неоднозначными позиция ВС РФ и судебная практика по определению размера потраченных денег на адвоката с использованием индекса потребительских цен. Если в ранее рассмотренном случае денежными средствами незаконно пользовалось государство, то применительно к денежным средствам, выплаченным за услуги адвоката, данное правило применить нельзя, поскольку нельзя сказать, что в данном случае незаконно пользовался деньгами адвокат, тем более, что за лицом было признано право на реабилитацию, что, несомненно, свидетельствует о хорошей работе адвоката. С другой стороны, если бы лицо не было подвергнуто незаконному уголовному преследованию, денежными средствами он мог распорядиться по своему усмотрению, в том числе получить с них доход с вклада, заключив договор займа и др. В связи с правилом генерального деликта, мы возвращаемся к вопросу упущенной выгоды и полагаем, что в данном случае следует применять не индекс потребительских цен, а ключевую ставку ЦБ РФ по аналогии

ст. 395 ГК РФ. Так, по заявлению о реабилитации по делу С. Петродворцовым районным судом Санкт-Петербурга при определении размера вознаграждения адвоката, подлежащего выплате реабилитированному, расчет выплат с учетом индексации произведен по формуле: $I = СД * (ИПЦ1/100) * (ИПЦ2/100)$ и т. л., где И – сумма выплат с учетом индексации, СД – сумма выплаты без учета индексации, ИПЦ – индекс потребительских цен, ИПЦ 1 – индекс потребительских цен, определенный территориальным органом государственной статистики за месяц, следующий за месяцем выплаты юридической помощи, в процентах к предыдущему месяцу, ИПЦ 2 и др. – последующие индексы вплоть до месяца, предшествующего месяцу, когда выносится постановление¹. При условии исчисления суммы возмещения вреда с учетом ключевой ставки ЦБ РФ взысканная сумма была бы намного выше.

Правило пересмотра периодических выплат, учитывающее показатели инфляции, как, с одной стороны, восполняет утраченные имущественные активы реабилитированного лица, так и, с другой стороны, игнорирует вероятные потери в виде упущенной выгоды. Помимо уровня инфляции, в значительной степени на её тенденции влияет ключевая ставка, но эти показатели демонстрируют различия. На декабрь 2024 г. инфляционные показатели составили 8,88 %, в то время как ключевая ставка Центрального банка России находилась на уровне 21 %². Ввиду значительных различий между этими экономическими параметрами рекомендуется пересмотреть ч. 4 ст. 135 УПК и проводить возмещение периодических выплат, равняясь на ключевую ставку,

¹ Постановление Петродворцового районного суда Санкт-Петербурга от 10.04.2024 по делу № 4/17–2/2024.

² Ключевая ставка Банка России и инфляция [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/inf/ (дата обращения: 14.12.2024).

с целью предотвращения имущественных убытков, вызванных упущенной выгодой.

Неденежная форма возмещения морального вреда

Еще одной формой восстановления нарушенных прав потерпевшего является обязанность прокурора принести извинение реабилитированному от имени государства. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что это императивная обязанность, закрепленная в ч. 1 ст. 136 УПК РФ. Вместе с тем зачастую на практике извинение реабилитированному приносится прокуратурой лишь после соответствующего ходатайства со стороны потерпевшего, а не самостоятельно и по инициативе органов прокуратуры. Так, например, С., привлекался к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 30 ч. 5 ст. 228.1 УК РФ. После возвращения уголовного дела прокурору на основании ст. 237 УПК РФ уголовное преследование в отношении С. было прекращено по реабилитирующему основанию. Однако официальное извинение со стороны прокуратуры С. не последовало до тех пор, пока через два года после получения постановления о прекращении уголовного преследования С. не обратился с жалобой в вышестоящую прокуратуру. И это несмотря на императивность правила, установленного ч. 1 ст. 136 УПК. Такая практика подтверждает тот факт, что данная норма УПК РФ не исполняется надлежащим образом¹. Причиной этому является несовершенство указанной нормы закона в части отсутствия четкого определения субъекта извинений, сроков и процессуальной формы. Также вызывает сомнение с точки зрения достижения целей данного нормативного предписания следующая правовая позиция Конституционного суда РФ – «неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести офици-

¹ Решение Московского районного суда Санкт-Петербурга от 26.03.2024 по делу № 2-2356/2024.

альное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке»¹.

Думается, положения части первой рассматриваемой статьи не случайно были помещены в статью с названием «Возмещение морального вреда». Извинение заключается в том, что прокурор публично заявляет об ошибке, допущенной в ходе предварительного следствия. И это не просто слова, а его нравственный долг [13, с. 242]. Как нами отмечено выше, на практике довольно много случаев, когда реабилитируемые лица сами просят принесения извинений. И такое прошение через обжалование бездействий прокурора еще больше причиняет нравственные страдания лицу, и они (страдания), как думается, в таком случае должны получить денежное выражение. Но для того чтобы определить, что прокурор нарушил обязанность, установленную ч. 1 ст. 136 УПК РФ, необходимо закрепить на законодательном уровне срок исполнения такой обязанности. Следует согласиться с авторами, которые предлагают, учитывая характер совершаемых действий, установить 14-суточный срок на принесение извинений с момента вступления в законную силу правоприменительного акта, влекущего возникновение у лица права на реабилитацию [4, 10]. В случае невыполнения данной обязанности считаем необходимым предоставить право реабилитированному лицу обратиться в порядке гражданского производства с иском о компенсации морального вреда, причиненного непринесением извинений прокурором в установленный срок. Ввиду того, что данное бездействие прокурора является длящимся, то на данные правоотношения следует распространить иной порядок исчисления размера компенсации морального вреда,

¹ По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко: постановление Конституционного суда РФ от 14.11.2017 № 28-П // СПС КонсультантПлюс.

нежели установленный п. 21 постановления Пленума ВС РФ¹, а именно: в качестве критериев определения размера компенсации морального вреда учитывать количество «просроченных» дней со дня, установленного для принесения извинений, до фактического наступления этого обстоятельства, и категорию тяжести преступления, руководствуясь ст. 15 УК РФ.

Заключение

В настоящем исследовании, руководствуясь современными принципами гражданского права, предпринята попытка теоретически осмыслить и практически решить некоторые проблемы, возникающие в области возмещения ущерба от незаконных действий органов предварительного следствия.

Казна Российской Федерации представляет собой комплекс имущества. Статья 1071 ГК РФ с формулировкой, что финансовые органы выступают от имени казны, представляется неприменимой к реальным условиям функционирования, так как имущество не может иметь представительства. Предлагается изменить её редакцию, заменив формулировку «от имени казны» на более четкую: «от имени Российской Федерации, её субъектов или муниципальных образований».

В соответствии с п. 1 ст. 1064 ГК РФ принцип генерального деликта предполагает полное возмещение причиненного вреда. В исследовании теоретически обоснована необходимость изменения судебной практики. При реабилитации лица, с которого были взысканы штраф посредством протокола следователя, либо процессуальные издержки, возмещение этой суммы должно отражать не только уровень инфляции (если она присутствует),

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) // СПС КонсультантПлюс.

но и проценты, начисляемые за неправомерное пользование государством чужими финансовыми средствами, как это закреплено в ст. 395 ГК РФ. Из-за незаконных действий органов предварительного следствия обязательства по возмещению вреда приобретают гражданско-правовой характер, который не меняется от области нарушения. Пользование государством этими суммами вне законных оснований требует их возвращения с процентами за необоснованное использование.

Представляются неоднозначными позиция ВС РФ и судебная практика по определению размера потраченных денег на адвоката с использованием индекса потребительских цен. Правило пересмотра периодических выплат, учитывающее показатели инфляции как, с одной стороны, восполняет утраченные имущественные активы реабилитированного лица, так и, с другой стороны, игнорирует вероятные потери в виде упущенной выгоды. Помимо уровня инфляции, в значительной степени на её тенденции влияет ключевая ставка, но эти показатели демонстрируют различия. Ввиду значительных различий между этими экономическими параметрами рекомендуется пересмотреть ч. 4 ст. 135 УПК РФ и проводить возмещение периодических выплат, равняясь на ключевую ставку с целью предотвращения имущественных убытков, вызванных упущенной выгодой.

Как показывает правоприменительная практика, императивная обязанность, закрепленная в ч. 1 ст. 136 УПК РФ, исполняется прокуратурой лишь после соответствующего ходатайства со стороны потерпевшего либо через использование механизма обжалования бездействия прокурора в части принесения извинений реабилитированному лицу. Такая ситуация причиняет еще больше нравственных страданий лицу, и они (страдания), как думается, должны получить денежное

выражение. В связи этим предлагается в ч. 1 ст. 136 УПК РФ установить пресекательный срок на реализацию обязанностей прокурором, в случае нарушения которых предоставить право реабилитированному лицу обратиться в порядке гражданского производства с иском о компенсации морального вреда, причиненного не-принесением извинений прокурором в установленный срок. В п. 19 постановления Пленума ВС РФ¹, с учетом длящегося характера неисполнения обязанности прокурором, определить в качестве критериев размера компенсации морального вреда количество «просроченных» дней со дня, установленного для принесения извинений, до фактического наступления этого обстоятельства, и категорию тяжести преступления.

В настоящем исследовании нами затронуты лишь некоторые проблемные аспекты возмещения вреда, причиненного гражданину незаконными действиями органов предварительного следствия как межотраслевого правового института. Предпринята попытка их разрешения путем внесения изменений в законодательство и направления судебной практики в русло реализации принципа генерального деликта.

Список литературы

1. Безлепкин Б. Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебными органами. – М.: Акад. МВД СССР, 1979. – 203 с.
2. Звонарев А. А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры // Наука и новации: современные проблемы права: монография / отв. редакторы А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. – М.: Проспект, 2023. – С. 34–42. EDN: GWEIZI
3. Кириллова Е. А. Правовое положение государства как участника гражданских правоотношений // Правовая культура России: прошлое и настоящее: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 08 декабря 2017 г. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2017. – С. 6–9. EDN: LBVFBZ

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2011 № 17 (ред. от 28.06.2022) // СПС КонсультантПлюс.

4. Курманов М. М. Конституционное право на принесение официального извинения прокурором: законодательство и практика // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 3 (231). – С. 161–164. EDN: HGQYND
5. Манукян А. Р., Кирилова Е. А. Концепция правосубъектности государства в гражданских правоотношениях // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 5. – С. 94–98. EDN: ZRMSTX
6. Миннегалиева Л. И. Государство как особый участник гражданских правоотношений // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104–9. – С. 177–178. EDN: PWWPFI
7. Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. – М.: Статут, 2000. – 174 с.
8. Павлова Е. В. Проблемы, возникающие при возмещении имущественного вреда в порядке реабилитации // Вопросы устойчивого развития общества. – 2022. – № 8. – С. 518–522. EDN: HHICYR
9. Прошальгин Р. А. Возмещение вреда, причиненного незаконными действиями органов предварительного следствия. – Барнаул: Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2013. – 182 с. EDN: SCWETJ
10. Татьяна Д. В. Принесение извинения прокурором реабилитированному // 300 лет на страже законности, защиты прав и свобод человека и гражданина: сборник статей, Ижевск, 25 ноября 2021 г. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2021. – С. 169–174. EDN: LDBCQY
11. Федюнин А. Е., Перетятко Н. М. Вопросы совершенствования процессуальной регламентации возмещения реабилитированному имущественного вреда // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 2 (145). – С. 216–227. EDN: KZZJVK
12. Честнов И. Л. Субъект права: дополнительность правового статуса и правовой идентичности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 2 (94). – С. 5–11. EDN: EAWCEL
13. Шадрина Е. Г. К вопросу о необходимости комплексного научного исследования института государственного обвинения // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 4 (42). – С. 239–247. EDN: VJUUYV

References

1. Bezlepkina, B. T. (1979) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo grazhdaninu sudebno-sledstvennymi organami* [compensation for damage caused to a citizen by judicial and investigative bodies]. Moscow: Akad. MVD SSSR. (In Russian).
2. Zvonarev, A. A. (2023) *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo nezakonnymi deystviyami organov dozvaniya, predvaritel'nogo sledstviya, prokuratury* [Compensation for damage caused by illegal actions of the investigative bodies, preliminary investigation, and the prosecutor's office]. *Nauka i novacii: sovremennye problemy prava: monografiya* [Science and Innovation: Modern Problems of Law: Monograph]. Moscow: Prospekt. Pp. 34–42. (In Russian). EDN: GWEIZI
3. Kirillova, E. A. (2017) *Pravovoe polozhenie gosudarstva kak uchastnika grazhdanskikh pravootnoshenij* [Legal status of the state as a participant in civil legal relations]. *Pravovaya kul'tura Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Legal Culture of Russia: Past and Present]. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, December 08, 2017. Bryansk: Bryanskij gosudarstvennyj inzhenerno-tekhnologicheskij universitet. Pp. 6–9. (In Russian). EDN: LBVFBZ

4. Kurmanov, M. M. (2024) Konstitucionnoe pravo na prinesenie oficial'nogo izvineniya prokurorom: zakonodatel'stvo i praktika [Constitutional right to an official apology by the prosecutor: legislation and practice]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika – Law and state: theory and practice*. No. 3 (231). Pp. 161–164. (In Russian). EDN: HGQYHD
5. Manukyan, A. R., Kirilova, E. A. (2017) Konceptiya pravosub'ektnosti gosudarstva v grazhdanskih pravootnosheniyah [The concept of legal personality of the state in civil legal relations]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki – Problems of Economics and Legal Practice*. No. 5. Pp. 94–98. (In Russian). EDN: ZRMSTX
6. Minnegalieva, L. I. (2023) Gosudarstvo kak osobyj uchastnik grazhdanskih pravootnoshenij [The State as a Special Participant in Civil Legal Relations]. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya – Trends in the Development of Science and Education*. No. 104–9. Pp. 177–178. (In Russian). EDN: PWMPFI
7. Novoselova, L. A. (2000) *Procenty po denezhnym obyazatel'stvam* [Interest on monetary obligations]. Moscow: Statut. (In Russian).
8. Pavlova, E. V. Problemy, vznikayushchie pri vozmeshchenii imushchestvennogo vreda v poryadke rehabilitatsii [Problems arising in compensation for property damage in the order of rehabilitation]. *Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva – Issues of sustainable development of society*. No. 8. Pp. 518–522. (In Russian). EDN: HHICYR
9. Proshchalygin, R. A. (2013) *Vozmeshchenie vreda, prichinnennogo nezakonnymi dejstviyami organov predvaritel'nogo sledstviya* [Compensation for damage caused by illegal actions of preliminary investigation bodies]. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. (In Russian). EDN: SCWETJ
10. Tat'yanin, D. V. (2021) Prinesenie izvineniya prokurorom reabilitirovannomu [Apology by the prosecutor to the rehabilitated person]. *300 let na strazhe zakonnosti, zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanina: sbornik statej* [300 years on guard of the rule of law, protection of human and civil rights and freedoms: collection of articles]. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet. Pp. 169–174. (In Russian). EDN: LDBCCY
11. Fedyunin, A. E., Peretyat'ko, N. M. (2022) Voprosy sovershenstvovaniya processual'noj reglamentatsii vozmeshcheniya reabilitirovannomu imushchestvennogo vreda [Issues of improving the procedural regulation of compensation for property damage to a rehabilitated person]. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii – Bulletin of the Saratov State Law Academy*. No. 2 (145). Pp. 216–227. (In Russian). EDN: KZZJVK
12. Chestnov, I. L. (2023) Sub'ekt prava: dopolnitel'nost' pravovogo statusa i pravovoj identichnosti [Subject of law: complementarity of legal status and legal identity]. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. No. 2 (94). Pp. 5–11. (In Russian). EDN: EAWCEL
13. Shadrina, E. G. (2015) K voprosu o neobходимosti kompleksnogo nauchnogo issledovaniya instituta gosudarstvennogo obvineniya [On the issue of the need for a comprehensive scientific study of the institution of public prosecution]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Law Journal*. No. 4 (42). Pp. 239–247. (In Russian). EDN: VJUYVT

Об авторе

Шадрина Екатерина Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-4412-8626, e-mail: kshadrina@yandex.ru

About the author

Eкатерина G. Shadrina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-4412-8626, e-mail: kshadrina@yandex.ru

*Поступила в редакцию: 15.12.2024
Принята к публикации: 21.01.2025
Опубликована: 30.03.2025*

*Received: 15 December 2024
Accepted: 21 January 2025
Published: 30 March 2025*

Ответственность за нарушение правил дорожного движения в российском и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект

А. М. Павлик

Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье рассмотрены вопросы ответственности за нарушение правил дорожного движения в российском и зарубежном уголовном законодательстве. Дано понятие дорожно-транспортных преступлений, проведена их классификация. Проанализировано современное состояние преступности, связанной с нарушением правил дорожного движения в Российской Федерации. Рассмотрено международно-правовое регулирование безопасности дорожного движения, а также уголовное законодательство отдельных зарубежных стран об ответственности за нарушение правил дорожного движения. В рамках сравнительно-правового анализа установлены как общие признаки, так и существенные отличия привлечения к уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления. В заключение сформулированы предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства от ответственности за нарушение правил дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, уголовная ответственность, проблемы квалификации, сравнительно-правовой аспект, уголовно-правовые меры предупреждения, совершенствование уголовного законодательства, освобождение от уголовной ответственности.

Для цитирования: Павлик А. М. Ответственность за нарушение правил дорожного движения в российском и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 340–359. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_340. EDN: VIWWRS

Responsibility for Traffic Violations in Russian and Foreign Criminal Legislation: A Comparative Legal Aspect

Alexander M. Pavlik

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article examines the issues of liability for violation of traffic rules in Russian and foreign criminal legislation. The concept of road traffic crimes is given, their classification is carried out. The current state of crime related to violation of traffic rules in the Russian Federation is analyzed. International legal regulation of road safety, as well as criminal legislation of individual foreign countries on liability for violation of traffic rules are considered. Within the framework of comparative legal analysis, both common features and significant differences in criminal liability for road traffic crimes are established. In conclusion, proposals are formed for improving domestic criminal legislation on liability for violation of traffic rules.

Key words: road safety, criminal liability, problems of qualification, comparative legal aspect, criminal law prevention measures, improvement of criminal legislation, exemption from criminal liability.

For citation: Pavlik, A. M. (2025) 'Otvetstvennost' za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya v rossiyskom i zarubezhnom ugolovnom zakonodatel'stve: sravnitel'no-pravovoy aspekt [Responsibility for Traffic Violations in Russian and Foreign Criminal Legislation: A Comparative Legal Aspect]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 340–359. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_340. EDN: VIWWRS

Введение

Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из приоритетных направлений в деятельности любого государства. Российским законодателем предусмотрены различные меры по защите общественных отношений, обеспечивающих безопасность участников дорожного движения.

Вместе с тем правоприменительная практика в данной области зачастую сталкивается с трудностями при квалификации дорожно-транспортных преступлений, идентификации объекта и предмета данных составов, что непосредственно влияет в целом на правовую оценку деяний и, как следствие, на справедливость и законность вынесенных судебных решений. Несмотря на существующие усилия и меры, направленные на улучшение дорожной безопасности, число дорожно-транспортных происшествий и связанных с ними преступлений остается высоким, что указывает на необходимость более глубокого анализа существующих правовых норм и практик их применения.

Современное состояние преступности, связанной с нарушением правил дорожного движения

За период январь-декабрь 2022 г. в Российской Федерации было зарегистрировано 126 705 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, в результате которых 14 172 чел погибли и 159 635 получили травмы¹. За аналогичный период 2023 г., в Российской Федерации было зарегистрировано 132 466 дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими, в результате которых погибло 14 504 чел и 166 500 получили травмы². Из приведенных показателей мы видим как эскалацию заре-

¹ Показатели состояния безопасности дорожного движения январь-декабрь 2022 года. Статистика // Официальный сайт Госавтоинспекции [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.gibdd.ru>. (дата обращения: 12.12.2024).

² Там же.

гистрированных дорожно-транспортных происшествий с пострадавшими в целом, так и увеличение показателей смертности и травматизма на дорогах нашей страны.

Важно также отметить, что каждое девятое дорожно-транспортное происшествие произошло в состоянии опьянения водителей, что подчеркивает необходимость усиления внимания со стороны уполномоченных лиц государственных органов за выполнением требований владельцев транспортных средств по соблюдению правил дорожного движения.

Правила дорожного движения (ПДД), являющиеся основным нормативным актом в этой сфере, отражают текущий уровень автомобилизации страны и требуют регулярной корректировки в соответствии с изменениями в обществе и технологиях. Вместе с тем уголовно-правовое регулирование направлено на гарантирование соблюдения этих правил.

Проблемы предупреждения дорожно-транспортных происшествий уголовно-правовыми мерами имеют место также из-за технологического прогресса в сфере транспортных средств, связанного с внедрением беспилотных автомобилей и новых видов мобильности, что создает дополнительные вызовы для правовой системы. В этом контексте становится очевидной необходимость адаптации нормативно-правовой базы и совершенствования механизмов правоприменения.

Российским уголовным законодательством предусмотрены следующие нормы об ответственности за нарушение ПДД:

- нарушение ПДД и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ);
- управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ);

- нарушение ПДД лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264.2 УК РФ);
- управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ)¹.

В свете статистических данных о дорожно-транспортных преступлениях исследование уголовной ответственности за нарушение ПДД представляется актуальным и важным для разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики его применения, направленных на повышение безопасности на дорогах и снижение криминогенной ситуации, что в свою очередь способствует защите прав и законных интересов участников дорожного движения и повышению общественной безопасности.

Международно-правовое регулирование безопасности дорожного движения

В целях снижения травматизма и смертности на дорогах России путем совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за дорожно-транспортные преступления целесообразно, на наш взгляд, обратиться к законодательству зарубежных стран об ответственности за рассматриваемый вид преступности. Так, исследование зарубежного законодательства и положительного зарубежного опыта борьбы с тем или иным видом преступности позволяет, на наш взгляд, позаимствовать построение такого законодательства и на его основе разработанные в государстве меры противодействия. Без изучения зарубежного опыта борьбы с преступностью любое исследование, полагаем, выглядит неполным, что

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.

и не позволяет сделать полноценно обоснованные выводы. Более того, изучая построение уголовно-правовых норм зарубежного законодательства, открывается возможность выявить как позитивные, так и негативные моменты – сделать сравнительно-правовой анализ норм об ответственности за исследуемые преступления.

Нельзя не согласиться с В. В. Лунеевым о том, что на состояние, структуру и динамику того или иного вида преступности особо не влияет разный уровень экономического развития государства, особенности его политического устройства, традиции общества [9, с. 290–300].

В связи с этим целесообразно, на наш взгляд, провести сравнительный анализ и остановиться на самом прогрессивном и современном подходе противодействия той или иной преступности. О положительной роли сравнительного права совершенно точно в своей работе отмечает Р. Давид, указывая, что у тех соискателей, которые в исследованиях применяют сравнительное право, открываются новые горизонты ознакомления с совершенно новыми нормами и системами. Такой подход, несомненно, заряжает исследователей идеями и их обоснованностью, которые невозможно получить, имея знания только собственного права [4, с. 24].

Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства существенно повышает значимость любого научного исследования в связи с тем, что в ч. 2 ст. 1 УК РФ законодатель предусмотрел принципы и нормы международного права в качестве одного из основных (обязательных) источников российского уголовного права. Данное закрепление, несомненно, означает то, что российское уголовное законодательство выведено на мировой уровень. Это, в свою очередь, обязывает Россию в своей правотворческой деятельности ориентироваться на международные соглашения и конвенции.

Исследование зарубежного законодательства и положительного зарубежного опыта борьбы с дорожно-транспортными преступлениями целесообразно еще и в связи с тем, что зарубежное нормотворчество в исследуемой сфере имеет более долгий путь развития и является, на наш взгляд, более качественным. Во-первых, автомобильный транспорт за рубежом стал развиваться раньше, а вместе с ним и законодательство, регулирующее безопасность дорожного движения. Во-вторых, как уже отмечалось ранее в нашем исследовании, безопасность на российских дорогах значительно уступает безопасности на дорогах стран Европы и США.

По этому поводу Ф. М. Решетников отмечает, что сегодня заслуживают внимания уголовно-правовые нормы зарубежного законодательства об ответственности за нарушение правил дорожного движения именно тех стран, где такие преступления совершаются крайне редко. Причиной тому является многочисленность таких норм и грамотно продуманная их конструкция. В связи с этим исследование зарубежного положительного опыта противодействия уголовно-правовыми мерами дорожно-транспортным преступлениям позволит нам установить необходимые признаки составов преступлений, связанных с нарушением ПДД, а также выявить пробелы отечественного уголовного законодательства об ответственности за рассматриваемые преступления [13, с. 128].

Международное сотрудничество сегодня невозможно без использования автотранспорта. Так, Н. И. Исаев полагает, что автомобильное движение способствует расширению межгосударственного сотрудничества, а сфера обеспечения безопасности на дорогах относится к активно развивающимся направлениям такого сотрудничества [6, с. 39].

В целях обеспечения безопасного использования автотранспорта между государствами приняты конвенции

и подписаны договоры. На сегодняшний день во многих странах мира правоприменитель в своей деятельности в качестве правовой основы в противодействии дорожно-транспортным преступлениям руководствуется следующими международными нормативно-правовыми актами и документами:

- Конвенция о дорожном движении 1968 г.¹;
- Конвенция о дорожных знаках и сигналах 1968 г.²;
- Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах (Женева, 1 марта 1973 г.)³;
- Соглашение о минимальных требованиях, касающихся выдачи и действительности водительских удостоверений (СВУ), от 1 апреля 1975 г.⁴;
- Соглашение о принятии единообразных условий для периодических технических осмотров колесных транспортных средств и о взаимном признании таких осмотров. Одобрено на Конференции ЕЭК ООН 13 ноября 1997 г.⁵

Вышеперечисленные международные документы о безопасности дорожного движения приняты достаточно давно, в связи с чем в научных кругах высказываются предложения о принятии новых актов в рассматриваемой области. Однако, думается, такой необходимости нет в силу постоянных внесений в них изменений и дополнений. Наличие же единых для всех стран правил дорожного движения способно создать безопасные условия сотрудничества с использованием автотранспорта. Вместе

¹ Конвенция о дорожном движении (Вена, 8 ноября 1968 г.) (с изменениями и дополнениями). Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. № 5938-VIII с.: сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1979 г., вып. XXXIII. С. 385.

² Конвенция о дорожных знаках и сигналах (Вена, 8 ноября 1968 г.) (с изменениями и дополнениями). Ратифицирована Указом Президиума ВС СССР от 29 апреля 1974 г. № 5939-VIII с. // СПС ГАРАНТ.

³ Протокол о разметке дорог к Европейскому соглашению, дополняющему Конвенцию о дорожных знаках и сигналах (Женева, 1 марта 1973 г.) // СПС ГАРАНТ.

⁴ Соглашение о минимальных требованиях, касающихся выдачи и действительности водительских удостоверений (СВУ), от 1 апреля 1975 г. // СПС ГАРАНТ.

⁵ Соглашение о принятии единообразных условий для периодических технических осмотров колесных транспортных средств и о взаимном признании таких осмотров // СПС ГАРАНТ.

с тем исследование специальной литературы [12, с. 134] позволяет сделать вывод о том, что, во-первых, не всеми странами ратифицированы вышеуказанные международные нормативно-правовые акты в области безопасности дорожного движения, а во-вторых, в разных странах предусмотрены различные меры уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления.

Уголовно-правовой анализ зарубежного законодательства в сфере безопасности дорожного движения

Уголовное законодательство зарубежных стран об ответственности за нарушение ПДД и международный опыт борьбы с дорожно-транспортными преступлениями в разное время изучали такие ученые, как Л. В. Любимов [11], А. Ш. Габдрахманов [3], И. В. Танага [15], С. А. Комарикова [7], Д. В. Собин [14], М. В. Афанасьев [2], Г. Ш. Аюпова [1], А. М. Зокина [5].

Различный подход к наказанию за одни и те же дорожно-транспортные преступления в разных странах, ратифицировавших одни и те же международные нормативно-правовые акты, на наш взгляд, объясняется наличием различных исторических, политических, экономических и культурных предпосылок, правовых традиций в разных странах.

Однозначно к общим признакам в рамках исследования дорожно-транспортных преступлений можно отнести бланкетность рассматриваемых уголовно-правовых норм в законодательстве всех стран, когда наступление уголовной ответственности зависит от положений других отраслей права.

В связи с этим рассмотрим законодательство и опыт борьбы с такими дорожно-транспортными преступлениями, как нарушение правил дорожного движения и экс-

плуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ); управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.1 УК РФ); нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами (ст. 264.2 УК РФ); управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264.3 УК РФ) в странах дальнего и ближнего зарубежья.

В Уголовном кодексе Германии законодатель предусмотрел § 315с (Нарушение правил безопасности дорожного движения) в разделе 28 «Общепасные наказуемые деяния»¹. Обращает на себя внимание конструкция рассматриваемой уголовно-правовой нормы, а именно сходство с российским уголовным законодательством в том, что условием наступления уголовной ответственности является наличие в общественно опасном деянии не только нарушения установленных ПДД, но и последствий в виде причинения вреда здоровью или жизни другому человеку. Вместе с тем следует указать и еще на одну особенность конструкции рассматриваемой уголовно-правовой нормы: в частях второй и третьей предусмотрены менее опасные деяния с более мягкими, чем в части первой, санкциями. Так, по ч. 1 § 315с УК Германии наказание предусмотрено до пяти лет лишения свободы, а по ч. 2 и ч. 3 этой же статьи – до двух лет лишения свободы².

В § 316 УК Германии предусмотрена ответственность за управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения³. Санкция статьи за данное преступ-

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyi_Kodeks (дата обращения: 27.12.2024).

² Там же.

³ Там же.

пление предусматривает еще более мягкое наказание, чем ч. 1–3 § 315с УК Германии – до одного года лишения свободы¹. В содержании диспозиции данной нормы имеются ссылки на статьи этой же главы, в целях детализации рассматриваемого деяния.

Следует также указать на то, что § 316 УК Германии имеет отличия его от конструкции подобной нормы – ст. 264.1 УК РФ (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) в той части, что УК Германии признает преступным однократное управление транспортным средством лицом в состоянии опьянения. Законодатель Германии, как мы видим, считает рассматриваемое поведение преступным в силу того, что оно создает опасность для общества.

В § 142 УК Германии предусмотрена ответственность за незаконное оставление места дорожно-транспортного происшествия². Особенность данной уголовно-правовой нормы заключается в том, что она предусматривает ответственность как в отношении лиц, нарушивших ПДД, так и для тех лиц, кто их не нарушал. Так, если лицо всего лишь оказалось участником дорожно-транспортного происшествия и покинуло место преступления, то может быть подвергнуто наказанию до трех лет лишения свободы³.

В уголовном законодательстве Республики Польша содержатся нормы об ответственности за нарушение правил дорожного движения как предусматривающие обязательное наступление последствий в виде причинения вреда здоровью или жизни человека, так и ограничивающиеся только совершением общественно опасного деяния. Так, например, по ст. 173 УК Республики Польша

¹ Уголовный кодекс Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyi_Kodeks (дата обращения: 27.12.2024).

² Там же.

³ Там же.

ответственность наступает за создание катастрофы при движении транспорта, если это связано с угрозой для жизни или здоровья населения либо с угрозой причинения чужому имуществу ущерба в крупном размере¹. Формальные по конструкции объективной стороны составы содержатся также в ст. 174–175 УК Республики Польша, где ответственность наступает за вызов своими действиями угрозы транспортной катастрофы либо приготовление к такому преступлению. В ст. 178-а УК Республики Польша также не предусмотрены последствия за управление транспортным средством в состоянии опьянения и ответственность наступает уже только за данное деяние².

Материальных составов преступлений по конструкции объективной стороны в польском уголовном законодательстве содержится значительно больше. Это как квалифицированные виды рассмотренных нами преступлений, так и самостоятельные. Так, например, ст. 177 УК Республики Польша конструкции напоминает ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств)³. Однако указания на конкретную тяжесть вреда здоровью, как в ч. 1 ст. 264 УК РФ, в ст. 177 УК Республики Польша нет⁴. В квалифицированном виде ст. 177 УК Республики Польша уже указывается на конкретное последствие – смерть человека. В отличие от российского уголовного законодательства в польском отсутствует дифференциация уголовной ответственности в зависимости от причинения вреда в результате дорожно-транспортного преступления в состоянии опьянения, либо повлекшее смерть двух или более человек. На наш взгляд, в отечественном уголов-

¹ Уголовный кодекс Республики Польша [Электронный ресурс]. URL: https://www.studmed.ru/view/ugolovnyy-kodeks-respubliki-polsha_aa5a60bca9c.html?page=14 (дата обращения: 29.12.2024).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

ном законодательстве данный вопрос с точки зрения степени общественной опасности деяния и наказания в большей степени отвечает требованиям принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

Вместе с тем заслуживает внимания подход законодателя в ст. 177 УК Республики Польша относительно того, когда в результате дорожно-транспортного преступления вред здоровью или жизни человека причиняется по вине близкого. В таких случаях уголовное дело в Польше возбуждается только по заявлению потерпевшего.

Сходство рассматриваемых уголовно-правовых норм об ответственности за нарушение правил дорожного движения также заключается и в том, что в Уголовном кодексе России и в Уголовном кодексе Республики Польша вина может быть как умышленной, так и неосторожной.

В ст. 221–6 УК Франции предусмотрена ответственность за неосторожное исполнении обязанностей по безопасности, повлекшее причинение смерти человеку¹. В рассматриваемой уголовно-правовой норме французский законодатель предусмотрел наказание до трех лет тюремного заключения со штрафом в размере 300 тыс. франков. Помимо этого, в ст. 221–8 УК Франции законодатель предусмотрел дополнительное наказание в виде лишения водительского удостоверения сроком до пяти лет².

В Уголовном кодексе Испании законодатель также предусмотрел ряд норм об ответственности за дорожно-транспортные преступления³. Так, в соответствии со ст. 383 УК Испании ответственность наступает за причинение ущерба от дорожно-транспортного

¹ Уголовный кодекс Франции / науч. редактирование Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой; перевод с французского Н. Е. Крыловой. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 174–175.

² Там же. С. 176.

³ Уголовный кодекс Испании [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Criminal_Code_\(Spain\)](https://ru.zahn-info-portal.de/wiki/Criminal_Code_(Spain)) (дата обращения: 29.12.2024).

происшествия. Вместе с тем в ст. 383 УК Испании наказание за совершенное преступление законодатель не предусмотрел, указав лишь на то, что оно может быть более тяжким, по сравнению с наказаниями, предусмотренными в ст. 379, 381, 382 УК Испании. Кроме этого, при назначении судом наказания в ст. 383 УК Испании законодатель отсылает к ст. 66 данного кодекса, содержащейся в Разделе III (О телесных повреждениях).

На наш взгляд, такой подход испанского законодателя к конструкции уголовно-правовых норм об ответственности за дорожно-транспортные преступления не только неудобен для правоприменителя, но и имеет предпосылки расширительного толкования норм при их применении в связи с постоянным обращением к общим нормам против личности.

А. Е. Линкевич выделяет Уголовный кодекс Республики Беларусь среди других постсоветских законодательств за его уникальность, новаторство и прогрессивные положения. Он подчеркивает, что кодекс тесно интегрирован с принципами и нормами международного права, что делает его особенно важным и отличительным на фоне других национальных законодательств в регионе [10, с. 158–162].

Уголовное законодательство Республики Беларусь во многом схоже с российским, что обусловлено совместным историческим путем, культурными связями и общими правовыми традициями стран постсоветского пространства. Отличие заключается в деталях регулирования правил безопасности дорожного движения, где белорусский УК в ст. 317, 317.1, 318 и 321 подробно описывает ответственность за нарушения, аналогичные российским ст. 264, 264.1, 266 и 268 УК РФ, но с особым вниманием к последствиям средней тяжести. Важной особенностью является учет действий, направленных на минимизацию

вреда и ответственность за допуск к управлению транспортом лиц в состоянии опьянения¹.

Уголовный кодекс Республики Молдова, принятый 18 апреля 2002 г., в гл. 12 подробно описывает «Транспортные преступления», включая ст. 264, 264-1, и 266, которые рассматривают управление в состоянии опьянения и оставление места дорожно-транспортного происшествия как отдельные преступления. Это подход отличается от российского законодательства, предоставляя уникальную перспективу на уголовную ответственность в контексте транспортных нарушений².

В. В. Кусакин в своей работе [8, с. 137] указывает на разнообразие подходов к уголовной ответственности за нарушения правил дорожного движения в разных странах, особенно при учете алкогольного опьянения водителей. Некоторые страны рассматривают это состояние как квалифицирующий признак, другие – какотягчающее обстоятельство или нейтральный фактор. Также отмечается различие в оценке последствий нарушений, где в одних странах акцентируется внимание на вреде здоровью, а в других – на имущественном ущербе. Критикуется декриминализацию действия, связанного с оставлением места дорожно-транспортного происшествия в России, указывая на высокий процент нераскрытых преступлений.

Анализируя уголовное законодательство различных стран, можно заметить уникальные подходы к ответственности за нарушения ПДД. Это свидетельствует о признании общественной опасности таких деяний. Разнообразие в регулировании, наличие квалифицирующих признаков и мер ответственности подчеркивают, что

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З. Принят Палатой представителей 2 июня 1999 года. Одобрен Советом Республики 24 июня 1999 года [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--ctbcgfviccvibf9bq8k.xn--90ais/> (дата обращения: 29.12.2024).

² Уголовный кодекс Республики Молдова, принятый 18 апреля 2002 года [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения: 29.12.2024).

каждая страна учитывает свои специфические факторы при определении степени ответственности за нарушения в сфере дорожного движения.

Заключение

Таким образом, проведя сравнительно-правовой анализ российского и зарубежного уголовного законодательства об ответственности за нарушение ПДД, можно сделать следующие выводы:

- международное и национальное уголовное законодательство различных стран демонстрирует уникальные подходы к обеспечению безопасности дорожного движения, учитывая культурные, исторические и правовые особенности каждой страны;
- введение и развитие уголовной ответственности за нарушение ПДД является результатом признания общественной опасности таких действий, а также необходимостью защиты жизни и здоровья граждан;
- наблюдаются различия в определении и квалификации дорожно-транспортных преступлений, что свидетельствует о разнообразии подходов к борьбе с нарушениями ПДД.
- в целях совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за нарушение ПДД для повышения эффективности борьбы с дорожно-транспортными преступлениями целесообразно учитывать международные стандарты и лучшие практики зарубежного уголовного законодательства. Это непременно будет способствовать улучшению состояния безопасности дорожного движения и снижению аварийности и травматизма на дорогах России.

На наш взгляд целесообразно, в примечании к ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) предусмотреть новый п. 3 следующего содержания: «Если по части первой статьи 264

настоящего Кодекса виновное лицо является близким родственником для пострадавшего, то уголовное дело возбуждается только по заявлению пострадавшего лица».

Также, с учетом исследования зарубежного законодательства, полагаем, целесообразно:

- внести изменения в ст. 264 УК РФ, предусматривающие увеличение максимального срока лишения свободы как за дорожно-транспортное происшествие, вызванное управлением в состоянии опьянения впервые, так и за повторное совершение дорожно-транспортного преступления в состоянии опьянения в течение одного года после привлечения к ответственности за аналогичное преступление;
- ввести в ст. 264.1 УК РФ поправки, ужесточающие наказания для водителей, повторно севших за руль в состоянии опьянения, в том числе связанные с увеличением минимального срока лишения свободы.

Рассмотренные нами вышеуказанные предложения могут способствовать улучшению качества законодательства и практики в области обеспечения безопасности дорожного движения в нашей стране.

Список литературы

1. Аюпова Г. Ш. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения по законодательству России и зарубежных стран // Актуальные вопросы противодействия преступности в России и за рубежом: сб. научных трудов. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2017. – С. 96–99.
2. Букалерева Л. А., Афанасьев, М. В. Противодействие транспортным правонарушениям и преступлениям, совершаемым лицами, находящимися в состоянии опьянения, по уголовному законодательству Германии и Франции // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2016. – № 5. – С. 57–60.
3. Габдрахманов А. Ш. Ответственность за нарушение правил безопасности движения или эксплуатации транспортных средств по законодательству зарубежных стран // Научные труды КЮИ МВД России. – Казань: КЮИ МВД России, 2007. – Вып 7. – С. 26–36.
4. Давид Р. Сравнительно право // Очерки сравнительно права: сб. – М.: Прогресс, 1981. – С. 19–35.

5. Зокина А. М. К вопросу об уголовной ответственности за деяния, связанные с опасной эксплуатацией транспортных средств в государствах континентального права // Вестник всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 66–72.
6. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие / под ред. Н. Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2010. – 192 с.
7. Комарикова С. А. Зарубежное законодательство об уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Международные юридические чтения: материалы ежегод. науч.-практ. конф. – Омск: Омский юридический институт, 2009. – Ч. III. – С. 34–36.
8. Кусакин В. В. Сравнительно-правовой анализ уголовной ответственности за преступления против безопасности дорожного движения: опыт СНГ // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2018. – № 3. – С. 137.
9. Лунеев В. В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Норма, 1997. – 525 с.
10. Линкевич А. Е. Правовое регулирование борьбы с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств по законодательству стран СНГ // Вектор науки ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 158–162.
11. Любимов Л. В. Анализ современного отечественного и зарубежного законодательства, определяющего уголовную ответственность за совершение дорожно-транспортного преступления // Вестник Воронеж, ин-та МВД РФ. – 2004. – № 2 (17). – С. 66–68.
12. Милдовец М. В. Сравнительный анализ законодательства зарубежных стран о дорожно-транспортных преступлениях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). – № 1. – С. 133–140.
13. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира. Справочник. – М.: Юрид. лит., 1995. – 256 с.
14. Собин Д. В. Особенности регламентации ответственности за нарушение правил дорожного движения в уголовном законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовой анализ // Научный вестник Южного федерального округа. – 2015. – № 1. – С. 67–73.
15. Танага И. В. О необходимости и допустимости уголовно-правовых методов регулирования поведения участников дорожно-транспортного происшествия в отечественном, зарубежном и международном уголовном праве // Общество и право. – 2008. – № 2 (20). – С. 150–153.

References

1. Ayupova, G. Sh. (2017) *Sravnitel'no-pravovoj analiz ugodovnoj otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya po zakonodatel'stvu Rossii i zarubezhnyh stran* [Comparative legal analysis of criminal liability for violation of traffic rules under the legislation of Russia and foreign countries]. *Aktual'nye voprosy protivodejstviya prestupnosti v Rossii i za rubezhom* [Current issues in the fight against criminality in Russia and abroad]. Collection of academic papers Ekaterinburg: Ural'skij yuridicheskij institut MVD Rossii. Pp. 96–99. (In Russian).
2. Bukaleroval, L. A., Afanas'ev, M. V. (2016) *Protivodejstvie transportnym pravonarusheniyam i prestupleniyam, sovershaemym licami, nahodyashchimsya v sostoyanii op'yaniya, po ugodovnomu zakonodatel'stvu Germanii i Francii* [Countering transport offenses and crimes committed by persons in a state of

intoxication under the criminal legislation of Germany and France]. *Vestnik Akademii General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation*. No. 5. Pp. 57–60. (In Russian).

3. Gabdrahmanov, A. Sh. (2007) Otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti dvizheniya ili ekspluatatsii transportnyh sredstv po zakonodatel'stvu zarubezhnyh stran [Responsibility for violation of traffic safety rules or operation of vehicles under the legislation of foreign countries]. *Nauchnye trudy KYul MVD Rossii – Scientific works of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Kazan': KYul MVD Rossii. Issue 7. Pp. 26–36. (In Russian).

4. David, R. (1981) Sravnitel'no pravo [Essays on comparative law]. *Ocherki sravnitel'no prava: Sb.* Moscow: Progress, Pp. 19–35. (In Russian).

5. Zokina, A. M. (2017) K voprosu ob ugovolnoj otvetstvennosti za deyaniya, svyazannye s opasnoj ekspluatatsiej transportnyh sredstv v gosudarstvah kontinental'nogo prava [On the issue of criminal liability for acts related to the dangerous operation of vehicles in states of continental law]. *Vestnik vsrossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii – Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. No. 4 (44). Pp. 66–72. (In Russian).

6. Isaev, N. I. (2010) *Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnyh sredstv*. *Nauchno-prakticheskoe posobie* [Criminal liability for violation of traffic rules and operation of vehicles. Scientific and practical guide]. Moscow: Yurisprudenciya. (In Russian).

7. Komarikova, S. A. (2009) Zarubezhnoe zakonodatel'stvo ob ugovolnoj otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnyh sredstv [Foreign legislation on criminal liability for violation of traffic rules and operation of vehicles]. *Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya* [International legal readings]. Materials of the annual scientific and practical conference. Omsk: Omskij yuridicheskij institut, Part III. Pp. 34–36. (In Russian).

8. Kusakin, V. V. (2018) Sravnitel'no-pravovoj analiz ugovolnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: opyt SNG [Comparative legal analysis of criminal liability for crimes against road safety: the experience of the CIS]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva – Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga University*. No. 3. P. 137. (In Russian).

9. Luneev, V. V. (1997) *Prestupnost' XX veka. Mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii* [Crime of the XX century. Global, regional and Russian trends]. Moscow: Norma. (In Russian).

10. Linkevich, A. E. (2011) Pravovoe regulirovanie bor'by s narusheniem pravil dorozhnogo dvizheniya i ekspluatatsii transportnyh sredstv po zakonodatel'stvu stran SNG [Legal regulation of combating violations of traffic rules and vehicle operation under the legislation of the CIS countries]. *Vektor nauki TGU – Vector of Science TSU*. No. 4. Pp. 158–162. (In Russian).

11. Lyubimov, L. V. (2004) Analiz sovremennogo otechestvennogo i zarubezhnogo zakonodatel'stva, opredelyayushchego ugovolnuyu otvetstvennost' za sovershenie dorozhno-transportnogo prestupleniya [Analysis of modern domestic and foreign legislation defining criminal liability for committing a traffic crime]. *Vestnik Voronezh, in-ta MVD RF – Bulletin of Voronezh, Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. No. 2 (17). Pp. 66–68. (In Russian).

12. Mildovec, M. V. (2017) Sravnitel'nyj analiz zakonodatel'stva zarubezhnyh stran o dorozhno-transportnyh prestupleniyah [Bulletin of Voronezh, Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Law Science*. Vol. 3 (69). No. 1. Pp. 133–140. (In Russian).

13. Reshetnikov, F. M. (1995) *Pravovye sistemy stran mira. Spravochnik* [Legal systems of the countries of the world]. Moscow: Yurid. lit. (In Russian).

14. Sobin, D. V. (2015) Osobennosti reglamentatsii otvetstvennosti za narushenie pravil dorozhnogo dvizheniya v ugovnom zakonodatel'stve zarubezhnyh stran: sravnitel'no-pravovoj analiz [Features of the regulation of liability for traffic violations in the criminal legislation of foreign countries: a comparative legal analysis]. *Nauchnyj vestnik Yuzhnogo federal'nogo okruga – Scientific Bulletin of the Southern Federal District*. No. 1. Pp. 67–73. (In Russian).

15. Tanaga, I. V. (2008) O neobkhodimosti i dopustimosti ugovno-pravovyh metodov regulirovaniya povedeniya uchastnikov dorozhno-transportnogo proisshestviya v otechestvennom, zarubezhnom i mezhdunarodnom ugovnom prave [On the necessity and permissibility of criminal law methods for regulating the behavior of participants in a traffic accident in domestic, foreign and international criminal law]. *Obshchestvo i pravo – Society and Law*. No. 2 (20). Pp. 150–153. (In Russian).

Об авторе

Павлик Александр Михайлович, адъюнкт, Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0008-9178-8644, e-mail: pavlik-am@mail.ru

About the author

Alexander M. Pavlik, Adjunct, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0008-9178-8644, e-mail: pavlik-am@mail.ru

Поступила в редакцию: 21.01.2025
Принята к публикации: 03.02.2025
Опубликована: 31.03.2025

Received: 21 January 2025
Accepted: 03 February 2025
Published: 31 March 2025

Уголовно-процессуальные аспекты следственного осмотра

С. А. Роганов, Т. Л. Роганова

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье акцентируется внимание на неоднозначном понимании такой уголовно-процессуальной категории, как следственный осмотр. Уточняются определение и содержательная часть следственного осмотра. Предлагается изменить редакцию ч. 1 ст. 176 УПК РФ. Разрешен дискуссионный вопрос о соотношении следственного осмотра и обыска. Сформулированные в ходе исследования выводы и предложения могут иметь значение для уголовно-процессуальной теории и следственной практики.

Ключевые слова: следственные действия, следственный осмотр, материальные следы, доказательства, следовательно, уголовно-процессуальное законодательство, процессуальные действия.

Для цитирования: Роганов С. А., Роганова Т. Л. Уголовно-процессуальные аспекты следственного осмотра // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 360–373. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_360. EDN: VRZKRL

Criminal Procedural Aspects of Investigative Inspection

Sergey A. Roganov, Tatiana L. Roganova

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

The article focuses on the ambiguous understanding of such a criminal procedure category as investigative inspection. The definition and content of investigative inspection are clarified. It is proposed to change the wording of Part 1 of Article 176 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The controversial issue of the relationship between investigative inspection and search is resolved. The conclusions and proposals formulated in the course of the study may be important for criminal procedure theory and investigative practice.

Key words: investigative actions, investigative inspection, material traces, evidence, investigator, criminal procedure legislation, procedural actions.

For citation: Roganov, S. A., Roganova, T. L. (2025) Ugolovno-protsessual'nye aspekty sledstvennogo osmotra [Criminal Procedural Aspects of Investigative Inspection]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 360–373. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_360. EDN: VRZKRL

Введение

В современных условиях Российская Федерация сталкивается с множеством проблем в экономической, политической, социальной и духовной сфере. Особое беспокойство вызывает криминализация российского общества. Несмотря на утешительную статистику, а МВД РФ утверждает об уменьшении количества зарегистрированных преступлений на 1,8 % в 2024 г. по сравнению с 2023 г.,¹ проблемы противодействия преступлениям приобретают особую актуальность для нашего государства, которое принимает необходимые меры к активному совершенствованию уголовно-процессуальных вопросов при производстве по делам криминального оттенка.

В научной литературе по уголовному процессу и криминалистике авторы часто использует термин «следственный осмотр»² [12, с. 179; 11, с. 19; 8, с. 198; 9, с. 412; 2, с. 33; 7, с. 153; 3, с. 93; 10, с. 45], который активно употребляется и относительно устойчив в правовом поле, но не отражается в уголовно-процессуальном законодательстве и не имеет официальных юридических толкований. Мы полагаем, что отсутствие четкого определения следственного осмотра препятствует правильному пониманию этой уголовно-процессуальной категории и является одним из факторов, оказывающих негативное влияние на совершенствование теоретических разработок в области процессуальных действий, осуществляемых уполномоченными должностными лицами, ведущими уголовное судопроизводство. Обучающиеся на занятиях также делают ссылки на учебный

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328/> (дата обращения: 01.02.2025).

² О понятии и значении следственного осмотра писали Белкин Р. С., Лвищ Е. М., Россинский С. Б., Савельева М. В., Смушкин А. Б., Драпкин Л. Я., Филиппов А. Г. и др. См., например: Белкин Р. С., Лвищ Е. М. Тактика следственных действий. М., 1997. С. 44; Савельева М. В., Смушкин А. Б. Следственные действия. М., 2012. С. 28; Криминалистическая тактика: учебник для вузов / А. Г. Филиппов [и др.]. М., 2025. С. 27; Криминалистическая тактика: учебное пособие для вузов / Л. Я. Драпкин [и др.]. М., 2024. С. 45.

материал, где авторы используют термины «следственный осмотр» и «осмотр» объекта как синонимические понятия, что приводит к недопониманию отдельных положений, связанных с процессуальными действиями.

Понятие и содержание следственного осмотра как уголовно-процессуальной категории

Определить понятие следственного осмотра является одной из современных задач, которая ставится перед исследователем. Процессуалисты не уделяют достаточного внимания рассматриваемой категории и отождествляют их с видами осмотра, что, в конечном итоге, затрудняет дифференциацию следственных действий как таковых и приводит к сложностям уяснить их сущность, провести полноценную классификацию, которая особо значима для практических работников.

Так, например, В. С. Гривцова полагает, что следственный осмотр является следственным действием и заключается в деятельности следователя по выявлению и изъятию следов преступного деяния, вещественных доказательств, выяснение иных фактов совершенного преступления [4, с. 400]. Полагаем, что такое определение имеет несколько недостатков:

во-первых, следственный осмотр недопустимо относить к категории следственных действий в связи с тем, что он, как таковой, не предусмотрен УПК РФ;

во-вторых, под данное определение с легкостью подпадает и допрос, в ходе которого происходит обнаружение, изъятие и фиксация идеальных следов в протокол допроса;

в-третьих, вещественные доказательства трансформируются только из материальных следов, которые приобщаются в виде специального постановления.

С. Б. Россинский солидарен с В. С. Гривцовой и также утверждает, что следственный осмотр – это следственное

действие, состоящее в зрительном обнаружении, восприятии, изучении, анализе и закреплении материальных следов, которые значимы для уголовного дела, в том числе следов преступного деяния, а также их признаков и расположение по отношению друг к другу [12. с. 179]. При этом он подкрепляет свое определение ссылками на кодифицированный закон, а именно на ст. 176–178 и 180 УПК РФ. С таким определением трудно согласиться. Помимо тех замечаний, которые мы высказали ранее, полагаем необходимым отметить следующие слабые места в предложенном определении, а именно:

во-первых, не указаны уполномоченные на то должностные лица, наделенные правом проводить такой «следственный осмотр»;

во-вторых, непонятно, какие материальные следы и какого события (содержащего признаки преступления или события в целом, например обнаружение трупа человека) должны восприниматься и фиксироваться;

в-третьих, приведенные ученым статьи уголовно-процессуального закона никаким образом не связаны с категорией «следственный осмотр», так как вышеназванные правовые нормы регламентируют конкретные виды осмотра, а ст. 287 УПК РФ, предусматривающая процессуальные правила осмотра в ходе судебного следствия, осталась без внимания автора;

в-пятых, качественное «изучение» следов не всегда возможно в силу ограничений по времени производства действия, особенно это касается следователей и дознавателей органов внутренних дел, испытывающих колоссальные нагрузки в связи с расследованием не одного десятка уголовных дел¹;

¹ Опрос дознавателей МО МВД России по ЗАТО г. Североморск и г. Островной показал, что в производстве одного дознавателя находятся не менее 40 уголовных дел с лицами и несколько уголовных дел (от 3 до 5), где личность подозреваемого не установлена.

в-шестых, деятельность по собиранию материальных следов может иметь место и вне рамок уголовного дела, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела. Полагая, что автор смело ссылается на закон, где в ч. 1 ст. 176 УПК РФ прописано положение о том, что обнаруженные следы должны иметь значение для уголовного дела;

в-седьмых, ст. 180 УПК РФ определяет способ фиксации не следственного осмотра, а отдельных его разновидностей.

Представители санкт-петербургской школы криминалистики О. В. Челышева и С. А. Ялышев определили следственный осмотр как систему следственных действий, объединенных однородным способом собирания сведений, которые позволяют произвести осмотр объекта [14, с. 429]. Думается, что такое определение должно иметь большее количество признаков, позволяющих отграничить его от других действий, например проверки показаний на месте, обладающей также признаками осмотра (допроса, следственного эксперимента). Указание в вышеприведенном определении на субъект следственного осмотра позволило бы авторам усовершенствовать конструкцию своих предложений. Полагаем, что приведение модернизированной цели следственного осмотра усилило бы содержательную часть представленной учеными категории, не ограничиваясь целевой установкой, закрепленной уголовно-процессуальным законом.

Часть 1 ст. 176 УПК РФ определяет одну из целей осмотра – выявление следов преступления. Однако такие материальные следы могут быть не обнаружены в силу объективных и субъективных причин, особенно на первоначальном этапе расследования, а возможность их определить появляется только в ходе экспертных исследований. Предлагаем изменить конструкцию (редакцию) вышеуказанной части статьи закона и обозначить, что осмотр производится в целях обнаружения следов

произошедшего события (выделено нами – С.Р.) и далее по тексту. Результаты следовой картины события могут свидетельствовать об отсутствии события и состава преступления, что является важным при принятии итогового решения на первой стадии уголовного процесса.

В научных статьях делается акцент на то, что следственный осмотр направлен на обнаружение объектов [14, с. 433]. С этим можно согласиться отчасти, так как, например, осмотр места происшествия проводится и с целью уяснения обстановки, которая сложилась на момент прибытия следственно-оперативной группы. Аналогичная ситуация складывается и при осмотре местности. Поэтому не стоит заикливаться на агрессивных действиях должностных лиц, осуществляющих восприятие какого-либо объекта.

Например, А. А. Шатова также утверждает, что следственный осмотр – это следственное действие, которое проводится должностными лицами органов предварительного расследования и состоит в наблюдении за внешними признаками объектов материальной обстановки, на которых могут быть отражены следы преступного деяния [15, с. 70]. С такой позицией ученого сложно согласиться. Подчеркнем, например, что осмотр местности как разновидность следственного осмотра проводят не только представители предварительного следствия и дознания, но и суд (судья). Недопустимо также ограничиваться только органами зрения в процессе осмотра. Определить наличие следов криминальных действия на материальных объектах не всегда просто: в определенных ситуациях, например по преступлениям экономической направленности, возникает необходимость обладать знаниями в области методики расследования, в том числе четко представлять специфику механизма слеодообразования.

Сомнительно относить следственный осмотр к категории следственных действий и ввиду отсутствия законных

оснований и технологии для его проведения; а также закрепленных в законе способов запечатления хода и результатов его производства. Обратим внимание на смешивание понятий условия и основания производства следственных действий, которое встречается в трудах монографического характера [13, с. 41]. Для исключения подмены одного следственного действия другим правоприменителю необходимо четко разграничивать перед их производством условия общего и частного характера.

Действительно, для того чтобы раскрыть содержание следственного осмотра, необходимо обратиться к сущности этого понятия. Однако предварительно необходимо остановиться на понятии следственного действия. Так, Б. М. Кедров подчеркивал, что «понятия выступает, прежде всего, как система взаимосвязанных существенных признаков, в которых раскрывается содержание понятия, и как система взаимосвязанных признаков, охватываемых мысленно данным понятием и образующих его элементов» [1, с. 38]. По своему содержанию следственное действие – это система значимых признаков, а совокупность следственных действий образует ее объем [5, с. 11]. Следственные действия представляет собой детально регламентированную уголовно-процессуальным законом разновидность процессуальных действий, которые проводят уполномоченные на то должностные лица процессуальных органов и направлены на достижение цели процесса доказывания, собирания и проверку доказательств.

Термин «следственный осмотр», который часто используется в уголовно-процессуальной науке и учебной дисциплине, не употребляется законодателем. Бесспорно, в рамках проводимых научных исследований и изучения основ уголовного процесса допустимо применение этого термина, но при условии раскрытия его содержания.

Мы предлагаем понимать под следственным осмотром уголовно-процессуальную категорию, представляющую собой синтез однородных следственных действий, проводимых уполномоченным должностным лицом процессуальных органов и основанных на восприятии (задействовании всех органов чувств человека) материальных следов и обстановки произошедшего события, которое сложилось на момент его производства. Следственный осмотр – это не следственное действие, а совокупность схожих между собой по содержанию и технологии производства действий, основу которых составляет невербальный метод получения информации. Однородными следственными действиями, составляющими следственный осмотр, являются его виды, которые предусмотрены ст. 176 (осмотр места происшествия), 177 (осмотр жилого и нежилого помещения, предметов и документов), 178 (осмотр трупа человека), 179 (наружный осмотр тела некоторых участников процесса), 287 (осмотр местности) УПК РФ. Перечисленные разновидности следственного осмотра имеют проблемные вопросы, которые подлежат разрешению.

Так, О. Г. Костюченко предлагает рассматривать город в качестве объекта следственного осмотра [6, с. 72], что является интересным посылом для исследований. Однако впоследствии автор все же переходит на анализ осмотра места происшествия больших территориальных площадей, который связан с визуальным восприятием обстановки и техническим его обеспечением в виде использования беспилотных летательных аппаратов.

Дискуссионность соотношений следственного осмотра и обыска

Остановимся на некоторых спорных взглядах ученых. Так, в литературе активно обсуждается вопрос, связанный с ограничением осмотра места происшествия,

например, жилища¹ и обыска [14, с. 432]. Мы согласны с О. В. Челышевой и с С. А. Ялышевым в том, что и осмотр, и обыск должны проявляться в активной деятельности должностных лиц, ведущих процесс. Для обыска характерно принуждение, а при осмотре им можно пренебречь. Однако стоит разминуться со взглядами ученых, которые полагают, что обнаружение скрытых следов (следов-предметов) возможно и при названном виде осмотра. Это недопустимо, так в противном случае стирается грань между рассматриваемым видом следственного осмотра и обыском. Если при осмотре, например, потерпевший (свидетель) отказывается выдвинуть ящик письменного стола с целью выявления в нем возможных материальных следов преступления, то осмотр на этом оканчивается и появляется необходимость в проведении обыска, так как возникает возможность скрыть (уничтожить) след, имеющий значение для решения процессуального вопроса. Только, если потерпевший согласится выполнить просьбу следователя и выдвинет ящик, то осмотр продолжится.

Бесспорно, для разграничения осмотра места происшествия и обыска в одних и тех же объектах необходимо учитывать цели их производства, а также законность владения (пользования). Если у объекта обыска, например помещения, нет законного владельца (пользователя), то обыск недопустим и проводится только его осмотр.

Заключение

В теории уголовного процесса, а также следственной и судебной практики, часто используется термин «следственный осмотр», который не закреплен в уголовно-

¹ Учитывая то, что мы стоим на позиции, связанной с отсутствием и недопустимостью использования в следственной и судебной практике термина «следственный осмотр», нами он был заменен на осмотр места происшествия (ОМП), как его разновидности, который не искажил мысли ученых, рассуждающих о соотношении ОМП и обыска.

процессуальном законодательстве и отождествляется с видами осмотра, что негативно влияет на категориальный аппарат уголовно-процессуальной науки, а также на усвоение обучающимися понятия, связанного с осмотром. Приведена авторская позиция определения следственного осмотра, предложен вариант использования этой категории в практической деятельности.

Следственный осмотр – это уголовно-процессуальная категория, представляющая собой синтез однородных следственных действий, проводимых уполномоченным должностным лицом процессуальных органов и основанных на восприятии (задействовании всех органов чувств человека) материальных следов и обстановки произошедшего события, которое сложилось на момент его производства. Следственный осмотр – это не следственное действие, а совокупность схожих между собой по содержанию и технологии производства действий, основу которых составляет невербальный метод получения информации.

Рабочая гипотеза нашла подтверждение в процессе проведенного исследования. Избранная методология позволяет реализовывать ее в дальнейших изысканиях по вопросам, касающимся следственного осмотра.

Список литературы

1. Арсеньев А. С., Библер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. – М.: Наука, 1967. – 439 с. EDN: SNEJOL
2. Бабаян Т. А. Следственные ошибки и проблемы, возникающие при проведении следственного осмотра // Теория и практика современной науки. – 2024. – № 6 (108). – С. 33–35. EDN: NHYGU
3. Батоцыренов Б. Б. Следственный осмотр в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы юриспруденции: материалы IX международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2024. – С. 93–96. EDN: DVOVIM
4. Гривцова В. С. Проблемы производства следственного осмотра // Молодой ученый. – 2021. – № 18 (360). – С. 400–401. EDN: JSYCXN
5. Громов Н. А., Лаврухина Ю. С. Понятие следственного действия // Следователь. – 2005. – № 11. С. 11–15.
6. Костюченко О. Г. Город как объект следственного осмотра // Вестник военного права. – 2022. – № 3. – С. 72–78. EDN: MKJXXS

7. Левкина К. Ю. Следственный осмотр: понятие и виды // Актуальные проблемы юриспруденции: единство теории и практики: сб. научных статей. – Волгоград, 2020. – С. 153–158. EDN: DZGEQI

8. Морозов В. В., Чупров М. С. Место следственного осмотра в системе следственных действий // Криминалистические и уголовно-процессуальные средства обеспечения экономической безопасности России: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 50-летию юбилею кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России. Нижегородская академия МВД России. – Нижний Новгород, 2023. – С. 198–201. EDN: UAZUIP

9. Неклюдова А. С. Осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент в системе следственных действий // Молодой ученый. – 2023. – № 17 (464). – С. 411–415. EDN: HOEQUE

10. Пашкова Е. В. Некоторые проблемы, возникающие при проведении следственного осмотра // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2019. – № 4 (29). – С. 45–48. EDN: JFBHRO

11. Роганов С. А., Роганова Т. Л. К вопросу о понятии места происшествия // Теория и практика современной юридической науки: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. – 2019. – С. 18–23. EDN: GGZIRT

12. Россинский С. Б. Следственные действия: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 179 с. EDN: KNSWNP

13. Следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия: правовая основа и правоприменительная практика: монография / А. С. Алексанин [и др.]. – СПб.: Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации; Фонд «Университет», 2022. – 313 с. EDN: EBYRMV

14. Чельшева О. В., Ялышев С. А. О методах следственного осмотра // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – № 4. – С. 429–438. EDN: DKQZOF

15. Шатова А. А. Проблемы производства следственного осмотра // Трансформация науки и образования в условиях цифрового общества: сб. науч. тр. по материалам междунар. науч.-практ. конф. (12 мая 2022 г.). – Белгород: АПНИ, 2022. – С. 69–72. EDN: WHWVBA

References

1. Arsenyev, A. S., Bibler, V. S., Kedrov, B. M. (1967) *Analiz razvivayushchegosya ponyatiya* [Analysis of a developing concept]. Moscow: Nauka. (In Russian). EDN: SNEJOL

2. Babayan T. A. (2024) *Sledstvennye oshibki i problemy, vznikayushchie pri provedenii sledstvennogo osmotra* [Investigative errors and problems arising during an investigative inspection]. *Theory and practice of modern science – Theory and practice of modern science*. No. 6 (108). Pp. 33–35. (In Russian). EDN: NHYGU

3. Batotsyrenov, B. B. (2024) *Sledstvennyj osmotr v ugovnom sudoproizvodstve* [Investigative inspection in criminal proceedings]. *Aktual'nye problemy yurisprudencii* [Actual problems of jurisprudence]. Materials of the XXX international scientific and practical conference. Novosibirsk. Pp. 93–96. (In Russian). EDN: DVOVIM

4. Grivtsova, V. S (2021) *Problemy proizvodstva sledstvennogo osmotra* [Problems of conducting an investigative inspection]. *Molodoy uchenyy – Young scientist*. No. 18 (360). Pp. 400–401. (In Russian). EDN: JSYCXN

5. Gromov, N. A., Lavrukhnina, Yu. S. (2005) *Ponyatie sledstvennogo dejstviya* [The concept of an investigative action]. *Sledovatel – Investigator*. No. 11. Pp. 11–15. (In Russian).

6. Kostyuchenko, O. G. (2022) *Gorod kak ob"ekt sledstvennogo osmotra* [City as an object of investigative inspection]. *Vestnik voennogo prava – Bulletin of Military Law*. No. 3. Pp. 72–78. (In Russian). EDN: MKJXXS

7. Levkina, K. Yu. (2020) *Sledstvennyj osmotr: ponyatie i vidy* [Investigative inspection: concept and types]. *Aktual'nye problemy yurisprudencii: edinstvo teorii i praktiki* [Actual problems of jurisprudence: unity of theory and practice]. Collection of scientific articles. Volgograd. Pp. 153–158. (In Russian). EDN: DZGEQI

8. Morozov, V. V., Chuprov, M. S. (2023) *Mesto sledstvennogo osmotra v sisteme sledstvennykh deystvii* [The place of investigative inspection in the system of investigative actions]. *Kriminalisticheskie i ugovolno-processual'nye sredstva obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii* [Forensic and criminal procedural means of ensuring economic security of Russia]. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 50th anniversary of the Department of Forensic Science of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Nizhny Novgorod. Pp. 198–201. (In Russian). EDN: UAZUIP

9. Neklyudova, A. S. (2023) *Osmotr, osvidetel'stvovanie, sledstvennyj eksperiment v sisteme sledstvennykh deystvii* [Inspection, examination, investigative experiment in the system of investigative actions]. *Molodoj uchenyy – Young scientist*. No. 17 (464). Pp. 411–415. (In Russian). EDN: HOEQUE

10. Pashkova, E. V. (2019) *Nekotorye problemy, vznikayushchie pri provedenii sledstvennogo osmotra* [Some problems arising during the investigative inspection]. *Rossiyskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy – Russian science and education today: problems and prospects*. No. 4 (29). Pp. 45–48. (In Russian). EDN: JFBHRO

11. Roganov, S. A., Roganova, T. L. (2019) *K voprosu o ponyatii mesta proisshestiya* [On the concept of the scene of the crime]. *Teoriya i praktika sovremennoy yuridicheskoy nauki* [Theory and practice of modern legal science]. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference. Pp. 18–23. (In Russian). EDN: GGZIRT

12. Rossinsky, S. B. (2025) *Sledstvennye deystviya* [Investigative actions]. Monograph. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russian). EDN: KNSWNP

13. Aleksanin, A. S. [et al.] (2022) *Sledstvennye deystviya i operativno-rozysknye meropriyatiya: pravovaya osnova i pravoprimeritel'naya praktika* [Investigative actions and operational-search measures: legal basis and law enforcement practice]. Monograph. St. Petersburg: Saint-Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation; University Foundation. (In Russian). EDN: EBYRMV

14. Chelysheva, O. V., Yalyshev, S. A. (2023) *O metodah sledstvennogo osmotra* [On the methods of investigative inspection]. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie – Siberian Legal Review*. No. 4. Pp. 429–438. (In Russian). EDN: DKQZOF

15. Shatova, A. A. (2022) *Problemy proizvodstva sledstvennogo osmotra* [Problems of conducting an investigative inspection]. *Transformaciya nauki i obrazovaniya v usloviyakh cifrovogo obshchestva* [Transformation of science and education in the context of a digital society]. Collection of scientific papers based on the materials of the international. scientific and practical. conf. (May 12, 2022). Belgorod: Agency for Advanced Scientific Research (APNI). Pp. 69–72. (In Russian). EDN: WHWVBA

Личный вклад соавторов

Personal contribution of co-authors
60/40 %

Об авторах

Роганов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-5507-4697, e-mail: Roganovs@mail.ru

Роганова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0009-2148-2647, e-mail: Roganovs@mail.ru

About the authors

Sergey A. Roganov, Dr. Sci. (Law), Full Professor, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-5507-4697, e-mail: Roganovs@mail.ru

Tatyana L. Roganova, Cand. Sci. (Law), Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0009-2148-2647, e-mail: Roganovs@mail.ru

*Поступила в редакцию: 12.02.2025
Принята к публикации: 24.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 12 February 2025
Accepted: 24 February 2025
Published: 31 March 2025*

Место принципа справедливости и проблемы его реализации в уголовном праве Российской Федерации

Н. А. Шухалов

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

В статье анализируется место принципа справедливости в доктрине уголовного права Российской Федерации. Рассматриваются конституционные и законодательные основы принципа справедливости, а также его значение для формирования и применения уголовного законодательства. Особое внимание уделяется проблемам реализации принципа справедливости в современной российской уголовно-правовой практике, обусловленным несовершенством законодательства, недостатками правоприменительной деятельности и социальными факторами. Выделяются основные причины нарушений принципа справедливости и предлагаются пути их решения, направленные на совершенствование уголовного законодательства, повышение квалификации правоприменителей и формирование правовой культуры в обществе. Подчеркивается необходимость комплексного подхода к обеспечению справедливости в уголовном правосудии, включающего не только совершенствование правовых норм, но и изменение общественного сознания, формирование ценностного отношения к праву и справедливости.

Ключевые слова: уголовно-правовая система, принципы, справедливость, уголовное право, принципы уголовного права, общеправовые принципы права, уголовное законодательство, правоприменение, правосудие, права человека.

Для цитирования: Шухалов Н. А. Место принципа справедливости и проблемы его реализации в уголовном праве Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. – 2025. – № 1 (79). – С. 374–388. DOI: 10.35231/18136230_2025_1_374. EDN: YFKEJZ

The Place of the Principle of Justice and the Challenges of its Implementation in the Criminal Law of the Russian Federation

Nikita A. Shukhalov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article analyzes the place of the principle of justice within the system of principles of criminal law in the Russian Federation. It examines the constitutional and legislative foundations of the principle of justice, as well as its significance for the formation and application of criminal legislation. Particular attention is paid to the problems of implementing the principle of justice in modern Russian criminal law practice, stemming from imperfections in legislation, shortcomings in law enforcement, and social factors. The main causes of violations of the principle of justice are identified, and solutions are proposed aimed at improving criminal legislation, enhancing the qualifications of law enforcement officials, and fostering a legal culture in society. It emphasizes the need for a comprehensive approach to ensuring justice in criminal justice, including not only improving legal norms but also changing public consciousness and fostering a valued relationship with law and justice.

Key words: criminal legal system, principles, justice, criminal law, principles of criminal law, general legal principles of law, criminal legislation, law enforcement, justice, human rights.

For citation: Shukhalov, N. A. (2025) Mesto printsipa spravedlivosti i problemy ego realizatsii v ugovnom prave Rossiyskoy Federatsii [The Place of the Principle of Justice and the Challenges of its Implementation in the Criminal Law of the Russian Federation]. *Leningradskiy yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 1 (79). Pp. 374–388. (In Russian). DOI: 10.35231/18136230_2025_1_374. EDN: YFKEJZ

Введение

Актуальность настоящего исследования и выбор непосредственно самой темы обусловлены тем, что принцип справедливости является одним из фундаментальных в уголовном праве, определяющим его цели, задачи и содержание. Будучи основополагающим началом, справедливость влияет на саму суть уголовного права и уголовного законодательства, направив его в нужно русло ещё до того, как законотворцы приняли Уголовный кодекс

Несмотря на это, в российской уголовно-правовой доктрине отсутствует единое понимание справедливости. Это привело к тому, что даже в ч. 1 ст. 6 УК РФ справедливость определяется лишь как соответствие наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения, и личности виновного [14, с. 145–150].

Такая скупая и общая формулировка приводит к тому, что в самом законе и в его практической реализации обнаруживаются существенные проблемы. Несоответствие законодательства и практики его применения принципу справедливости снижает эффективность уголовного правосудия, подрывает доверие граждан к суду и правоохранительным органам, а также может способствовать росту преступности. В то же время в российском обществе существует высокий запрос на справедливость [9, с. 148–169]. Выражается это по-разному, но в настоящее время граждане ожидают от государства построения более эффективной защиты от преступности, но при этом требуют соблюдения прав и свобод человека, а также применения справедливых наказаний [4, с. 99–104].

Таким образом, можно утверждать, что справедливое уголовное право является важным фактором обеспечения социальной стабильности и формирования правосознания граждан. В связи с этим разработка конкретных

предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения, направленных на более полное и эффективное обеспечение принципа справедливости, представляется актуальной и социально значимой задачей [1, с. 8–11].

Общетеоретическая характеристика принципа справедливости в контексте уголовного права России

Рассмотрение соответствия принципа справедливости невозможно без понимания его места в системе как всего права России в целом, так и в уголовном праве в частности.

В данном вопросе нами не было найдено противоречий. Общеизвестным является факт того, что принцип справедливости занимает центральное и системообразующее место в уголовном праве Российской Федерации. Это не просто один из многих постулатов, а именно фундаментальный, конституционно-правовой принцип, который пронизывает все отрасли права, и в особенности уголовное право, определяя его характеристику.

Кроме того, значимость рассматриваемого принципа обусловлена ещё и тем, что он является критерием оценки соответствия уголовных законов и правоприменительной практики моральным, нравственным и правовым ценностям большинства представителей общества, или же взглядам самых видных лиц из их числа [2, с. 143–146].

Принцип справедливости следует из положений Конституции РФ, в частности из ст. 19, которая устанавливает, что все равны перед законом и судом. Также ст. 49 устанавливает презумпцию невиновности, а ст. 53 гарантирует право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями

(или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Основные положения Конституции являются фундаментальной базой для формирования всей системы уголовного права, так как уголовный закон всегда должен рассматриваться с точки зрения его соответствия конституционным принципам и общественным представлениям о справедливости. Уголовный закон, не соответствующий принципу справедливости, может быть признан неконституционным.

В ст. 6 УК РФ закрепляется принцип справедливости в качестве одной из основных норм уголовного права, а также постулируется, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Кроме того, никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Таким образом, важно понимать, что принцип справедливости является руководящим правилом для правоприменительных органов (суда, следствия, прокуратуры) при рассмотрении уголовных дел и назначении наказаний. Они обязаны учитывать принцип справедливости при квалификации преступления, назначении, определении вида и размера наказания, а также при применении иных мер уголовно-правового характера.

Кроме того, принцип справедливости требует, чтобы наказание соответствовало не только формальным признакам преступления, но и его реальной общественной опасности, а также личности виновного [12, с. 99–105]. Это значит, что этот принцип служит основой для дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности.

Дифференциация ответственности предполагает установление различных видов и размеров наказания за различные виды преступлений, в зависимости от их общественной опасности. Индивидуализация ответственности предполагает учет конкретных обстоятельств дела и личности виновного при назначении наказания.

Таким образом, по нашему мнению, принцип справедливости является не просто декларативным положением, а активно действующим концептом, реализующимся на всех стадиях уголовного правосудия – от законотворчества до исполнения наказания. От надлежащей реализации этого принципа зависит эффективность уголовного права, доверие общества к правосудию и обеспечение социальной справедливости. Недостаточная же реализация принципа справедливости может привести к нарушению прав человека, подрыву авторитета закона и дестабилизации общества.

Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном праве

Это сложный и многогранный вопрос, требующий детального рассмотрения. Несмотря на то что принцип справедливости, хоть и неявно, но закреплён в Конституции РФ и Уголовном кодексе РФ, на практике его реализация сталкивается с рядом серьёзных трудностей.

Проблемы в законодательстве

Самой явной, на наш взгляд, проблемой является отсутствие в законодательстве чётко сформулированного понятия «справедливость». Вместо этого закон имеет лишь размытое пояснение того, что именно понимается под «справедливым наказанием и иными мерами уголовно-правового характера, применённых в отношении лица, совершившего преступление».

Другой проблемой является большое количество оценочных понятий и признаков преступления, что создаёт возможность для произвольного толкования и применения правовых норм.

Несправедливым представляется и применение санкций за совершение квалифицированных преступлений. Зачастую таковая полностью поглощает, или не учитывает общественную опасность неквалифицированного преступления той же статьи УК РФ.

Так, например, ст. 264 УК РФ предусматривает санкцию за нарушение лицом, управляющим автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством, правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. Часть третья же данной статьи устанавливает наказание за деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека.

Иными словами, в случае если лицо, обвиняемое в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, совершило действия, повлёкшие по неосторожности смерть одного человека и причинение тяжкого вреда здоровью другому человеку, то осудят это лицо по ч. 3 ст. 264 УК РФ, поглотившей общественно опасные последствия ч. 1. ст. 264 УК РФ и, как следствие, лицо избежит наказание за вред в отношении второго человека. О справедливости не может идти и речи

Кроме того, уголовный закон содержит ряд пробелов и коллизий между различными нормами уголовного законодательства, затрудняющих его применения.

Например, возьмём такие статьи, как Убийство (ст. 105 УК РФ) и Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ): основное различие

между этими составами преступлений заключается в умысле виновного: при убийстве умысел направлен на лишение человека жизни, а при причинении тяжкого вреда здоровью – на причинение вреда здоровью, а причинение смерти происходит по неосторожности. На практике возникает сложность в установлении умысла виновного. Если виновный наносит потерпевшему тяжкие телесные повреждения, и потерпевший умирает, то возникает вопрос: хотел ли виновный убить потерпевшего, или он только хотел причинить ему вред здоровью? Следователи в данном вопросе полагаются на экспертов и личностную оценку характера нанесённых повреждений, а также на характеристику лиц.

Или же Кража (ст. 158 УК РФ) и Мошенничество (ст. 159 УК РФ): отличием этих составов преступлений является способ их совершения, так при краже имущество изымается тайно, а при мошенничестве – путем обмана или злоупотребления доверием. Однако на практике возникает сложность в разграничении этих составов, особенно в случаях, когда обман предшествует тайному изъятию имущества. Если лицо сначала обманывает потерпевшего, чтобы получить доступ к имуществу, а затем тайно его похищает, то возникает вопрос, как квалифицировать это деяние: как кражу или как мошенничество? В судебной практике нет единого подхода к решению этого вопроса, что приводит к различным квалификациям одних и тех же действий.

Проблемы правоприменения

Ярче всего данная проблема прослеживается в деятельности судей, которые могут выносить решение с учётом собственного усмотрения, которое порой бывает чрезмерно субъективным и необоснованным, особенно когда в отношении подсудимого по тем или

иным причинам происходит недостаточный учёт смягчающих обстоятельств.

К субъективным качествам правоприменителей можно отнести и правовой нигилизм, который может вырабатываться со временем, а выражаться в пренебрежении к закону и правам человека

Кроме того, должностные лица могут применять закон избирательно: к одним применять его более строго, по отношению к иным категориям лиц – более мягко, а также в целом относиться к ним предвзято

К данной группе проблем относятся также и различные процессуальные нарушения, которые могут быть допущены как умышленно, так и случайно, в силу недостаточной квалификации. Все эти проблемы нарушают принцип справедливости, но исходят исключительно от тех лишь, кто и должен его реализовывать. Исправить их можно только путём контроля за сотрудниками, проведения периодических проверок с целью повышения их квалификации, а также изначально более качественной подготовки во время обучения в высших учебных заведениях.

Социальные и экономические проблемы

Говоря о данном виде проблем, в первую очередь мы думаем о социальном неравенстве в обществе, которое приводит к росту преступности и затрудняет реализацию принципа справедливости. Бедность, безработица, отсутствие доступа к образованию и медицинскому обслуживанию создают благоприятную почву для совершения преступлений.

Социальное неравенство сопутствует и различному культурному. Низкий уровень правовой культуры в обществе неизменно приводит к незнанию законов и неуважению к праву, распространению правового нигилизма и недоверия к правоохранительным органам. Все это

ведет к повышению уровня преступности, росту латентных преступлений и нежеланию общества оказывать поддержку и сотрудничать с правоохранительными органами в их деятельности [6, с. 156–159].

Существенным фактором, приводящим к таким проблемам, является, на наш взгляд, необъективное освещение уголовных дел в средствах массовой информации, оказывающее влияние на общественное мнение и формирование предвзятого отношения. Кроме того, разглашение сведений о частной жизни обвиняемых, нарушающее их права также может производить резонанс в обществе.

Проблемы пенитенциарной системы

В завершение рассмотрения проблем, считаем нужным затронуть и уголовно-исполнительную систему. Зачастую отмечаются неудовлетворительные условия содержания заключенных в местах лишения свободы, которые не соответствуют международным стандартам, а также переполненность мест лишения свободы и следственных изоляторов. Все это никоим образом не способствует целям уголовного наказания – исправлению осужденных [5, с. 119–135].

Кроме того, нарушение прав заключенных на медицинскую помощь, образование и общение с внешним миром, недостаточная эффективность программ ресоциализации и социальной адаптации лиц, уже освободившихся из мест лишения свободы, трудности с трудоустройством и социальной адаптацией бывших заключенных приводят к неисполнению уже другой цели наказания – предупреждения совершения новых преступлений и как итог – к повышению количества рецидивов преступлений [7, с. 724–734].

Мы полагаем, что решить все озвученные проблемы можно только путём комплексного подхода. Для этого

необходимо совершенствование уголовного законодательства, повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей, а также усиление контроля за соблюдением прав человека в уголовном процессе, реорганизация пенитенциарной системы, повышение правовой культуры населения, борьба с коррупцией и улучшение социально-экономической ситуации в стране [8, с. 148–169].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что принцип справедливости занимает центральное место в доктрине уголовного права Российской Федерации, являясь конституционно-правовой основой для формирования и применения уголовного законодательства.

Однако, несмотря на его закрепление в Конституции РФ и Уголовном кодексе РФ, реализация принципа справедливости на практике сталкивается с рядом серьезных проблем, обусловленных как несовершенством законодательства, так и недостатками правоприменительной деятельности. К числу основных проблем следует отнести следующие: неопределенность понятия «справедливость», несоразмерность санкций за отдельные виды преступлений, наличие пробелов и коллизий в законодательстве, чрезмерное судебское усмотрение, правовой нигилизм, неравенство перед законом, процессуальные нарушения, а также неудовлетворительное состояние пенитенциарной системы [3, с. 99–104].

Эти проблемы негативно сказываются на эффективности уголовного правосудия, снижают доверие граждан к суду и правоохранительным органам, и в конечном итоге подрывают основы правового государства. Для решения указанных проблем необходимо предпринять комплекс мер, включающих совершенствование уголов-

ного законодательства: разработку четких и однозначных формулировок уголовно-правовых норм, устранение пробелов и коллизий, пересмотр санкций в сторону гуманизации и соразмерности, расширение сферы применения альтернативных видов наказаний.

Совершенствование правоприменительной деятельности – повышение квалификации судей и сотрудников правоохранительных органов в вопросах применения принципа справедливости и прав человека, усиление контроля за соблюдением процессуальных прав обвиняемых, борьба с коррупцией и правовым нигилизмом.

Улучшение пенитенциарной системы: улучшение условий содержания заключенных, повышение эффективности программ ресоциализации и социальной адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Повышение правовой культуры общества: распространение правовых знаний, формирование уважения к закону и правам человека.

Эффективная реализация принципа справедливости в уголовном праве требует не только совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и изменения общественного сознания, формирования ценностного отношения к праву и справедливости. Только при условии объединения усилий государства, общества и юридической науки можно построить справедливую, эффективную и гуманную систему уголовного правосудия, способную обеспечить защиту прав и свобод человека и гражданина, а также поддержание правопорядка и социальной стабильности в стране.

Список литературы

1. Антонов А. Г. К вопросу о содержании принципа справедливости в уголовном праве // Уголовная юстиция. – 2020. – № 15. – С. 8–11.

2. Городнова О. Н. Принцип справедливости в уголовном праве сквозь призму принципов гуманизма и равенства граждан перед уголовным законом // Социально-политические науки. – 2013. – № 1. – С. 143–146.
3. Городнова О. Н. Верховенство принципа справедливости и проблемы его реализации в уголовном праве России // Вестник РУК. – 2021. – № 3 (45). – С. 99–104.
4. Городнова О. Н. Соотношение принципов справедливости, равенства граждан перед законом и принципов дифференциации ответственности и индивидуализации наказания // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 2. – С. 99–104.
5. Дунмэй П., Минсюань Г. Сравнительный анализ принципов уголовного права Китая и России // Lex Russica. – 2018. – № 12. – С. 119–135.
6. Дядюн К. В. Принципы равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма: понятие и сущность в уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 2 (40). – С. 156–169.
7. Дядюн К. В. Принципы гуманизма и справедливости в свете назначения наказания за рецидив преступлений // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 724–734.
8. Дядюн К. В. Учет принципов справедливости и гуманизма при назначении наказания за рецидив преступлений // Журнал российского права. – 2011. – № 7 (175). – С. 57–64.
9. Мамедова Ф. Ф. Справедливость в уголовном праве: современное состояние вопроса // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 148–169.
10. Молчанов Д. М. Принцип справедливости и действие уголовного закона в пространстве // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 12 (52). – С. 95–105.
11. Пивоварова А. А. Практика назначения уголовного наказания лицам, повторно совершившим преступления, с точки зрения обеспечения ресоциализации // Юридический вестник Самарского университета. – 2018. – № 2. – С. 41–47.
12. Сидоров Б. В. Принцип справедливости: его место в системе принципов и норм уголовного права и вопросы совершенствования уголовного права // ВЭПС. – 2016. – № 4. – С. 99–105.
13. Суходолов А. П., Маренко В. А. Моделирование прогноза рецидивной преступности с применением нечетких множеств // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 1. – С. 15–23.
14. Тихонов В. И. Принцип справедливости в уголовном праве и его содержание // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2017. – № 6. – С. 145–150.

References

1. Antonov, A. G. (2020) K voprosu o soderzhanii printsipa spravedlivosti v ugodovnom prave [On the Content of the Principle of Justice in Criminal Law]. *Ugodovnaya yustitsiya – Criminal Justice*. No. 15. Pp. 8–11. (In Russian).
2. Gorodnova, O. N. (2013) Printsip spravedlivosti v ugodovnom prave skvoz' prizmu printsipov gumanizma i ravenstva grazhdan pered ugodovnym zakonom [The Principle of Justice in Criminal Law through the Prism of the Principles of Humanism and Equality of Citizens before the Criminal Law]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki – Social and Political Sciences*. No. 1. Pp. 143–146. (In Russian).
3. Gorodnova, O. N. (2021) Verkhovenstvo printsipa spravedlivosti i problemy yego realizatsii v ugodovnom prave Rossii [The Supremacy of the Principle of Justice and Problems of Its Implementation in the Criminal Law of Russia]. *Vestnik RUK – Bulletin of the RUK*. No. 3 (45). Pp. 99–104. (In Russian).

4. Gorodnova, O. N. (2011) Sootnosheniye printspov spravedlivosti, ravenstva grazhdan pered zakonom i printspov differentsiatsii otvetstvennosti i individualizatsii nakazaniya [The Correlation of the Principles of Justice, Equality of Citizens before the Law and the Principles of Differentiation of Responsibility and Individualization of Punishment]. *Vestnik CHGU – Bulletin of ChSU*. No. 2. Pp. 99–104. (In Russian).
5. Dunmey, P., Minsyuan', G. (2018) Sravnitel'nyy analiz printspov ugovalnogo prava Kitaya i Rossii [Comparative Analysis of the Principles of Criminal Law in China and Russia]. *Pravo Rossii – Lex Russia*. No. 12. Pp. 119–135. (In Russian).
6. Dyadyun, K. V. (2015) Printsipy ravenstva grazhdan pered zakonom, spravedlivosti i gumanizma: ponyatiye i sushchnost' v ugovolnom prave [Principles of Equality of Citizens before the Law, Justice and Humanism: Concept and Essence in Criminal Law]. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No. 2 (40). Pp. 156–169. (In Russian).
7. Dyadyun, K. V. (2015) Printsipy gumanizma i spravedlivosti v svete naznacheniya nakazaniya za retsidiv prestupleniy [Principles of Humanism and Justice in Light of Punishment for Recidivism]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – All-Russian Criminological Journal*. No. 4. Pp. 724–734. (In Russian).
8. Dyadyun, K. V. (2011) Uchet printspov spravedlivosti i gumanizma pri naznachenii nakazaniya za retsidiv prestupleniy [Taking into account the principles of justice and humanism when sentencing for recidivism]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. No. 7 (175). Pp. 57–64. (In Russian).
9. Mamedova, F. F. (2020) Spravedlivost' v ugovolnom prave: sovremennoye sostoyaniye voprosa [Justice in criminal law: the current state of the issue]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki – Law. Journal of the Higher School of Economics*. No. 1. Pp. 148–169. (In Russian).
10. Molchanov, D. M. (2018) Printsip spravedlivosti i deystviye ugovalnogo zakona v prostranstve [The principle of justice and the action of criminal law in space]. *Vestnik Universiteta imeni O. Ye. Kutafina – Bulletin of the O. E. Kutafin University*. No. 12 (52). Pp. 95–105. (In Russian).
11. Pivovarova, A. A. (2018) Praktika naznacheniya ugovalnogo nakazaniya litsam, povtorno sovershivshim prestupleniya, s tochki zreniya obespecheniya resotsializatsii [The practice of imposing criminal punishment on repeat offenders from the point of view of ensuring resocialization]. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta – Legal Bulletin of Samara University*. No. 2. Pp. 41–47. (In Russian).
12. Sidorov, B. V. (2016) Printsip spravedlivosti: yego mesto v sisteme printspov i norm ugovalnogo prava i voprosy sovershenstvovaniya ugovalnogo prava [The principle of justice: its place in the system of principles and norms of criminal law and issues of improving criminal law]. *VEPS – VEPS*. No. 4. Pp. 99–105. (In Russian).
13. Sukhodolov, A. P., Marenko, V. A. (2018) Modelirovaniye prognoza retsidivnoy prestupnosti s primeneniye nechetkikh mnozhestv [Modeling the forecast of recidivism using fuzzy sets]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal – All-Russian Criminological Journal*. No. 1. Pp. 15–23. (In Russian).
14. Tikhonov, V. I. (2017) Printsip spravedlivosti v ugovolnom prave i yego sodержaniye [The principle of justice in criminal law and its content]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo» – Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law"*. No. 6. Pp. 145–150. (In Russian).

Об авторе

Шухалов Никита Андреевич, аспирант, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0009-0003-1487-7217, e-mail: shuhalov.miki@gmail.com

About the author

Nikita A. Shukhalov, Postgraduate student, Pushkin Leningrad State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ORCID ID: 0009-0003-1487-7217, e-mail: shuhalov.miki@gmail.com

*Поступила в редакцию: 16.01.2025
Принята к публикации: 20.02.2025
Опубликована: 31.03.2025*

*Received: 16 January 2025
Accepted: 20 February 2025
Published: 31 March 2025*

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «Ленинградский юридический журнал»

ПРИ ОТПРАВКЕ файла присваивается имя типа "Иванов_статья".

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- *научная статья / Original article* – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- *обзорная статья / Review* – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- *краткое сообщение / Short Communication* – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

2. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

3. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

4. Определите шифр ВАК согласно номенклатуре научных специальностей: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/uploader/loader?type=1&name=91506173002&f=7892>

5. DOI и EDN присваиваются редакцией после принятия статьи к публикации.

6. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты. **NB!** В заголовке на английском языке все знаменательные слова должны начинаться с прописной буквы. Служебные слова (артикли, союзы и предлоги меньше четырех букв) пишутся со строчной буквы. Не допускается написание заголовка на обоих языках исключительно прописными буквами. *Пример:* Notary's Role in the Procedure of Purchase and Sale Turnover of Residential Premises Under Russian and Syrian Legislation.
- **Аннотация** имеет следующую структуру:
В первом абзаце «Введение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) кратко обосновывается актуальность статьи. *Во втором абзаце* «Результаты» необходимо изложить 3–5 основных положений, раскрываемых в статье, например: 1. Проанализировано... 2. Рассмотрено... 3. Обосновано... Не допускается копирование фраз из основного текста статьи. *В третьем абзаце* «Заключение» (рекомендуемый объем 1–2 предложения) подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- Слова и словосочетания «Введение», «Результаты» и «Заключение» в аннотации не пишутся, в алгоритме приводятся для структурирования текста. Рекомендуемый объем аннотации – 500 знаков с пробелами.
- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 абзаца. Обосновывается актуальность исследования и формулируется современное состояние проблемы.
- **Результаты**
В тексте основного исследования **необходимо** сделать 3–5 тематических рубрик в зависимости от содержания статьи, например:
 1. Дискуссионность положений доказательственного права;
 2. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве;
 3. Этапы юридической квалификации;
 4. Стандарт доказывания.Слово "Результаты" в теле статьи набирается в том случае, если автор не имеет возможности использовать тематические рубрики.
- **Заключение.** Рекомендуемый объем 2–3 абзаца. Подводятся итоги и намечаются перспективы исследования.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. **NB!** НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). К каждому источнику необходимо указывать код EDN при его наличии (его можно узнать на странице публикации eLIBRARY.RU вверху страницы).

- **Информация об авторе.** После списка литературы необходимо указать следующие данные на русском и английском языках: ФИО (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название организации без указания организационно-правовой формы; город; страна; идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>); e-mail.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать личный вклад в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
00/00 %

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ со статьей, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Особенности написания сокращения «г.» (город) в тексте статьи и в сведениях об авторе

- Сокращение «г.» не указывается при упоминании трёх городов федерального значения: *Москва, Санкт-Петербург, Севастополь.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании иностранных городов и столиц: *Венеция, Париж, Берлин, Астана, Ташкент, Минск.*
- Сокращение «г.» не указывается при упоминании городов, в названии которых есть «-град», «-город», «-бург»: *Белгород, Калининград, Екатеринбург, Шлиссельбург.*
- Во всех остальных случаях сокращения «г.» рекомендуется указывать: *г. Вологда, г. Саранск, г. Краснодар, г. Новосибирск, г. Киров.*

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %. В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе «Авторам» на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/leningradskiy-yuridicheskij-zhurnal/avtoram-4>

Статья, оформленная в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляется в электронном виде на e-mail редакции: lenjurmag@lengu.ru

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

В журнале приняты следующие сокращения:

ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации.

АПК РФ – Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации.

БК РФ – Бюджетный кодекс Российской Федерации.

ГПК РФ – Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации.

ГрК РФ – Градостроительный кодекс Российской Федерации.

ЖК РФ – Жилищный кодекс Российской Федерации.

ЗК РФ – Земельный кодекс Российской Федерации.

КАС РФ – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации.

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях.

НК РФ – Налоговый кодекс Российской Федерации.

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации.

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации.

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации.

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации.

УПК РФ – Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации.

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации.

Государственные органы

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации

МВД России – Министерство внутренних дел Российской Федерации

ФНС России – Федеральная налоговая служба

научный журнал

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1 (79)
2025

Редактор **Т. Г. Захарова**
Технический редактор **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 31.03.2025. Формат 60х84 1/16.
Гарнитуры Oswald, Montserrat. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз (первый завод 50 экз.).
Заказ № 2018

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 470-56-74 <http://lengu.ru/>
e-mail: lenjurmag@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru